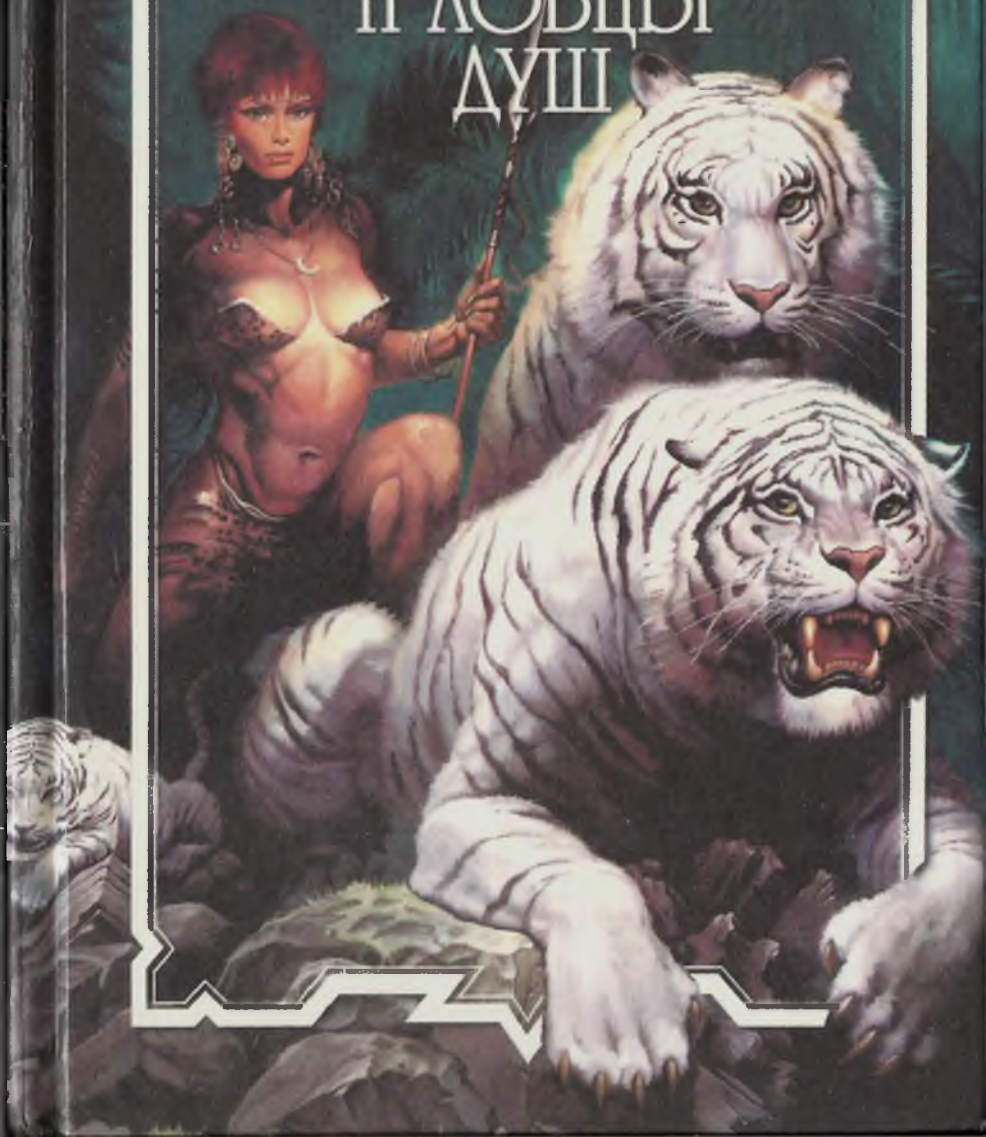

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ СОНЯ
И ЛОВЦЫ
ДУШ

САГА О РЫЖЕЙ СОНЕ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЕТЕР
БЕЗДНЫ

1

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЛАДЫКА
ПАДШИХ

2

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЦИТАДЕЛЬ
ПЕСКОВ

3

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ДЕМОН
СНОВ

4

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КОЛЬЦО
СУДЬБЫ

5

РЫЖАЯ
СОНЯ
И СЛЕПОЙ
БОГ

6

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЩЕЛЬЕ
СМЕРТИ

7

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КРОВЬ
ВЕДЬМЫ

8

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЛОВЦЫ
ДУШ

9

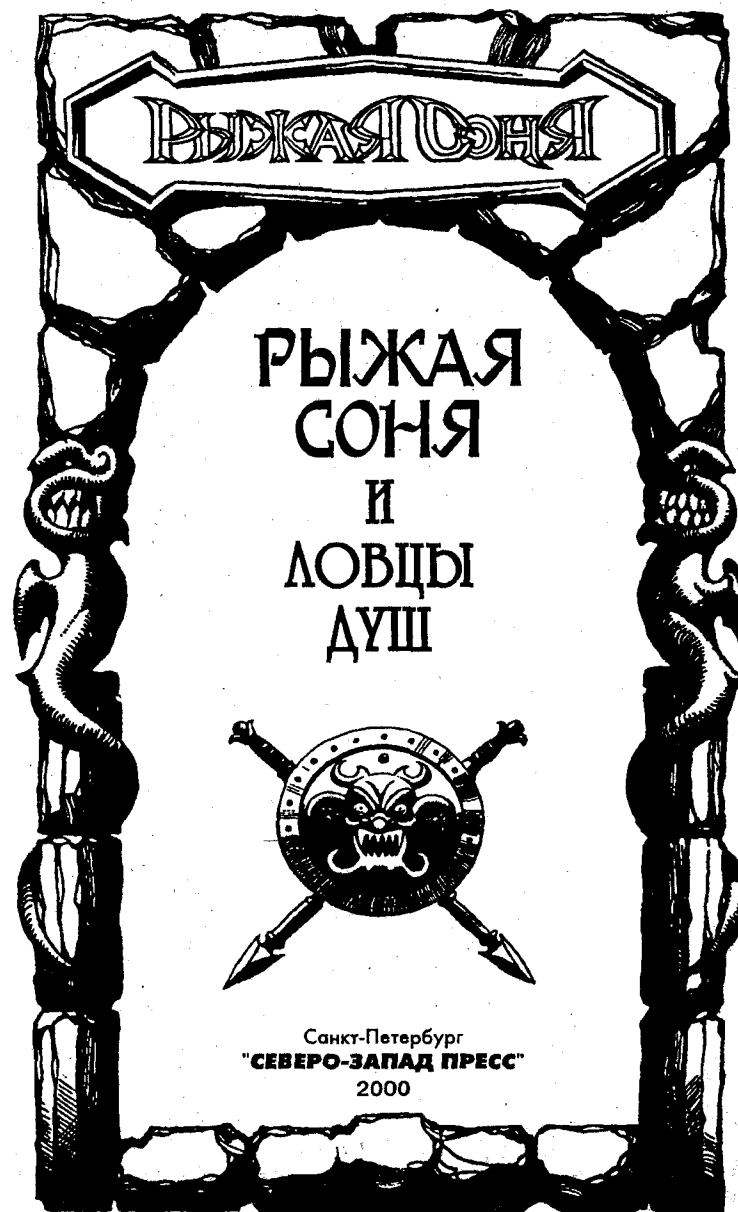
ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ !

Наш мир стремительно меняется: приходят и уходят правительства, наступают кризисы, создаются и распадаются издательства – но герои любимых сериалов всегда с Вами!

Теперь книги о **Конане-варваре**, короле **Кулле** и **Рыжей Соне** будет выпускать издательство **"Северо-Запад Пресс"**. Вас ждут встречи с новыми романами **Майкла Мэнсона**, **Олафа Локнита**, **Мориса Делеза**, **Кристофера Гранта**, **Натали О'Найт**, и многих других, кто писал о хайборийском мире! В ближайших томах Вы увидите переработанную и дополненную карту Хайбории, которую давно ждали наши читатели, новые выпуски **"Путеводителя"** и материалы ведущих специалистов по Хайбории. Со следующего тома мы начинаем публиковать новости **"Виртуального Конан-клуба"** – самую свежую информацию о новинках в сети **Интернет**, на сайтах, посвященных Вашим любимым героям. С 2000 года **"Северо-Запад Пресс"** открывает собственную страницу в Интернете, где Вы сможете узнать все новости и планы издательства, – надеемся, Вы станете ее частыми гостями!

Сменяются века и тысячелетия...

HYBORIA FOREVER !

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Р 93

*Серия основана в 1998 году.
Серийное оформление Дмитрия Вяземского.*

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее
части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

Р 93 Рыжая Соня и ловцы душ: Роман.— СПб.,
«Северо-Запад Пресс», 2000.— 512с.

ISBN 5-93698-002-2

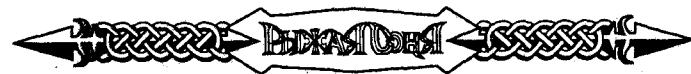
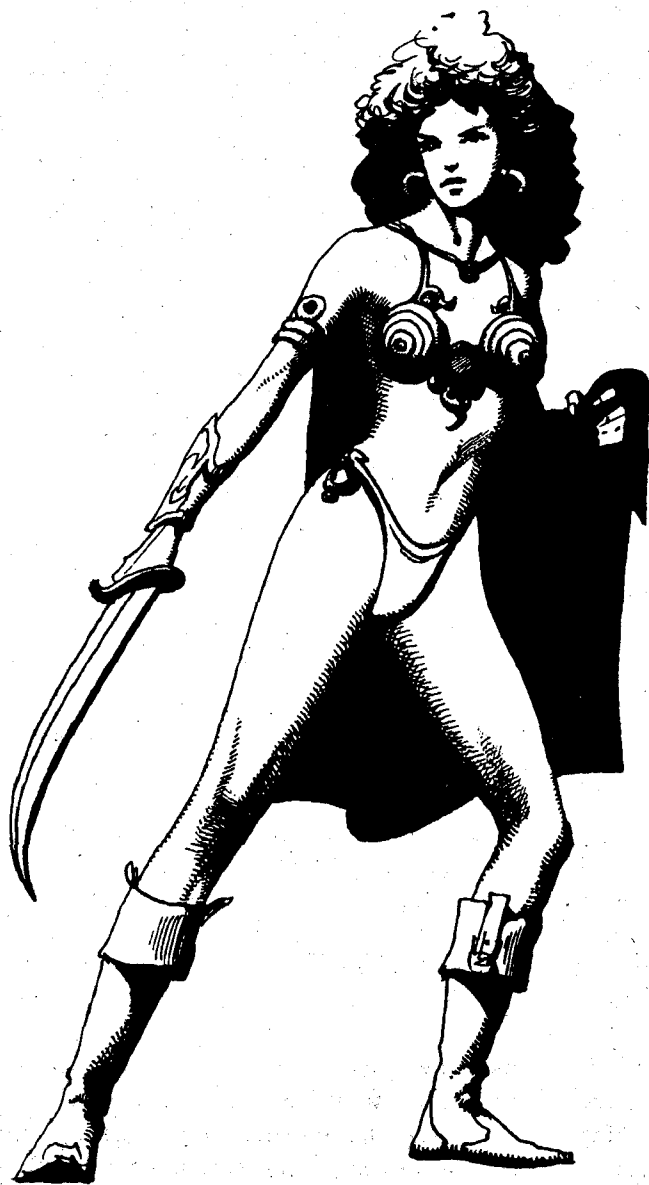
Г 8200000000

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Ken Kelly, обложка, 1994
© Д. Вяземский, серийное
оформление, 1999
© С.Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 1999

ISBN 5-93698-002-2

Часть первая

Руки перехватывали узлы, завязанные на веревке. Пальцы вора были крепкими, но гибкими, веревка — тонкой и прочной. Далеко внизу виднелись деревья, листья которых блестели от зарядившего еще с раннего утра дождя. Сейчас же, вечером, дождь превратился в мелкую морозящую водяную пыль. Ветер почти утих, но зато резко похолодало. На лбу вора из-за сильного напряжения проступили капли пота. Ноги прижимались к скользкой кирпичной стене, ища опоры и равновесия. Стоило ошибиться, сделать всего лишь одно неверное движение — и вора ждала неминуемая смерть. Он осторожно продвигался вниз, к перилам балкона.

Вскоре у вора возникло искушение дать отдых рукам, которые сводило судорогой. Он хотел сделать прыжок, преодолев таким образом последние несколько локтей, но потом передумал.

Наконец его ноги коснулись перил. Бесшумно спрыгнув на балкон, вор опустился на колени у

двери — теперь ему предстояло справиться с замком. Из кожаного мешка был извлечен набор инструментов. Механизм оказался достаточно надежным, и, чтобы открыть его, вору потребовалось несколько больше времени, чем он предполагал. Наконец замок поддался и щелкнул.

На память пришел план внутреннего расположения комнат. Три шага, потом поворот направо. Еще семь, поворот налево. Вниз вела винтовая лестница, богато украшенная резьбой. В нише под лестницей на мраморном пьедестале стояла бесценная древняя скульптура. Вора она не заинтересовала, и он медленно двинулся дальше, в хранилище манускриптов, где находился тайник — цель его ночного визита.

Вор, уверенный в том, что никто в столь позднее время сюда не явится, скинул низко надвинутый на глаза капюшон. Великолепные огненно-рыжие, цвета жаркого пламени волосы рассыпались по плечам и спине молодой женщины — высокой, изящной и грациозной. Правда, в данный момент поблизости не было никого, кто мог бы по заслугам оценить ее достоинства.

Внимательно оглядевшись, воровка дотронулась до корешка одной из книг и потянула ее к себе. Отлично. В стене открылся тщательно замаскированный тайник, полный драгоценных камней, — сверкающих бриллиантов и красных рубинов. Девушка перевела дыхание, несколько мгновений позволив себе полюбоваться игрой света в гранях, а затем начала осторожно перекладывать добычу в снятую с плеча небольшую сумку. «Хо-

рошая работа», — мысленно похвалила она себя за достойный улов и уже намеревалась пуститься в обратный путь по веревке, как вдруг дверь за ее спиной скрипнула.

Воровка резко обернулась. Так, сбежать она не успеет... Пригнувшись, девушка скользнула в пространство между полками и стеной, возможно, слишком узкое для человека чуть более внушительной комплекции. Повезло — ее не заметили. Впрочем, те, кто явился в хранилище, не заметили б ее даже в том случае, если бы Соня, так звали девушку, стояла прямо перед ними в полный рост. Захлопнув дверь, изнывающий от страсти молодой человек прижал свою спутницу спиной к стене и, шумно дыша, принялся срывать с нее одежду, одновременно покрывая поцелуями ее лицо и грудь. Вряд ли женщина имела что-либо против его действий, так как отвечала его ласкам ничуть не менее страстно, сквозь смех приговаривая:

— Гинмар, до чего же ты нетерпелив!..

— Сколько можно... терпеть. — Мужчина закрыл ее рот жадным поцелуем.

— Ты вообще-то способен... удержать штаны при виде какой-нибудь красотки?

— Ох, Велда, ровно столько же времени, сколько ты сумеешь не раздвигать ноги при виде мало-мальски привлекательного самца, — тут же парировал он, продолжая наступление.

Соне показалось, что глаза женщины гневно блеснули. Ее руки продолжали неистово блуждать по спине партнера, разрывая на нем сорочку

и безжалостно впиваясь в золотистую, влажную от пота кожу, оставляя на ней длинные красные полосы острыми, идеально ухоженными ногтями. Мужчина наконец освободился от одежды и овладел своей подругой, издав не то вопль, не то рычание. Та, протяжно протонав, выгнулась назад... Ну, этак они быстро закончат и, скорее всего, уберутся отсюда, подумала Соня. Она крепче прижала к себе сумку с украденными камнями, чувствуя, как от неудобной позы онемели все мышцы.

То, что произошло в следующий момент, вовсе не соответствовало ожидаемому финалу. Велда сделала какое-то почти незаметное плавное движение, и в ее руке блеснул нож, готовый по самую рукоять вонзиться в спину любовника — казалось, она выжидает, когда мужчина достигнет высшей точки наслаждения, чтобы затем...

Если бы Соня была обычной женщиной, то, скорее всего, ее парализовал бы ужас происходящего. Однако ей приходилось оказываться и в куда более опасных ситуациях.

Велда! Известная на весь Офир шлюха, услуги которой стоили весьма дорого. Но до сих пор никому бы и в голову не пришло, что она может быть настолько опасной. Что, если эта продажная тварь тоже, как и Соня, явилась сюда за камнями? Возможно, вполне возможно. И, разумеется, избрала гораздо более удобный для себя способ.

Зачем рисковать жизнью, поднимаясь по веревке на головокружительную высоту, если мож-

но войти, воспользовавшись дверью и приглашением хозяина дома...

Свидание тайное — вне всякого сомнения. Завтра Гинмар женится на туранской красавице Джилле. А камни, что сейчас перекочевали в сумку дерзкой воровки, опередившей Велду всего на несколько минут, — ее приданое.

Проклятие! Ограбить и убить — все-таки разные вещи.

Соня слегка пошевелилась, чтобы Велда поняла: они с Гинмаром здесь не одни. Он-то сам ничего ни услышать, ни понять был сейчас не в состоянии, а вот его подруга как раз наоборот. Взгляд убийцы из-за плеча отдавшего страсти мужчины заметался.

И тем не менее Велда не растерялась — она без сил опустилась на пол, а нож совершенно неумовимым образом исчез в складках ее одежды.

Поднять крик эта женщина, конечно же, никак не могла, ибо оказалась бы в незавидном положении. Кто бы здесь ни находился... и с какой бы целью... он вполне мог видеть и понять, что она намеревалась совершить. Слава богам, алчность отступила перед здравым смыслом. Гинмар наконец с громким воплем прижал Велду к себе еще крепче — и, тяжело дыша, в полном изнеможении замер.

А ведь этот миг должен был стать для него последним.

— Ведьма... что же ты делаешь со мной... — выдохнул он, вновь привлекая к себе женщину,

но та высвободилась из его объятий и начала поспешно одеваться.

— Ты с ума сошел... мы и так невероятно рискуем, Гинмар... Твоя невеста...— шептала она.

— Невеста! — Мужчина презрительно хмыкнул. — И ты веришь, что она мне так нужна? О боги! Если бы не мой отец, я бы в жизни не взглянул в ее сторону. Этот брак — всего лишь сделка, которая лично меня совершенно не привлекает, но... у меня просто нет другого выхода, Велда! О, не бросай меня, скажи, обещай, что мы будем встречаться и впредь...

— Да, о да, дорогой, конечно... а теперь выведи меня отсюда поскорее...

«Вот именно,— подумала Соня.— Она совершенно права. Чем скорее ты, "дорогой", сделаешь это, тем лучше... Для всех!»

Дождавшись, пока парочка покинет хранилище, она отсчитала пятьдесят ударов собственного сердца, которое билось на удивление ровно, и позволила себе выпрямиться, разминая затекшие ноги. Ей еще предстояло проделать весь путь назад.

Что касается украденных драгоценностей... Впрочем, тут проблем не должно было возникнуть. Правда, до сих пор такой богатой добычи у нее в руках еще никогда не бывало, и мысль об успехе наполняла сердце Сони торжеством. О боги, проникнуть во дворец самого Магистра Итана, украсть бесценные камни и благополучно унести ноги... Как жаль, что не с кем поделиться своим триумфом!

Вернувшись в крошечную комнату, которую Соне за умеренную плату предоставляла пожилая вдова, весьма довольная тем, что тихая вежливая молодая особа скрашивает своим присутствием ее одиночество, девушка вытянулась на узкой постели, закинув руки за голову. Какая поднимется буря, когда пропажа будет обнаружена... Интересно, на кого падет подозрение? Впрочем, свадьбе это вряд ли помешает. Отпрыск и единственный наследник Итана благополучно сочетается законным браком с дочерью приближенного властителя Турана, и, скорее всего, не изменит свою бурную жизнь. Соня хмыкнула. Что взять с распущенного юнца! Самого Гинмара ей довелось увидеть так близко впервые, зато наслышана о нем была давно. Тщательно продумывая дерзкий план похищения камней, она навела подробнейшие справки об этом семействе, а не только о расположении помещений внутри дома. Сын Магистра, державшего в страхе половину Офира, отличался совершенно необузданным нравом. Странно, подумала Соня, что женщины находят его красивым. Чего стоит одна только манера почти наголо брить голову, воображая, что это придает ему свирепый вид. Правда, тело у него гибкое и мощное... Ну, да она видала мужчин куда более сильных. И ростом повыше. С чего, кстати, она вообще взялась о нем думать?.. Говорят, у него был брат. Орт, кажется. Вот тот действительно был достойным наследником Итана, нажившего себе состояние магией. Двухметровый гигант с безупречными манерами, воин, не знавший себе рав-

ных в поединках, законная гордость отца. О гибели Орта ходило множество разнообразных слухов, противоречивших друг другу, но истинной причины никто назвать так и не смог. Так или иначе, погиб он не в бою. И Гинмар, таким образом, стал единственным наследником. Внебрачному сыну Магистра от какой-то служанки не было тогда и четырнадцати лет. Мальчишку отыскиали, отмыли от въевшейся во все поры грязи, переодели и представили пред ясны очи его родителя. Оглядев свое творение, Итан спросил:

— Ты знаешь, кто я?

— А как же,— сказал Гинмар, бесстрашно глядя на Магистра,— моя матушка до сих пор не может тебя забыть. Именно благодаря тебе у нее растет такой замечательный сын.

Итан с сомнением покачал головой. Так вот кого боги послали ему взамен Орта! Тем не менее он распорядился, чтобы воспитанием наследника занялись как следует. Гинмар оказался на редкость сообразительным юношей с острым живым умом, однако упрямым и своевольным; он вовсе не расценивал появление в своей жизни отца как подарок судьбы и не мог простить Магистру, что тот так долго не вспоминал о его существовании, вынуждая их с матерью жить в нищете. Жизнь в золотой клетке оказалась не по нему. Узнав о том, что наследник отчаянно сопротивляется всем благим начинаниям, касающимся его судьбы, Итан распорядился в случае неповиновения наказывать Гинмара достаточно жестко. В результате ревностные наставники спустили с мальчишки семь

шкур, но это его не образумило. А когда ему окончательно надоело подобное обращение, юнец просто сбежал. Магистр послал своих людей на поиски, вскоре увенчавшиеся успехом, но, возвратившись, молодой бунтарь и не подумал проявить кротость и благоразумие. Напротив, когда его в очередной раз попытались подвергнуть унижительному и жестокому наказанию, он вырвался из рук своих мучителей и принялся метаться по всему дворцу, как загнанный зверь. Отчаяние и ярость гнали его вперед; чувствуя за спиной тяжелое дыхание преследователей, Гинмар бросился в ту часть дворца, где находился зверинец Итана. Юноша открыл дверь клетки, в которой обитала тигрица с выводком тигрят, прыгнул туда и уселся на пол, переводя дух, скаля в торжествующей ухмылке белые зубы и корча страшные рожи преследователям.

— Здесь вы меня не возьмете,— заявил он уверенно.— Ну, кто тут самый смелый?

Люди, ожидавшие, что тигрица немедленно разорвет вторгнувшегося на ее территорию безумца, открыв рты, наблюдали, как огромная кошка, стряхнув с себя детенышей, подошла к Гинмару, придирчиво обнюхала его и как ни в чем не бывало вернулась на место, не проявив к человеку никакого интереса.

— Вот так! — сказал Гинмар.— Надеялись, что она меня сожрет? Кошки — не люди, кое у кого из них есть душа.

Через некоторое время он отполз в угол клетки и тут же заснул.

Пришлось послать за Магистром. Убедившись, что слуги не лгут и не сошли с ума, Итан позвал сына:

— Иди сюда.

— Ни за что.— Гинмар, пробудившись от звука отцовского голоса, глядел на Итана сузившимися от ненависти серо-зелеными глазами.— Попробуй сам войти и вывести меня отсюда.

Магистр сделал шаг вперед; тигрица бросилась на прутья клетки с такой яростью, как если бы Итан покусился на ее детенышей.

— Этот мальчишка сведет меня с ума. Гинмар.— Магистр прижал руку к сердцу.— Клянусь, больше никто в этом доме не тронет тебя и пальцем.

— Клянешься? — переспросил Гинмар задумчиво.— Ну что ж...— Он приблизился к тигрице и положил руку ей на голову; огромная кошка потерлась об нее мордой с силой, способной свалить с ног человека куда более мощного телосложения, но юноша удержал равновесие.— Румма, успокойся. Мне, пожалуй, будет интересно узнать, чего стоит клятва Магистра.

Итан сдержал обещание: после этого случая с его сыном никогда не обращались так, чтобы его достоинство пострадало хоть в малейшей степени.

Впрочем, зверинец остался для Гинмара самым привлекательным местом во дворце. Он являлся туда, когда хотел, и возился с хищниками так, словно это были обычные кошки. Он любил их, они — его, и это было единственным объяснением, которое Гинмар предъявлял в ответ на из-

умленные вопросы по поводу его власти над животными. Даже Итан, знаменитый маг, не обладал подобным даром. Самым же странным было то, что Гинмар никогда прежде до своего появления в зверинце не видел таких животных вблизи.

Точно так же, как тигры, пантеры и львы, к нему относилась всякая тварь, будь то кролик, птица, медведь или змея. Гинмар вел себя с ними как друг и властелин. Но больших хищных кошек все-таки предпочитал всему остальному зверью и, случалось, даже засыпал в обнимку с ними. Если, конечно, рядом не оказывалось женщины, с которой он мог разделить постель. Правда, отношения с женщинами у него далеко не всегда складывались столь же идеально, как с пантерами, но Гинмара это нисколько не смущало.

Между тем с момента появления в доме Магистра наследника прошло десять лет. Сейчас воспитанием Гинмара занимался кхитаец по имени Ёно Ран, о возрасте которого никто не мог бы сказать ничего определенного. Этот маленький, сморщенный, словно высушенный, человечек с непроницаемым выражением узких иссиня-черных, как полночь, глаз слыл мудрецом, а колдовской силой мог сравниться с самим Магистром. Главное же, он сразу сумел найти общий язык со своевольным юношей и обучил его столь многому, что даже трети этого не удалось вдолбить в упрямую голову наследника десятку учителей. Впрочем, результатов этих трудов Офир пока не имел счастья (или несчастья) созерцать. Гинмар как был уличным мальчишкой, так и остался

отменным разгильдяем, скандалистом и повесой, обожавшим носиться по городу в компании своих приятелей, устраивая бесчинства во всякого рода питейных заведениях и приставая к девицам.

Разумеется, имя Гинмара было окружено массой слухов и домыслов. Им восхищались. Его ненавидели. Ему завидовали и желали счастья. И никто до конца не понимал, что же собой представляет этот человек на самом деле.

Все это было Соне известно. Надо признать, в чем-то Гинмар был близок ее натуре. Наверное, поэтому она помешала Велде убить его. Хотя живая легенда на поверку оказалась всего-навсего не особенно примечательным молодым мужчиной. Никакой тайны. Никакой магии.

Вообще ничего, достойного интереса.

Ладно, сказала себе Соня, довольно воспоминаний. Сделала свое дело — и пора сматываться. Офир как стоял до ее появления здесь, так и будет стоять, а чужая жизнь ее не касается. В конце концов, ее ждут дела поважнее. Сбыть с рук камни, вот что сейчас главное. Только сначала выпастись как следует, чтобы мыслить ясно, а не прокручивать без конца в памяти ночное приключение.

Но сон не шел. Наверное, она слишком устала.

Исполнитель Желаний — так называли Итана, Магистра колдовского ковена, состоявшего из двенадцати членов. И называли не зря. Колдун славился способностью осуществить самую честолобивую мечту того, у кого хватало смелости обратиться к нему. Человек мог внезапно сделаться

невероятно удачливым игроком или непобедимым воином. Богатство и власть сами шли в руки тем, кто прибегал к услугам колдуна, вот только Итан требовал слишком высокой платы. Он определял срок жизни, отмерял время, которое оставалось человеку прожить на земле. Пять лет. Десять. Год.

Иногда жизнь обрывалась спустя несколько месяцев. Тем не менее всегда находились люди, готовые пойти на это, отказываясь от безрадостного существования в пользу ярко прожитых дней. И к тому же без опасения быть убитыми или умереть раньше, чем истечет установленный Итаном срок.

Но в день, указанный Магистром как последний, человек обязан был явиться в Риатеос и именно там окончить свой земной путь. Каким именно образом — об этом никто не знал. Ибо, разумеется, оттуда не возвращались.

Вспомнив об этом, Соня невольно содрогнулась. Нет уж. Лучше достичь желаемого собственными силами и понятия не иметь о том, когда твоей жизни будет суждено прерваться. Итан дает все, но отнимает главное — надежду. Когда она, Соня, ночью поднималась по веревке, у нее не было полной уверенности в успехе, но что за жизнь, которая начисто лишена риска? Покупать удачу? Что за нелепая мысль! Она не только не поползла за помощью к Магистру, а наоборот, бросила ему вызов, проникнув в Риатеос и ограбив его. Без всяких там заклятий. А вот сам Итан не смог уберечь старшего сына от гибели. И спра-

виться со своеволием младшего тоже оказался не способен. И это он считает властью? Губы девушки искривились в презрительной усмешке. Ей удалось найти общий язык с одним из слуг и раздобыть план внутренних помещений Риатеоса. Конечно, подготовка потребовала времени и умения шевелить мозгами. И еще — терпеливо дожидаться подходящего момента для задуманного действия. Она выбрала самое удачное время. После завтрашней церемонии камни оказались бы в куда лучше охраняемом месте, нежели тот тайник в стене — наверняка, в сокровищнице Магистра. Вряд ли туда проберешься. Хотя, если подумать...

Соня наконец окончательно поняла, что заснуть не удастся. Раз так, нечего зря тратить время. Легко оторвав голову от подушки, она не удержалась от искушения еще раз взглянуть на свою добычу. Задумчиво перебирая камни, Соня восхищалась их совершенной красотой и искусной огранкой.

Незавидная все-таки судьба чаще всего выпадает женщинам в Хайбории. Прекрасный цветок Турана, Джилла, шестнадцатилетняя красавица, в результате сделки между двумя родами отдана в жены человеку, не способному оценить ее по достоинству. Когда Джилла прибыла в Офир, вся столица бросилась к главным воротам, чтобы хоть краем глаза увидеть девушку, о которой так много говорили. И она не обманула самых смелых ожиданий. Чего же еще нужно этому самолюбленному дураку?! Гнев на Гинмара охватил

Соню. «Ты думаешь, она мне нужна?» Конечно, Велда куда больше ему подходит. Гинмар — просто свинья, которая обожает валяться в грязи и ищет пару себе под стать. Что ему делать в постели с неопытной девушкой?

Все-таки какое счастье, что она, Соня, принадлежит только самой себе, и ее нельзя ни продать, ни купить, ни сделать частью договора. И она не зависит ни от одного мужчины на свете. И не будет зависеть. Никогда!

Девушка тщательно расчесала волосы — предмет своей особой гордости и заботы — и уложила их простым узлом. Потом полюбовалась своим отражением в маленьком зеркале.

«Я не вещь,— сказала она себе.— И я свободна от любых обязательств, кроме тех, которые сама для себя определила».

Соня бросила взгляд на небрежно рассыпанные на крошечном деревянном столике рубины и принялась укладывать их назад в кожаную сумку. Один из камней показался ей странно теплым на ощупь. Задержав его в ладони, она прислушалась к своим ощущениям. Да, теплый, точно живой, как струящаяся в жилах кровь.

Игра воображения. Забавно... Камень отправился вслед за остальными.

* * *

— Ну кто, кто, во имя демонов, мог совершить подобное святотатство?! — Магистр в ярости мерил шагами комнату, и его лицо сейчас казалось воплощением гнева.

— По-моему, самая обычная кража.— Гинмар безразлично пожал плечами.— Дерзкая, признаю, однако ничего сверхъестественного. Пришли, взяли и ушли. Не вижу причины так сильно волноваться. Обидно, конечно, что кто-то увел камушки у нас из-под носа, но, честное слово, отец, до полного разорения тебе еще слишком далеко. А если не хочешь позориться и выставять себя всеобщим посмешищем перед народом, лучше вообще не поднимать шума. Маг, который не смог защитить свое имущество от воров!..

— Кто-то был прошедшей ночью в хранилище,— задумчиво проговорил Итан, игнорируя циничный тон сына.

— Естественно. Рубины сами ходить не умеют и по воздуху летать тоже. А жаль, занятное было бы зрелище.

— Я не имею в виду чужого, Гинмар.

Юноша спокойно выдержал взгляд Магистра.

— Полагаешь, кто-то из слуг? Да каждый из них трясется за свое место и никогда не решился бы... Конечно, в доме полно приглашенных на этот дурацкий фарс, который ты именуешь свадьбой. Подозревать можно кого угодно. А проще — всех подряд.

— Я именую?... Послушай, Гинмар, мне не нравится твое отношение...

— ...к супружеским обетам, ты хочешь сказать? Что поделать. Яблоко от яблони недалеко падает. Ты тоже не был образцовым мужем, я — тому живой пример.

— Джилла — само совершенство, наглец!

— Может быть. Охотно верю, что эта туранская жемчужина действительно прекрасна. Но она — не мой выбор.

— Твой выбор? Уж мне-то известен твой «тонкий» вкус. Ты как обезьяна, которой вообще все равно, с кем совокупляться!

— И ты полагаешь, что Джилле удастся удержать меня на цепи? Хочешь знать, кто побывал прошлой ночью в хранилище манускриптов? Я был там, вместе с одной женщиной — сладкой, как зрелый плод, желанной, как далекая звезда, и доступной, точно... Впрочем, неважно. Уж не знаю, находились ли еще там камни или нет — мы их не касались, ибо нам было вполне достаточно друг друг.

Гинмар усмехнулся:

— Так ради искупления каких грехов я в двадцать пять лет должен связывать себя брачными узами? Тем более с Джиллой! Да, она очень красива и, конечно же, безукоризненно воспитана, но в ней нет ни огня, ни ума — да она и двух слов внятно не свяжет, а чувствовать это дитя вообще не способно! Я до конца дней своих благодарил бы небеса, если бы ты переменил решение и отослал туранку назад, хотя прекрасно понимаю, что Исполнитель Желаний может воплотить чью угодно мечту, кроме моей.

— И своей собственной — иметь покорного и благоразумного сына,— вздохнул Итан.— Прекратим этот разговор. Я устал объяснять, чем продиктовано мое решение. Мы не свободны — Риатеос диктует свои условия. Ты должен подарить

ему наследников. Иначе мы рискуем навлечь на Ианту неисчислимые бедствия.

— Я помню об этом.— Гинмар тяжело вздохнул.

— И прошу тебя, не будь жесток с Джиллой. Она заслуживает любви и достойного обращения.

— Я ненавижу бессмысленную жестокость, отец. Как бы там ни было, я не заставляю ее страдать.

— Подойди ко мне,— велел Магистр.

Гинмар приблизился. Итан пристально рассматривал своего сына. Сходства почти нет, разве что разрез глаз и линия рта... Магистр обнял его. Юноша замер — никогда прежде его отец не позволял себе подобных проявлений чувств.

— Я люблю тебя,— сказал Итан.— Надеюсь, рано или поздно ты научишься мне доверять. Теперь иди и постарайся достойно выглядеть на собственной свадьбе. Поверь, брак — это не самое худшее, что может случиться с человеком.

* * *

Церемония прошла блестяще, хотя и была, по офирским представлениям, довольно скромной. Она состоялась в стенах Риатеоса в кругу многочисленных, но отнюдь не случайных гостей. При виде юной невесты захватывало дух даже у древних старцев — подобная красота не часто появляется на земле. И Гинмар рядом с нею смотрелся весьма неплохо. Вот только при всем старании выглядеть счастливым тень задумчивости не сходила с его лица. И дело тут было не столько в

утраченной свободе: он хорошо понимал, что формальность мало что для него значит. Ему никак не удавалось выбросить из головы одно видение. В день, когда Джилла в сопровождении многочисленной свиты прибыла в Ианту, Гинмар заметил в толпе горожан девушку. Огненные волосы красавицы отливали медью, а в больших серых глазах светилось холодное пламя. Он видел девушку впервые и придержал коня, чтобы лучше разглядеть незнакомку, но она исчезла так же внезапно, как и появилась. Кто она? Откуда? Как попала в Ианту? Этого наследник Риатеоса не знал. Однако образ необыкновенной незнакомки продолжал его преследовать. Гинмар многое отдал бы за то, чтобы выяснить, кто эта девушка. Даже сейчас мысли о ней скрашивали весьма скучную, с его точки зрения, церемонию...

...и не менее скучную первую брачную ночь. Воспитанная в традициях полного подчинения женщины мужу, Джилла лежала в постели, покорно вытянувшись и закрыв глаза. Стиснув зубы она ожидала, пока Гинмар выполнит все, что полагается делать мужчине,— жертвенное животное за минуту до заклания!

— Эй,— тронул ее за плечо Гинмар,— посмотри на меня! Говорят, будто я не так безобразен, чтобы от одного моего вида девушки теряли сознание, словно при виде крысы или паука. К тому же я твой муж, нравится тебе это или нет, поэтому тебе придется...

— Да, господин, я готова,— прошептала новобрачная.

— ...привыкнуть к моему облику,— бесстрастно закончил Гинмар свою мысль.— Вижу, ты не пылаешь ко мне страстью. Это совершенно естественно. Мы ведь почти незнакомы. Может быть, в Туране остался кто-то, в чьих объятиях ты оказалась бы куда более охотно, чем в моих?

— Я девственница, господин,— слабо возразила она.

— Ты не поверишь, малютка, но это обстоятельство меня совершенно не волнует. Сам я стал мужчиной в десять лет — этому поспособствовала сорокалетняя дама, у которой я был на побегушках. С тех пор у меня было много женщин. Всех не упомнишь. Но каждая была... единственной. Словно она только что родилась — для меня. Понимаешь?... Вряд ли. Суть в том, что мне безразлично прошлое, а важно лишь то, что происходит сейчас. В эту минуту, здесь, со мной. Я достаточно опытен, чтобы усвоить простую вещь: шлюха может быть чиста как младенец, если ею движет любовь, а девственница порочна как смертный грех, если продает себя, насилуя собственную душу. Я безумно надоел тебе со своими скучными нравоучениями, не правда ли, моя маленькая Джилла?

— Нет, господин.

— Пепел всех преисподних! — Гинмар сверкнул глазами.— Господин! Ненавижу власть! Незаконнорожденный оборвыш, я вырос в канаве, а не во дворце, умирал с голоду, но мне принадлежал весь мир... и я был счастлив тогда. А ты презираешь меня, потому что твои родители продали

тебя мне.— Наследник Риатеоса улыбнулся, горько и неожиданно нежно, и, заметив, что на ресницах Джиллы блеснули слезы, погладил ее по щеке.— Не плачь, глупышка, я не трону тебя.— Он поднялся с края постели.— Спи. День был тяжелый.

— Ты хочешь уйти, гос...— Она осеклась.

— Гинмар. Меня зовут Гинмаром. Не так трудно запомнить. И я на самом деле собираюсь уйти, потому что не желаю издеваться над тобой, заставляя спать в одной постели с мужчиной, не вызывающим у тебя никаких чувств, кроме ужаса и отвращения. Со временем, когда ты привыкнешь ко мне... будет значительно проще. Ты что, опять плачешь? Любите же вы, женщины, разводить излишнюю сырость!..

Джилла отвернулась, со стоном уткнув в подушку заплаканное личико. Ее губы слабо шевельнулись.

— Позор! — Разобрал Гинмар стон туранки.— Какой позор... Лучше бы ты убил меня...

От изумления его брови поползли вверх, но через мгновение молодой муж едва не расхохотался.

— Понял! Боги мои, понял...— Гинмар вытащил из ножен короткий кинжал.— Успокойся, малютка. Я сейчас исправлю досадную неприятность, которая так тебя угнетает.— Он полоснул лезвием по своей ладони и немного подождал, наблюдая, как капли крови быстро сбегает на белоснежную простыню, пятная ее алым.— Вот так. Надеюсь, ты умеешь хранить супружеские тайны?..

...На рассвете старый учитель Ёно Ран нашел своего воспитанника в клетке тигрицы Руммы, дочери той тигрицы, к которой Гинмар когда-то примчался за помощью. Наследник Риатеоса сладко спал, раскинувшись на охапке соломы, а полосатая кошка нежно вылизывала его ладонь; второй рукой юноша обнимал доверчиво прижавшегося к нему тигренка.

Старый кхитаец только вздохнул и сокрушенно покачал головой.

* * *

— Ну? Принесла? — Малорослый, но крепкий и жилистый человек с низким лбом и сильно выступающей вперед нижней челюстью нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Вообще-то, я привыкла вести дела с Тауром, — с сомнением произнесла Соня.

— Отлично, дорогуша. Пожалуйста! Городская тюрьма спит и видит, когда ты явишься туда сама, ведь Таур нынче отдыхает именно там.

— Мне это известно.

— Неужели? Тогда долго ли ты намерена морочить мне голову? Покажи товар.

— Покажи деньги.

— Здесь условия ставишь не ты!

Девушка пожала плечами и сделала вид, будто собирается уходить.

— Ишь, какая нежная, — злобно прошипел низкорослый. — С деньгами все без обмана. На, смотри!

Соня бросила взгляд на тускло блеснувшее золото монет.

— Так-то лучше. Надеюсь, они не фальшивые.

— Надеюсь, ты принесла камни, а не стекляшки.

— Проверь, если знаешь в этом толк. — В руку мужчины скользнул крупный рубин.

— А остальные? — спросил скупщик, внимательно осмотрев камень. — Речь шла о...

— Я знаю, о чем шла речь. И за какую сумму.

— Разумеется. Ты получишь ее всю — за вычетом процентов.

— Каких еще процентов? — нахмурилась Соня.

— За труды. За риск. Ты что, маленькая? Должна понимать, что я рискую головой из-за таких, как ты.

— А я, выходит, собираю рубины, как булыжники на дороге? Мы не договаривались ни о каких скидках, так что либо все деньги, либо...

Скупщик схватил девушку за руку и резко вывернул кисть.

— Выкладывай камни, дрянь, или я тебе миглом все пальчики переломаяю!

Соня задохнулась от боли, но извернулась и саданула мерзавцу коленом в пах. Да, не следовало связываться с недостаточно хорошо проверенным человеком! Скупщик взвыл и грязно выругался. Соня не думала уступать, даже когда кулак врезался ей в скулу, едва не свернув челюсть. Подобные вещи обычно приводили ее в бешенство, но отнюдь не запугивали и не лишали воли. Не желая расстаться с таким трудом добытыми драгоценностями, девушка сражалась отчаянно и неистово, но силы явно были не равны...

— Что здесь происходит?

Чьи-то руки оторвали от нее пыхтящего в азарте схватки негодяя и отшвырнули в сторону; тот, не дожидаясь продолжения, моментально оценил обстановку и, предпочитая не рисковать, растворился в темноте. Соня отлично понимала, что ей необходимо последовать его примеру и броситься в противоположном направлении, но увы... те же крепкие руки теперь держали ее самое, помогая подняться.

— Благодарю,— пролепетала девушка, разыгрывая наиболее подходящую, как она решила, к случаю роль,— ты спас... мою честь! Этот незнакомец напал на меня и хотел изнасиловать, но ты подоспел вовремя. Теперь все в порядке, и я...

— Ты уверена? — с тревогой спросил незванный «спаситель». Его голос показался Соне странно знакомым.

— Вполне,— кивнула она, стараясь побыстрее от него избавиться, и наконец подняла глаза. О боги! Она едва не вскрикнула от изумления!

— Ты?... — спросил мужчина, ошарашенно хлопая глазами.

— Я тебя не знаю! — изображая искреннее удивление, воскликнула девушка.

Она, разумеется, лгала. Потому что перед нею стоял Гинмар собственной персоной. Однако в том, что он не имеет понятия о ее существовании, девушка до сих пор не сомневалась.

— Я тебя тоже,— кивнул мужчина.— То есть, видишь ли, красotka, мне кажется, что один раз я тебя видел. Правда, издали. Но запомнил —

у меня хорошая память на лица. Особенно такие... необыкновенные, как твое. Да и твою рыжую гриву, раз увидев, тоже забыть невозможно. И я очень хотел... надеялся еще раз повстречаться с тобой.

— Зачем, позволь спросить? — Соня снова уставилась в землю, чтобы он не заметил озорных искорок в ее глазах. Случится же такое: она стоит рядом с человеком, собственность которого приятно согревает карман, а он об этом и не подозревает! На языке вертелось множество язвительных слов, которые так и просились на волю...

— Зачем? — Гинмар пожал плечами.— Право, не знаю. Ты поразила меня.

— Да ну? Ладно, будем считать, что насчет первого впечатления мы все выяснили. А теперь пусти меня. Мне нужно домой, и как можно быстрее. Уже слишком поздно.

— Верно. Слишком поздно для одиноких прогулок в таком месте, как это обиталище скупщиков краденого и контрабандистов. Особенно это касается очаровательных молодых девиц. Поэтому позволь мне проводить тебя.

— А как я могу быть уверена, что ты сам... не один из этих ужасных людей? — Соня наивно округлила глаза.— И пусти мою руку, синяк останется. У тебя пальцы, как... как...

— Извини. Синяков у тебя и так хватает. А что касается меня, тут ты права. Я именно один из них. Я вырос в этом квартале и знаю здесь каждую щель. Могу ходить даже с завязанными

глазами.— В его голосе прозвучали грусть и в то же время какое-то мальчишеское хвастовство.— А вот ты, без всякого сомнения, нуждаешься в провожатых. Поэтому прошу, не пытайся удрать. Это бесполезно — я догоню тебя в любом случае — и к тому же опасно: можно натолкнуться на других желающих пообщаться с тобой против твоей воли. Кстати, как тебя зовут?

— Соня,— отозвалась девушка.

— Прекрасное имя. Простое и красивое. Пойдем со мной, Соня. У меня есть в этом квартале одно дело, которое не терпит отлагательства. А потом я доведу тебя до дома. Родители с ума сойдут, наверное?

— Мои родители погибли... уже давно,— сказала Соня.

— Извини. Мне очень жаль,— искренне проговорил Гинмар, настойчиво увлекая ее за собой.

Девушка почла за лучшее повиноваться, правда, не переставая размышлять о возможных путях отступления. Попетляв по узким кривым улочкам, они очутились в грязной конуре с земляным полом. От спертого воздуха ей сразу стало трудно дышать.

— Постой здесь,— велел Гинмар, оставляя ее возле самой двери, такой низкой, что, входя, Соне пришлось пригнуться.— Еще раз прошу не делать глупостей и не убегать.

— Гинмар? Кто это с тобой? — услышала она испуганный детский голос.

— Не бойся, Лори, здесь все свои. Ты посылал за мной? Что случилось?

— Отца ударила копытом лошадь, когда он собирал милостыню возле базара. Отец умирает! Помоги нам, Гинмар! — Из мрака выступил худенький мальчик лет двенадцати, державший за руку еще одного ребенка, помладше. Гинмар потрепал его по волосам и улыбнулся.

— Не бойся,— повторил он.— Я посмотрю, что можно сделать.

Хриплый стон из противоположного угла конуры заставил Соню повернуться туда, где на куче грязных тряпок, заменяющих постель, лежал человек. Было видно, что он сильно страдал от боли, но находился в сознании.

Гинмар склонился над ним.

— Что это ты задумал, старина? Бросить на произвол судьбы Лори и Зарха, а самому отправиться на Серые Равнины?

— Я им только в тягость... С тех пор как остался без ног... я все равно мало что могу.

— Ошибаешься. Ты можешь любить их, Хабир, и это главное. Детям нужно, чтобы их кто-то любил. У тебя нет ног, зато есть сердце. Чаще всего бывает наоборот. А теперь лежи тихо. Закрой глаза.

Соня видела, как Гинмар лег рядом с умирающим и обнял его.

Спустя несколько минут, показавшихся Соне бесконечно долгими, дыхание нищего сделалось ровным и тихим; оно уже не вырывалось из груди со страшным хрипом, как раньше. Гинмар расцепил руки и поднялся. Даже в полумраке было заметно, что по его лицу разлилась смертельная бледность.

— Теперь все в порядке, Лори. Опасности больше нет. Думаю, ваш отец всех нас переживет. И еще... Чтобы я вас троих в этой поганой дыре больше не видел. Держи деньги. Найди более приличное жилье, понял? И купи побольше еды, но только не вздумай слопать все сразу, договорились? Если что... случится... ты знаешь, как мне сообщить.

Мальчик кивнул. Гинмар опять взял Соню за руку и повел за собой.

— Так ты — Гинмар? — спросила она. — Тот самый, сын Магистра? — Девушка чувствовала себя очень неловко из-за того, что была вынуждена поддерживать свою игру.

— Это имеет значение?

— Что — «это»?

— Чей я сын. То есть кто именно слегка потрудился в постели ради того, чтобы я появился на свет: Магистр, вор, король или пьяный матрос?

— Да я просто так спросила. Что ты злишься?

— Просто устал...

— Что ты сделал с тем стариком? Ну, там... в том доме?

— Ничего. Пожалуй, единственная светлая сторона моего происхождения — это сила отца, которую я унаследовал. Я, видишь ли, отчасти колдун. Сюда знахари не заходят — им никто не может заплатить за услуги.

— А еще одна светлая сторона — это деньги Магистра. Можно позволить себе быть добрым, — вырвалось у Сони.

Гинмар повернулся к ней, взял за плечи и встряхнул.

— Если бы у меня не было этих денег, я все равно занимался бы тем же самым! Когда не было другого выхода, я воровал, чтобы содержать мою мать и себя. А вот для кого воруете вы?!

— Я?! С чего это ты решил...

— Нечего делать из меня идиота! Можно подумать, я не знаю, кто тот тип, с которым ты сцепилась. Каф — скупщик краденого, а не насильник, напавший на тебя из-за угла. На редкость подлая тварь, но ему нет дела до женщин. С кем ты была связана раньше? Постой-ка, я сам соображу. Наверное, с Тауром? Он все-таки более честен при сделках, а Каф — мерзавец, каких мало. Много он у тебя отнял?

— Ничего он не отнял.

— Значит, тебе повезло, рыжая. Теперь ясно, что ты делала в толпе у ворот. Срезала кошелек у зевак, насколько я понимаю. Мой совет: брось это дело, пока не попалась. Уж очень ты приметная, красотка. Тебя вычислят в два счета.

Соня благоразумно промолчала.

— Считаешь себя опытной? А кто твой напарник?.. Неужели одна? Впрочем, возможно. Возможно... В таком случае у тебя есть шанс продержаться несколько дольше: доверять в подобных делах нельзя никому. Ты ведь не из Ианты?

— Я родилась в Туране. Но моя мать родом из Ванахейма.

— О! Да мы с тобой почти земляки, моя ведь тоже из тех краев.

— Мы пришли, — сообщила Соня, останавливаясь возле своего дома. — Спасибо, что проводил.

— Не стоит благодарности, красotka. И запомни мой совет: завязывай со своим ремеслом, пока не поздно.

— Когда я нуждаюсь в советах, я их прошу,— отрезала Соня.— Но услуга за услугу. Запомни мой совет: берегись Велды. Однажды она чуть не прирезала тебя, так что не давай ей возможности попытаться еще раз.

Гинмар был так ошеломлен, что не сразу нашелся с ответом.

— Откуда ты знаешь?..

— Видела.— И девушка захлопнула дверь у него перед носом.

Опуская свинцовые от усталости веки, Соня услышала словно наяву голос Гинмара: «У тебя нет ног, зато есть сердце. Чаще всего бывает наоборот». У этого парня сердце есть, это уж точно.

С этой мыслью девушка провалилась в сон.

* * *

— Сколько ты ей должен, урод?

Каф, прижатый к стене, мог только издавать какое-то сдавленное нечленораздельное бульканье, но никак не отвечать. Поняв это, Гинмар немного ослабил хватку.

— К-кому?..

— Той девушке, с которой ты дрался, мерзавец!

— Девушка, как же! Да она воровка! Ее место в тюрьме...

Локоть вжался в горло скупщика краденого с новой силой. Каф замахал руками, его глаза вылезли из орбит.

— А ты святой, конечно. Сколько ты ей должен?!

— Н-ничего...

— Что у нее был за товар?

— К-камни... Пусти, задушишь...

— Какие камни? Говори точнее! Ты их видел?!

— Видел... Рубины и бриллианты... Но я у нее ничего не взял, потому что...

— Потому что я очень не вовремя появился, верно? Рубины, говоришь? У этой молоденькой оборванки? Каф, искренне тебе советую: прекрати врать. Что было на самом деле?

— Да не вру я! В-вот... я покажу!

Гинмар взял рубин, протянутый скупщиком, и посмотрел на свет.

— Будь я проклят,— пробормотал он,— на редкость знакомый камушек.— Так какого же демона ты врал, что ничего не взял у нее?

— Так один только...— заныл скупщик.— Она мне сама его дала, а потом... Проценты, видишь ли, ее не устраивают... всех устраивают, а ее...

— Прикрой пасть! Знаю я твои «проценты». Пошел вон, крыса ненасытная!

Каф мгновенно исчез.

Молодой человек аккуратно опустил рубин в карман куртки.

— Будь я проклят,— повторил он сам себе,— если это не часть приданого Джиллы...

— Ты пожалеешь об этом.

...А в это время Каф, успевший пробежать пару кварталов, злобно пыхтел себе под нос:

— Вонючий ублюдок, клянусь, ты пожалеешь!..

* * *

«Все, Иантой я сыта по горло», — в смятении думала Соня. Оставаться здесь больше нельзя. Этот умник раскусил ее в два счета, как последнюю дуру. А она-то задирала нос: как же, неуловимая воровка, гроза тугих кошельков и несметных сокровищ! И зачем она только развесила уши перед этим самонадеянным типом... Теперь он знает, кто она и где ее найти. Да еще демоны дернули за язык болтать про Велду... Вот теперь целое состояние за пазухой, а в животе урчит от голода, потому что денег-то нет, а краденые бриллианты на хлеб не обменяешь. И рубин вместо куска мяса не сжуешь... Надо было уступить Кафу эти камни хотя бы за треть их настоящей цены, а не показывать характер. Кроме еды, еще нужна лошадь, если, конечно, она, Соня, желает побыстрее убраться за пределы Офира. Разумеется, лошадь можно украсть... да и деньги тоже. Деньги на лошадь... на еду... и лошадь в придачу... Тьфу, чушь какая!

«Уж очень ты приметная, красotka... Мы с тобой почти земляки...»

Молчал бы лучше, колдун проклятый! Из-за него все!.. А чего ей, собственно, обращать внимание на его дурацкие советы? Она же способна так изменить внешность, что мать родная мимо пройдет — не узнает. Только почему так тревожно на сердце, будто к большой беде? Уж не попадется ли она на очередном деле? Проклятие, стоит ли заранее думать о плохом? Так и беду накличешь... Нет, как ни крути, опять придется искать дело в

Ианте. На этот раз оно будет последним. Вору нельзя подолгу задерживаться на одном месте. Переодевшись мальчишкой-оборванцем, пройдет она по базару, срежет два-три кошелька, — и в добрый путь. Конечно, для воровки ее класса невелика честь промышлять, как заурядный карманник, но делать нечего.

Соня слишком рано осталась одна, поэтому научилась сама о себе заботиться, а также усвоила главное: надо выживать любой ценой. Иногда приходится и гордостью ради этого поступиться.

Обходя торговые ряды, Соня с немалым удовлетворением ощущала все увеличивавшуюся приятную тяжесть в карманах, а ее ловкие руки продолжали свое дело. Она чувствовала, как к ней возвращается уверенность в собственных силах. Опыт, помноженный на спокойствие. И нечего слушать всяких там умников. Скорее солнце встанет с другой стороны, нежели она допустит ошибку. Соня уже давно начала промышлять воровством и весьма преуспела в этом нелегком «искусстве».

Резкий вопль заставил ее слегка вздрогнуть. Девушка обернулась. Богато одетый шемит выкручивал ухо какому-то мальчишке.

— Проклятый щенок, он ограбил меня!

— Нет, господин! — Мальчуган безуспешно пытался высвободить ухо из его цепких пальцев. — Я не вор!

— Да ты ошивался возле меня все время, пока не улучил момент, чтобы стянуть мои деньги! Эй, стража!..

Деньги у этого шемита действительно пропали, однако благодаря стараниям Сони, а никак не мальчугана, обвиненного в грабеже. Лори! Точно, она узнала парнишку, отца которого спас Гинмар.

— Да у него полный карман золотых монет, вы только посмотрите! — донеслось до ее слуха.

Но ведь Лори получил их от Гинмара...

— Эй ты, жирный старый индюк, — звонко крикнула Соня, — погляди-ка, что у меня есть! — Она эффектным жестом показала совсем недавно принадлежавший купцу-шемиту мешочек с деньгами, который тот сразу узнал.

— Этот гаденыш успел передать добычу сообщнику! — неожиданно высоко взвизгнул толстяк и слегка ослабил хватку. Лори тут же вывернулся и со всех ног пустился наутек. Соня бросилась в другую сторону; оба поразительно проворно смешались с толпой.

— Держи вора! — крикнула девушка, делая вид, что сама кого-то преследует, и, создав тем самым полную неразбериху, благополучно нырнула в ближайший переулок.

Она мчалась как ветер, петляя по узким улочкам и дворам, чтобы оказаться подальше от базарной площади. Сколько раз выручали ее сильные быстрые ноги! Хорошо бы, чтоб Лори тоже повезло, искренне пожелала Соня. Вот глупый: ходить по базару с такой суммой денег! Убедившись, что надежно оторвалась от преследования, девушка прижалась спиной к стене, переводя дух и в очередной раз за этот день ругая себя за легкомысленную неосторожность. Стоило так под-

ставляться, зная, что в этом мире каждый сам за себя! Что, если бы ее схватили?!

Но ведь не схватили же. Соня огляделась. Кажется, ее опять занесло в тот же квартал, где она так неудачно пыталась провернуть сделку с этим негодяем Кафом. Ну надо же! Местечко, что и говорить, не из приятных. Безопасным его никак не назовешь. Случись что, теперь ей вряд ли кто придет на помощь. На каждое ее приключение незваных спасителей не напасешься... Домой — и поскорее! Забрать тщательно припрятанные камни — и прочь из Офира.

* * *

— Господин, — угодливо склонился перед кипящим от ярости толстым купцом человечек с сильно выступающей нижней челюстью, — я могу помочь вам отыскать воришку и совершить правосудие... Я знаю, где может скрываться этот крысенок.

— Да?! — Глаза шемита метали молнии. — Клянись, если врешь, я прикончу тебя первого! Где он?! Веди! — Небрежным щелчком пухлых пальцев купец подозвал своих телохранителей. — На бездельников из местной стражи, я вижу, рассчитывать нечего!

Каф задрожал, но от возбуждения, а не от страха. Какая удача! Проклятый выскочка Гинмар получит хороший урок. Он ведь так рьяно защищает семейство старого калеки Хабира. Все знают, что пока Хабира не придавило рухнувшей при землетрясении балкой и он не остался без ног, пополнив ряды городских нищих, бывший

контрабандист подкармливал никому не нужного ублюдка. Теперь Гинмар время от времени является в квартал, чтобы, в свою очередь, поддержать Хабира и двух его выроdkов, мать которых стала жертвой того же бедствия. Кажется, новоявленный наследник привязан к ним... То-то он запрыгает, когда узнает, что этих тараканов раздавили окончательно. И наверняка пожелает разобраться во всем самолично. А уж Каф постарается, чтобы для Гинмара это посещение стало последним.

Кто-то робко тронул Соню за руку. Обернувшись, она увидела Лори. Мальчишка стоял, переминаясь с ноги на ногу и явно не решаясь с ней заговорить.

— Спасибо, что выручила,— наконец пробормотал он, глядя на Соню ярко-голубыми глазами.— Если бы не ты...

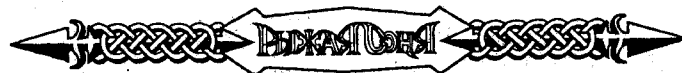
— Пустяки. Ты ведь действительно был ни при чем. («Кому ж это лучше знать, если не мне»,— добавила Соня про себя.)

— Ты — подруга Гинмара? — выпалил Лори.— Его женщина?

— Еще чего,— возмутилась девушка.— Вовсе нет!

— Он бы не привел к нам чужих.— Лори явно ей не поверил.— Ну, не хочешь, не говори. Тихо! — Он вдруг перешел на шепот и покрутил головой, прислушиваясь.— Бежим!

Не спрашивая, куда и зачем, Соня рванула следом за мальчишкой через дворы, протискиваясь — иногда с трудом — между слишком близко стоящих стен, ныряя в каменные щели.

— Облава,— на бегу пояснил Лори.— Сюда, быстро!

— А я ничего не слышала...

— Люди из городской стражи. Несколько человек. И какие-то еще, тех я не знаю. У меня чутье, как у собаки, я ведь тоже ничего не услышал.

Соня поняла, что Лори привел ее в ту самую лачугу, которую считал своим домом. Полумрак и смрад нищенской норы были ей уже знакомы.

— Лори, это ты? Где ты пропадал, пострел? — раздался мужской голос.

— Да, отец. Я тут попал в переплет, еле смылся. Потом расскажу. Сейчас на это нет времени. Мне кажется, в квартале совсем скоро будет полно стражников. Облава. Ну, вряд ли им нужны такие, как мы, они охотятся на добычу покрупнее. Можно отсидеться, если не будем высовываться. А где Зарх, где его демоны носят?

— Тебя ищет. А это кто с тобой?

— Та женщина, что была у нас с Гинмаром. Она-то меня и спасла, ей можно довериться. Отец, я должен найти Зарха... Я мигом!

— Сиди, негодник! Если облава, хватать будут всех подряд, пока весь квартал не вычистят.

У Сони перехватило дыхание. Отличное укрытие, ничего не скажешь, примерно как в жерле вулкана... Она непроизвольно сжала руку Лори.

— В самом деле, не ходи. Погубишь нас всех.

— Зарх — мой брат! — Глаза мальчишки упрямо блеснули.— Мы должны держаться вместе. Он не мог далеко уйти!

Теперь уже и Соня отчетливо слышала приближавшийся топот множества ног. Лори взглянул на нее в тревоге.

— Я не ошибся. Облавы здесь, вообще-то, не редкость...— С этими словами он осторожно выглянул наружу и негромко позвал Зарха, впрочем без особой надежды быть услышанным.

— Лори! — рывкнул отец. — Я кому сказал — назад!

Однако мальчишка и не думал реагировать на окрик. Он выбрался на улицу, тревожно озираясь в поисках брата.

— Проклятие, если бы у меня были ноги!.. Жалкий бесполезный обрубок! — в отчаянии простонал Хабир.

Ощущение надвигающейся беды сгустилось до такой степени, что Соня с трудом сдерживала дрожь. Тем временем Лори втащил в конуру братишку: оказалось, тот крутился совсем неподалеку, — и у девушки отлегло от сердца. Но ненадолго — ибо прежде, чем она успела произнести хоть слово, громкие голоса возле самой двери заставили всех затаить дыхание.

— Сюда! Он должен быть здесь! Этот вор...

Разрази ее гром, это же Каф! Этот-то откуда взялся? Почему-то Соня сразу подумала, что речь идет о ней. Неужели Гинмар сложил два и два и, несмотря на свое показное благородство, пустил по ее следу стражу? А может быть, он специально с помощью Лори заманил ее в ловушку, чтобы...

Раздумывать далее было некогда. Соня метнулась к двери, схватив первый подвернувшийся-

ся под руку предмет — увесистую суковатую палку, и обрушила ее на голову человеку, дерзнувшему сунуться в их укрытие. Удар получился весьма удачным — Каф, который как раз и оказался этим «смельчаком», никак не ожидал застать здесь еще кого-то, кроме двух насмерть перепуганных детишек и недвижимого жалкого калеки, рухнул лицом вниз. Лори, несмотря на крайнюю опасность всей ситуации, радостно засвистел. Упавшее им под ноги тело Кафа затруднило продвижение людей шемита; кто-то из них споткнулся, возникла неразбериха. Соня продолжала орудовать палкой, хотя и без особой надежды на успех: одно дело — раскроить череп единственному противнику, и совсем другое — сражаться сразу с несколькими вооруженными, неплохо подготовленными и весьма решительно настроенными стражниками. Однако девушка дралась с отчаянной яростью загнанного в угол зверя.

— Поджигай! — крикнул кто-то. — Была нужда с ними возиться...

Дело приняло более чем серьезный оборот. Единственный выход был перекрыт, и значит, спасения от огня — никакого. Соня слышала потрескивание факелов, и счет пошел уже на мгновения. «Мерзавцы, — в бессильной ярости подумала она, — подлые твари, что же они делают?!»

Девушка не заметила, как Хабир сполз со своего места на куче тряпья, но, обернувшись на звук мощного удара, увидела, как он — откуда только силы взялись?! — пробил кулаком дере-

вянную стену против двери, открывая еще один выход из жилища.

— Лори, Зарх... бегите! — кашляя от едкого дыма, стремительно заполнявшего тесное помещение, прохрипел он. — И ты, рыжая, не мешкай!

— А как же ты?!

— Мне бегать нечем. Спасайтесь, пока не поздно!

— Отец, нет! — завопил Лори, но Соня схватила его и выпихнула в пролом; за братом поспешно полез Зарх.

— Я не брошу вашего отца, — крикнула им вслед девушка и повернулась к Хабиру: — А ты хотя бы не мешай мне!

Подхватив не такое уж тяжелое тело, Соня подтолкнула Хабира вперед.

— Ползи на руках, я тебе помогу!

В последний момент она сама ящерицей скользнула следом за остальными. Подступавшее пламя опалило ее одежду, но Соне удалось сбить огонь. За ее спиной уже рушились перекрытия, пламя бушевало с необычайной силой. Хабир полз впереди нее, и девушка подталкивала его сзади, помогая передвигаться: правда, сама она совершенно не понимала, где находится, ничего не видя из-за темноты и дыма, до слез разъедавшего глаза. Когда они наконец очутились на открытом пространстве, Соня взвалила Хабира на плечи и просипела:

— Держись, только не за горло!

Огонь успел перекинуться на соседние строения и вскоре грозил охватить половину квартала.

Лори шустро перебирал ногами рядом с нею, волоча за руку Зарха, а Соня, напрягаясь изо всех сил, тащила, сгибаясь от тяжести, Хабира.

— Брось меня! — стонал тот. — Уводи детей!

— Молчи уж, — едва переводя дух, ответила девушка. — Справлюсь как-нибудь...

* * *

Вдова, у которой Соня обитала уже несколько месяцев, впервые пожалела о своем гостеприимстве, увидев постоялицу в обществе двух невероятно грязных детей с перемазанными копотью мордашками и безногого человека, которого девушка тащила на плечах. Сама Соня, надо сказать, выглядела не лучше остальных.

— Боги!.. — Женщина всплеснула руками. — Голубушка, да что это с тобой?!

— Этим людям требуется помощь, — едва ворочая языком, пробормотала Соня. — Иарихха, у тебя же доброе сердце... и я заплачу за все...

* * *

— Что же мне делать?

— Ты был там?

Гинмар через силу кивнул.

— Да. Ужасно — сплошное пепелище. Трупы так сильно обгорели, что никого невозможно узнать. Хабира среди них нет... во всяком случае его тела я не видел. Только Лори. Я узнал его по остаткам светлых волос... — Он закрыл лицо руками.

Непроницаемые глаза кхитайца потеплели.

— Успокойся и научись мужественно принимать удары судьбы. Ты достаточно сильный для этого.

— Я должен отомстить тем, кто это сделал! Пожар возник не случайно. Была облава, потом квартал подожгли... я не сомневаюсь. Ты должен меня понять, Ёно Ран! Хабир спас мне жизнь, когда я был ребенком, он кормил мою мать и меня до тех пор, пока я сам не встал на ноги... А меня не оказалось с ним рядом, когда он умирал!

— Ты сам сказал, что не видел его мертвым. Может быть, он спасся. Да и о Лори ты не можешь сказать наверняка. Вряд ли он был единственным светловолосым мальчиком в этом квартале...

— Ты пытаешься меня утешить? Как мог спастись Хабир — из моря огня, унесшего жизнь десятков куда более здоровых людей?! Безногий калека оказался шустрее всех, так? Глупо верить в подобные чудеса... Я не достаточно наивен для этого, Ёно Ран.

— Ты сделал для Хабира и его семьи все, что мог.

— Нет. Когда-то я думал, что деньги Магистра помогут мне вытащить из нищеты людей, которых я любил. Но Хабир оказался слишком гордым, чтобы просить у меня поддержки и принимать ее. До последнего времени он и слышать об этом не хотел — пока дела не пошли совсем уж плохо. И то деньги взял не он, а Лори. Хабир всегда был рад видеть меня, но он не привык быть на чьем-то содержании. Теперь я остался

совсем один, Ёно Ран. Они были моей настоящей семьей... Хабир и его дети.

— У тебя есть семья, Гинмар. Отец и молодая жена. Ты нужен им. Опыт страшных потерь обжег твою душу, но жизнь не кончилась со смертью Хабира. Ты молод...

— Мне больно, Ёно Ран... Если бы ты знал, как мне больно!

— Я знаю.

— Как будто с меня живого содрали кожу. Я не могу этого вынести! — Гинмар опустил голову на руки, вздрагивая от душивших его рыданий.

* * *

Он понятия не имел о том, что на другом конце Ианты так же безутешно, не скрывая слез, плачет пожилая женщина.

— Двадцать лет назад я любила этого человека... но так и не смогла привыкнуть к той жизни, которую он вел. Мне казалось, будет лучше, если мы расстанемся. Как я ошибалась, Соня!.. Ведь мне так и не удалось его забыть. Ослепительный красавец, безрассудно смелый, невероятно сильный и нежный. Ты себе не представляешь... Я была верной женой человеку, но стоило мне закрыть глаза, как я видела совсем другое лицо. А знаешь, он почти не изменился... во всяком случае для меня. — Йарихха улыбнулась сквозь слезы. — Только черная грива волос стала седой...

Соня подумала, каким надо обладать богатым воображением, чтобы считать Хабира прежним «ослепительным красавцем». Любящее сердце жен-

щины преодолело власть времени и беспощадную жестокость жизни.

— Как ты считаешь, он не отвергнет меня теперь? Ведь я стала почти старухой, а он привык видеть рядом с собой самых прекрасных женщин...

Девушка накрыла руку Йариххи своей ладонью.

— Но ты ведь и есть самая прекрасная женщина. Правда! И ты так долго его ждала... Теперь вы опять будете вместе.

Для самой Сони вопрос о том, как бы побыстрее выбраться из Ианты, временно отодвинулся на второй план. События последних дней изрядно ее измотали, да и Йарихха ни за что не хотела ее отпускать, а Лори и Зарх прямо-таки не сводили с Сони восторженных глаз. Такая смелая девушка, умеющая к тому же здорово драться и не бросившая их в беде! И еще красивая! Эх, вздыхал про себя Лори, и зачем только Гинмар поторопился жениться на какой-то там богачке? Разве такие, как она, могут отбиться от целой своры стражников? А умеют они так смеяться, как Соня? Конечно, Гинмар — сын Магистра, девушка с улицы ему не пара, но ведь он совсем не такой, как другие богачи. Хабир рассказывал, что он сам был как Лори и вырос в трущобах, просто потом ему повезло.

— Соня, — Лори с восхищением смотрел на нее, — а ты бы хотела хоть раз в жизни побывать во дворце? В настоящем!

Девушка пожала плечами.

— В молодости я жила во дворце. В Хауране... Ничего особенного.

— Ты?! — От изумления у Лори округлились глаза. — В самом деле?

— Мой отец был достаточно богатым человеком. И еще у меня были братья и сестра...

— А где они теперь?

— Они... они все погибли. Я осталась одна. Это было давно, Лори.

— Сколько же тебе лет?

— У женщин, — наставительно произнесла Соня, — не принято спрашивать о возрасте. Это неприлично. Но я своих лет не скрываю — мне девятнадцать.

— А почему ты не вышла замуж?

— Потому что мне это не нужно. Я сама могу о себе позаботиться и не люблю, когда мне указывают, как жить. И задают глупые вопросы. Понятно?

Мальчик кивнул. А про себя стал называть ее «принцессой Соней». Ему очень хотелось, чтобы Гинмар встретился с нею еще раз. И вообще, давно следовало бы сообщить их другу, что с ними все в порядке. Но сделать этого Лори не мог. Соня запретила ему и Зарху высовывать нос из дома. Ужасный пожар, почти целиком уничтоживший самый бедный квартал Ианты, унес множество жизней и еще большее количество людей оставил без крова. До предела озлобленная толпа выплеснулась в город, мечтая о мести за случившуюся трагедию — богатым, властям, богам... кому угодно! Поджоги и грабежи стали обычным

явлением. Городская стража была не в силах справиться с создавшимся положением, тюрьмы оказались переполненными, но это не дало особого результата. Тогда на подмогу ей пришли войска. Хватали всех подряд, не разбирая вины; малейшее сопротивление могло привести к тому, что непокорного убивали прямо на улице. В такой ситуации выпускать на улицу двух изнывающих от любопытства детей — полнейшее безумие. Иа-рихха и Соня покидали дом, только чтобы купить немного еды, и старались побыстрее возвратиться.

Во всех храмах возносились молитвы и лилась кровь жертвенных животных во имя скорейшего восстановления порядка и спокойствия, да видно боги оставались глухи к мольбам и слепы настолько, чтобы не замечать не только этой крови, но и не менее щедро льющейся человеческой. Волнения меж тем усиливались, грозя перерасти в открытый бунт.

* * *

Правитель Офира мрачно прислушивался ко все более тревожным и неутешительным докладом относительно дел в Ианте. Но он уже около двадцати лет находился у власти и знал, на какие рычаги следует нажимать в той или иной сложной ситуации.

— Им нужен виновник трагедии,— проговорил Эвилд, король Офира, обращаясь к безмолвно застывшему перед ним начальнику тайной службы.— Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Не совсем, повелитель...

Эвилд недовольно поморщился: в очередной раз приходилось признать, что Хизер умом не блещет.

— Виновник трагедии,— с нажимом повторил властитель,— это человек... или группа людей... которые стали причиной пожара в воровском квартале.

— Да, повелитель. Но нам, к сожалению, не удалось установить, кто он. Скорее всего, пожар возник стихийно. Там было слишком много ветхих деревянных строений, готовых вспыхнуть от малейшей искры. И это далеко не первый пожар...

— Это первый пожар, вызвавший столь серьезные последствия, Хизер. Ианта выглядит как во время чумы! Трупы не успевают убирать с улиц, а недовольство черни растет. Разве я не прав?

— Мои люди делают все возможное...

— Ты знаешь, я смотрю на тебя сейчас и теряюсь в догадках, как с тобой поступить. Казнить или просто заменить более толковым человеком.— Эвилд тяжело вздохнул.— Только вряд ли эта мера поможет быстро прекратить беспорядки. Все зашло слишком далеко. Иди сюда, Хизер, и посмотри в окно. Видишь вон то здание, именуемое дворцом Риатеос?

— Да, повелитель.

— Его видно из любой точки Ианты, как и мой собственный. Красивое, величественное зрелище, не так ли?

Хизер неуверенно кивнул, искренне недоумевая, какое отношение имеет Риатеос к беспорядкам и к его собственной участи.

— Надеюсь, ты знаешь, кто владелец этого дворца?

— Магистр Итан, повелитель.

— Колдун. Неслыханно: маги имеют в Ианте власть, сравнимую с королевской, и это никого не тревожит. Они творят, что хотят, а денег у них больше, нежели наберется в казне. Они женят сыновей на дочерях из знатнейших семей соседних государств, что пристало только особам королевской крови! — Эвилд повысил голос. — Они повсюду, куда ни кинь взгляд. Мне не нужна вторая власть в Офире, Хизер. Я не хочу дожить до того дня, когда маги доберутся до престола. Неужели ты не понимаешь, что такая ситуация неужодна богам и они отвратили свои взоры от нечестивой Ианты, в коей служат и поклоняются демонам? Чернь превозносит до небес то, что делают маги, да и знатные люди не стесняются покрывать позором древние имена своих родов, обращаясь к ним за помощью. Но огонь небесного гнева уже пал на отступников, породив невиданную смуту. Удачнее момента для того, чтобы начать действовать против магов, нам не дожидаться.

— Да славится мудрость твоя, мой повелитель, — растерянно проговорил Хизер, — но ведь Магистр Итан... он крайне опасен!

— Для твоей жалкой жизни, я уж не говорю о карьере, опасен только один человек, глупец, — твой повелитель. Поэтому иди и действуй, иначе ответишь головой за каждую минуту промедления. Или ты сочувствуешь колдунам? А может, ты и сам...

— О нет, — воскликнул Хизер, — я их ненавижу всем сердцем и сделаю все возможное, чтобы извести под корень! Клянусь, что оправдаю доверие повелителя!

— Тогда поторопись.

Эвилд имел все основания чувствовать себя довольным. В чем бы другом, а в ревностности и исполнительности Хизеру не откажешь. Теперь Риатеос, это трижды проклятое гнездо колдунов, настоящее бельмо на глазу у него, короля Офира, долго не простоит. Сколько проблем разрешится само собой, когда собственность Итана и ему подобных отправится туда, где ей как раз и место, — в казну Ианты. Конечно, до самого Магистра теперь, после свадьбы, так просто не добратся: можно испортить отношения с могущественным Тураном, а это сейчас ни к чему. Но вряд ли подобный брак окажется прочным: Гинмар отнюдь не может служить образцом супружеской верности. И если одновременно с прочими мерами навести о нем кое-какие справки, вряд ли властитель Турана придет в восторг, узнав о том, кто стал мужем дочери одного из знатнейших его подданных. Эвилд улыбнулся. Не стоило Итану в их последнюю встречу вести себя столь надменно. И отказывать королю в *просьбе*. Совсем не стоило!

* * *

В тот день Йарихха вернулась из города в еще более тревожном расположении духа, чем обычно. В ответ на расспросы заметившей ее состояние Сони она сказала:

— Что-то затевается. Нутром чую... У всех ворот и на дорогах посты усилены втрое против обычного.

Соня приуныла. Теперь и не улизнешь отсюда...

— Ианта гудит. Пустили слух, что во всем виноваты колдуны. Начиная от пожара и кончая жуткой резней, которую устроили стражники. На Офир пал гнев богов. Все только об этом и говорят.

Девушка саркастически приподняла бровь.

— Гнев богов? Воровской квартал подожгли вовсе не маги, а стражники, я тому свидетель. И Хабир, да и Лори тоже. Мы видели, с чего все началось, своими глазами. Ты-то хоть не веришь бредням насчет колдунов?

— Э, девочка, мы живем в такое время, когда ничему нельзя вполне верить,— покачала головой Иарихха.— Но нас это, слава богам, не касается. Мы-то не колдуны.

— А Гинмар — колдун,— чуть позже заявил Соне Лори. Он слышал весь разговор, но благоразумно не вмешался сразу.— Соня, ведь ему ничего не могут сделать? — В голубых глазах мальчишки блеснули слезы.— Я боюсь...

— И напрасно,— успокоила его девушка.— Они с отцом слишком богаты и влиятельны, чтобы им кто-то мог серьезно угрожать. И потом, это всего лишь слухи. Болтовня досужих кумушек, недостойная того, чтобы мужчина придавал ей значение.

Однако она ошиблась. Уже на следующий день Иарихха принесла новые леденящие кровь известия. Какую-то старую знахарку забили камнями

на улице. На другую спустили собак за то, что собирала какие-то травы,— уж конечно не без злого умысла. Слухи распространялись быстрее чумы, обрастая подробностями одна страшнее другой. Люди опасались пить воду: возможно, колодцы были отравлены все теми же магами. А средней силы землетрясение, невеликое чудо для Офира, тут же приписали козням проклятых служителей демонов... И началось. Уже несколько раз на улице в сумерках видели огромных размеров серую кошку, бесшумно ступавшую по камням. Глаза ее светились как два изумруда. Тут же вспомнили о том, что сын Магистра Итана имеет власть над хищниками, и отсюда само собой следовало, что он вполне может оказаться тем самым оборотнем. Хотя открыто ни Гинмара, ни Итана пока еще обвинять не смели, их причастность к трагедии не исключалась: ведь Исполнитель Желаний обладал огромной колдовской силой и до сих пор не выразил никакого отношения к происходящему — Риатеос словно замер в грозном напряжении. Равных Магистру магов не имелось, а нападки на своих собратьев он воспринимал совершенно спокойно. И разумеется, это пугало и настораживало.

Изнутри же Риатеос вовсе не выглядел спокойным. Прежде всего Магистру пришлось серьезно поговорить с сыном, который рвался оказаться в самой гуще событий. А когда Гинмар принимал какое-то решение, то готов был стоять на своем вопреки всем доводам здравого смысла. Допустить же его вмешательство, в какой угодно

форме, в происходящее значило начать новый виток стремительно развивающейся драмы.

— Пойми,— убеждал его Итан,— подобное бывало и раньше, повторяясь с редкостным постоянством, точно смена времен года. Все непонятное и недоступное большинству вызывает страх и ненависть равно черни и властителей. Я знаю, грядут тяжелые времена. Потоки крови смоют целые государства Хайбории, и это произойдет так скоро, что ты увидишь падение огромных империй своими глазами. Что слыдо позором, станет почитаться за славу, ибо просыпаются древние силы Хаоса... Но мы не можем принимать это во внимание, Гинмар. Нам необходимо исполнить долг и до последнего удерживать эти силы там, где повелел нам рок. Мы не свободны.

— Я слишком часто слышал эти слова, отец!

— Помолчи! Да, я не устану их повторять, пока жив. Твои дети еще не появились на свет, значит, ты — последняя наша надежда. Пока тебе некому передать свой дар, ты даже не имеешь права на смерть. И на риск тоже. Вопреки гордости. Вопреки неотмщенным жизням Хабира и Лори.

Гинмар вздрогнул.

— Я не говорил с тобою о них. Никогда!

— А к чему слова, мой мальчик? Я знаю, чем ты жив. Этого довольно. Я заставил тебя жениться на Джилле в предчувствии страшной катастрофы. Если ситуация еще более осложнится, ты найдешь прибежище в Туране. Сохранишь себя и Дар... а потом вернешься, чтобы занять мое место.

Пока же... тебе придется терпеть. Через боль, стиснув зубы... Разве Ено Ран не научил тебя этому? Выдержке и хладнокровию, умению укрощать свои страсти, ибо страсть — это пламя, а укрощенное пламя есть великая сила в руках того, кто победил самого себя.

— Значит, я плохой ученик. Мне не понять Ено Рана и не вместить его мудрости. Офир — не Кхитай. Послушай, ты хочешь от меня невозможного, это выше моих сил!

— А что выше твоих сил, Гинмар?

— Унижение,— мгновенно ответил молодой человек.— Я не могу просто молчать и чего-то ждать, когда меня несправедливо обвиняют или называют трусом, а кругом творятся невообразимые бесчинства. Люди хотят, чтобы именно ты — или я! — вышли к ним и объяснили... Вся Ианта ждет нашего слова.

— Проявления нашей слабости! Того, что мы пойдем на поводу безумной толпы. Я запрещаю тебе так поступать! Пока еще мы с тобою не равны; ты плоть от плоти моей, кровь от крови, но моя сила более той, которой наделен ты... и я вынужден использовать ее, чтобы оградить тебя от совершения непоправимых ошибок.

Гинмар произвольно сжал кулаки. Он знал, что имеет в виду его отец. Один взгляд Итана был способен превратить человека в существо, полностью покорное его воле, и Гинмар не являлся исключением. Просто Магистр предпочитал, чтобы его сын соглашался с ним, а не подчинялся приказам. Но в данный момент он, очевидно,

нашел необходимым изменить своему обычному принципу. Поэтому, когда Гинмар попытался покинуть Риатеос вопреки воле отца, из этой затеи ничего не вышло. Дворец не выпускал его. Он двигался в одном направлении, а оказывался в совершенно неожиданном месте, словно все помещения и залы превратились в запутанный лабиринт, по которому можно без толку блуждать, пока не выбьешься из сил.

Взбешенный, Гинмар вернулся к себе и бросился на постель, не желая никого ни видеть, ни слышать. Внутри него все кипело. Как?! С ним, взрослым человеком, обращаются словно с ребенком или идиотом! Неслыханное оскорбление... Ну ничего, он во что бы то ни стало придумает, как вырваться отсюда. Гинмар отчетливо представлял себе, как он выйдет за пределы дворца, один, без оружия и охраны, и скажет этим безумцам, что они неправы, что магия хранит, а не губит Офир, а виновника трагедии воровского квартала следует искать среди тех, кому наплевать на смерть и горе бедняков. Его должны услышать! Ведь он, Гинмар, один из них, он — дитя погибшего квартала, брат всех, кто пострадал от огня: это известно всей столице. Его любят и уважают, слова упадут на добрую почву и помогут остановить безумие. Итану этого не понять, он слышит одного себя. А у него, Гинмара, есть и другой долг, и в его жилах течет не только кровь Магистра. Даже Ёно Ран, его мудрый учитель, не понимает этого. Конечно... Что за дело кхитайцу до Офира, оставшегося для него навеки чужим?.. Что за

дело великому магу до мышинной возни жалких людишек?.. Он полубог и живет в собственном мире, далеко от человеческих страстей.

— Ты в печали, муж мой? — Джилла так и не научилась разговаривать просто, не облекая своих слов в подчеркнуто возвышенную форму.

Гинмар повернулся к ней — и увидел в карих глазах жены сочувствие и тепло.

— Можно сказать и так, — пробормотал он. — Ианта гибнет, а я сижу здесь, как в клетке, вместо того чтобы действовать...

— Мне очень грустно видеть тебя таким. — Туранка склонила голову. — Ибо долг достойной жены — радовать сердце своего супруга, а я не ведаю, чем могу быть полезной тебе.

— Долг, долг... Только это и слышу! Джилла, мне ничего не нужно от человека, который принуждает себя общаться со мной.

— Но это не так, — еле слышно прошептала она, опуская глаза.

— А что еще привело тебя ко мне?

Джилла промолчала, но вдруг села рядом с мужем и коснулась его руки, ласково проведя тонкими пальцами по тыльной стороне ладони, а потом прижала ее к своей пылающей от смущения щеке.

— Я хочу, чтобы ты был со мной сегодня ночью, Гинмар. Если тебе тоже этого хочется... Я... люблю тебя!

— И не боишься? — улыбнулся он.

— Нет. Ты не можешь сделать мне ничего плохого. Я верю тебе.

— Тогда я научу тебя любить по-настоящему, Джилла.

Кто бы мог верить, что только в ту ночь эти двое впервые разделили супружеское ложе!.. И в ту же ночь был зачат их ребенок — туранке поведал об этом амулет, висевший на ее груди; единственный из заговоренных камней, который носила Джилла. Женщины их рода, увидев, что синий сапфир приобретает глубокий фиолетовый, почти черный оттенок, могли быть уверены, что в положенный срок произведут на свет наследника. А Ёно Ран возблагодарил небеса, не застав Гинмара утром в клетке тигрицы.

Но это вовсе не означало, будто Гинмар готов теперь отказаться от своих планов. Как выбрать-ся из дворца, разорвав невидимые цепи, выкованные волей Магистра? На чью помощь рассчитывать?

И вдруг все разрешилось самым неожиданным образом.

* * *

Внезапно пропал Лори, и Соне пришлось отправиться на поиски, кляня себя за легкомыслие. Ну как они с Йариххой могли позволить проклятому мальчишке настолько усыпить их бдительность? Ведь они действительно поверили в его ангельское послушание и перестали обращать внимание на эту бестию! Впрочем, Ианта, несмотря на все потрясения, на первый взгляд жила вполне обычной жизнью: все шло своим чередом. На улицах по-прежнему было полно людей, вот

только прежде Соня никогда не видела здесь такого количества стражников... и таких напряженных, озабоченных лиц, таких взглядов, которые не скользили по ней, как бывало, с интересом, восхищением или, на худой конец, простым безразличием, — нет, теперь к ней присматривались, словно пытались определить, в самом ли деле эта девица то, чем кажется, или же за внешним ее обличьем кроется иная, темная сущность. Поначалу Соне было смешно, потом она стала ощущать непонятную тревогу, а спустя еще какое-то время не выдержала и в ответ на очередной подозрительный взгляд какой-то совершенно незнакомой женщины скорчила жуткую гримасу, сузив глаза и зашипев по-кошачьи. Та с воплем отскочила в сторону, а Соня звонко выкрикнула ей вслед:

— Ну что, убедилась? Ведьма я, ведьма, видно же — по рыжим волосам!

Подобное заявление среди охватившего Ианту безумия могло оказаться для Сони роковым, однако на этот раз ей удалось избежать последствий своего дерзкого поступка. А совсем скоро она наткнулась на Лори. Мальчишка стремительно бежал по направлению к их нынешнему дому, и Соня едва успела схватить его за руку.

— Соня! — радостно воскликнул Лори, словно ничего не случилось.

— Как ты посмел сбежать? — сердито проговорила девушка, как следует встряхивая негодника за плечи. — Мы же велели тебе и Зарху сидеть дома, а ты заставляешь нас ломать голову над

тем, что могло с тобой случиться! Без тебя как будто забот не хватает!

— Да что ты!.. Мне не три года! — Мальчишка вырвался из рук Сони, возмущенно фыркнув. — Тоже мне, мамаша выискалась... Я что, просто так бегал? Ты послушай лучше: я разговаривал с Гинмаром! Я обязательно должен был увидеть его! Он ведь думал, что мы все погибли, и страшно обрадовался, когда увидел меня. Я рассказал, что это ты нас спасла... и вообще как все было. Но мы не могли долго говорить. Потому как Магистр что-то сделал с Гинмаром, и тот никак не может уйти из дворца.

— Хорошо бы он и с тобой сделал что-нибудь подобное, — проворчала девушка.

— Ой, да перестань! В общем, я знаю секрет, как проникнуть во дворец: меня Гинмар давно уже научил. Соня, он сказал, что ты можешь вывести его из Риатеоса.

— Я? Каким же образом? И главное, зачем?

— Он считает, будто ты неплохо знаешь дворец изнутри. И у тебя все в порядке с головой, в отличие от него. Гинмар уверен: он сможет успокоить горожан, он убедит их прекратить резню...

— Ну, это уж точно не твои слова.

— Конечно! Гинмар велел передать тебе именно так.

Соня задумалась. Вообще-то правильно. Гинмар — сын колдуна и сам колдун, но он в то же время плоть от плоти этого города, истинное дитя грущоб. Ему поверят, как никому другому. Почему только его отец этого не понимает? Что,

если Магистр задумал, в случае открытой угрозы Риатеосу, принять собственные меры и нанести ответный удар, воспользовавшись своей колдовской силой? Страшно подумать, что тогда произойдет! Ее раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, Соня не очень-то любила магов всех мастей. Исходящей от них угрозе ей нечего было противопоставить, и, пожалуй, она бы вздохнула с облегчением, если бы в один прекрасный день, открыв глаза, обнаружила, что это племя попросту перестало существовать. Но с другой — то, что творилось нынче в Ианте, было неправильным, и обостренное чувство справедливости внутри нее активно восставало против подобного положения дел. Короче говоря, если Гинмар собрался выступить в роли миротворца и ему необходима ее помощь, то она, Соня, готова ее предоставить: не так уж много от нее и требуется. Кстати, ясно, что он все-таки понял, кто похитил камни. Ха! «Он считает, будто ты неплохо знаешь дворец изнутри». Да уж... Основания для подобных выводов у него, прямо скажем, имеются веские.

— И что, Лори, — нарушила она затянувшееся молчание, — у него есть какой-то план действий?

— Ага! — радостно кивнул мальчишка. — Гинмар сказал, что если ты согласишься, то завтра ночью он встретит тебя в хранилище манускриптов. Туда он сможет прийти.

«Он с ума сошел», — подумала девушка. Второй раз это не сработает. Ей ни за что не удастся

повторить тот сумасшедший трюк с веревкой... Тогда в общей суете было не до нее, а сейчас, когда над Риатеосом нависла угроза, дворец наверняка усиленно охраняется. Впрочем, почему непременно с веревкой?.. Наверняка можно найти другой путь.

— Лори! А ты сам-то как туда попадаешь?

— Я не могу тебе рассказать, это секрет.

— Ну и не говори, мне-то что. Меньше хлопот. Ты думаешь, мне больше всех надо? Пусть твой Гинмар ждет меня сколько душе угодно, а я туда не пойду!

Уголки рта Лори уныло опустились.

— Со-оня,— робко протянул он,— а если я покажу тебе путь?

В глазах девушки блеснули озорные искорки. «Так-то лучше»,— удовлетворенно подумала она.

* * *

На этот раз пришлось идти по какому-то темному узкому тоннелю, вроде подземного хода, и Соня чувствовала себя не очень уверенно.

— Не бойся,— подбадривал ее Лори, голос мальчика гулким эхом отзывался под сводами.— Я здесь ходил не один раз. Это старый ход, который Гинмар сам когда-то обнаружил. Его отец не знает, что он им пользуется.

— А куда он ведет?

— В зверинец. Мы там и встречаемся, или же я оставляю ему условный знак. Это любимое место Гинмара в Риатеосе.

— Значит, правда, что он не боится хищников?

— Правда. Он запросто заходит в любую клетку, я сам видел. Гинмар играет с пантерами и тиграми, будто это всего лишь кошки, а мне на них и смотреть-то страшно. Та-кие зубы! И глаза... Они прямо ждут, как бы кого-нибудь живьем сожрать!

— А как же мы?.. Я...

— Ерунда. Они же за решеткой, небось не вылезут. Я проведу тебя в зверинец, а дальше сама справишься. Тебе не о чем беспокоиться, если ты знаешь дворец.

— Не настолько хорошо, как хотелось бы,— призналась Соня.— В том крыле я не предполагала когда-либо побывать.

— А, ерунда,— повторил Лори. Его уверенность в Сониных способностях продолжала оставаться абсолютной.— Ты справишься!

— Придется,— вздохнула девушка. Она не привыкла бросать начатое дело.

Совсем скоро Соня почувствовала, что они преодолевают крутой подъем. Некоторое время спустя Лори осторожно отодвинул массивную крышку, забросанную толстым слоем опилок, и подтолкнул девушку вперед:

— Давай, Соня! Удачи тебе.

Выбравшись на поверхность, Соня огляделась. Лучше бы она этого не делала. Звери, настроенные, как ей показалось, весьма недружелюбно, уставились на нее; резкий запах ударил в ноздри, а вой и рев, несущиеся со всех сторон, были настолько сильны, что она с трудом заставляла себя не прижимать к ушам руки. «Они же в

самом деле в клетках,— успокоила себя девушка.— Глупо так трястись... Интересно, зачем Итану столько зверей? Их же здесь сотни!..» Осторожно, но быстро ступая, чувствуя, как по спине ползут противные липкие струйки пота, и вспоминая на ходу, как поскорее добраться отсюда до нужного места, Соня прошла мимо клеток, храбро улыбаясь — хотя со стороны эта улыбка наверняка больше походила на судорожную гримасу.

— Соня?

Девушка чуть не подпрыгнула на месте от неожиданности и недоуменно повернула голову, стараясь понять, кто ее окликнул. На мгновение у нее мелькнула безумная мысль, что ее позвал кто-то из хищников. Однако из темноты навстречу ей шагнул Гинмар.

— Пришла все-таки. Я надеялся на тебя...

— Лори сказал, ты будешь ждать в хранилище...

— Знаю. Я так и просил передать. Мне нужно было убедиться, что ты рискнешь пробраться туда. До последней секунды плохо верилось, что один раз ты уже умудрилась там побывать.— Гинмар усмехнулся.— Поразительно! Неужели тебе никто не помогал тогда? Ладно, не переживай так. Уж не думаешь ли ты, что я способен тебя выдать? Боги, да в моих глазах все золото и все бриллианты мира не стоят трех жизней, которые ты спасла из огня.— Он восхищенно и благодарно смотрел на Соню.

— Вообще-то я не ради тебя старалась...

— Какая разница...

— А чего тебе еще от меня надо?

— Всего-навсего помочь выбраться отсюда.— Гинмар развел руками.— Мой отец наложил какое-то заклятие, которое не позволяет мне покинуть дворец, а я считаю, если мы не прекратим молчать и не выйдем открыто к людям, будет еще хуже. Ведь нас обвиняют несправедливо. Маги Ианты хранят ее, а не губят!

— Он боится, что тебя убьют,— покачала головой Соня.

— Глупости. Только не меня! Я никому сознательно не делал зла, это каждой собаке известно. Я люблю Ианту...— Гинмар говорил так убежденно, что Соня поверила, тем более что слова молодого человека совпадали с ее собственными размышлениями и выводами.

— И что ты хочешь?

— Выведи меня тем же путем, каким пришла сюда. Представляешь, я сам не могу найти дорогу. Вдвоем у нас получится. А как только я окажусь за стенами Риатеоса, чары Магистра не будут иметь надо мной силы.

На миг Соню охватило ощущение, что она поступает неправильно, душу царапнуло неосознанное беспокойство, но она отбросила сомнения и протянула руку...

* * *

Замысел Гинмара увенчался успехом. Но пробираться по ночной Ианте тоже оказалось не самым простым делом. Заметив стражников, Соня и Гинмар тут же прижимались к стенам домов, ныряли в подворотни, не желая отвечать на не-

нужные и опасные вопросы. Возле городской тюрьмы в столь неурочное время, как ни странно, вовсю кипела работа: при свете факелов какие-то люди поспешно сколачивали внушительных размеров деревянный помост. Соня и ее спутник переглянулись. Очевидно, здесь не позже чем на рассвете должна состояться казнь. Но кто преступник, которого в скором времени ждет неминуемая и жестокая смерть? Гинмар остановился. Он вырос среди людей, ходивших буквально по лезвию ножа, и многие из тех, кого он считал друзьями, заканчивали свои дни в тюрьме, если властям, конечно, удавалось их поймать. Да и Соня отнюдь не была законопослушной обывательницей. И как сердцу вора не дрогнуть при виде готовящейся казни, если на месте осужденного вполне может, рано или поздно, оказаться он сам? Девушка без слов поняла чувства Гинмара и, повинувшись внезапному порыву, шагнула вперед.

— Для кого трудитесь так усердно? — спросила она у одного из плотников, который в этот момент отошел чуть в сторону от остальных и, ругаясь сквозь зубы, перевязывал грязным обрывком ткани палец, неосторожно задетый собственным топором. Мужчина с подозрением покосился на Соню: белки его глаз казались розоватыми в свете пламени костра.

— Известно для кого. Трех ведьм накануне отловили. Одну я даже сам знал: рядом жила, стерва. Стало бы мне раньше известно, чем она занимается, своими руками бы... — Он зло сплю-

нул. — Да их разве разберешь... По виду-то люди как люди, а у самих одно на уме: как бы других извести. И нечего здесь шлаться! — рявкнул он, теряя терпение. — Ходят тут, вынюхивают...

Соня поспешно отошла в сторону и передала Гинмару услышанное. Тот скрипнул зубами и пробормотал:

— Будто с ума все посходили...

Девушка потянула его за рукав.

— Не стоит здесь оставаться. Пойдем!

— Я уже пришел! — Гинмар раздраженно вырвал руку. — Никакой казни не будет! Если этих женщин схватили только вчера, то когда это, интересно, успели доказать их вину, чтобы по закону расправиться с ними?

— Ты не сможешь ничего сделать! — Соне стало по-настоящему страшно.

— Ошибаешься! Еще как смогу... — Он бросил взгляд на небо, начавшее сереть на востоке. — Скоро рассвет. Как ты не можешь взять толк: сама судьба привела меня сюда, чтобы я исполнил задуманное. А тебе здесь оставаться незачем — уходи, нет смысла зря рисковать. Ты, в конце концов, ни при чем. Я и один справлюсь.

— Больно уж ты самонадеян! — покачала головой девушка. — Почему ты так уверен, что люди будут на твоей стороне? Ты на самом деле, что ли, не понимаешь, что происходит, и по-прежнему рассчитываешь на свою известность?

Гинмар посмотрел на нее так, что Соне стало ясно: спорить и что-то доказывать ему бесполезно. Ей было знакомо это нестигаемое упрямство,

свойственное ей самой и совершенно несовместимое с доводами здравого смысла. Поэтому она только вздохнула.

— Я останусь с тобой.

— Зачем?

Девушка и сама не могла толком объяснить. Просто чувства, которые она испытывала к Гинмару, были сродни отношению сестры к брату. Такому же, как она — взрывному, безрассудному, не способному покорно мириться с несправедливостью и готовому на отчаянный риск. Уйти и бросить его Соня не могла.

Кажется, молодой человек почувствовал ее состояние и улыбнулся.

— Знаешь, Соня, когда я тебя впервые увидел, мне показалось, что ты — та женщина, которую я мог бы полюбить. Такая необыкновенная, такая красивая... Совсем не похожая на тех, кого я знал прежде. Но потом...

— Что? — прищурилась она с шутливым вызовом, скрестив на груди руки. — Вблизи я оказалась косоглазой уродиной без передних зубов и страшной, как все демоны сразу?

— Конечно, нет. Ты что, в зеркало никогда не смотрелась или просто смеешься надо мной? Вблизи ты еще прекраснее. Но мы слишком с тобой похожи.

— Ты себе льстишь!

— Похожи внутренне, как брат и сестра, — словно не замечая звучащей в ее словах насмешки, продолжал наследник Риатеоса. — Ты, как бы это точнее выразиться, свой человек. Боец. Друг.

Ты не нуждаешься в том, чтобы тебя оберегали, носили на руках, сдували с тебя пылинки, а ведь нормальному мужчине хочется быть необходимым своей возлюбленной, быть ее защитой и опорой. Вот Джилла — я вообще не хотел пускать ее в свое сердце, а теперь мне кажется, что ей будет плохо без меня, она во мне нуждается, и с каждым днем я люблю ее все сильнее. Меня злило, что отец сделал выбор за меня, а теперь я вижу, что он оказался прав и у меня лучшая в мире жена. Не поверишь, но с нею я и думать не хочу о других женщинах... Мне невыносима мысль, что я могу чем-то обидеть ее, оскорбить ее чувства.

— О! Счастлива женщина, о которой так отзывается ее муж.

— Да, мне хочется, чтобы она была со мной счастлива. Соня... к чему я все это говорю тебе?.. Если со мной что-нибудь случится, ты сможешь выполнить одну мою просьбу? Скажи Джилле, что я любил ее. Я ведь так и не успел произнести этих слов...

— С таким настроением сидел бы лучше дома. Ничего я не буду передавать. Сам встретишься с ней и все скажешь. Ты что, помирать собрался?

На востоке небо окрасилось розовым. Гинмар не ответил, весь как-то внутренне подобрavшись.

— Почему люди убивают себе подобных в начале нового дня? — тихо проговорил он, словно обращаясь к самому себе. — Никогда этого не понимал. Чаще всего битвы и казни совершаются именно на рассвете...

Стук топоров прекратился. Плотники закончили свой труд и понуро расходились. Впрочем, не все: были и такие, что решили задержаться, чтобы поглазеть на казнь. Судя по всему, ждать оставалось недолго. Площадь, несмотря на раннее время, постепенно заполнялась народом. Люди возбужденно переговаривались, указывая друг другу на ворота тюрьмы, которые должны были вот-вот раскрыться и пропустить скорбную процессию приговоренных к смерти узниц в сопровождении стражи. В толпе на Соню и ее спутника никто не обращал внимания. Наконец жуткое действо началось. Три женщины — их лиц Соня разглядеть не могла, да и не особенно пыталась, — шли, будто оцепенев от ужаса и отчаяния, ускоряя шаг лишь под ударами подгонявших их стражников. Народ встретил узниц дружным воплем безудержной ненависти; казалось, если бы не предусмотрительно выставленное оцепление, не позволявшее подойти слишком близко, до самой казни дело бы не дошло — толпа своими руками растерзала бы несчастных. Ианта повидала на своем веку немало публичных казней, но никогда еще приговор властей не встречал такого всеобщего исступленного одобрения. Женщины поднялись на помост, и им накинули на шею по веревочной петле; затем тела предполагалось сжечь, дабы очистить Ианту от колдовской скверны издревле известным и надежным способом. Соня ощутила подступающую к горлу тошноту.

Верховный жрец храма Митры выступил вперед и, призвав собравшихся к тишине, возвысил

голос, обличая нечестивых в совершении множества тайных злодейств и убеждая всех и в дальнейшем выявлять подобных чудовищ в человеческом обличье и помогать свершаться праведному суду. Закончить свою страстную речь ему не позволил Гинмар. Он сумел прорваться сквозь оцепление и запрыгнуть на помост, встав рядом с приговоренными. Толпа ахнула и подалась вперед. Подобного никто не ожидал.

— Как ты можешь, — крикнул Гинмар, обращаясь к жрецу, — пред очами бога, которому служишь, бога, щедро дарующего жизнь, требовать смерти этих несчастных?! Если они в чем-то и признались, то под пытками, которых не вынес бы и ты сам, — посмотри на их лица! Люди Ианты, слушайте меня! Я, Гинмар, сын Магистра Итана, без всяких пыток признающий в себе дар колдовства, говорю вам: опомнитесь! Кому причинил зло наш род? Мой отец совершал только то, о чем вы же его просили, и не вмешивался в дела прочих людей. Сам я — один из вас, и вряд ли найдется человек, который меня не знает; я вырос в том самом квартале, где возник пожар. Неужели кто-нибудь из вас поверит, будто я желал гибели своим братьям? Если вам не на кого больше выплеснуть свою ярость — возьмите меня и судите, а потом убейте, если найдете за мной вину перед Иантой. А эти женщины — невиновны!

Он говорил, задыхаясь от еле сдерживаемого гнева, его глаза сверкали на бледном лице, как две яркие звезды. Единодушные толпы было явно поколеблено, Гинмар у многих вызвал восхище-

ние своим мужеством. Он стоял, вскинув голову и сжав кулаки, точно изваяние, и вдруг косой луч солнца, пробившийся из-за серых облаков, как-то внезапно и резко, словно молния, полностью осветил его стройную напряженную фигуру. Собравшиеся на площади ахнули: будто сам Митра Пресветлый явил знак своего благоволения речи молодого мага. Толпа вздохнула как один человек, а лицо жреца перекосилось от бессильной ярости.

— Что ты молчишь?! — зашипел ему на ухо стоявший рядом Хизер, начальник тайной службы. — Язык проглотил? Крыса сама вылезла из норы, чтобы попасть прямоком в мышеловку, и нечего стоять здесь истуканом и хватать ртом воздух. Не можешь ничего сделать, значит, отойди и не мешай! — Он дал знак своим людям.

— Так вот как на вас влияют чары колдуна! — крикнул начальник тайной службы. — Вы, верно, обо всем забыли, покоренные его красноречием? Сын Итана хочет, чтобы его судили по законам Офира? Так и будет! Взять его!

Пятеро стражников бросились на Гинмара, выворачивая ему руки. Они действовали умело и быстро. Молодой человек не успел ничего предпринять, и за него никто не вступился — горожане застыли в полной растерянности и страхе.

— Он будет казнен вместе со столь любезными его черному сердцу гадинами, которых имел наглость защищать. И совсем скоро на этом месте их окажется не трое, а десять раз по трое! —

зловеще пообещал Хизер. — Казнь откладывается, но не отменяется! Увести их!

Соня едва сдержалась, чтобы не броситься на помощь Гинмару, но его горький опыт убедил девушку в полной бессмысленности подобных действий. Что толку от безрассудного вмешательства — в лучшем случае они попадут в одну камеру, а оставаясь на свободе, она, возможно, еще успеет что-нибудь придумать. Магистр Итан! Он защитит своего сына, нужно только известить его о случившемся. Соня, расталкивая толпу, поспешила прочь, намереваясь поскорее добраться до Риатеоса.

* * *

Соня третий раз в своей жизни явилась во дворец. Но теперь она дерзко настаивала на немедленной встрече с Магистром. Ее, однако, не пропустили во внутренние покои: Итан сам со благоволил спуститься к ней. Соня никогда прежде не видела этого высокого, властного человека с ястребиным профилем. Холодные глаза уставились на нее настороженно и изучающе, и девушке стало слегка не по себе под его взглядом.

— Гинмара схватила стража, — выпалила Соня. — На площади, возле тюрьмы. Он вступился за женщин, несправедливо обвиненных в колдовстве и в том, что они наводили порчу... Спаси его!

Тень набежала на лицо Магистра, и крылья носа гневно дрогнули. Он сделал шаг к девушке и теперь возвышался над нею, точно скала, позволяя вполне оценить свой огромный рост.

— Ты была там?

— Да, я... Мы пришли вместе,— выдавила она, невольно опуская глаза.

— Ты помогла ему покинуть Риатеос? Только не пытайся солгать.

— Да, он попросил меня об этом... Гинмар только хотел обратиться к людям... потому что в Ианте творятся страшные дела, и не он, а ты, Магистр, должен был вмешаться! — Соня наконец поборола смущение и страх и заняла атакующую позицию. Чтобы взглянуть в глаза Итану, ей приходилось задирать голову, но девушка больше не боялась — она, как с нею всегда случалось в момент опасности, почувствовала не страх, а поднимающуюся изнутри волну ярости. — Тебе безразличны судьбы людей, Магистр, а Гинмару — нет! У него доброе сердце, он способен сострадать людям, а не бесстрастно наблюдать, укрывшись за стенами дворца, как убивают всех подряд, правых и виноватых! Ты обязан вступить за него!

Итан, приподняв бровь, смотрел на нее, как на маленькое нахальное насекомое, которое осмелилось укусить его и которое он, если бы захотел, мог уничтожить одним небрежным щелчком. Однако чем дольше Магистр наблюдал за Соней, тем яснее видел, насколько внешнее проявление чувств девушки соответствует ее внутренней сути.

Положительно, эта дерзкая рыжая поборница справедливости своей искренностью, прямоотой и храбростью вызывала у него симпатию.

— Смелость в сочетании с глупостью образуют опасную смесь,— наконец промолвил он.— Дети... безрассудные легкомысленные дети, действующие так, словно у них в запасе вечность, словно им принадлежит весь мир...— Итан печально вздохнул. Он вовсе не казался разъяренным.— Иди домой, маленькая вестница большой беды. Я сделаю, что смогу. Но если бы ты могла хотя бы представить, что вы натворили!

Аудиенция явно была окончена, однако, когда Итан уже удалялся прочь, Соня тихо спросила:

— Магистр, чем я могу быть тебе полезна?

Тот остановился, обернулся, удивленно взглянул на нее и, печально покачав головой, изрек:

— Сотни людей переступали этот порог, чтобы обратиться ко мне со своими просьбами, но подобный вопрос задала ты первая. Ты действительно необыкновенная девушка... Если понадобится, я тебя разыщу.

* * *

Магистр велел оседлать коня, чтобы лично посетить правителя Эвилда. Хотя Итан выглядел внешне невозмутимым, сердце его сжималось при мысли об угрозе, нависшей над его сыном. С тех пор как он потерял Орта, прошли годы, но страшная рана в душе продолжала кровоточить; удар судьбы был настолько силен, что Магистр едва смог оправиться и заставить себя продолжать жить во имя долга. Неужели теперь и Гинмар покинет его? Горе отцу, которому суждено

пережить своих детей... Но, помимо личной человеческой трагедии, имело место нечто гораздо более важное, более значительное: род Итана не имел права прерваться.

Король Офира не принял его, даже не допустил во дворец. Однако каково же было изумление правителя, когда Итан все же предстал перед ним вопреки этому обстоятельству!

— Я не велел пускать тебя! — Эвилд вскочил с кресла. — Как ты посмел нарушить запрет?!

— Прошу прощения за настойчивость, — произнес Итан, — но дело, которое привело меня сюда, не терпит отлагательства. Твои люди не виноваты, я проник сюда незаметно для них.

— Что тебе нужно? — Эвилд надменно взглянул на Магистра, стараясь скрыть растерянность.

— Мой сын Гинмар схвачен городской стражей и брошен в тюрьму. Я прошу твоего высочайшего распоряжения отпустить его.

— Что же ты не воспользовался магией, чтобы так же явиться за ним в тюрьму, как вошел во дворец? — насмешливо осведомился правитель.

— Потому что ты начал эту войну в Ианте и должен ее прекратить. Я не намерен похищать своего сына вопреки закону.

— Я начал войну в собственной столице?! — вскричал Эвилд, словно не веря своим ушам. — Отдаешь ли ты себе отчет в том, что говоришь? Люди сами сделали выбор между законной властью и темными силами, которые олицетворяют подобные тебе. Мне смута не нужна, она слишком дорого мне обходится.

— Ты прекрасно знаешь, что я прав. Оставим бесполезный спор. Жаль, что мы не можем найти общего языка. Скажи, какой платы ты потребуешь за жизнь и свободу Гинмара, и я уйду.

— Платы, Итан? Вот как ты заговорил, когда тебе наступили на хвост, призвав, наконец, к ответу твоего спесивого сына...

— Мой род — один из самых древних в Офире, — с достоинством возразил Магистр. — Не стоит подвергать меня незаслуженным оскорблениям. Триста лет — большой срок, Эвилд; твоя династия насчитывает меньше. Но я пришел не за тем, чтобы спорить о подобных вещах.

— Триста лет... — повторил король Офира. — О да! Пятьсот лет назад великий Конан очистил Хайборию от скверны колдовства, костры пылали от Гиркании до Асгарда. Но спустя два столетия ваше племя вновь начало поднимать голову.

— Слава Конана-победителя тебе не грозит, Эвилд. Король Конан — воплощение мужества и чести, он никогда не нападал из-за угла, точно трусливый разбойник. Но и это сейчас не важно. Я повторяю вопрос: что тебе нужно в обмен на свободу Гинмара?

Эвилд медленно улыбнулся, наслаждаясь унижением противника. Он растягивал удовольствие и даже не пытался скрывать это.

— Риатеос, — наконец проговорил он, — и все земли, которые принадлежат тебе. Ты и твой сын покинете Офир живыми, если публично отречетесь от своего титула и права наследования.

Итан смертельно побледнел, но усилием воли взял себя в руки, не дав ярости овладеть собой.

— Это невозможно, повелитель.— Голос Магистра звучал ровно, и лишь по тому, как играли желваки на скулах, можно было понять, во что ему обходится его выдержка.— Владельцы Риатеоса не могут покинуть свой дворец и земли, ибо они хранят тайну заклатья тех неведомых непосвященному сил, которые в противном случае вырвутся на свободу и уничтожат Ианту. Этот дворец возведен на священном месте, он является Вратами Нижнего Мира, и если таковые отверзнутся, случится непоправимое.

— Слышал я не раз эту сказку,— махнул рукой Эвилд.— Неплохой способ запугивать легковерных болванов. Видишь ли, Итан, я ни на чем не настаиваю, ничего не требую. Разве я лишаю тебя свободы? Ты обратился ко мне с вопросом — я ответил на него.— Король Офира пожал плечами.— Иные условия меня не устраивают. Считаю, что мы не сумели договориться. Искренне сожалею. Но я дам тебе время подумать и все взвесить — до завтрашнего утра. И ты совершенно прав, отказавшись от попыток освободить Гинмара. Если это произойдет, даже я не смогу сдерживать гнев тысяч людей, которые просто сотрут Риатеос с лица земли.

— Эвилд... повелитель...— Итан глубоко вздохнул, собираясь с силами, чтобы разыграть последнюю карту.— Ты просил меня помочь в одном деле — исполнить твое желание на условиях, которые я никогда не принял бы при иных обсто-

тельствах: сделать тебя неуязвимым для покушения, не ограничивая срока твоей жизни. Я заявил тогда, что мне не дано осуществить подобное; и это правда. Цена такому желанию — *время*. Но теперь я скажу иначе. Я отдам *свое время*, и твое желание станет последним, исполненным мною. Большого сделать невозможно. Но за это ты оставишь нас в покое.

— Ничего не выйдет, Итан. Поздно. Я все решил, и тебе не удастся прельстить меня подобными посулами, сколь бы соблазнительными они ни представлялись.

— Ну что ж. Вероятно, к следующему утру ты тоже на многое будешь смотреть по-другому. Прощай.

С этими словами Магистр поклонился правилу, сообразно правилам придворного этикета, однако не прошел к выходу, а исчез, словно растворился в воздухе.

— Никогда не привыкну к их трюкам,— невольно вздрагивая, пробормотал Эвилд.— Но, слава богам, мне недолго осталось терпеть соседство всей этой нечисти.

* * *

Магистр возвратился во дворец с тяжелым сердцем. Навстречу ему метнулась Джилла.

— Отец,— воскликнула она, тревожно заглядывая в глаза Итану,— тебе удалось что-нибудь сделать для Гинмара?...— И осеклась, все поняв по выражению его лица.— О боги... неужели нет? — Слезы потекли по ее щекам.

— Прекрати плакать, женщина.— Итан мягко отстранил ее.— Что толку терзать мне душу своими стенаниями? Подумай лучше, не вмешаются ли в дело твои туранские родственники. Они могут повлиять на нашего полоумного короля. Если захотят, конечно... Он дал мне срок до утра. Что будет потом — клянусь, я не знаю.

— До утра?! Но за это время страшная весть даже не успеет долететь до Турана! — воскликнула молодая женщина, приходя в еще большее отчаяние.— И тем более не успеет прийти ответ... Как же нам быть? О Гинмар, муж мой, возлюбленный мой, я не вынесу, если ты покинешь меня, особенно теперь...— Она прижала руки к животу и пошатнулась; Магистр едва успел поддержать женщину.

— Воды! — крикнул он, призывая слуг.— Госпоже плохо!

— Нет-нет, ничего...— Джилла побледнела как полотно и чуть не упала в обморок.— Я просто...

— Ты больна? — спросил Итан.

— Нет,— покачала она головой,— но я жду ребенка. Дитя нашей с Гинмаром любви, о котором он даже не знает...

— Ребенка,— тихо произнес Магистр.— Так... Значит, вы успели... Что ж, Джилла... это по своему прекрасно. Мать моего внука... будущего владельца Риатеоса.— Он потрепал ее по щеке.— Не смей плакать. В твоём положении это вредно. Я распоряжусь, чтобы за тобой ухаживали, как за самым бесценным сокровищем мира. Иди же, де-

вочка, и успокойся. Позже я зайду к тебе. Кстати, ты не видела Ёно Рана?

Туранка утвердительно кивнула.

— Очень хорошо. Мне нужно с ним поговорить.— Стараясь как-то подбодрить ее, Магистр добавил: — Не бойся, все уладится.

Вернувшись к себе, Джилла вынула из клетки белого голубя, привезенного из Турана. Крепко держа его в руках, она надела на лапку птицы полое внутри кольцо, куда вложила короткую отчаянную записку, адресованную своему брату Тонгу — он был единственным человеком, способным без колебаний прийти ей на помощь. Женщина прекрасно понимала бесполезность этого жеста, но это было единственное, что она могла сейчас сделать. Распахнув окно, Джилла подбросила голубя вверх.

— Лети, торопись, мое сокровище! Больше нам надеяться не на кого...

Проводив птицу глазами — голубь наконец превратился в крошечную белую точку на голубом небосводе,— жена Гинмара отправилась разыскивать Итана, чтобы еще раз поговорить с ним. До сих пор она с некоторой настороженностью относилась к Магистру и старалась сталкиваться с ним как можно реже, так как не могла избавиться от чувства страха, которое он ей внушал. И даже теперь женщина не осмелилась прямо войти в покои Магистра, а в нерешительности замерла возле двери, собираясь с духом и обдумывая, что, собственно, намеревается ему сказать. Ее чуткий слух уловил голос Итана: Магистр беседовал с

кхитайцем. И хотя Джилла никогда не опускалась до того, чтобы подслушивать чужие разговоры, на сей раз она изменила своему принципу.

— ...Да, Ёно Ран, я прекрасно понимаю весь ужас создавшегося положения. Неужели я, отец, не люблю всем сердцем своего единственного сына? Но другого выхода нет... во всяком случае, я его не нахожу. Своими действиями Эвилд вынуждает меня пойти на то, чего я никогда бы не решился сделать. Но когда я говорил с ним, то не знал главного. Теперь у Риатеоса появилась новая надежда. Я не молод, но, полагаю, лет двадцать впереди у меня есть. За это время дитя вырастет. Я больше не допущу роковых ошибок, погубивших Гинмара и Орта, мой род не угаснет...

— Ты отдашь Гинмара Эвилду, Итан?

— Ёно Ран, а что бы ты сделал на моем месте? Я пытался удержать его от неразумных поступков, но он совершенно обезумел и поступил по-своему! Гинмар сделал свой выбор, рассчитывая на то, что я вытащу его в любом случае; он не понял, что все происходящее — не игра, и может возникнуть ситуация, когда бессильной окажется даже моя власть. Как бы мне ни было тяжело, но если придется выбирать между Риатеосом и жизнью Гинмара... Ёно Ран, тебе одному я могу открыть свое сердце. Мы вместе слишком много лет, чтобы мне стало стыдно перед тобой за свои слезы. Мой отважный сумасбродный мальчишка погубил себя, но я — я должен стоять на страже Врат Нижнего Мира, чего бы мне это ни стоило. Цена слишком высока, долг кажется мне непо-

сильным, но это мой долг, и я исполню его до конца. Когда-то моего старшего сына Врата не выпустили обратно. А теперь и Гинмар покинет меня...

Дальше Джилла не слушала. Ее охватили ужас и безысходность. Она поняла далеко не все из сказанного Магистром, но главное ей стало ясно: этот человек не будет помогать ее мужу. Женщина поднесла руку к губам и впилась зубами в запястье, стараясь сдержать рвущийся из груди стон отчаяния, а потом бессильно опустилась на пол, лишившись чувств...

Очнувшись, она не сразу сообразила, что происходит. Над нею в тревоге склонилось знакомое с детства лицо Тонга, и Джилле на миг почудилось, будто все случившееся — лишь кошмарный сон, и на самом деле она дома, в Туране... Женщина слабо улыбнулась и протянула к брату руки.

— Тонг... ты со мной...

— Слава богам, ты пришла в себя, сестра! — воскликнул принц. — Я узнал, что в Ианте творится невесть что, и примчался так быстро, как только мог. И увы, я не ошибся. Тебе же совсем плохо, девочка!

— Нет, Тонг, это всего лишь обморок. — Джилла с восторгом и надеждой смотрела на брата. — Со мной все в порядке, сейчас я встану... Я послала к тебе с вестью белого голубя, но ты...

— Мое сердце — лучший вестник и самый быстрый в мире гонец. Ты ведь знаешь, что я всегда любил тебя, моя маленькая Джилла, а

истинные чувства расстояний не ведают.— Тонг протянул сестре руку, помогая подняться.

Сбиваясь и плача, Джилла рассказала о последних событиях, умоляя его вмешаться как представителя Турана. Тонг выслушал ее не перебивая, лишь изредка задавая вопросы, чтобы уточнить некоторые детали происшедшего.

— Судя по всему, это внутреннее дело Офира,— произнес он наконец.— Но раз твой муж так дорог тебе... Хотя мне это кажется весьма странным: я слышал, он не отличался особой разборчивостью в связях с женщинами и нередко вел себя как дикарь, необузданный в страстях.

— Это ложь! — с горячностью возразила Джилла.— Гинмар получил прекрасное воспитание, он терпелив и добр и ни разу не обидел меня! Он готов носить меня на руках. Клянусь, о лучшем супруге я не могла и мечтать!

— Что ж, хорошо, если так, ибо в противном случае я задушил бы негодяя собственными руками. Я никому не позволил бы безнаказанно обижать мою сестру.

— Ведь ты не бросишь нас в беде, Тонг?

— Во всяком случае, постараюсь сделать все, что в моих силах,— кивнул принц Турана.— Боюсь, при сложившихся обстоятельствах выход у нас один: если нам удастся добиться освобождения Гинмара, вам обоим придется немедленно бежать в Туран, где ему предоставят убежище. Мне необходимо выяснить кое-какие вопросы, а ты, не теряя времени, приступи к сборам. Главное, не забудь о драгоценных камнях, что ты

привезла с собой в Ианту в качестве приданого: они хранят наш род и должны быть с нами в трудную минуту.

Джилла подавленно кивнула.

— Возьми себя в руки, сестра. Вам нельзя оставаться здесь!

— Ты собираешься увезти Джиллу из Ианты? — прервал их беседу звучный голос Итана.

— Да, Магистр, ее — и твоего сына, до которого, как я вижу, тебе вовсе нет дела,— резко отозвался Тонг.— Это совершенно необходимо, по крайней мере до тех пор, пока страсти в Офире не утихнут. Мы отправимся налегке, взяв только самое необходимое,— так проще и быстрее путешествовать. Я как раз говорил ей о драгоценных камнях; уверен, что Джилла не держит их у себя, а передала тебе для хранения. Пожалуйста, верни их моей сестре:

— Разумеется,— кивнул Магистр,— их стоимость будет возвращена вам полностью.

— Что значит — возмещена?

— Тонг, мне очень жаль, но камни украли. Не знаю, кто мог это сделать; нам пока не удалось отыскать вора. Я готов щедро заплатить за них.

От возмущения туранец потерял дар речи. Его широкие черные брови грозно нахмурились, глаза сверкнули яростью.

— Да как ты смеешь заявлять подобное?! Предлагать мне деньги?! Этим драгоценностям нет цены, на камни наложен специальный заговор, и они являются талисманами, передающимися в нашем роду из поколения в поколение. Мне сто-

ило немалых трудов убедить отца отдать их именно Джилле, младшей из принцесс, и что же я теперь слышу?! Как будто речь идет об обыкновенных стекляшках!

Джилла бросилась перед братом на колени, умоляюще воздев руки:

— Они найдутся, найдутся, я уверена! О Тонг, не медли, спаси моего мужа! Если с ним что-нибудь случится, я тоже умру!..

— Ты знаешь, что я не могу видеть твоих слез, сестренка. Хорошо, я сделаю все, что в моих силах. Но то, что происходит, с каждым мгновением нравится мне все меньше и меньше!..

* * *

Соня тоже не находила себе места, чувствуя себя отвратительно: она была подавлена неудачей Гинмара и сознавала свою вину за случившееся. Ну зачем она развесила уши и пошла на поводу у безрассудного мужчины? Да еще обо всем рассказала Лори... Теперь мальчишка ревел, размазывая по лицу слезы, а ему вторил Зарх, который хотя ничего и не понимал, но был напуган не меньше. Хабир ругался сквозь зубы и проклинал судьбу за то, что та отняла у него возможность свободно передвигаться, — он непременно смог бы что-нибудь предпринять... В общем, маленький домик Йариххи превратился в место всеобщей скорби и крайнего уныния, охватившего всех его обитателей, и слова Сони о том, что Магистр непременно вмешается и выручит своего сына, не находили особого отклика — наверное, потому, что

в голосе девушки не чувствовалось обычной убедительности.

Ближе к вечеру в домике Йариххи раздался стук в дверь и на пороге возник человек, которого Соня уж меньше всего ожидала здесь увидеть. Таур! Девушка обомлела. Скупщик краденного осмелился открыто, среди бела дня, разгуливать по городу... Да это просто неслыханно!

— Ты в своем уме?! — прошипела она. — Хочешь нас всех за собой потащить? И вообще, как тебе удалось сбежать?

— Сбежать? — рассмеялся Таур. — Да ничего подобного, меня просто выпустили; хотя, не случись этого, не думаю, чтобы я надолго задержался в тюремной камере. Мне там не понравилось — сыро, знаешь ли, тесно, да и жратва не ахти какая. Мне повезло — сейчас властям не до таких, как я, — выпустили около двух сотен нашего брата, ну и меня в том числе. Вот уж поистине, не было бы счастья, да несчастье помогло. Места в тюрьмах понадобились для новых гостей, поважнее. Ладно, рыжая,пусти меня в дом. Поговорить надо, я по делу пришел. Хозяйке скажи, что я твой друг; она поверит, ты ведь не из тех, у которых что ни день — новый приятель.

— Не болтай. Ладно уж, проходи. — Соня посторонилась.

— Ого! — При виде Лори и неотступно, как пришитый, следующего за ним Зарха, Таур присвистнул. — Старые знакомые! Эти-то что тут делают? Привет, щенята! А отец ваш где?

— Хабир тоже у нас, — сказала девушка.

— Чудеса. Когда это ты успела с ними познакомиться? Впрочем, это не мое дело. Есть тут где пошептаться, чтобы не было лишних ушей?

Соня немедленно отослала детей прочь.

— Можешь говорить.

— Ты камни продала? — поинтересовался Таур.

— Нет. Кому? Тебя взяли, а мерзавец Каф меня обманул.

— Каф! — презрительно скривил губы собеседник. — А ты что хотела? Сама виновата — нашла с кем связываться. Считай, еще повезло, что вообще не убил.

— Да он пытался, — призналась Соня. — Причем дважды.

— На него похоже. Такие, как этот мерзавец, только позорят наше дело. Кстати, его несколько дней уже не видно — говорят, сгинул во время пожара в воровском квартале. Так где эти камни — все еще при тебе?

— Конечно.

Таур с облегчением вздохнул.

— Давай сюда. Деньги я принес. Сейчас самое время для наших дел, власти на нас не обращают никакого внимания. Куда им — они крупную дичь загоняют. Однако поостеречься все равно не грех. Забирай-ка деньги да смывайся поскорее из Ианты. Ты ведь, рыжая, помнится, в Шадизар собиралась...

— Ну, собиралась. Только теперь на дорогах сплошные посты, пришлось задержаться.

— Эти сети не на тебя расставлены. Ты ведь у нас девица шустрая, все равно бы проскользнула. И я, в случае чего, мог бы помочь. Если надума-

ешь когда-нибудь сюда вернуться, буду рад встрече. Мне удачливые да упрямые нравятся. Опята у тебя, конечно, маловато... Ну, да опыт — дело наживное. Так что мне не хотелось бы потерять тебя из виду. А пока давай-ка закончим наше дельце.

— Ладно, — вздохнула Соня, доставая мешочек с камнями и вытряхивая их на расстеленный на столе кусок материи. — Смотри, считай...

— Да, — Таур покачал головой, — добыча, ничего не скажешь, редкостная. Отлично поработала, рыжая... — Скупщик краденого протянул ей увесистый кошель, набитый золотыми монетами. — Держи. Как договаривались, без обмана. Повезло тебе, Соня, сказочно повезло! Ты ведь теперь по-настоящему богата! Эй, да что с тобой, подруга?

Девушка застыла, опершись о край стола и неотрывно глядя на свою добычу, не обращая никакого внимания на гостя. Сердце ее стучало часто-часто, щеки пылали. Соня не понимала, откуда пришло к ней это знание, но ей внезапно стало совершенно ясно, что камни продавать нельзя, ни в коем случае. Они должны остаться у нее. А потом она вернет их законным владельцам. Нет, совесть ни при чем, здесь было совсем другое... Предчувствие, интуиция?..

— Таур... — подняла она голову. — Я не могу.

— Чего не можешь? — Скупщик недоуменно уставился на нее.

— Продать эти камни. Извини... Я должна отказаться от нашего договора, — решительно произнесла Соня.

— Как прикажешь тебя понимать?

— Да как хочешь... Прошу тебя, не надо ни о чем меня спрашивать. Я передумала, и закончим на этом.

— Совсем ненормальная...— Таур был возмущен и раздосадован.— Тебе, что же, предложили заплатить за них подороже? Трудно поверить. Да что ты собираешься с ними делать?!

— Это тебя не касается. Уходи. Мне нечего добавить.

Скупщик краденого, внимательно взглянув на девушку, понял, что спорить с ней действительно бесполезно.

— Ладно,— буркнул он.— Только учти, рыжая: ты совершаешь ошибку, о которой потом сто раз пожалеешь, да будет поздно. Прощай! — С этими словами Таур шагнул за порог и растворился в вечерних сумерках.

— Не пожалею! — уверенно прошептала ему вслед Соня, правда Таур вряд ли ее расслышал.

* * *

Джилла застыла у окна, высматривая брата, не в силах унять невыносимую тревогу. Когда тот появился, женщина сразу же поняла, что снова произошло нечто ужасное. Тонга трясло от бешенства, она никогда прежде не видела его в таком состоянии. Не глядя на Джиллу, он молча распахнул дверь в покои Магистра.

— Вора, говоришь, найти не смогли, который ограбил мою сестру? Еще бы! Потому что искать следовало в собственном доме! Вот! — Туранец раз-

жал кулак, и на его ладони сверкнул большой кроваво-красный рубин.— Я узнал бы принадлежащий нам камень среди тысяч других!

— Что это? — недоуменно спросила вошедшая вслед за ним Джилла.— Откуда он у тебя?

— Нашли при обыске у твоего драгоценного мужа! — рявкнул Тонг.— Он клянется, будто не знает, где остальные, но у меня нет ни малейшего сомнения, что негодяй сам похитил их, чтобы прогулять вырученные деньги с самыми грязными шлюхами Ианты! Есть ли вообще в этом роду какое-либо понятие о чести?!

— Я не верю, что Гинмар мог так поступить...— едва слышно прошептала женщина.

— Помолчи. Ты всегда была слишком наивной, Джилла. И ты, великий Магистр,— с яростной издевкой добавил туранец,— тоже будешь утверждать, будто твой сын здесь совершенно ни при чем? Рубин ему подкинули враги, не так ли?!

Итан молчал. Он отчетливо вспомнил слова Гинмара: «Обычная кража... Подозревать можно кого угодно, вообще всех подряд... Хочешь знать, кто был ночью в хранилище? Я был там вместе с одной женщиной...» Его сын действительно мог взять камни — в отместку за то, что его вынуждают вступать в брак против воли.

— Джилла замужем всего месяц,— продолжал Тонг,— но того, что я увидел своими глазами, довольно, чтобы мне все стало ясно. Собирайся, сестра, мы немедленно покидаем этот проклятый город!

— Нет! Я никуда не уеду отсюда, я не хочу этого, Тонг!

— А меня вовсе не интересуют твои желания!

— Если Джилла не хочет, она никуда не поедет. Она — законная супруга Гинмара и останется в доме своего мужа, — твердо произнес Итан, которого, говоря по правде, более всего волновала мысль о том, чтобы сохранить возле себя своего будущего внука.

— Что?! — взревел Тонг, вращая налившимися кровью глазами.

Джилла переводила затравленный взгляд с одного мужчины на другого. Выбор был незавидный: либо покинуть Ианту и навсегда потерять Гинмара, отправившись домой с Тонгом, либо остаться один на один с Итаном, которому она нужна, как... как призовая лошадь, способная принести здоровое потомство, чтобы обогатить хозяйина. Конечно, брат желает ей только добра, но ведь жизни без Гинмара она не представляет!

— Они же просто использовали тебя, сестра, а потом бесстыдно предали! Опомнись, Джилла!

«Камни... драгоценные камни из моего приданого, якобы похищенные Гинмаром... — пронеслось в голове женщины. — Если он не виноват, почему же, зная о пропаже, ничего мне не сказал, скрывал правду? Неужели все-таки он мог?.. Значит, Тонг, сердце которого не ослеплено любовью и который не имеет, в отличие от меня, иллюзий относительно моего мужа, не ошибается? Тогда зачем мне вообще жить, если самый близкий че-

ловек, которому я с такой безоглядностью поверила, поступил со мной как последний подлец?!»

— Тонг... Магистр... — Джилла с трудом произносила слова. — Дайте мне возможность хоть немного подумать, чтобы я могла на что-то решиться. Умоляю вас, не мучайте меня.... Я прошу не так много!

Она действительно еле держалась на ногах и была так бледна, что мужчины сочли за лучшее выполнить ее просьбу.

— Но только недолго, — прорычал Тонг, — я жду тебя здесь, и если ты не явишься, увезу силой!

Джилла направилась не к себе, а, пошатываясь от внезапно обрушившегося на нее горя, устремилась в зверинец, где не раз бывала вместе с Гинмаром.

— Пусть тигры, которых ты так любишь, разорвут на куски мое тело так, как ты разбил мне сердце... — прошептала она бескровными губами и, собрав все силы, отодвинула массивный засов клетки...

— Остановись, не делай этого! — Кто-то схватил женщину за плечи и оттолкнул в сторону. Это был Ено Ран.

— Оставь меня, не мешай, я не хочу жить! — Джилла снова рванулась к клетке, однако ноги не держали ее, и туранка без сил опустилась на засыпанный опилками пол, вздрагивая от рыданий.

— Перестань, успокойся. — Кхитаец ласково погладил ее по голове. — Счастье, что я следил за тобой, пока эти два безумца продолжали свой

спор. Еще немного, и спорить было бы не о чем. Послушай меня, Джилла. Я знаю в Ианте одну девушку — ее волосы как огонь, глаза подобны сверкающему стальному клинку, а сердце полно храбрости, силы и любви. В ней — твоя единственная надежда и твое спасение. Не откладывая ни на миг, спеши к ней, иначе будет поздно!

— Но кто эта девушка? — Джилла недоверчиво посмотрела на кхитайского мудреца. — И где я смогу найти ее?

— Пять сотен лет назад в Хайбории властвовал Конан, великий герой, покрывший свое имя неувядаемой славой, легенды о его деяниях до сих пор не забыты. Прошло время, и родился новый герой. Теперь это женщина — так было предопределено. Ты должна быть счастлива, что живешь в одно с нею время. Что толку впустую скорбеть о том, что боги глухи и слепы к твоему горю? У богов нет иных рук, кроме человеческих. Ты непременно встретишься с рыжеволосой девушкой, жар души которой способен растопить любые льды, а ловкость и умение сражаться — преодолеть все препятствия. Я покажу тебе выход из дворца, он как раз проходит под зверинцем. Осуши свои слезы, девочка, стань сильной, чтобы оказаться достойной помощи. Вставай!

Джилла мало что понимала из велеречивых слов кхитайца, однако слушала как завороженная. Она поднялась на ноги.

— Ты готова?

— Да, — прошептала туранка.

— Запомни, — сказал Ёно Ран, — ее зовут Соня.

С этими словами он отодвинул плиту в полу, совершенно незаметную среди прочих, и Джилла заглянула в черную пустоту хода. Ей вдруг стало зябко, словно оттуда повеяло холодом могилы, и женщина невольно обхватила себя руками за плечи.

— Иди же! Спускайся вниз. Не бойся внешней тьмы, ее не существует, ибо тьма — лишь отсутствие света. Самое главное — не дать погаснуть факелу твоей души.

* * *

Джилла едва помнила, как преодолела переход и оказалась в Ианте. Бедняжка совершенно не ориентировалась в этом чужом для нее городе. Ей и в Туране никогда не приходилось ходить без сопровождения, а здесь и подавно. Так что молодая женщина чувствовала себя в столице Офира немногим лучше, чем в дремучем лесу. Джилла с опаской оглядывалась по сторонам. Куда идти?

— Соня, — вслух повторила она имя, названное Ёно Раном, и звук собственного голоса немного ободрил молодую женщину. — Соня, — уже чуть громче произнесла она, — о, если бы мне знать, как отыскать тебя!

— А что меня искать, — раздался женский голос, и туранка, испуганная, обернулась. У нее за спиной стояла высокая рыжеволосая девушка. — Минут десять уже наблюдаю, как ты озираешься, словно гусыня. Не представляешь, как забавно ты выглядишь!

Джилла вздрогнула. Неужели такое возможно? Девушка, представшая перед ней, в точности со-

ответствовала описанию кхитайца. Волосы, как огонь, и глаза подобны сверкающему клинку...

— Ты услышала меня и пришла...— выдохнула туранка.

— Ничего я не слышала.— На самом деле Соня намеревалась проникнуть в Риатеос тем же путем, каким эта смешная девица только что выбралась оттуда,— с парадного входа Соню на этот раз к Магистру не пустили, а Соне было необходимо с ним поговорить. Каково же было ее удивление, когда она, собираясь спуститься в подземный ход, увидела, что вылезает оттуда не кто иной, а сама Джилла, молодая жена Гинмара! Однако не разьяснять же ей все это с самого начала...

— Ёно Ран сказал, что ты одна сможешь помочь мне!

— Кто такой Ёно Ран и откуда он взял, будто я колдунья сродни самому Исполнителю Желаний? — удивилась Соня.— Я не способна творить чудеса. Может, тебе луна с неба понадобилась, так, ты уж извини, это не в моей власти. И будущее предсказывать я тоже не умею.

— А прошлое?

— Смотря чье,— усмехнулась девушка.

— Скажи, мой муж мог украсть что-либо, принадлежавшее мне?

— Судя по расположению планет,— Соня с самым серьезным видом взглянула на небо,— мог, но он этого не делал. Потому что Гинмар безумно тебя любит и ни за что на свете не совершил бы подобного.

Джилла, радостно вскрикнув, склонилась перед рыжей девушкой.

— Ёно Ран прав: ты ведаешь тайны сущего!

— Только некоторые,— скромно поправила ее Соня.— Ты ведь Джилла, не так ли? А я... В общем, самое важное, что я друг Гинмара.

От внимания туранки не ускользнуло, что она сказала «друг», а не «подруга».

— Неужели в этом ужасном городе есть еще хоть один человек, которому не безразлична судьба моего мужа? — взволнованно спросила она.— Даже его родной отец ничего не хочет для него сделать, а мой брат Тонг, на которого я так надеялась, считает, что Гинмар...— И туранка, стараясь как можно более внятно изложить события, рассказала Соне обо всем, что ей было известно.

— Да,— протянула девушка,— вести и вправду весьма скверные.

По щекам Джиллы снова потекли слезы.

— Прекрати,— поморщилась Соня.— Слезами горю не поможешь.

Но молодая женщина, несмотря на редкостную красоту, выглядела такой несчастной, что у Сони сжалось сердце. И ведь этот нежный туранский цветок совершенно не способен сам о себе позаботиться.

Ее-то, Соню, жизнь сызмальства научила противостоять ударам судьбы. Ничего, эта изнеженная красавица тоже скоро поймет, что живет в достаточно жестоком мире, в котором, если хочешь выжить, нужно не предаваться бесполезному отчаянию, а действовать.

— Будешь все время хныкать, отправишься обратно во дворец,— строго предупредила Соня.— И вообще, у нас мало времени. Вот только как показаться с тобой на улицах? Уж больно богато ты одета, такие женщины по городу без телохранителей не ходят, особенно сейчас...— Соня придирчиво оглядела туранку с головы до ног, и у нее, кажется, стал созревать план действий, хоть и не вполне пока отчетливый.— Знаешь что, переоденусь-ка я в мужскую одежду, и тогда мы вдвоем сойдем за знатную даму и ее мальчика-слугу. А потом...

— Что потом?..

— Не мешай,— отрезала девушка.— Сама еще не знаю. Видишь же — думаю!

И через некоторое время она изложила Джилле суть своей дерзкой затеи. Однако туранку плановой подруги отнюдь не привел в восторг.

— Нет,— нерешительно возразила она.— О, Соня, я просто не смогу сделать ничего подобного! У меня не получится...

— Почему ты не хочешь даже попытаться?!

— Я не верю в свои силы, не верю, что сумею чего-либо добиться. У меня нет никакой защиты, амулета, а принадлежащие моей семье драгоценные камни, присутствие которых всегда выручало нас, исчезли... С тех пор и начался этот кошмар. Я чувствую себя совершенно беспомощной, и положение становится все хуже и хуже...

— Исчезли? Ах, какая жалость, Джилла! Талисманы надо беречь как следует. Тебе очень не повезло...— Соня крепко обняла туранку, а когда

отстранилась, та с изумлением обнаружила, что на поясе, перехватывающем ее одежды, висит мешочек, которого — Джилла в этом нисколько не сомневалась! — она никогда раньше не видела.

— Что это? — растерялась женщина, нерешительно беря его в руки и не без некоторой опаски развязывая. В следующий момент тревога на ее очаровательном личике сменилась неподдельным детским восторгом: — О... не может быть... Мои драгоценности! Но как же...

— Боги дают тебе чудесный знак своего благоволения, дабы укрепить твой дух,— торжественно возвестила Соня.— Неужели и теперь ты сомневаешься?!

* * *

Хизер имел все основания быть довольным. Еще бы, ведь он вполне оправдал доверие своего повелителя. Ну кто еще мог бы в столь короткий срок достичь таких впечатляющих результатов? Мало того, что половина жителей Ианты оказалась сейчас за стенами тюрьмы, а оставшиеся на свободе продолжали выискивать если и не магов всякого рода, то сочувствующих им или способных таковыми стать,— он, Хизер, вплотную подошел к самому главному, к мечте короля Эвилда: захвату Риатеоса. Этому осиному гнезду скоро конец! В Ианте установится единая власть. Безрассудная выходка Гинмара была в этом смысле огромной удачей — если уж за него, любимчика черни, никто не посмел вступить, то на какую помощь может рассчитывать Итан? В самом неда-

леком времени он будет отправлен на костер вслед за своим вырождением.

Стояла глухая ночь, но Хизеру не спалось. Он остановился перед зеркалом. Начальник тайной службы Ианты испытывал какую-то странную тягу к своему отражению, неизменно вызывавшему у него противоречивое чувство обожания и ненависти. Из зеркала на Хизера смотрел плюгавый человечек с низким лбом, темными жесткими волосами, толстыми, словно вывернутыми, губами и приплюснутым, да еще перебитым в давней драке носом. Неестественно длинные руки, оканчивающиеся чересчур крупными кистями с короткими толстыми пальцами, придавали ему поразительное сходство с обезьяной, вот только ни у одной обезьяны не могло быть таких глаз — выпуклых, будто вылезающих из орбит, к тому же еще расставленных так широко, точно они стремились переместиться на виски.

Человека, который ныне стал начальником тайной службы, никогда не любили женщины. Хизер об этом догадывался. В нем было нечто такое, что вызывало отвращение у представительниц прекрасного пола. Женщинам было противно до него дотрагиваться, равно как и ощущать прикосновение его, Хизера, холодных и влажных рук. Даже шлюхам не всегда удавалось разыгрывать страсть, оказавшись с ним в постели, и они, почти не скрывая своих чувств, лишь с нетерпением ждали, чтобы он поскорее закончил свое дело и оставил их в покое. Это было неправильно. Несправедливо. Унизительно. Хи-

зер давно перестал домогаться любви этих продажных тварей, которыми он считал всех женщин, и при случае брал их силой и с невероятной жестокостью, мстя за то, что они его отвергали. Но его не оставляла надежда: наступит такой день, когда прекраснейшие из них сами придут и будут молить его о благосклонности. Он будет выбирать только лучших, не довольствуясь вторым сортом, лучших — значит, не просто обладающих совершенной внешностью, но сильных и гордых; он не оставит от их достоинства камня на камне, превратит их в бессловесных тварей, рабынь собственной похоти.

При одной мысли об этом Хизер ощутил такой приступ желания, что застонал. Ну ничего! До полного триумфа осталось недолго. Он по праву заслуживает достойной награды, и Эвилд не обманет его ожиданий, а значит...

Размышления начальника тайной службы прервал осторожный, но настойчивый стук в дверь.

— Что там еще? — раздраженно рявкнул Хизер, оборачиваясь. — Можно хотя бы в такое позднее время оставить меня в покое?

Слуга, не смеявший поднять глаз, виновато произнес:

— Там какая-то женщина желает вас видеть... Клянется жизнью, что дело не терпит отлагательства и касается лично вас.

— Женщина? — переспросил Хизер, подумав, что именно сейчас она оказалась бы весьма кстати: надо же как-то сбросить напряжение!.. — Кто такая?

— С виду богатая и знатная госпожа с мальчиком-телохранителем. Очень красивая...

— Пусть войдут,— благосклонно кивнул начальник тайной службы. Вот так. Почуяли, крысы, кому теперь следует кланяться!

Но когда женщина остановилась перед ним и сбросила с лица покрывало, призванное скрывать ее облик от посторонних любопытных взоров, Хизер все-таки на мгновение потерял дар речи. Неземная красота посетительницы сияла как тысяча солнц, ее нежные губы трепетали в смущенной полуулыбке. Грива черных волос, увенчанная золотой диадемой, придавала облику посетительницы величественность, а огромные оливковые глаза излучали подлинную страсть. Посмотреть на миловидного юнца, который сопровождал это божественное создание, у Хизера попросту не осталось сил.

— Кто ты? — спросил он, с трудом справляясь с волнением и чувствуя, что пересохший язык едва ворочается во рту.

— Туранская подданная Джилла, мой господин,— прозвучал мелодичный голос.

— Вот оно как...— Мерзкая улыбка зазмеилась на плотоядных губах начальника тайной службы; он сидел, вальяжно развалившись в кресле, и даже не подумал предложить присесть своей поздней гостье.— Явилась просить за своего мужа. Я угадал? Ничего не выйдет, голубушка. Я не такой идиот, чтобы клонуть на дешевую наживку.

— Нет, мой господин.— Она покачала головой, так что зазвенело золото серег.— Я была вы-

дана замуж силой; этот грубый мужлан не смог оценить меня по достоинству, и я только рада тому, что очень скоро, благодаря тебе, стану вдовой.

— Тогда чего ж тебе еще недостает? — Хизер очень старался сохранить надменный вид, однако это плохо ему удавалось: от одного только присутствия красавицы начальник тайной службы чувствовал себя как пьяный. Его охватило неодолимое желание подняться и прикоснуться к ее телу, ощутить сладость дыхания, но остатки разума подсказывали, что в таком случае он, будучи ей ростом лишь по плечо, вряд ли сумеет выглядеть слишком убедительно.

— Я пришла к тебе, потому что восхищаюсь тобой,— выдохнула Джилла.— Потому что ты обладаешь истинной властью, олицетворяя собой подлинную мощь и славу Офира — бо́льшую, чем таковая у ничтожных магов и колдунов, оказавшихся не в силах защитить самих себя... бо́льшую, чем даже у короля, ибо кем бы он был без тебя?

О, боги, Хизер всю жизнь мечтал услышать именно эти слова и именно из таких уст. Все происходящее представлялось ему нереальным, похожим на чудесный сон; начальник тайной службы даже незаметно ущипнул себя за руку — но нет, он не спит. Между тем Джилла приблизилась к нему и встала на колени, глядя снизу вверх в его по-жабьи выпученные глаза.

— Я преклоняюсь перед тобой, Хизер, и тебя одного считаю достойным стать моим повелителем.

Потные жирные пальцы дотронулись до нежной кожи щеки... И красавица не отстранилась, не вздрогнула и не отвела чарующего взгляда.

— Бери же меня и владей,— прошептала она,— без условий, без всяких обетов, ибо твоя благосклонность — высшая награда для женщины. После смерти моего мужа Риатеос и все земли станут моими и я с радостью отдам их тебе. Ты станешь их безраздельным господином, ибо ты единственный, кто достоин этого, о Хизер!

— Да,— прохрипел он, багровея от страсти. Со стороны казалось, что его вот-вот хватит удар.— Риатеос... и ты... Я достоин этого!

— А Итану и Гинмару место на свалке,— продолжала Джилла, целуя руки Хизера, касаясь их губами так нежно, словно перед нею были лепестки роз, а не уродливые грубые лапы, на которых в этот момент каждый волосок встал дыбом.

Начальник тайной службы готов был наброситься на женщину прямо здесь и сейчас, овладеть ею, терзать и кусать это чудное податливое тело, нисколько не смущаясь присутствием постороннего. Мальчик-слуга по-прежнему скромно и тихо стоял у двери — верно, он прошел неплохую выучку.

— Подожди еще немного, повелитель.— Джилла мягко отстранила его руки.— Я хочу, чтобы наше счастье было полным, а для этого нужно... чтобы... здесь был Гинмар! Пусть он испытает жесточайшие страдания, зная, что я досталась достойнейшему из мужчин! Пусть своими глаза-

ми увидит, как я отдаюсь человеку, превосходящему его во всем. То, что ему принадлежало, да станет твоим у него на глазах!

«Да она не только прекрасна и умна, но и коварна, как тысяча гадюк,— подумал Хизер.— Вот это женщина! Подобные ей, пожалуй, нравятся мне больше всего». Уж такую-то просьбу не исполнить он просто не мог. Лишить себя удовольствия насладиться бессильной яростью ненавистного выскочки?! Ну уж нет!

— Когда твой нефритовый стержень пронзит мое лоно, пусть огненный меч ревности медленно-медленно повернется в его груди...

«Поразительно, какие точные слова подбирает эта красавица».

— Я распоряжусь его привести... Сейчас же!..— Начальник тайной службы хлопнул в ладоши.— Привести сюда Гинмара! — Голос Хизера сорвался на визгливый фальцет, но, украдкой взглянув на женщину, он убедился, что Джилла не обратила на это внимания.— Слышите? Сейчас же!

Руки принцессы продолжали обвивать его колени. Хизер глаз не мог отвести от более чем откровенного выреза богато расшитого платья, он забыл обо всем на свете, трясаясь как в лихорадке. Он отчетливо слышал, как часто и громко колотится сердце туранки, видел, как бурно вздымается ее роскошная грудь. Да, она не лгала ни единым словом и в самом деле эта женщина охвачена страстью, сравнимой с его собственной. Такое сыграть невозможно, уж у него-то имеется в этом опыт.

— Любовь моя... свет очей моих... Потерпи чуть-чуть, совсем скоро мы сможем соединиться,— шептали ее губы.— Всю боль, все муки я выпью с твоих губ, и тоска навсегда покинет глаза моего повелителя, ибо один ты угоден мне пред лицом богов, и в жизни и смерти мы будем вместе.— Женщина словно молилась, истово и иступленно; на ее длинных изогнутых ресницах мерцали прозрачные жемчужины слез.

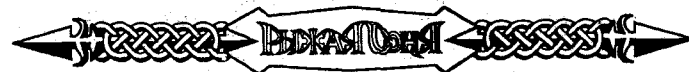
Для Хизера время замерло. Ничего не осталось, кроме ее ласковых теплых рук — и слов, что чудодейственным бальзамом проливались на его сердце.

* * *

Когда привели Гинмара, Соня едва не вскрикнула. С тех пор как она видела его в последний раз, прошло совсем немного времени, а он, казалось, постарел на двадцать лет. Страшно осунувшееся, изможденное лицо, заросшее темной щетиной; лихорадочно, почти безумно блестящие глаза, седые виски; искусанные до крови губы... Пленник едва переставлял ноги, словно каждое движение причиняло ему жестокую боль. Скованные цепью руки дрожали, и от взгляда девушки не укрылось, что с нескольких его пальцев сорваны ногти. «Не смотри на него!» — хотелось крикнуть Соне, но ее спутница уже обернулась.

— Джилла! — Гинмар рванулся к ней из последних сил, но охранники отбросили его назад.

«Все кончено,— подумала Соня,— она сейчас раскроет себя». Однако девушка недооценила силу воли и выдержку своей новой подруги.

— Пусть все оставят нас, о Хизер.— Принцесса вновь обратила взор на начальника тайной службы.— Теперь мы сможем наконец предаться любви.

— Прочь, бездельники! — рявкнул Хизер, и охрана тут же удалилась из его покоев.— А этот... твой? — кивнул он головой в сторону молчаливого телохранителя туранки.

— Он предан мне как пес,— усмехнулась она,— к тому же может, если что, придержать этого негодяя. Он хоть и очень юн, но отличается чрезвычайной силой.

— Не сомневайтесь,— в первый раз подала голос Соня.— Да еще и ловкостью в придачу.— С этими словами она стремительно выхватила и метнула нож, который вонзился в горло начальнику тайной службы. Хизер дико захрипел, вцепившись в его резную рукоять, и навзничь рухнул на пол.

— Не спеши его выдергивать, иначе сразу же сдохнешь,— холодно заметила Соня.— Жил как тварь и умрешь как тварь.— Она презрительно сплюнула.— Тебя даже добивать противно, обезьяна вонючая...

— Я сама это сделаю,— с ненавистью произнесла Джилла. Нежный туранский цветок в одно мгновение превратился в разъяренную тигрицу: она нагнулась, вырвала нож и вонзила его снова — на этот раз точно в сердце Хизера, а потом бросилась к Гинмару: — Слава богам, ты жив, мой любимый!

Соня распахнула окно.

— Джилла, скорее! Гинмар, давай я тебе помогу.— Она заставила его подняться на ноги и буквально вытолкнула беднягу в окно. Спрыгнув на землю последней, Соня негромко свистнула.

На условленный сигнал незамедлительно отозвался Лори. Он сидел верхом на неоседланной лошади, держа второго скакуна в поводу.

— Молодец,— похвалила Соня.— Я знала, что на тебя можно положиться!

Мальчишка просиял. На вторую лошадь, издавая сдавленные стоны от невыносимой боли, взобрался Гинмар, посадив впереди себя жену. Соня хлестнула коней, пустив обоих в галоп, и очень скоро они достигли Риатеоса.

— Джилла, ты была просто неподражаема,— сказала она, с улыбкой глядя на туранку,— ты играла до такой степени натурально, что не поверить тебе было невозможно.

— Но я вовсе не играла,— отозвалась та.— Я делала, как ты меня научила: на месте этого отвратительного чудовища представляла Гинмара и обращалась именно к нему, вот и все.

Итан при виде четверки прямо-таки застыл на месте. Срок, отведенный Эвилдом, почти истек, и он уже не чаял увидеть сына живым, а после того как исчезла и Джилла, и совсем впал отчаяние.

— Не стой как столб, Магистр,— усмехнулась Соня,— а то навеки прирастешь к месту!

Итан бросился к сыну, протягивая руки... И вовремя. Гинмар буквально падал со спины коня. Магистр успел подхватить его и понес во дво-

рец — после всего пережитого передвигаться самостоятельно Гинмар уже не мог.

* * *

Узнав о случившемся, Эвилд пришел в настоящее бешенство.

— Как ему удалось совершить побег?!

— Он не смог бы этого сделать...— Начальник тюрьмы под гневным взглядом правителя дрожал как лист на ветру.— Это Хизер... Начальник тайной службы распорядился... Пришли его люди... с приказом доставить Гинмара к нему в дом, причем с величайшей поспешностью.

— Зачем?!

— Для допроса, очевидно... Хизер был наделен полномочиями, согласно которым его приказы не оспаривались.

— Ослы! Что проще — валить всю вину на мертвеца, у которого теперь ничего не спросишь... Каждая тварь готова предать меня! Но я не отступлюсь. Мы возьмем Риатеос штурмом и уничтожим этих мерзавцев прямо в их осином гнезде!

* * *

К середине дня в сторону дворца было направлено несколько отрядов вооруженных до зубов стражников.

— Безумие,— проговорил Итан, наблюдая со сторожевой башни за маневрами войск, со всех сторон подтягивавшихся к Риатеосу.

— Что мы им противопоставим? — спросила стоящая по правую руку от него Соня.— Их не-

сколько сотен, а у нас лишь слуги, не привыкшие сражаться с мечом в руках, да и тех не более трех десятков... причем половина — женщины.

— Да,— отозвался Тонг; он не покинул дворец,— мы можем только попытаться бежать, если на это еще осталось время.

— Не осталось,— сухо возразил Итан,— к тому же это не выход. Что ж, Эвилд сам виноват, он просто вынуждает меня пойти на крайние меры. Риатеос способен защитить себя сам. Правда, каковы будут последствия...

— О чем идет речь? — Соня повернулась к нему, напряженно сведя брови.

Итан, похоже, чувствовал себя как человек, неосторожно сболтнувший лишнее.

— Видишь ли... это долгая и непростая история, Соня. Жила когда-то на свете женщина, одержимая мечтой родить сына, который станет властителем над людьми и демонами. Она много лет взывала к богам, чтобы те услышали ее, но боги молчали, не подавая никакого знамения. Тогда женщина обратилась к черному колдуну, и тот исполнил ее просьбу, но при этом назначил страшную цену: первого рожденного ею сына она должна была принести в жертву своими руками, чтобы следующий стал таким, каким она хотела его видеть. И несчастная сделала это, пролив кровь младенца, а колдун, принимавший роды, совершил ужасный обряд. Вскоре после этого женщина снова понесла и родила второго сына, которого нарекла Наолом. Прошли годы. Сын ее

вырос, и надежды матери полностью оправдались. Он был силен и удачлив, и многие тайны открылись ему. Тайны закланий... Судьба привела его на то место, где теперь стоит Риатеос. Здесь приносил Наол многочисленные жертвы, призывая демонов, которые служили ему. Он почти обезумел и сам не всегда понимал, человек ли он еще или более чем просто человек, и наконец потребовал главного: бессмертия.

— И получил его? — спросила девушка, почти уверенная, что так и случилось.

— Нет,— покачал головой Магистр.— Ибо мать его, умирая, рассказала, что он всем в жизни обязан невинно пролитой крови своего брата. Это так потрясло Наола, что он словно прозрел. Он не хотел провести вечность с таким грузом на душе... и отказался от услуг тех сил, которых пробудил своим колдовством. Но было поздно. У темных сил свои законы. Всегда оказывается, что безумец, в наивной самоуверенности почитавший себя их повелителем, оказывается их рабом. Так произошло и с Наолом. Все, что он сумел,— это заключить их под землей, наложив печати закланий, и удерживать в таком состоянии, иначе, оставаясь на свободе, они творили бы непоправимое зло. Наол не стал бессмертным, но жил долго, и потомкам своим передал свой дар-проклятие. От него пошел наш род. Сын Наола был первым *ковентом* — так именовался повелитель демонов. Мы для того и существуем, чтобы охранять наложенные нашим предком печати, беречь Офир от бесконечно злых и бесконечно алчущих Сил Тьмы,

не позволяя открыться Вратам Нижнего Мира... и в то же время кормить их, чтобы хотя бы ненадолго удовлетворять их голод, иначе сдержать их в повиновении не удастся.

— Кормить? Но чем? Они питаются кровью?..

— *Временем*,— сказал Итан.— Временем жизни тех, кто сам соглашается отдать его в обмен на исполнение желаний.

— Но ведь время жизни заканчивается со смертью.

— Что такое смерть, девочка? Прекращение пребывания человека среди живых, не так ли? Но что происходит с ним потом, куда уходит его душа? Мы обычно говорим об ее путешествии на Серые Равнины, но сам я об этом не знаю. Зато мне точно известно, что происходит с добровольными жертвами собственных необоснованных устремлений.

— И что же?

— Они превращаются в тех самых обитателей моего зверинца, которых ты видела внизу, и в таком облике доживают свой век. А их человеческое время поглощается тварями Нижнего Мира. В момент перехода я открываю Врата...

— Значит, эти львы, тигры, обезьяны и змеи — на самом деле люди?...

— Уже нет. Теперь они то, что есть, не больше. Не люди и не оборотни. Их тела трансформируются согласно той сущности, которая была им свойственна прежде. Они даже размножаются и приносят потомство... обычных детенышей животных.

— А ты видел, что находится там, по ту сторону Врат?

— Это попробовал увидеть мой старший сын Орт. Он вошел туда — и не вернулся.

— Почему ты считаешь, что эти силы смогут защитить Риатеос?

— Если я открою Врата, они вырвутся и сметут не только тех, кто нападает на нас, но и всю Ианту. Но если меня убьют и не останется владеющего Даром, произойдет то же самое. Ныне Дар подвластен лишь мне и Гинмару; дитя, которое носит под сердцем Джилла, еще не появилось на свет. Вот почему мы не имеем права рисковать собой ради чего бы то ни было. Как дозорный, который не может уйти с поста, пока его не сменит товарищ. Я учил этому Гинмара, но он отказывался меня понять и довел дело до катастрофы.

— Но он хотел помочь... сделать как лучше...

— Не надо «хотеть сделать как лучше», а надо выполнять возложенный на тебя долг, для которого ты рожден на свет! — сорвался Итан.— Кто говорит, что это легко?! — Он прикрыл ладонью покрасневшие от бессонных ночей глаза, стараясь успокоиться.

— Что, если все-таки попробовать... приоткрыть Врата, но успеть вновь наложить печати, когда эти силы отпугнут тех, кто окружил дворец? — спросил до сих пор хранивший молчание Тонг.

— Я тоже думаю об этом. Но демоны Нижнего Мира не цепные псы, которые слушаются хозяи-

на. Они могут оказаться неуправляемыми, как лавина огня, вырвавшаяся из жерла вулкана.

— И все же... Люди Ианты сейчас не способны слушать. Они должны воочию убедиться в том, что тебя лучше оставить в покое.— Соня явно соглашалась с предложением Тонга.

— Демоны скорее всего потребуют жертвы. Иначе мне не удастся их успокоить.— Голос Итана звучал очень тихо.

— Другого выхода все равно нет,— твердо ответила девушка.— Я ничего не понимаю в магии, Магистр, но когда остается идти только вперед, я не оглядываюсь назад.

— У меня была возможность убедиться в этом, Соня. Ну что ж.— Итан, похоже, принял окончательное решение.— Позови Джиллу и Гинмара. И Ёно Рана, хотя он сам знает, когда ему следует появиться.

— Хорошо,— кивнула девушка; она гораздо лучше чувствовала себя, когда приходилось действовать быстро и решительно, нежели проводить время в размышлениях, и немедленно отправилась выполнять просьбу Магистра.

За то время, что миновало с момента вызволения Гинмара из тюрьмы, Джилла ни разу не отошла от своего возлюбленного. Она промывала и перевязывала многочисленные раны на его теле, не позволяя приближаться никому другому. Юная туранка производила впечатление слегка помешавшейся от ужаса последних дней и при появлении Сони тут же в тревоге вскочила, инстинктивно заслоняя Гинмара своим телом.

— Что?.. Что еще случилось?

— Много чего. Э, Джилла, я тебя не узнаю. Вчера ты казалась такой храброй и смогла сделать все как надо. Гинмар спасен только благодаря тебе, а сейчас ты опять вся дрожишь.

— Соня, умоляю тебя, говори потише. Гинмар только что заснул, не надо его тревожить...

— И все же придется его разбудить. Нам всем следует собраться в нижних покоях дворца. Риатеос окружен, вот-вот сюда могут ворваться люди короля, а вслед за ними — целые толпы жителей Ианты, готовых разорвать нас на куски.

— О нет! — Джилла заломила руки в жесте безысходного отчаяния.

— «Нет, нет...» — передразнила ее Соня.— Какой смысл мне врать и напрасно пугать тебя? — Довольно бесцеремонно отодвинув принцессу в сторону, она подошла к Гинмару.— Давай, борец за справедливость, поднимайся. У твоего отца возник план спасения Риатеоса, и он зовет тебя. Знала бы я с самого начала, во что ввязываюсь, ни за что не полезла бы за этими драгоценностями, хоть бы за них мне посулили все золото Ианты.

Гинмар сделал над собой огромное усилие, чтобы встать с постели. Он не очень твердо держался на ногах, но был полон решимости исправить хотя бы то, в чем сам оказался виновным.

— Мне нужно благодарить богов за то, что в ту ночь ты все-таки осуществила свое намерение посетить Риатеос,— не преминул, однако, заметить он.— Без тебя мне было бы не вырваться из лап Эвилда.

— Жену свою лучше благодари,— буркнула Соня.— И вообще, эти разговоры сейчас никому не нужны. Вы, оба, готовы или нет? Тогда пошли, Магистр ждет нас.

Она посмотрела вниз: в рядах нападавших наблюдалось явное замешательство. Очевидно, Итан не терял времени даром и воспользовался колдовством. Командиры срывали голос, отдавая приказы, однако их подчиненные бестолково топтались на месте, совершенно на них не реагируя. Создавалось впечатление, что все вдруг позабыли, по какой причине оказались у стен дворца. Зрелище выглядело бы довольно забавным, если бы Соня не понимала, что подобное долго продолжаться не может: сдерживая такое количество людей одновременно, Магистр рисковал потерять слишком много сил.

При виде Сони и своего сына с женой Итан удовлетворенно произнес:

— Хорошо. Мне понадобится вы трое, Тонг и Ёно Ран. Идите за мной и делайте в точности то, что я скажу. Гинмар, тебя это касается в первую очередь.

— Я уже понял, отец.

— Надеюсь. Такие уроки, надо думать, даром не проходят.

Они снова прошли через зверинец, явно следуя в сторону хода.

— Я думал, отец, этот ход ты не принимаешь во внимание,— заметил Гинмар.

— А я знал, что ты им иногда пользуешься, но не хотел упоминанием об этом возбудить у тебя

еще больший интерес к нему. Иначе ты рисковал бы повторить роковую ошибку Орта. Молодость слишком беспечна, а беспечность порой обходится слишком дорого. Теперь пришло время постигнуть все тайны до конца. Спускайтесь.— Магистр и Ёно Ран замыкали маленькую процессию.

Оказавшись внизу, Итан велел всем остановиться.

— Ход имеет боковое ответвление. Дальше начинается воронкообразный лабиринт, ведущий еще ниже,— пояснил он.

— Здесь совсем темно и очень холодно,— жалобно подала голос Джилла.— Есть у нас хотя бы факел?

— Он не потребуется. Когда мы спустимся на несколько локтей, темнота рассеется.

Магистр оказался прав. Хотя сюда не проникал дневной свет, от самих стен исходило странное серебристое сияние. Приглядевшись, Соня поняла, что его излучает густо растущий здесь мох, вернее, подобие мха, на ощупь отчего-то теплое, как короткая шерсть какого-нибудь зверя. В этом неясном свете очертания и лица людей казались почти нереальными.

— Как тут красиво...— нарушила девушка общее напряженное молчание.

— Да,— согласился Итан,— хотя иных в этом месте охватывает панический ужас.

— Меня, например,— запинаясь, прошептала Джилла.— Мне очень страшно. Кажется, отсюда никогда не найти дороги назад. Мы идем уже очень долго, Гинмар устал.

— Перестань,— отозвался ее муж.— Джиλλα, во имя богов, я все же мужчина!

Неожиданно их взглядам предстала удивительная картина. Величественный грот переливался всеми цветами радуги. Сталактиты напоминали бахрому огромного занавеса; гигантскими оплывшими свечами почти до сводов поднимались сталагмиты. Вдоль стен стояли скульптурные фигуры из алебастра. На дне грота лежала огромная каменная плита с высеченными на ней древними письменами.

— Помогите мне поднять плиту,— велел Магистр.

Они подхватили ее с четырех сторон, что потребовало немало сил. Когда четверым мужчинам удалось наконец сдвинуть плиту с места, под ней открылась глубокая каменная чаша красного цвета.

— Это и есть Врата? — спросила Соня.— Врата Нижнего Мира?

— Одни из них,— ответил на вопрос девушки не Магистр, а Ёно Ран.

— Значит, есть и другие?

— Любопытство женщин не ведает границ,— проворчал кхитаец.— Сейчас следует хранить молчание.

На дне чаши, имевшей довольно внушительные размеры, находилась круглая металлическая пластина с изображением пентакля, причем звезда располагалась вершиной вверх, что, как было известно посвященным, символизировало могущество воли человека над астралом.

— Воззовем к хозяевам Нижнего Мира,— произнес Магистр.— Образуйте круг, взяв друг друга за руки. И что бы вы ни увидели и ни услышали, не размыкайте рук. Не все мы являемся магами, но чистота помыслов и жар сердец тех из нас, кто не наделен колдовской властью, способны сейчас заменить таковую, ибо это — не менее редкий дар.

Дождавшись, пока его указание будет исполнено, Итан медленно и негромко начал произносить слова заклания, которых Соня не понимала. Прошло совсем немного времени, и она почувствовала, как сквозь ее пальцы будто потекло нечто, похожее на жидкое пламя, жара которого она не ощутила. Это пламя шло от стоящего по левую руку от нее Тонга и передавалось ее соседу справа. Невероятное ощущение усиливалось: вскоре девушке уже казалось, что она сама обратилась в огонь, в факел,— никогда прежде Соня не чувствовала себя такой сильной! Ее охватил восторг. Она сейчас была не сама по себе, но звеном живой цепи, человеческого кольца, все шесть составляющих которого сделались единым целым. Голос Итана, звучавший поначалу извне, теперь гудел в ее голове, и вдруг Соне стал понятен смысл чуждых, незнакомых слов: это был властный призыв, обращенный к могучей силе, скрытой глубоко внизу. Она опустила глаза: изображение на пентакле изменилось, оно стало медленно и беззвучно поворачиваться, не меняя общих очертаний, но вершина звезды неуклонно перемещалась вниз до тех пор, пока не замерла в прямо противоположной от исходного

положения точке; теперь девушка ясно понимала, что это — символ торжества астрала над человеком. Как только изображение звезды снова застыло, со дна каменной чаши начал подниматься едкий дым, а земля зашевелилась под ногами, словно спина гигантского зверя. Нижний Мир ответил, и Врата приоткрылись... Ощущение беспредельного могущества сменилось страхом и чувством беспомощности; живое кольцо слегка дрогнуло, но Соня только крепче стиснула пальцы, сжимавшие руки Ёно Рана и Тонга. По полу зазмеились трещины, удушливый смрад усилился так, что запершило в горле, а каменные своды заходили ходуном, готовые вот-вот рухнуть. Но Магистр продолжал произносить слова заклинания. Теперь он указывал путь и цель; струйки дыма устремились по проходу вперед, поднимаясь к его сводам — вверх, туда, откуда пришли обитатели осажденного Риатеоса.

Соня сочла за лучшее закрыть глаза; сознание ее мутилось, она с трудом отдавала себе отчет в том, где находится, и старалась только ни в коем случае не разжать руки. Чудеса продолжались: перед внутренним взором девушки, будто во сне, отчетливо предстала картина происходящего снаружи, как если бы она внезапно обрела дар ясновидения. Весь дворец сиял, точно каждый камень, из которых были сложены его стены, превратился в маленькое солнце, и этих солнц были тысячи и тысячи. Смотреть на него было невозможно, он просто ослеплял. А вокруг... Небо почернело, словно наступила ночь; неожиданно налетел ветер,

он вырывал с корнем деревья и затягивал в гудящие воронки все, что можно было оторвать от земли. Сама же земля содрогалась, шевелилась, на ней образовывались гигантские трещины, которые как длинные жадные рты, мгновенно поглощали метавшихся в безумной панике людей. Риатеос оказался в самом центре разбушевавшейся стихии, однако бедствие могло распространиться и дальше. Ианте грозила гибель.

— Назад, — хрипло проговорил Магистр.

Соня всей душой и всем сердцем пожелала, чтобы этот кошмар прекратился. Похоже, остальные думали точно так же.

— Назад! — повторил Итан. — Кровью Наола приказываю вам вернуться!

Однако стихия не покорялась. Пентакль опять начал вращаться, вершина звезды принимала различные положения, но не замирала. Казалось, худшие опасения Итана подтвердились: загнать обратно разбухшую древнюю мощь было невозможно, его власти для этого не хватало... Магистр на мгновение умолк и взглянул прямо в глаза стоящего напротив него Ёно Рана, словно задавая немой вопрос. Кхитаец медленно склонил голову. Тогда Итан соединил руки Гинмара и Тонга, а сам шагнул вперед.

— Получите то, чего алкаете! — воскликнул он, бросаясь вниз, в самый центр пентакля.

Шум и вой снаружи стихли. Силы Нижнего Мира устремились назад, к Вратам. Пентакль со стоящим на нем человеком вращался так, что черты лица Магистра было уже не разобрать.

— Гинмар! Не уппусти момент! — крикнул Ёно Ран.

Змейки дыма втягивались назад, под землю, увлекая за собой Итана. Сын его, глядя остановившимися глазами на исчезающую фигуру отца, вдруг заговорил: с его губ срывались слова древних заклятий...

Спустя какое-то время все закончилось. Помещение обрело прежний, первоначальный вид, словно ничего и не произошло. Только из шестерых человек, переступивших его порог, теперь там стояло пятеро.

Ёно Ран положил руку на плечо Гинмара.

— Приветствую тебя, Магистр. Ты сделал это, и твои печати прочны.

— Но мой отец... он не мог уйти просто так... Это ужасно!

— Все кончено, — сказал кхитаец. — Жертва Итана принята. Он исполнил свой долг Хранителя.

* * *

Днем позже Соня покинула Ианту, с трудом отгоняя стоящие перед ее мысленным взором страшные картины, не в силах разобраться в том, что же произошло у нее на глазах и при ее непосредственном участии.

Теперь путь ее лежал в Шадизар.

Часть вторая

Соня никогда никому не рассказывала о пережитом в Ианте. Воспоминания оставались с нею, внутри нее, но жизнь неслась бешеным галопом, не давая никакой передышки, и годы летели незаметно — девушка их не считала. Остановиться, оглянуться назад было попросту некогда. Ведь Соня принадлежала к той редкой породе людей, чья жизнь — как стрела, выпущенная точно в цель опытной твердой рукой неведомого лучника. Может ли стрела развернуться и полететь в обратную сторону? Был безумный риск, и кровавые схватки, и поражения, и восторг побед; приключения и странствия, любовь и предательство, и множество новых битв впереди...

Между тем минуло восемь зим.

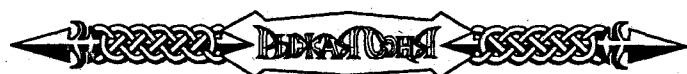
В тот день с самого рассвета она ощущала странную тяжесть и тоску, камнем лежавшую на сердце. Причина была проста и совершенно очевидна: Север накануне отправился с небольшим

отрядом верных ему людей в Замору, а она, Соня, в который уже раз не удостоилась чести оказаться с ним рядом. Вожак никогда не брал ее с собой. Это было неприятно и унижительно: неужели он до сих пор не уверен в ее надежности? Откуда такое пренебрежение? Разве она необученная девчонка, ни разу не сумевшая доказать, что является прекрасным опытным бойцом, выносливым, сильным и верным, а нож, меч и лук равно послушны ей? Это мог бы подтвердить каждый обитатель Логова; о Соне уже слагались легенды, и только взгляд Вожака, когда он смотрел на нее, оставался прежним — чуть насмешливым и странно нежным. Так смотрят на дитя, с деревянным мечом бросающееся в заросли колючих кустов. В такие минуты девушка злилась и не понимала, чего хочет больше — бросить ему открытый вызов или покинуть Логово и провести остаток жизни, доказывая всему миру, что она ровня Вожаку. Придет же когда-нибудь день, и Север признает ее заслуги. Наконец, она красива, чего же ему еще?! Конечно, бегать за ним как собачонка она никогда не будет. Этого только не хватало! Ни один мужчина на свете такого не стоит. Ну, ничего. Он сам сделает первый шаг...

Дверь ее комнаты приоткрылась, и Соня повернулась лицом к стене: пусть думают, что она спит. Ей совершенно не хотелось никого видеть, ни с кем говорить.

— Соня,— нерешительно позвал молодой послушник,— мать Разара хочет, чтобы ты явилась к ней.

— Ну что еще? — Девушка раздраженно обернулась.— Меня никак нельзя оставить в покое? Еще едва рассвело...

Послушник молчал, неловко переминаясь с ноги на ногу. Ждал другого ответа.

— Скажи Волчице — я иду,— сквозь зубы процедила Соня.

Он тут же исчез. Девушка поднялась, плеснула водой в лицо, уложила волосы в простую прическу, натянула сапоги и напоследок еще раз глянула в зеркало, что отнюдь не прибавило ей бодрости. Боец, называется. Одни темные тени, глубоко залегающие под глазами, чего стоят.

Да пропади он пропадом, этот Север.

Перед Разарой она предстала с самым решительным видом. Легкий поклон и обычные слова приветствия сообразно принятому в Логове этикету по отношению к старшему.

— Неважно выглядишь,— заметила Волчица.— В последнее время я тебя не узнаю. Что, дитя умирает от разбитого сердца? — Она ехидно прищурилась.

— От отсутствия дела,— парировала Соня; внутреннее напряжение в ней нарастало.— Сердце здесь ни при чем. Просто надоело все. Обучать новичков, впустую тратить время. Наставников и без меня хватает.

— Хватает,— согласилась Разара подозрительно легко.— Но причина твоего уныния не в этом. Ты, судя по всему, не хочешь понять, что Вожаку спокойнее, когда ты в относительной безопасности. Ему не все равно, что с тобой будет.

— Какое мне дело? Ты звала меня, чтобы сообщить о его переживаниях? Они меня не интересуют.

— Ты очень неумело лжешь сейчас, Соня. Впрочем, не важно. Разумеется, сердечные проблемы меня не касаются. Кажется, для тебя нашлась работа.

Девушка встрепенулась, как боевой конь при звуке трубы.

— С тобой хочет поговорить один человек, утверждающий, что вы знакомы. Его взял внешний дозор сегодня ночью на подходе к Логову. Сможешь ты подтвердить его личность? — Волчица обернулась к одному из послушников-телохранителей: — Приведи чужака.

Соня застыла в ожидании. Когда человек переступил порог, она, однако, была крайне удивлена, хотя и постаралась этого не показать.

— Да, Великая Мать. Я его знаю. Это Гинмар из Ианты, которому принадлежит дворец, именуемый Риатеос. Если мне не изменяет память, он также колдун, Магистр. Но что привело его в Логово, мне неизвестно. Мы не встречались много лет.

— Часть из которых я провел, разыскивая тебя повсюду, — подал голос Гинмар. — Здравствуй, Соня. Вижу, ты все такая же.

— А ты изменился.

— Не до неузнаваемости.

— Да. Просто тогда ты был юношей, а теперь стал мужчиной.

— Я могу поговорить с тобой с глазу на глаз?

— С позволения Матери. Я здесь ничего не решаю.

— Не свойственная тебе прежде кротость и покорность, рыженькая.

— Что делать, все меняется.

Волчица зорко наблюдала за обоими, до поры не вмешиваясь.

— Мне будет позволено беседовать с ним? — повернулась к ней Соня.

— Разумеется. На твоей полной ответственности — чтобы твой друг не покинул Логово без предупреждения. Сюда нелегко войти, еще опаснее — выходить.

— Хорошо. Идем, Гинмар.

За обычной внешней суровостью в голосе Сони угадывались сочувствие и живой интерес: первое удивление и растерянность прошли; она вспомнила, что в общем-то неплохо относилась к этому человеку, и он даже называл ее сестрой.

— Серо-зеленые глаза у нас от ваниров, — пробормотала девушка.

— Что? — не расслышал он.

— Так, ничего. Зачем ты меня разыскивал?

— Значит, сразу к делу? Ты действительно прежняя Соня.

— А ты полагал, я должна броситься тебе на шею, Магистр?

— Ты тогда исчезла, не сказав ни слова, так неожиданно.

— О чем было еще говорить? Разрешения у тебя спрашивать или советов? У меня своя жизнь и свой путь.

— Мне не кажется, что ты очень счастлива на этом пути. Я много слышал о тебе. Маленькая рыжая воровка стала живой легендой северных земель Хайбории. Видно, спокойная жизнь — не твоя стезя. Ты как ветер: везде и нигде, со всеми и вечно одна.

«Что же делать,— подумала Соня,— если единственный человек, которому я хотела бы быть нужной, не обращает на меня внимания. Он всегда далеко, даже когда проходит в двух шагах от меня...»

— Ты пришел предложить мне свой вариант счастья? Объяснить, к чему, с твоей точки зрения, следует стремиться женщине? Тогда не трудись понапрасну.

— Ну что ты. Я искал тебя, чтобы опять просить о помощи. Я решил закрыть Врата навсегда. Не хочу до конца своих дней быть цепным псом демонов, которые убили моего брата, отца, лишили рассудка мою жену. Не хочу, чтобы и мой сын сделался их рабом.

— Жену? С Джиллой... не все в порядке?

— Она пережила тогда страшное потрясение и с тех пор как бы не в себе. Даже рождение сына не смогло вполне вернуть ей рассудок. Она ходит как тень, разговаривает сама с собой и смертельно боится, что однажды я спущусь вниз и не вернусь. Как Итан. Ты ведь помнишь?

— Я ничего не забыла.

— Вот и она тоже. Только ты смогла жить после этого дальше, а ее жизнь остановилась в тот день. Любовь ко мне — пожалуй, единственное,

что связывает ее с внешним миром, не позволяя окончательно погрузиться в свои кошмары, но и эта любовь сама по себе — кошмар, вечный страх потери. Видеть ее такой невыносимо, а изменить я ничего не могу. В Риатеосе обычный, нормальный человек жить не может. Ёно Ран рассказал мне, что точно так же, как Джилла, таяла на глазах жена моего отца, мать Орта. Пока не угасла. Просто легла вечером спать и больше не проснулась. Мужчины моего рода рано становятся вдовцами. Риатеос допускает присутствие чужой крови только ради того, чтобы на свет появлялись новые Магистры. Когда же миссия выполнена, он... убивает наших женщин. Это еще одна причина, по которой я спешу что-то изменить. Джилла должна жить.

— Подожди. Во-первых, получается, что Ёно Ран очень давно во дворце. Он — самая загадочная фигура из всех, с кем я тогда столкнулась. Во-вторых, вот ты сейчас в Гиперборее. А ведь по всему выходит, что тебе нельзя покидать Риатеос как Хранителю. Или ты с легким сердцем оставляешь вместо себя восьмилетнего сына?

— Проклятый дворец душит меня. Да, я его иногда покидаю, мне необходим глоток свежего воздуха, и Ёно Ран не возражает против моих отлучек. Я знаю: если возникнет какая-нибудь опасность, он сумеет меня позвать. Не удивляйся — мы слышим друг друга на любом расстоянии.

— Вот как. Но это делает его еще более... — Соня задумалась, подбирая слово поточнее.

— Станным, да? Загадочным, непонятным? Соня, ты права, Ёно Ран не простой человек. Я прожил с ним бок о бок восемнадцать лет,— Гинмар вздохнул,— с первого дня моего появления в Риатеосе. Он был моим наставником, самым терпеливым и мудрым, он понимал меня, как никто на этом свете. Мой отец считал его своим другом. Но Ёно Ран больше, чем просто друг. Знаешь, вскоре после смерти отца — я даже не подозревал, пока Итан был жив, что мне его будет не доставать! — я стал читать старые хроники дворца и письма, касающиеся нашего рода, и выяснилось, что Ёно Ран живет во дворце вот уже более ста лет. Во всяком случае, о нем упоминал еще мой дед. Вообще, я узнал немало важного. Например, что Итан не изменял своей жене с моей матерью, а сошелся с нею, уже овдовев. Он даже настаивал на браке, но мать предпочла нищую жизнь в Ианте. Более того, она тщательно скрывала от Итана тот факт, что у нее есть от него сын, то есть я. И только когда не стало Орта, Итан узнал о моем существовании. Кто-то рассказал ему. Кто-то, кому все было известно с самого начала.

— Ёно Ран?

— Может быть. Я этого не исключаю.

— Почему бы не спросить его прямо?

— Он не всегда отвечает на вопросы. Особенно такие, которые не считает главными. Вообще, он полагает, что задать правильный вопрос гораздо важнее, чем получить ответ.

Вглядываясь в лицо Гинмара, Соня все яснее понимала, что он изменился не только и не столь-

ко внешне, хотя глубокие горькие складки залегли возле упрямых губ и темные тени сделали глаза еще больше (правда, взгляд оставался по-прежнему живым и твердым),— казалось, за его плечами лежала не одна, а десять жизней, и каждая была невыносимо тяжелой.

— И тебе удалось найти такой вопрос?

— Да. Почему я должен быть рабом сил, которые ненавижу всем сердцем?

— Значит, ты хочешь, чтобы я снова отправилась с тобой в Ианту. Но у меня нет магических способностей, и в природе демонов я ничего не смыслю.

— Зато у тебя довольно мужества, чтобы бросить им вызов и не отступить. Поверь, волею судьбы я сталкивался со множеством людей, но если бы меня попросили назвать имя того единственного, кому я могу доверять как самому себе, я не задумываясь назвал бы твое.

— Наверное, после таких слов я должна расчувствоваться и сказать, что пойду за тобой на край света. Однако я не безрассудна и живу больше головой, нежели сердцем. Возможно, это не очень хорошо для женщины. Но уж такая я есть, такой и остаюсь. Мне надо подумать, Гинмар. Слышала я как-то, будто настоящий друг — это тот, кто, когда ему говорят: «Пойдем!», не спрашивает куда. Но один раз я уже поддалась на твои уговоры. К чему это привело, ты прекрасно знаешь. Поэтому позволь уж мне не давать ответ сразу и обещаю, если я скажу «нет», ни на чем не настаивать.

— Тогда позволь и мне кое-что добавить к уже сказанному. Обратиться к тебе мне велело не только сердце. Ёно Ран... он назвал тебя тем ключом, без которого я не смогу навеки запереть Врата. Да, Соня, это он послал меня за тобой.

— Вот оно что. Не обошлось, значит, без мудрого совета, которому ты просто не можешь не последовать,— сухо заметила Соня.— Но если я и вправду ключ, то не такой, который можно просто положить в карман и увезти куда пожелаешь. В любом случае я должна подумать. Тебе же не мешает отдохнуть. Ты проделал нелегкий путь и, видно, гнал коня, забывая о еде и сне. Выглядишь оборванцем, а эта борода, которую ты взялся отпускать, большая ошибка: она тебе не идет.— Соня провела рукой по его щеке.— Она похожа на какие-то грязно-рыжие клочья. Я сейчас поговорю с Волчицей, чтобы тебе предоставили еду и кров. Так что приведи себя в порядок, отдохни. Не позднее чем завтра мы снова вернемся к нашему разговору.

— Женщина всегда женщина, даже если она великий боец,— заметил Гинмар и попробовал улыбнуться.

Но вместо улыбки какая-то неуверенная гримаса исказила его лицо, а глаза остались настороженными и печальными.

Разара сразу согласилась — что, в общем-то, было не в ее правилах — дать чужаку приют в Логове. Может быть, полагала, что девушка не станет ничего предпринимать, не посоветовавшись для начала с нею. Сказала только:

— О Риатеосе мне доводилось слышать не раз. Вот только не знала, что ты имеешь к нему отношение. А в Стигии тебе бывать не приходилось? Или... в Меру?

Соня удивилась вопросу.

— При чем тут Стигия и Меру? Нет, Великая Мать, никогда.

День прошел как обычно. Стараясь сохранить ясность мысли и не позволить волнению и тревоге овладеть собой, Соня занималась привычным делом, помогая новым послушникам постигать азы искусства сражаться и отражать нападение. Ее никак нельзя было назвать терпеливой, скорее жесткой и требовательной, но никто не жаловался, понимая, что за подобной суровостью кроется желание добиться единственного результата: в конечном счете продлить жизнь менее опытных товарищей, которых рыжеволосая фурия гоняла до седьмого пота.

— Убит! — приговорила Соня, обозначив очередной удар мечом по корпусу зазевавшегося послушника.— В бою, Гард, ты давно уже пошел бы на корм стервятникам. Вставай и продолжим.

— Я не могу, Соня,— прохрипел тот, неловко поворачиваясь в пыли и глядя на нее снизу вверх.— Может, в другой раз...

— Хорошо.— Девушка не торопясь вложила меч в ножны.— Ты просто лентяй и трус. Пара десятков плетей придадут тебе резвости.

— Нет! — воскликнул Гард, тут же вскакивая как ошпаренный.— Соня, я готов продолжать поединок...

— Тогда поработай в паре с... ну, вот хоть с Лиарой.— Соня указала ему на одну из девушек, которую считала весьма способной, несмотря на хрупкую внешность и застенчивый вид.— Я подойду чуть позже, и знай, если продолжишь работать вполсилы, от наказания не уйдешь.

Сама она, прищурившись, из-под приставленной козырьком ко лбу ладони наблюдала за Гинмаром, который как-то неуверенно приближался к ней, пересекая широкий двор. Однако на полпути он, как ни странно, остановился, немного постоял и пошел назад. Соня не стала его окликать, рассудив, что он просто еще не вполне пришел в себя. Вместо этого она прошла к себе: ей захотелось побыть одной и собраться с мыслями. Девушка даже не обратила внимания на донесшуюся до ее слуха негромко сказанную фразу: «Да ладно, Гард, не переживай, она сегодня просто не с той ноги встала. Сейчас я тебе покажу этот прием...» Лиара, разумеется. Все знают, что симпатичная малышка — между прочим, на самом деле отличающаяся поразительной кровожадностью,— неравнодушна к Гарду; вот пусть и докажет свои нежные чувства с мечом в руке для его же пользы.

Соня редко нуждалась в чьих-либо советах, но сейчас ощущала некоторую растерянность. Она плохо представляла себе, как может помочь Гинмару. Закрывать Врата навсегда! Разве она в состоянии справиться с теми силами, которые скрыты за ними? В то же время девушку мучило любопытство, отчего в ней так безоглядно уверен ххитаец Ёно Ран... Возможно, он знает о ней нечто

такое, что неизвестно ей самой. Воодушевляло и серьезное, опасное дело, не имеющее ровным счетом никакого отношения ни к Логову, ни к Вожаку. Может, Север полагает, что она будет сидеть здесь, ожидая его возвращения, словно верная, но больше ни на что не годящаяся подруга воина, пока он где-то там вершит великие дела? Как бы не так. Это он в нее не верит. А между прочим, есть люди, которые сотни лиг готовы пройти, чтобы обратиться к ней за помощью.

Соня решительно встала и отправилась к Гинмару. Да, она согласна. Что зря сидеть и ломать голову — получится, не получится. Главное — начать действовать, а там видно будет.

Для приличия она постучала в его дверь, но Гинмар не отозвался. Тогда Соня толкнула дверь, оказавшуюся незапертой. Ее друг лежал на полу с открытыми глазами. В тревоге и недоумении склонившись над ним, Соня ощутила еще одну странность: неизвестный, ни на что не похожий терпкий запах. Она окликнула Гинмара, но он не реагировал, точно пребывая одновременно здесь и не здесь. Соне стало не по себе.

— Эй? — потрясла она его за плечо.— Гинмар, что с тобой?

К некоторому облегчению Сони, он все-таки перевел на нее глаза, но вряд ли узнал, кто перед ним. «Магия, колдовство? — пронеслось у нее в голове.— Он как пьяный... Может, болен? Но тогда чем?»

— Будьте вы все прокляты,— произнес Гинмар,— надоело.

То, что эти слова никак не относились к ней, девушка поняла. Они вообще ни к чему реальному не относились.

— Ты что? Это же я, Соня.

— А... Соня. Зачем ты пришла во дворец?.. Иди успокой ребенка, он все время плачет, днем и ночью покоя нет.— Голос Гинмара звучал глухо и без всякого выражения; когда он говорил, терпкий запах усиливался.

Соня растерялась. Неужели он сошел с ума? Но ведь только сегодня утром с ней беседовал совершенно нормальный человек. Выражение лица Гинмара тем временем изменилось, он словно видел теперь нечто такое, что доставляло ему невероятную радость. Резкий смех заставил Соню вздрогнуть, настолько он казался неестественным в сочетании с остановившимся взглядом. Гинмар попытался спеть какую-то дурацкую детскую песенку, затем пение перешло в неразборчивое бормотание и плач. Соня все больше склонялась к мысли, что наблюдает настоящий приступ безумия, достигший апогея, когда Гинмар вдруг переменил позу: он забился в угол, подтянув к животу колени и закрыв голову руками, и в таком положении замер, повторяя одно и то же:

— Я умираю... Я умираю...

Это выглядело настолько жалко и отвратительно, что Соню передернуло от брезгливости. Если с ним творятся такие вещи, то почему он промолчал, ни словом не обмолвившись о своих ужасных припадках? Девушка нерешительно коснулась его взмокших от пота, спутанных волос. А если ее

друг действительно умирает у нее на глазах, а она бессильна ему помочь?.. Соня приложила два пальца к лихорадочно пульсирующей синей жилке у него на шее — сердце билось неровно, то почти совсем останавливаясь, то пускаясь в неукротимый галоп. Постепенно, однако, цвет его лица стал нормальным, дыхание — ровным. Прекратился и бред — теперь Гинмар просто спал, как все обычные люди. Ближе к рассвету девушка в полном недоумении покинула его.

В середине дня она увидела Гинмара во дворе, где он, как ни в чем не бывало мирно беседовал с Лиарой и Гардом и даже вызвался посостязаться с ними в умении владеть мечом. Соня довольно долго наблюдала, как он поразительно легко и виртуозно отражает даже самые коварные удары. Никаких признаков тяжелой болезни — перед ней здоровый, полный сил человек. Может, прошлой ночью ей все это привиделось?.. Вдоволь налюбовавшись поистине красивой картиной учебного боя и запомнив несколько даже ей самой прежде незнакомых приемов, девушка прервала столь замечательное развлечение.

— Bravo, Гинмар. Впечатляет.

— Благодарю,— поклонился он,— хотя и подозреваю, что до тебя мне далеко. Ты приняла какое-то решение? Соня, что ты на меня так смотришь?

— Да вот хотела спросить, все ли с тобой в порядке?

— Откуда такая забота? Как видишь, я в неплохой форме, все просто отлично.

— Вижу. Ночью тоже было отлично?

— О чем ты? — Гинмар старательно изображал полное непонимание, однако так прятал при этом глаза, что Соне стало ясно: он знает. Но не собирается посвящать ее в свою тайну.

— Ни о чем. Я поеду в Ианту, — без перехода сообщила она.

Гинмар подхватил ее на руки и поцеловал. Соня никак не ожидала подобного и, поскольку фривольного обращения с собой терпеть не могла, уперлась кулаками ему в грудь и вырвалась.

— Я ведь могу и передумать! — возмущенно воскликнула она.

— Все, все, все. Извини, не сдержался. Я верил, что могу на тебя рассчитывать.

«А вот в какой степени я могу рассчитывать на тебя...» — подумала девушка.

Оставалось только поговорить с Разарой.

Выслушав Соню, Волчица надолго задумалась, потом спросила:

— Ты отдаешь себе отчет в том, чем рискуешь? Твоего умения владеть мечом в предстоящем деле может оказаться недостаточно, Соня. А мне бы хотелось снова увидеть тебя живой.

— Я не ищу смерти, Мать.

— Да, но если она тебя ищет? — серьезно глядя на девушку, сказала Разара. — Подумай об этом, прежде чем попусту дразнить великие силы, природы которых не знаешь. Может случиться так, что ты останешься с ними один на один: твой друг ненадежен и опасен. Ты привыкла поступать по-своему, однако если мое слово хоть что-то

значит для тебя, не принимай безрассудных решений.

Волчица могла быть вспыльчивой, резкой и жестокой, но у Сони ни разу не возникало повода усомниться в ее мудрости, поэтому она заколебалась. Заметив это, Разара воодушевилась.

— Всякий риск должен быть оправданным и разумным. Основанным на жестком расчете. Знаю, знаю, тебе доводилось выполнять очень сложные задания, и никогда я не отпускала тебя с легким сердцем. Логово взрастило тебя как бойца. Ты нужна ему — и не вправе безрассудно распоряжаться своей жизнью.

А вот этого говорить не стоило. Соня не терпела ничьих указаний по поводу того, как именно ей следует поступать. Она мгновенно замкнулась, точно устрица в раковине, и Разара почувствовала это по упрямому наклону головы и характерному угрюмому взгляду исподлобья.

— Соня, человек только тогда вполне способен выполнить свое предназначение, когда служит чему-то более великому, нежели он сам. Ты — дитя Логова, его часть.

«Это волк — часть стаи», — подумала девушка. Разара мыслит, как положено Волчице. Волк смел и коварен, вынослив и скрытен. Волк — достойный зверь и безжалостный враг. Но Рысь не бегает в стае. Она не лучше и не хуже волка, просто она — другая.

Свобода Рыси — свобода одиночки. Как ветер — везде и нигде. Гинмар прав, и вот его она понимает — в его стремлении вырваться из-под гнета

проклятия крови и рода. Все-таки не зря она еще восемь лет назад почувствовала, что у нее с ним много общего. А Волчица не знает ее до конца. Никто, наверное, не знает...

— Я вернусь живой и, если повезет, с победой. Отпусти меня, Мать, во имя богов. Потому что я все равно уйду; но мне будет легче, если твое благословение станет хранить меня.

Разара только вздохнула. Эту девушку не удержать силой, даже если приставить к ней надежную охрану.

— Боюсь, мое благословение окажется единственным, что поддержит тебя в трудный час. Но будь по-твоему. Ступай. И возвращайся. Выбери себе лучшую лошадь... Не говорю: будь осторожна. Твое ухо не слышит подобных слов. Но будь внимательна. Не доверяй никому, потому что самый страшный удар может быть нанесен, откуда ты его не ждешь...

С этим трудно было не согласиться. Однако тогда Соня и не подозревала, как скоро ей придется убедиться в правоте Волчицы.

— Но это не все, Соня.— Тон Разары изменился, недолгий и редкий момент слабости и демонстрации неких теплых чувств прошел — теперь Волчица вновь была сама собой.— Логово отпустит своего бойца, пожелавшего стать наемником чужака, только в том случае, если получит за это плату.

— Сколько же я стою? — холодно поинтересовалась девушка.

— Дороже, чем ты думаешь. Твоя цена очень высока, ведь ты — лучшая. Силы Нижнего Мира

обладают бесценным сокровищем, которое они собирали и накапливали веками. Имя этому сокровищу — *время*.

Да, Соня вспомнила, что говорил по этому поводу Итан незадолго до смерти.

— Время, текущее, как песок сквозь пальцы, — продолжала Разара.— То, чего никогда не бывает слишком много. То, что нельзя остановить. Великая сила, неподвластная людям... Но ты — другое дело, Соня.

— Разве я не человек?

— Молчи.— Жидкое пламя полыхнуло в цепких глазах Волчицы, и ее верхняя губа угрожающе приподнялась, будто у настоящего лесного зверя.— Ты не только человек после того, как прошла Посвящение. Если ты победишь, время демона станет твоим.

У Сони бешено забилося сердце.

— И ты отдашь его мне, — заключила волчица.— Логову и Храму. Только на таких условиях ты выйдешь отсюда.

«Отлично, — подумала девушка.— Гинмар и его род получат свободу, Логово — власть над временем, а я?»

— Ты, — словно прочитала ее мысли Разара, — обрешь часть завоеванного, но поверь: даже с этой частью ты не будешь знать, как поступить.

Их взгляды встретились. Что ответить, Соня не знала. Не очень-то все это ей нравилось.

И тут без всякого доклада — неслыханное в Логове дело — вбежала задыхающаяся, насмерть перепуганная Лиара.

— Там... там... Соня, твой друг...

— Что?... Девушка вскочила.

— Оң о чем-то поспорил с Гардом, клянусь, какой-то пустяк... а потом совершенно вышел из себя... Он убьет Гарда!

— Только не это! — Соня стремглав бросилась во двор, где на этот раз кипел далеко не учебный бой.

Двое мужчин сошлись в поединке, и невооруженным глазом было видно, что верх одерживает Гинмар, — он яростно бросался на своего противника, а тот только растерянн уворачивался, словно разом позабыв все, чему его учили. Явное неравенство сил никак не сдерживало обезумевшего от вспышки неконтролируемого бешенства Магистра.

— Прекратите! — во всю силу легких крикнула Соня, надеясь, что успеет разнять дерущихся прежде, нежели станет слишком поздно. Но ошиблась.

Гард, несмотря на молодость, был крупнее и выше Гинмара; Магистр скользнул под его руку и резко, великолепно рассчитанным движением, ударил справа по ребрам, затем, сместившись, нанес короткий жестокий удар в подбородок. Гард рухнул наземь, из носа у него потекла кровь. Но это отнюдь было не смертельно, если бы при неловком падении он не умудрился удариться виском о камень, как будто нарочно подложенный коварной рукой.

Все было кончено. Соня склонилась над молодым послушником, еще дергавшимся в последних конвульсиях, и приподняла его голову...

— Мертв, — прошептала она побелевшими губами. — Боги, Гинмар, что ты наделал?!..

Она отчетливо понимала весь ужас случившегося. Вольно или невольно, чужак убил послушника на территории Логова, а подобные вещи здесь не прощались. Человек, которому предоставили хлеб и кров, отплатил за гостеприимство неимоверной, бессмысленной жестокостью и злом. Никакие доводы, ничье заступничество в таком деле значения не имели. Гинмар, кажется, это понял. Он сам был до такой степени потрясен случившимся, что стоял, окаменев, в полной растерянности. Ярость сменилась глубоким раскаянием и ужасом. Не оказывая какого-либо сопротивления, он позволил связать себя и увести, а у Сони не нашлось пока ни единого слова в его защиту. Более того, она понимала, что судить их будут вместе: Разара с самого начала предупреждала, что, пока Гинмар здесь, ответственность за его действия берет на себя Соня. Ну почему этот человек просто притягивает к себе беду?!

Вокруг нее тут же образовалась пустота. Свидетели происшедшего приглушенно переговаривались между собой, но к Соне никто не обращался, точно ее среди них попросту не было. Девушка, едва переставляя словно свинцом налившиеся ноги, пошла к себе. Если бы она умела плакать, сейчас для этого было бы самое время. Но Соня давно утратила эту спасительную способность. Зато она отнюдь не лишилась умения мыслить здраво. Все-таки Гинмар не

простой человек, он маг, и ей отчетливо вспомнилось, как когда-то он спас жизнь умирающему Хабиру. Что, если и теперь попробовать? Смерть послушника наступила мгновенно, но ведь и времени прошло совсем немного... Девушка решительно направилась к Разаре, ощущая отвратительный холод в области желудка, словно проглотила кусок льда.

— Убийство произошло случайно, — с порога заявила она, стараясь выдержать беспощадный взгляд Волчицы. — Я была тому свидетелем. Я знаю, это не оправдание. В конце концов, погиб человек.

— Не просто человек. Человек Логова, брат, с которым каждый из нас связан узами более прочными, чем кровь.

— Да, это так. Но, Мать, тот, кто виновен в трагедии, может вернуть его к жизни. Позволь ему попытаться.

— Вернуть к жизни? Вот как... — В голосе Разары звучал сарказм. — В обмен на собственную жизнь, я полагаю.

— Разумеется.

— Ты поразительно последовательна, Соня.

— Ты позволишь?

— Да. Сомневаюсь в успехе подобной затеи, но возражать не стану. Однако обещай, нет, поклянись мне, что в случае удачи этот твой Гинмар уберется отсюда. Один. Я не допущу, чтобы кто-либо из Логова оказывал ему знаки расположения и помощи!

— Мы поговорим об этом позже, Мать.

— Нет. Сейчас. Я должна услышать твое слово сейчас.

— Нет.

— Ты хочешь стать моим врагом? — вкрадчиво произнесла Разара. — Врагом Логова?

— Я хочу спасти Гарда. На данный момент это все.

«Она всегда была упрямой и своевольной, эта девчонка, — подумала Волчица. — Но теперь ее душа — как камень. Ее можно уничтожить, убить, ибо тело человеческое хрупко и уязвимо. Но не сломить».

..Двое послушников, одним из которых была Лиара, молча внесли в камеру тело Гарда, осторожно опустили его на пол.

Свет, ворвавшийся в тесное помещение, на краткий миг ослепил Гинмара, и тот вынужден был прищурить глаза.

— Чего вы хотите? — Магистр неуверенно поднялся на ноги.

— Верни то, что отнял, — проговорила Соня сурово. — Употребь всю власть, которой обладаешь. Это твой единственный шанс.

— Но парень мертв. Мертвее не бывает.

— Точно. Его ждет погребальный костер, на который ты взойдешь вместе с ним. Это я тебе обещаю твердо.

— Я не... понимаю. Послушай, то, чего ты требуешь, невозможно, немыслимо. Позволь, я объясню, выслушай меня!.. — Гинмар дрожал от отчаяния и ужаса.

Девушка покачала головой.

— Нет, я не буду ничего слушать. Сейчас мы покинем тебя, и ты проведешь эту ночь один на один с погибшим по твоей вине. Или утром вы выйдете отсюда вдвоем... или...

Она развязала Гинмару руки, и тот машинально потер опухшие запястья.

— Делай что хочешь, колдун, но оживи его.— С этими словами Соня, сделав товарищам знак следовать за ней, покинула камеру.

Если бы она могла хотя бы подозревать о последствиях...

* * *

Утро нового дня принесло с собой два невероятных известия. В камере оказался только один из двоих — Гард. Когда в замке повернулся ключ и дверь открылась, он был обнаружен живым, согласно самым смелым ожиданиям Сони. Лиара при виде своего друга и предмета воздыханий вскрикнула от радости, но ее восторг тут же сменился недоумением. Потому что этот человек вовсе не был прежним. Тот, кто вчера вечером рухнул на камни двора, и тот, кого они видели теперь, отличались друг от друга, как небо от земли. Существо, вернувшееся к жизни, могло ходить и даже издавать звуки, но было неменяемым. Колдун употребил всю свою силу и создал то, что неплохо получалось у многих, подобных ему: ужасную куклу с пустыми глазами идиота и жуткой шаркающей походкой на негнущихся ногах. Из полуоткрытого рта капала густая слюна, руки нелепо, беспорядочно двигались. Впро-

чем — слабое утешение! — оно не было агрессивным, а выглядело скорее несчастным. Издавая булькающие стоны, оно искало угол потемнее и никак не реагировало на обращенные к нему слова.

Сам же колдун исчез. Как ему это удалось, Соня поняла, подняв голову и взглянув на выдернутые, чуть ли не узлом завязанные прутья решетки под самым потолком. Чтобы так расправляться с металлом, нужно обладать нечеловеческой силой. Гинмар сделал это руками «воскрешенного», в чем она и убедилась, осмотрев содранные в кровь ладони Гарда. Воля зомби была волей его создателя. Потом оставалось только выбраться...

Будь оно все проклято.

* * *

...Холодно... Ледяной холод, от которого стучат зубы, привел его в сознание и заставил открыть глаза. Была ночь, холодная и черная, в воздухе висел запах дождя, издали доносилось ворчание грома. Он лежал на земле вытянувшись, ноздри забивал запах пыли и выгоревшей травы. Он попытался шевельнуться — все тело пронзила боль. Его подстрелили. Он упал с лошади. Это случилось где-то во второй половине дня. Сколько прошло времени, неизвестно, но преследователи не сумели его найти — следы смыло внезапно хлынувшим ливнем.

Потом ливень прекратился... И вот опять по спине застучали дождевые капли. Укрытие... нуж-

но найти укрытие. Превозмогая боль, он попытался сесть. Это удалось с третьей попытки.

Левая рука — и вся левая половина спины — онемела. Рыча сквозь стиснутые зубы, Гинмар извернулся и попробовал выдернуть стрелу, которая мало того что вонзилась очень глубоко, но еще и имела наконечник особого рода, наподобие рыболовного крючка, и вытащить ее он смог только вместе с куском кровоточащей плоти.

Гинмар все еще находился в той же расщелине холма, где его подстрелили. Магистр встал на колени, а потом, пошатываясь, поднялся. Медленно огляделся по сторонам, стараясь дышать пореже. Лошади не было. Он вспомнил, что слышал топот копыт. Может, ушла недалеко... Гинмар позвал, но в ответ — ни движения, ни звука, кроме шороха дождя.

Он добрал до устья расщелины и, осторожно ступая, двинулся по склону.

Споткнулся о камень и упал. Тяжело поднимаясь на ноги и заметил, что у него кровоточат ладони: ободрал при падении. Точно как у Гарда после борьбы с решеткой. Только тот был в лучшем положении — несчастный мертвец боли не чувствовал.

Тот, кто в него стрелял, оставил его умирать; смерть наступит скоро, ибо наконечник стрелы был отравлен. Для надежности. Гинмар двигался лишь благодаря Крови Демона, блуждавшей по его жилам вместе с собственной. Правда, потом она потребует расплаты, это он знал. Но пока... пока она его спасала.

Он падал еще три раза, прежде чем добрался до подножия склона, и к этому времени босые ступни просто горели.

Впереди замаячила темная линия деревьев; он остановился, прижавшись к стволу, и долго вслушивался в шум дождя и журчание воды в ручье. Его глаза искали огонь или какие-либо другие признаки присутствия людей, но напрасно. Он бродил между деревьев до тех пор, пока не наткнулся на место, где несколько крупных стволов срослись так тесно, что их переплетенные ветви образовали некое подобие навеса. Когда глаза привыкли к темноте, он разглядел лежащую на земле огромную ветвь — видно, ее обломил ветер. Гинмар добрал до нее и, скорчившись под этим ненадежным укрытием, мгновенно заснул. А вокруг падал дождь — мягко и непрерывно.

* * *

«Я найду эту тварь,— упрямо подумала Соня.— Из-за меня он явился в Логово. Это мое дело. Все вернулись назад, потеряв след, даже Лиара... Но я не отступлюсь!..»

* * *

Гинмар проснулся, трясаясь от холода. Ни укрытия, ни пищи, ни огня. Он сильно ослабел, а в той крови, что еще оставалась в измученном теле, бродил яд. Сумрак под деревьями стал прозрачнее — приближался рассвет. Он подобрал с земли палку, довольно ровную, и, опираясь на нее, как на посох, сделал первый шаг. Порыв

ветра прошелся по нему ледяными пальцами, как будто проверяя его силы. Вцепившись в палку, Гинмар тяжело двинулся вперед, озираясь время от времени, чтобы убедиться, что линия деревьев у него за спиной. Наткнулся на очередной ручей и спустился вниз, продираясь сквозь кусты. Зачерпнул ладонью воды, сделал пару глотков, но его тут же вырвало. Перебравшись через ручей по камням, вскарабкался на противоположный берег.

Каждый шаг отдавался мучительной болью, но он брел просто потому, что знал: останавливаться нельзя.

На опушке какой-то рощицы он обнаружил следы костра. Гинмар обыскал все вокруг, пытаясь найти что-нибудь полезное — может быть, обломок ножа, хоть что-то, что сошло бы за оружие. В конце концов он наткнулся на укрытие — односкатный навес, плотно сложенный, с сухими листьями и травой внутри. Он забрался туда, как зверь в нору, и закрыл глаза. Несколько раз он проваливался в беспамятство, потом услышал голос.

— ...Все равно что мертвый... Но я не для того забралась в такую даль, чтобы допустить еще какую-нибудь нелепую случайность. Вот проклятие! Проще всего убить его... Нет, лучше бы он сам умер!.. Разведу пока костер, я здорово замерзла... А им еще успею заняться. Никуда он не денется.

«Соня», — узнал он. Конечно. Если у кого и хватило упорства его разыскать, то, разумеется, у

этой рыжеволосой. Счастье иметь ее своим другом, но горе тому, кто обрел в ее лице врага. Она колеблется... Колеблется настолько, что разговаривает сама с собой, и это до определенной степени обнадеживает. Однако, если она желает ему смерти, то вполне способна исполнить задуманное. Можно не сомневаться.

Соня тем временем занялась костром. Гинмар поднял голову. Опасность прояснила его разум. Он тихонько выглянул.

Ее лошадь была рядом. Гинмар медленно поднялся на локтях и пополз. Осторожно двигаясь по размокшему грунту, он не производил шума. Из-под навеса... под дерево... а потом обогнуть его, чтобы выйти к лошади с противоположной стороны. Гинмар добрался до лошади, встал на ноги. Нашел куст, к которому она была привязана, взялся за свободный конец узла — тяжелой петли и, держа в одной руке поводья, второй ухватился за луку седла. Лошадь, напуганная его запахом, отпрянула в сторону, и Гинмар ткнулся лицом в седло. Он услышал крик, рванулся, извиваясь, к луке седла и вцепился в нее. Лошадь, подпрыгнув, бросилась вперед, когда его нога коснулась стремени. Гинмар упал в седло; лошадь понеслась галопом, резво взяв с места, промчалась между деревьями, взметнулась по склону и достигла высокого берега прежде, чем Гинмар успел как следует усестись в седле... А потому, когда она неожиданно споткнулась о камень, перелетел через ее голову и рухнул наземь...

— Вот так. Да, я рано сбросила тебя со счетов.— Соня стояла над ним, обнажив короткий меч; губы ее растянулись в злорадной усмешке, похожей на оскал хищника.— Резво бегаешь.

— Соня, нет...— Он инстинктивно поднял руку к лицу.

Что помешало ей ударить его? Разве что понятие о чести, не позволявшее добивать поверженного противника.

— Встать! — крикнула она.— Поднимайся и сразись со мной, если хочешь умереть достойно!

Все демоны преисподней сейчас не могли бы заставить его сделать это. Гинмар оставался неподвижным. Ярость Сони слегка поутихла.

— Дурак несчастный,— сказала она, склоняясь над ним.— Ну что мне с тобой делать, а?!

— Я не хотел убивать того парня,— почти жалобно проговорил Гинмар,— правда не хотел! Это произошло случайно, ты же сама видела!

— А потом что ты с ним сделал?!

— Я не умею оживлять мертвую плоть, я же тебе сразу сказал. То есть мне не дано воссоединить тело с отлетевшей душой. Что смог, то и сделал! Мне пришлось его просто заставить двигаться, чтобы использовать для побега. Иначе люди из Логова меня бы точно убили.

«Все так»,— подумала Соня. Разве ей самой не доводилось в бою скрываться за телами убитых от града стрел?

— А тебя не посещала мысль, что я тоже человек из Логова? И что у меня приказ тебя уничтожить, которому я обязана подчиняться?!

— Но ведь тебе не хочется этого делать?

Меч все еще угрожающе сверкал в руке Сони, в опасной близости от его горла.

— Если бы ты не был ранен,— проговорила девушка,— я бы с удовольствием — ты себе не представляешь даже, с каким огромным удовольствием! — отделала бы тебя хлыстом за твои жесты. Ладно, так и быть, давай руку и вылезай из этой грязи: ты уже и на человека-то не очень похож.

Меч скользнул в ножны, и Гинмар перевел дух.

* * *

Они добрались до ближайшего городка: небогатые дома, узкие улицы...

Около постоялого двора Соня спрыгнула с седла, увлекая за собой Гинмара.

В помещении было три человека. Двое играли в кости, а третий дремал, сидя в стороне. Насквозь промокший Гинмар оставлял на полу следы грязи. Его спутница выглядела немногим лучше.

— Нам нужна комната. И что-нибудь поесть,— отрывисто сказала она.

— Неужели? — язвительно осведомился хозяин заведения.— Вы являетесь сюда в таком виде... У вас хоть деньги есть за все это заплатить?

Гнев придал Гинмару сил. Гнев и отчаянное нетерпение. Потому что он ощущал, что в любой момент может рухнуть лицом вниз. Он сгреб хозяина за рубашку:

— Немедленно дай комнату, я могу заплатить! И не смей пререкайся!

— Успокойся! — Соня бросила на стол пару монет. — Еще нам здесь драки не хватало.

Раздраженно ворча, хозяин протянул ей ключ. Поддерживая Гинмара, девушка вошла в комнату и плотно прикрыла за собой дверь.

— Снимай с себя все мокрое. Тебя нужно как следует растереть. А еще тебе надо выпить. Раздевайся, а я пока принесу вина.

Она вышла, а Гинмар рухнул на деревянный стул. В голове непрерывно гудело. Он стащил с себя кожаную куртку и рубашку, взял грубое полотенце и вытер голову, лицо и грудь; затем высвободился из промокших штанов — он изорвал их в клочья, когда карабкался по камням и продирался сквозь кусты.

С кувшином вина вернулась Соня.

— Держи. В твоем состоянии это как раз то, что нужно.

Он взял тяжелый кувшин обеими руками, глотнул и ощутил, как по телу разливается тепло. Подождал немного и сделал еще глоток.

Не дожидаясь появления прислуги, которой здесь скорее всего не имелось, девушка развела в камине огонь и только после этого повернулась к Гинмару.

— Тебе лучше?

Вино и тепло сделали свое дело, но он ощущал страшную усталость и боль и кивнул через силу.

— Ты ранен?

— Да. Плечо... Кажется, яд.

— Повернись. «Кажется»! От таких ран принято умирать. Но ты живучий, как кошка. И стреляла явно не я, так что тебе повезло. Все равно с этим надо что-то делать. Хотя и поздноватое, но я попробую. Можешь орать, если хочешь, только не слишком громко.

Она вытащила из-за пояса нож, докрасна раскалила лезвие в огне камина и быстро приложила плашмя к открытой ране. Ковент дернулся всем телом и как бы со стороны услышал свой собственный душераздирающий вопль. Перед глазами вспыхнули разноцветные круги.

— Соня!..

— Да, я не Джилла, чтобы кудяхтать над каждой твоей царапиной, так что не трудись давить на жалость. — В ее голосе, однако, звучало сочувствие.

— Прости, что проявил такое малодушие, — пробормотал Гинмар, когда снова смог сделать вдох.

— Сомневаюсь, что сама на твоём месте молчала бы как рыба. Я знаю, что такое боль. Иногда вовсе не обязательно строить из себя героя. Зато теперь ты точно задержишься на этом свете еще на какое-то время, — с улыбкой заметила девушка. — Расскажи-ка мне, отчего все-таки ты так сцепился с Гардом и что за странности происходят с тобой время от времени.

— Это взаимосвязано, — вздохнул Гинмар. — С некоторых пор я себя не всегда хорошо контролирую. Понимаешь, Кровь Демона...

— Не понимаю. Что такое «Кровь Демона»?

— Древесная смола из Меру. Стоит безумных денег.

— Древесная смола? Да ее повсюду сколько угодно. Еще деньги платить не хватало.

— Это не обычная смола.— Он смотрел на Соню так, словно был поражен ее неведением.— Там, в Чаше Богов, растут такие деревья с мелкими длинными листьями, которые не ест ни одно животное, а если ест, то погибает.

— Ядовитые, да?

— Вроде того. Ну вот, а смолу этого дерева местные колдуны используют в своих обрядах, чтобы выйти из тела и перенестись в мир духов. Когда они ее жуют, их посещают необыкновенные видения. Человек приобретает невероятную физическую силу, выносливость, он чувствует себя счастливым и почти всемогущим, утрачивает страх, в бою не ощущает боли от ран. Только Кровь Демона нелегко добыть, еще труднее вывезти из Меру; она ценится значительно выше золота и не каждому по карману. В Офир ее к тому же запрещено доставлять, и только контрабандисты определенного рода этим занимаются.

— Почему? То, что жители Меру ее так берегут, понятно. А отчего ввозить-то нельзя? Это же бесценная вещь. Подумать только, пожевать немного смолы — и стать почти неуязвимым. Здорово! Мне нравится. Я тоже хочу попробовать. У тебя она есть?

— Соня, ты не дослушала. Во-первых, Кровь Демона обрабатывают определенным образом, чтобы значительно уменьшить ее силу, иначе ум-

решь, едва взяв ее в рот. Это делают рабы, потому что даже пары Крови Демона, когда ее варят, уносят жизни. Но и укрощенная, она остается коварной. Поначалу все хорошо, так хорошо, как ты и представить себе не можешь, зато потом вдруг оказывается, что без Крови Демона уже невозможно обходиться. Она привязывает к себе человека, и он начинает жить ради нее — как ради любимой женщины, а если не может ее достать, то погибает в ужасных мучениях. Но если продолжать ее жевать, то постепенно теряешь рассудок.

— Тогда уж лучше и не начинать. С ней с ума сойдешь, без нее умрешь, да еще в мучениях.— Соня невольно содрогнулась.

— Ты совершенно права, рыженькая. Вот только дело в том, что я-то попался, как муха в паутину. Когда я узнал, что маги Меру пользуются Кровью Демона, я решил, что она может мне весьма и весьма пригодиться. Они творят такие чудеса, обладают такой властью над Силами Тьмы, о какой я могу только мечтать. Более того, колдовская смола упоминается в хрониках нашего рода. Орт, мой погибший брат, писал, что с ее помощью можно закрыть Врата: видишь, он тоже задумывался, как это сделать, просто потом почему-то все пошло не так... В общем, я отправился в Чашу Богов. Разумеется, прежде я спросил совета у Ёно Рана, объяснив, что хочу сделать. Он выслушал меня и сказал, что попробовать можно, однако следует быть очень осторожным и бдительным: ведь эта смола — страшное оружие, и нужно постараться сделать так, чтобы не обра-

тить его против себя самого. Он назвал мне одно имя, имя колдуна Сина, живущего уединенно и скрытно и старого... о, какого старого! Он похож на ходячую стигийскую мумию. Ты не поверишь!.. Ни единого зуба, кожа как пергамент, а сам умеет растапливать снега жаром собственного тела, брать в руки ядовитых змей, проходить сквозь огонь, не обжигаясь... Он знает великие секреты, Соня. Итак, я явился к нему и начал умолять, чтобы он научил меня, сделал таким, каким стал сам. Несколько дней я ходил за ним по пятам, а он словно не замечал моего присутствия. Потом я ему, наверное, надоел, как может надоесть назойливая муха, и он спросил — так, будто впервые меня увидел: «Зачем ты пришел?» Я рассказал ему о Вратах. О том, что мне нужна Кровь Демона. Он страшно разгневался: «Ты, проклятый потомок Наола, не смей ко мне приближаться, потому что такие, как ты, губят мир ради своих желаний». И еще несколько дней он непрерывно молился и совершал очистительные обряды над собой, чтобы избавиться от той скверны, которая явилась к нему в моем лице. Но я не ушел даже тогда, когда Син натравил на меня стаю обезьян. Эти создания напали на меня, но ты же знаешь, что я умею укрощать диких зверей, и они отступили. Маг же удивился, увидев, что я сижу как ни в чем не бывало, а две мартышки ищут блох у меня в волосах, точно признав во мне сородича. Да, он удивился, этот человек, которого вряд ли можно чем-то поразить. Он выше целого мира, добра и зла, всего сущего...

Тогда он явил свою милость и сказал, что я, сумевший заставить его смеяться, могу остаться и жить возле него, и может быть, спустя многие годы, я что-то начну понимать. Но у меня не было в запасе этих долгих лет; я пришел с конкретной целью, за Кровью Демона, а Син не допускал меня даже прикоснуться к ней. В его лесу полно тех зачарованных деревьев, сочащихся ядом, и он-то умеет добывать смолу и укрощать ее... Я следил за ним, наблюдал, как он ее собирает и, более того, пробует на вкус. Если бы я только умел не спешить и терпеть, все было бы иначе. Но за мной водится непростительная слабость желать всего и сразу, к тому же меня обижало то, что Син так пренебрежительно ко мне относится... И я совершил святотатство. Я украл у него немного Крови Демона и сбежал, полагая, что дело сделано и я сам разберусь, как ею пользоваться. Я же колдун, пусть не такой всемогущий и многого не знаю, но тем не менее...

Лес Сина не хотел меня отпускать. Я потерял дорогу, сбился с тропы и долго блуждал, как слепой, страдая от голода и жажды. Назад я вернуться не мог — я же украл чужую, тщательно оберегаемую тайну. Не знаю, сколько дней я провел в том лесу; кроны деревьев там настолько густые, что едва пропускают солнечный свет, и кажется, будто блуждаешь в вечных сумерках даже днем, а ночи темны, как грех, и холодны...

— Странно, — перебила его Соня, — как это в лесу можно страдать от голода?.. Что-то я не пойму — разве ты не умеешь охотиться? Еды по-

всюду сколько угодно, главное — самому не стать содержимым чужого желудка, а влаги полно в тех же листьях, в травах... Вот уж не думала, что ты настолько беспомощен.

— Я не люблю убивать зверей: они ведь мне доверяют. И меня не влечет охота. Что до листьев и трав, они все там какие-то странные, я таких прежде не видел, — попробовал он оправдаться. — А вообще, ты права, конечно. Я всю жизнь прожил в Ианте и никогда не был охотником. Наверное, если бы мне волей судьбы пришлось остаться там надолго... навсегда... я бы привык, научился всему необходимому...

— И что было потом? Как ты, в конце концов, покинул Меру?

— Потом... я подумал, что всеми правдами и неправдами, но я добыл то, за чем явился в Чашу Богов. Значит, все было не напрасным, а победителей, как известно, не судят. Главное — не потерять последние силы и не погибнуть глупо и бессмысленно. И пусть сама же смола поможет мне в этом — я ведь был немало наслышан об ее чудодейственных свойствах. Я высыпал красноватые, поразительно похожие на застывшую кровь прозрачные жемчужины смолы на ладонь и посмотрел на них. Мне даже показалось, будто они излучают загадочный мерцающий свет и пульсируют изнутри. Я глаз не мог от них отвести... Презрев все предупреждения, я взял две или три из них в рот и попробовал жевать. Сначала ничего не произошло. Вкус их я не могу определить, он ни на что не похож,

однако его не назовешь особо приятным. И вдруг я ощутил огромную радость, перехлестывающую через край, я бы даже сказал блаженство; мне захотелось кричать и петь, я совершенно забыл обо всем на свете. Больше не было ни усталости, ни сомнений, ни голода. Сумрачная сырость сверкала и переливалась всеми цветами радуги, а сам себе я казался властелином мира, всемогущим и несокрушимым воином, вождем, у ног которого лежат все империи и народы. Ростом я был выше тысячелетних стволов и головой касался небесного свода, и все сущее на земле приветствовало и прославляло меня, как нового бога. Я был бессмертен, и все стихии были покорны моей воле; я чувствовал, что могу погрузиться без всякого вреда для себя в темную глубь морей — и подняться до предела небесных высот, подобно птице...

Он говорил так вдохновенно и возбужденно, с такими сияющими глазами и сопровождая свои слова такой неистовой жестикуляцией, что его восторг невольно передавался Соне. Зачарованная, она слушала, не перебивая и не требуя, по обыкновению, объясняться короче.

— Я уже не шел, а бегом мчался через лес, не чуя хлещущих по лицу ветвей, и с каждым мгновением, о чудо, вместо нарастающей усталости ощущал, что силы мои удесятятся и нет такого препятствия, которое я оказался бы неспособным преодолеть. Что случилось потом, я не помню, но когда очнулся, то первое, что увидел, было невозмутимо-суровое лицо Сина. «Что ты

сделал, несчастный? — печально спросил он. — Ты погубил себя!» Я хотел возразить... или попросить у него прощения... сам не пойму... Но собственный язык мне не повиновался, руки и ноги странным образом отказывались служить, однако я помнил совсем недавно пережитое чувство счастья и желал только одного: вернуть его как можно скорее, испытать снова, досмотреть свой прекрасный сон до конца. «Дай мне смолы», — вот о чем я принялся умолять Сина, едва снова обрел дар речи. Он отвернулся от меня и хотел уйти, но я пополз за ним на коленях, протягивая к нему руки. Стигиец остановился и посмотрел на меня, качая головой. «Знаешь, сколько времени ты пролежал в моей хижине? Половину луны. Я подобрал тебя неподалеку отсюда, ты был хуже куска смердящей падали». — «Нет, — отказывался я верить. — Я был не падалью, а властелином мира». — «Посмотри на себя, — усмехнулся Син, — так ли достойно выглядеть властелину?» Он протянул мне медное зеркало, и я не узнал своего лица. Чудовище с гноящимися глазами, спутанными волосами и трясущейся головой взидало на меня. Я закричал от ужаса и отшвырнул зеркало. «Ты не умер, потому что силен, здоров и молод, — пояснил отшельник, — но дело сделано. Кровь Демона стала частью твоей крови. Ты за один раз поглотил ее столько, что могло бы свалить и быка. Я не должен был сохранять твою жизнь, отродье Наола, мне следовало оставить тебя издыхать там, где тебя нашли обезьяны. Они сидели над тобой и плакали, как люди. Они позвали

меня... Отпустить тебя назад я тоже не имею права. К проклятию рода ты добавил собственное. Теперь ты слишком опасен для людей». Он говорил такие ужасные вещи, от которых впору было убить самого себя. Я молча ждал приговора, готовый принять даже самый суровый. «Но ты Хранитель Врат, — устало закончил стигиец, — и должен вернуться домой. Твой учитель просил за тебя». «Ёно Ран? — прошептал я. — Как просил? Разве он был здесь?» — «Дух и мысль не знают преград времени и расстояний. Он и сейчас рядом с тобой, — вздохнул Син, — но ты слеп и глух настолько, что уже не чувствуешь этого. Я и мой бедный брат, мы оба виноваты в том, что не сумели тебя остановить. Ты покинешь мой дом и вернешься в Ианту. Я уже не могу исправить свершившееся зло, в моих силах только уменьшить его». Он увел меня в горы и еще половину луны совершал над мной свои обряды, заставляя погружаться в кипящий источник — выгонял Кровь Демона из моего тела, — покуда я не сказал гордо: «Мне больше смола не нужна». Стигиец печально вздохнул: «Увы, ты заблуждаешься. Из этого рабства человеку себя не выкупить. Стоит только ненадолго забыться, и ты погиб. Помни! Но на то, чтобы дойти до Офира, тебя хватит». И я ушел. Вернулся в Риатеос и все рассказал Ёно Рану. Каялся в совершенном и приносил страшные клятвы больше никогда не прикасаться к смоле, этому яду безумия и порождению самой преисподней. Учитель молча слушал меня, не возражал, но и не верил — я это чувствовал. Он смотрел на меня с

жалостью, и это было страшнее всего. «Син, мой названный брат,— заговорил он наконец,— не зря бережет Кровь Демона от мира, чтобы она не попадала в руки глупцов и трусов, желающих казаться, а не быть. Я переоценил тебя, бедный самоуверенный мальчик, и тем самым погубил, не желая того. Знаешь, о чем говорит древняя легенда? Будто там, где теперь растут те самые деревья, тоже были одни из Врат Нижнего Мира, но нашелся герой, уничтоживший тварь, обитавшую там. Однако, разлагаясь, она отравила собой всю землю вокруг, и на той земле выросли гигантские ядовитые сорняки, продолжающие нести бесконечное зло людям. Мертвая черная кровь твари сочится из стволов, корни которых погружены в ее тушу. Тому, кто стал ее жертвой единожды, спасения нет. Разве что он решится пройти через невыразимую муку, худшую, нежели когда живое тело рвут на части раскаленными щипцами, принять подобие смерти, чтобы затем возродиться вновь. Только тогда падут невидимые оковы. Но твоя душа слишком слаба для такого испытания». — «Но на мне нет никаких оков! — воскликнул я. — Может, и были, но теперь я так же нормален и свободен, как все люди, которые знать не знают об этой меруанской заразе!» Какое-то время жизнь текла своим чередом. Но вот однажды я проснулся ночью в ледяном поту, чувствуя на языке тот единственный, незабываемый, желанный вкус так ясно, будто держал во рту чудесные жемчужины. Я вскочил с постели, нашел сумку, которая была со мной во время

похода в Меру, вывернул ее, перерыв каждую складку, и, о счастье, обнаружил на самом дне то, чего просила моя душа. Какая-то часть меня кричала, что мне не следует повторять свой печальный опыт, но я сказал себе: ничего, теперь я буду осмотрительнее; в тот раз я просто не рассчитал, взял слишком много, а теперь обойдусь и сотой долей... И в самом деле, у меня получилось. Блаженства я, правда, не обрел, зато покоя и силы — сколько угодно, причем я вполне понимал, что делаю. Вот, подумал я, Ено Ран напрасно пугал меня всеми карами преисподней, да и Син не лучше; просто они оба хотят сохранять тайну счастья для одних себя, великих избранных. Я не раб Крови Демона, я заставляю ее служить мне, как пожелаю, и могу отвергнуть, когда сам захочу, как надоевшую женщину. Глупец, как же я собой тогда гордился!..

Потом... О, Соня, чего я только ни делал и на что ни шел, добывая ее вновь и вновь. Я ведь сказал тебе, что коварная смола в Офир попадает исключительно редко, но был один человек, который знал, как ее достать: Тизар, Черный Всадник, мой друг и слуга. То есть в то время я считал его своим другом и только потом понял, насколько заблуждался. Тогда я просто перестал отличать друзей от врагов и предателей. Я и себя самого перестал понимать. Случалось, я вообще забывал, кто я и откуда, где явь и где сон, где ложь, а где правда... Только мерцающие багровые жемчужины ядовитой Крови... Я слишком далеко зашел, назад пути нет. Но есть дело, которое я обязан

завершить... Есть одна любовь в моей жизни, что до сих пор **уберегала** от полного превращения в тварь. Имя ей — Ианта.

— Ианта,— эхом отозвалась удивленная Соня.

— Да... Город можно любить вплоть до каждого камешка его дорог и трещины в древней стене. Больше жизни, больше всего на свете.— Гинмар мягко улыбнулся.— Его запах, его неповторимую душу, шум его улиц и тишину ночных окраин, дворцы и жалкие лачуги, прохладу его садов, лужи после дождя на его мостовых. Ианта прекрасна. Там я родился и там, надеюсь, умру. Но прежде я должен **защитить** ее от той опасности, которая способна **сместить** город с лица земли, от безумия Нижнего Мира. Вот настоящая причина, по которой я позвал тебя на помощь, потому что одному мне **не справиться**, а нужно успеть сделать это прежде, чем Кровь Демона окончательно померкнет мой разум и я уже не смогу... ничего.

— Знаешь, Гинмар,— задумчиво произнесла Соня,— однажды твой отец, Итан, объяснил мне важную вещь. Темные силы потому и коварны, что они никогда на самом деле не служат тем, кто их призывает, а наоборот, постепенно подчиняют себе человека, и расплата бывает ужасной.

— Да, да,— подтвердил Магистр,— так и есть. Вместо того чтобы сбросить оковы Наола, своего несчастного предка, я приобрел еще более тяжкие... и теперь,— он в отчаянии развел руками,— мне некуда деться от них.

— Значит, если ты перестанешь жевать эту смолу, ты умрешь быстрее, нежели с ней?

Он удрученно кивнул.

— Наверное. Я боюсь даже подумать, что будет со мной, если у меня не останется ни капли Крови Демона.

Соня задумалась. Она размышляла обо всем услышанном довольно долго.

— Я видела, что эта штука с тобой сделала,— наконец проговорила девушка,— там, в Логове, ночью. И потом, когда ты набросился на Гарда. Так вот, ответь мне, если можешь: ради чего я пошла против воли Логова, поставила себя вне его законов, святых для меня,— ради ненормального человека, не способного за себя отвечать, так?! Да за одно это тебя на самом деле следовало бы прикончить! — Глаза девушки метали молнии, а голос звучал хрипло и угрожающе.— Я помню, как ты не побоялся один выступить против целой толпы. Может, ты был тогда не прав, но ты не вел себя как трус. А теперь покрываешь позором свое имя. Идешь на великое дело, а сам демонов внутри себя победить не можешь. Как же Нижний Мир покорится тебе, Магистр Гинмар?! Что я хочу тебе сказать: мне все равно, в каких мучениях ты сдохнешь, но больше я не допущу, чтобы ты — при мне — прикасался к этой твоей отраве, чьей бы кровью они ни была. Мне не нужно твоих клятв и уверений — им все равно грош цена! Просто поверь, что проклянешь тот день, когда появился на свет, если еще раз прибегнешь к ее помощи. Я слов на ветер не бросаю, приятель. И я намерена сражаться с тобой до конца, с тем, чем ты стал,— ради тебя же, но того, прежнего.

Гинмар молчал.

— Отдохни,— чуть мягче сказала Соня,— так будет лучше.

Гинмар медленно, осторожно вытянулся в постели и натянул на себя одеяло. Пульсирующая боль в плече немного утихла, мышцы, сведенные холодом и усталостью, постепенно расслаблялись. Исповедь, которую он позволил себе только что, принесла ему невероятное облегчение. И он уже не чувствовал прежнего невыносимого одиночества, растерянности и страха, ведь рядом находился человек поразительной чистоты и верности, друг, равных которому он не знал за всю жизнь.

— Соня,— произнес Гинмар,— я люблю тебя.

Девушка усмехнулась в ответ, но без тени осуждения, прекрасно понимая, что он не имел в виду чувство мужчины к женщине.

* * *

Наутро Гинмар обнаружил, однако, что Соня рядом нет. Встревоженный, он поспешил подняться, но, оказавшись на ногах, почувствовал такую боль, что на лбу выступил холодный пот. Он опустился на колени и в таком положении добрался до двери и попробовал открыть ее — и тут же столкнулся со своей подругой.

— Не меня ли разыскиваешь? — поинтересовалась Соня.— Куда, по-твоему, я могу деться, если назад мне дорога твоими усилиями заказана? Вот, сапоги тебе принесла взамен тех, что с тебя сорвали в Логове, и поест кое-что. Так что хватит ползать по полу.

— Мы можем поехать в Ианту?

— Через день-два. Ты пока не способен проделывать долгий путь в хорошем темпе, особенно учитывая, что Волчица наверняка не оставит нас в покое. И нам нужно быть предельно осторожными.

— Я отведу глаза ее людям,— заверил Гинмар.

— Не получится. Среди них Лиара. Я сама обучала ее. Эта девушка из тех, на которых колдовство не действует, и она будет мстить за Гарда до конца.

— В Логове, что же, каждый обладает каким-то необычным свойством?

— По большей части да. Там не бывает случайных людей. Но я не собираюсь посвящать тебя в его секреты — они не касаются чужих.

— Я и не спрашиваю...

* * *

Дождь заглушил звуки копыт, а затем шаги человека, который, пройдя вдоль аллеи, осторожно открыл заднюю дверь постоянного двора и вошел внутрь. Это было единственное подобное заведение в городке, и тот, кто искал бездомного человека, наверняка явился бы сюда. Тот, кто хотел убить такого человека, вряд ли вошел бы через передние двери, иначе его увидели бы и запомнили.

Ее никто не заметил, в этом Лиара была совершенно уверена. Если проклятый убийца каким-то образом спасся, она найдет его. Обыскав всю округу, она не обнаружила его тела. Значит, он все-таки уполз из той расщелины, где его настигла ее

стрела. Напрасно она сразу не продолжила преследование, позволив уговорить себя вернуться. А вот Соня продолжила — одна. Но в Логово не вернулась. Либо вышла на след, но отчего-то не завершила начатое, что на нее не похоже, либо она с ним в сговоре.

Лиаре едва минуло восемнадцать зим, и у нее никогда не было семьи. Женщина, которая ее выносила, умерла до родов. Ее похоронили, но муж, обезумев от тоски, спустя сутки голыми руками разрыл могилу, чтобы еще раз увидеть бесконечно дорогое лицо горячо любимой жены, с которой не прожил и года. К своему ужасу, он обнаружил, сорвав крышку гроба, что возле мертвого тела лежит еще одно — живое. Его новорожденная дочь не появилась на свет, как все дети, а пробилась себе путь во тьму. Каким образом это произошло, осталось загадкой, но отец не собирався ее разгадывать. Он проклял собственное дитя и отказался от него; крошечную девочку нарекли Лиарой совершенно чужие люди, взявшие ее на воспитание по приказу жреца того селения, где случилась трагедия. Лиару считали ведьмой, на ногах у нее оказалось не по пять пальчиков, как положено, а по шесть. В детстве она отличалась от других детей — никогда не плакала, не давала проходу ни одному мальчишке, хоть и была на голову ниже своих сверстников. Смеяться она тоже не умела: первая улыбка ребенка возникает в ответ на улыбки родителей, а Лиара, по понятным причинам, чувств, способных заставить улыбаться при виде ее, ни у кого

не вызывала. Но она продолжала как-то жить, отвергнутая всеми, предельно озлобленная, но яростно мечтавшая о любви, о том, чтобы иметь настоящую семью, родителей, сестер и братьев, которые защищали бы ее и принимали такой, какова она есть.

В десять лет она сама, ножом, отрезала лишние пальцы. Но телесная боль лишь ненадолго ослабила ту, что разрывала ей грудь. Спустя еще одну зиму она покинула селение и начала бродяжничать. Спустя еще два года она познакомилась с Гардом. Он оказался первым человеком, которому было не совсем все равно, что с нею станет. Вернее, совсем не все равно. Будучи старше и умнее Лиары, он разглядел в ней такие качества, которые могли бы оказаться весьма полезными. Они вдвоем никогда не промышляли воровством, подобно Соне. Нет, эти двое пошли дальше. Их уделом стали дерзкие грабежи, непременно кровавые, внезапные нападения на проезжающих через горные перевалы купцов. И долгое время никому не приходило в голову, что осуществляют их два столь юных человека, по сути девочка и мальчик, а не целая банда вооруженных до зубов головорезов. Лиара была прирожденной охотницей, но выслеживала вовсе не лесное зверье. Ее врагами были люди, отвергнувшие ее, и к ним она не знала пощады и жалости, а безрассудство молодости делало ее еще и не ведающей страха. Ей нравилось убивать. Она любила запах крови, агонию поверженных противников, а собственную никому не

нужную жизнь не ставила ни в грош. Долгое время ее единственной привязанностью оставался Гард, который весьма удачно использовал Лиару, зачастую посылая ее вперед и прикрываясь ею, как щитом. Он был куда рассудочнее и осмотрительнее своей подруги и умел появляться на месте действия чуть позже. Совсем чуть-чуть — когда основная часть кровавой работы была уже выполнена, когда дичь была загнана в хитроумно расставленную ловушку, а опасность значительно уменьшалась.

Так и получилось, что, оказавшись в Логове, Лиара обрела свою первую и единственную в огромном неприветливом мире семью, сразу почувствовав себя среди своих. Здесь ее ценили именно за то, что она умела делать в совершенстве, и не смотрели на нее как на выродка. Сердце юной охотницы постепенно отогревалось, и — как случается с подобными натурами, недоверчивыми, но способными к чрезвычайно сильной и стойкой привязанности и совершенно безоглядной вере в тех, кому они решились отдать свое сердце, — Лиара всем существом приняла законы и самый дух Логова; и, как его истинное абсолютное проявление, Соню, свою наставницу и старшую подругу, которой Лиаре хотелось подражать во всем.

Она была счастлива. Каждый прожитый в Логове день представлялся Лиаре благословением и милостью небес. Да еще и Гард находился рядом, хотя он-то как раз особой радости от таких изменений в своей судьбе не испытывал. Но у

маленькой Лиары теперь было все, о чем она когда-либо смела мечтать в самых дерзких своих грезах. Любовь, семья, дружба и смысл существования.

До тех пор, пока не явился Враг, уничтоживший Гарда, вторгнувшийся на священную землю и грубо поправший ее закон.

Он должен был умереть от руки охотницы на людей. Он — и та, что притянула к Логову беду.

* * *

— Тихо, — сказала Соня, оборвав фразу на полуслове и внутренне подбираясь. — Я слышала что-то... какой-то шорох...

— Ну и что. Мы здесь не одни, мало ли людей ходит, — с поразительной беспечностью возразил Гинмар.

— Мало. Никого, кроме нас с тобой... и нашей лошади... тут не было. Закрой рот.

Она подошла к двери и прислушалась. Ничего, кроме собственного дыхания. Может быть, и вправду показалось?..

Но в глубине души Соня точно знала: нет, не послышалось. Инстинкт не мог ее подвести. Опасность, запах опасности, вот в чем дело.

Помещение, в котором они с Гинмаром находились, было внутренней комнатой без окон. Просто идеальная ловушка, из которой только один выход — в руки преследователя, навстречу удару ножа.

Рука девушки плавно легла на засов двери и сдвинула его. Теперь ворваться сюда снаружи

будет совсем не просто. Однако, если тот, кто вышел на их след, не дурак, то он не станет откровенно ломиться, а устроит засаду и будет терпеливо ждать, столько, сколько понадобится.

Гинмар тоже это понял. Как и то, что Соня ни в коем случае не желает принимать открытый бой: ей не пристало сражаться с людьми Логова. Нужно было немедленное вмешательство кого-то еще — или чего-то, не суть важно, — способного как минимум спугнуть того, кто находился по другую сторону двери.

Хозяин заведения, Четвинд, славившийся своей поразительной скупостью, не позволявшей ему нанять даже мальчишку-слугу себе в помощь, как раз в этот момент не без сожаления подумал о своем одиночестве: вообще-то он никогда особенно не нуждался в компании, но в такие дни, исключительно скудные на новых постояльцев, даже ему становилось не по себе. Что за жизнь, словом не с кем перекинуться... Что толку сидеть в совершенно пустом зале и ждать неизвестно чего?.. Лучше пойти малость вздремнуть, пожалуй, — все равно до вечера никто не появится. Четвинд так и поступил и, оторвав грузное тело от скамьи, направился к себе. Жил он — из соображений удобства и, главным образом, экономии — в одной из комнат своего же постоялого двора, которых всего-то насчитывалось не более полудюжины. Четвинд глянул вдоль коридора, ведущего к задним дверям. Света там не было. Но хозяин почуял легкий запах дыма, оставленный только что задутой ма-

сляной лампой. Кому-то хотелось, чтобы было темно, а Четвинд даже днем, если небо было пасмурным, такого не допускал; может, это и было расточительством на грани непозволительного, но он страдал куриной слепотой и полумрака не выносил. Кроме того, по счастью, мать Четвинда многому научила своих детей. Здесь, совсем близко, находился посторонний человек — он знал это точно. Сделав вид, что ничего не подозревает, хозяин заведения с хрустом потянулся и громко зевнул, демонстрируя полусонное состояние, и пошел в свою комнату, не обращая внимания на темный участок коридора. Вошел внутрь, захлопнул дверь — и, чуть выждав, снова приотворил ее. Посторонний мог быть только вором или грабителем, наглым настолько, что явился днем... ну, он об этом очень скоро пожалеет. Четвинд мягко приотворил дверь чуть сильнее — и различил темную тень... От нее протянулась рука, которая охватила ручку двери единственной занятой комнаты и осторожно попыталась толкнуть ее... Но безрезультатно. Мужчина и женщина, остановившиеся здесь, явно никого не ожидали.

— Стоять на месте, — рявкнул Четвинд, — иначе я убью тебя!

Неизвестный резко повернулся — нож просвистел возле самого уха хозяина, чудом не задев его, — и бросился бежать; он выскользнул в дверь и опрометью слетел вниз по ступеням. Преследовать его Четвинду мешали лишний жир и одышка, появившиеся в последние годы, так что он не

стал и пытаться, хотя и был весьма раздосадован этим обстоятельством. Зато он изо всех сил забарабанил в дверь своих постояльцев. Рыжеволосая женщина тут же открыла.

— Что случилось?

— Грабитель. Пытался проникнуть сюда, швырнул в меня нож... и сбежал.

— Кошмар! — Она всплеснула руками. — Я непременно заплачу дополнительно за то, что ты рисковал жизнью, почтеннейший, защищая своих гостей!

Четвинд раздулся от гордости и удовлетворения из-за возможности получить лишнюю монету, которая тут же и была ему вручена, после чего он удалился.

Соня повернулась к Гинмару.

— Еще раз сунуться не попробуют, по крайней мере сейчас, — сказал он.

— Вовремя подоспел этот толстяк.

— Полагаешь, случайно? Я *позвал* его. Первого попавшегося человека, оказавшегося поблизости. Это несложно.

— Ну, хоть на что-то ты годишься, — заметила девушка, — уже хорошо. И все же надо уходить.

У соседнего дома, спрятавшись за пустыми бочками и ящиками, Лиара напряженно наблюдала, как двое поспешно покидают постоялый двор. Один из врагов двигался неуверенно и тяжело. Она, Охотница, подняла дичь, и это совсем неплохо. Она пойдет за ними и будет гнать, гнать и преследовать, выжидая удобного момента, чтобы прикончить. Это Лиара умела,

хотя вовсе не была настолько самонадеянной, чтобы недооценивать тех, кто должен был стать ее добычей. Особенно Соню. Соню, которую она сейчас ненавидела так сильно, как только способно ненавидеть сердце подло обманутого человека. Наставница Лиары предала Логово, а значит, не имела права жить.

Но когда все закончится, она воздаст последние почести Соне так, как того удостоивались лучшие из ее противников: вырежет и съест ее сердце и печень, чтобы вобрать в себя чужое мужество и силу. Лиара иногда так поступала. Гард — нет. Гард не мог на это даже смотреть. Его рвало.

Он всегда был слабее. Но он все-таки *был*. А теперь — где мужчина, с которым она знала не только счастье убивать?

Не надо об этом думать.

* * *

Они раздобыли еще одного коня и двигались вперед весь день и всю следующую ночь. Гинмар очень спешил; Ёно Ран дал знать, что в Риатеосе беспокойно, поэтому требовалось оказаться там как можно скорее. Так что он с тревогой думал о том, что ждет их впереди, в то время как Соня куда больше переживала из-за той опасности, что дышала в спину в образе маленького смуглого демона мести. В упорстве Лиары она не сомневалась. Да еще приходилось пристально наблюдать за своим спутником — ненадежным и опасным, как совершенно точно определила Разара. Соня

чувствовала буквально кожей, как с каждой следующей преодоленной милей возрастает его напряжение. Гинмар испытывал страх, стремительно усиливавшийся, и вовсе не перед Нижним Миром или чем-то подобным.

— Что происходит? Что не так? — спросила она прямо, пустив свою лошадь бок о бок с конем Магистра. — Скажи мне. Я должна знать, чего ты боишься. Силы преисподней, в твоих глазах плещется настоящий ужас!

— Четвертый закат, — произнес Гинмар. Девушка не ошиблась, у него даже губы прыгали, и слова звучали невнятно.

— Что значит — четвертый закат?

— Кровь Демона, эта спесивая госпожа, терпит пренебрежение собой четыре заката. На пятый она начинает выходить из себя.

— Что из этого следует?

— Если я не воспользуюсь ею раньше...

— Ты хочешь сказать, что на пятом закате можешь умереть?

— Я тебе уже объяснял.

— Понятия не имею о магии и натуре твоей «госпожи», но ты готов сдаться, даже не успев принять бой, а это недостойно. Пока с тобой ничего не случилось, ведь так? Просто перестань о ней думать. Не поддавайся! Не поддавайся, ты понял меня?!

— Соня, ты мастер все усложнять. Нам нужно срочно оказаться в Ианте, и такие испытания просто ни к чему. Не вовремя. Потом, позже, — другое дело. Я все прекрасно понимаю, но...

— Я тоже прекрасно понимаю, к чему вся эта тирада. Чтобы я сжалась и позволила тебе задохнуться в рот кусочек смолы. Даже не думай!

Неуверенный взгляд сменился острым, ненавидящим.

— Оставь меня в покое. Я глупец, что вообще рассказал тебе об этом.

Соня не была подвержена вспышкам гнева, наоборот, гнев долго копился в ней, пока вдруг ее не охватывала слепая ярость, которую она знала за собой и старалась обуздать. И теперь девушка заставила себя сделать несколько глубоких вдохов, чтобы превозмочь поднимающееся бешенство. Главное сейчас — хотя бы одному из двоих сохранять ясную голову, иначе все, конец. Спасти ее может только одно — холодный рассудок. Она твердила себе это вновь и вновь. Гинмар не имел никакого права так разговаривать с ней. И так смотреть, будто это она навязалась следовать за ним и хорошо бы от нее избавиться. Но драка с ним не входила в планы Сони. Только не сейчас.

— Успокойся. — Девушка старалась сдерживать себя, хотя с ее губ готовы были сорваться совсем другие слова. — Давай сделаем привал. Я устала, ты тоже.

«И тот, кто идет за нами», — подумала она. Он не двуличный. Хотя худшего места и времени, чтобы останавливаться, нарочно не придумаешь. Самая граница леса с серым частоколом сухостоя: одни деревья еще стояли, другие валялись в беспорядке, напоминая застывшие тела после битвы.

Может, они стали жертвой оползня, или их убила молния... Так или иначе, пространство просматривается прекрасно.

Гинмар все еще глядел ей в лицо, не отрывая зло сузившихся глаз, но наконец разум взял верх.

— Извини,— сказал он.— Ты права. Мы оба просто нуждаемся в отдыхе, отчего и начали огрызаться друг на друга.

«Огрызаться начал только ты,— мысленно возразила Соня,— я тут ни при чем». А вслух произнесла:

— Лошадям тоже нужна передышка. Собери хворост для костра, а я их пока привяжу.

Гинмар поспешно кивнул, а она нарочито безразлично отвернулась.

— Тут ручей недалеко. Отведу их сначала туда и вернусь.

— Хорошая мысль.

Девушка сделала несколько шагов и остановилась, повернув голову. Гинмар явно ждал, пока она отойдет на приличное расстояние. Убедившись, что ей нет до него дела, он поспешно, рывком, расстегнул ворот и вытащил серебряный медальон, висевший на шее, торопливо открыл его... Прыжок назад, который совершила Соня, сделал бы честь средних размеров оленю.

— Не смей! — Ударом в спину она сбила Гинмара с ног; мелкие золотистые шарики, которые он держал на ладони, исчезли в траве.

Гинмар яростно взвыл и попытался сбросить девушку с себя, чтобы тут же, немедленно, собрать свое сокровище. Первая часть задуманного

ему удалась, вторая — нет, потому что Соня не отступила, готовая бросаться на него снова и снова. Руки Гинмара поймали ее и стиснули медвежьей хваткой. Он был сильным человеком, а сейчас еще и озверел от гнева. На секунду девушку охватил ужас. Соня чувствовала, как его кулаки вдавливаются в позвоночник... Противник был значительно тяжелее и намного сильнее ее.

Девушка могла сделать только одно — и сделала это. Она оттолкнулась обеими ногами, падая назад. Внезапный рывок обманул Гинмара, его потянуло вперед, он попытался сохранить равновесие, споткнулся — и выпустил Соню из рук.

Она оказалась на ногах в одно мгновение. Ее противник повернулся — и тут же получил хлесткий удар справа по челюсти, отшвырнувший его на ближайший ствол. Тем не менее Магистр попытался повторить свой захват. Девушка резко ударила его слева, а когда Гинмар ринулся к ней, уклонилась в сторону. На короткий миг они замерли лицом к лицу.

Соня стояла перед ним, готовая драться до конца. Затем он медленно двинулся вокруг нее, но девушка хладнокровно поворачивалась следом, а потом неожиданно отступила и снизу вверх резким ударом достала его подбородок. Голова Гинмара дернулась назад, он упал на колени, но за мгновение до этого Соня нанесла ему страшный удар в лицо справа, и когда Магистр рухнул ничком, схватила его за волосы на затылке и довершила начатое, изо всех сил припечатала лицом к земле.

Связав Гинмару руки за спиной, а заодно, разумеется, и ноги, чтобы лишить его возможности двигаться и мешать ей, девушка собрала с земли все до единой золотисто-багровые жемчужины Крови Демона, во всяком случае, те, которые смогла найти, сосредоточенно подзая по траве.

Магистр катался по земле, пытаясь освободиться, рыдал, умолял, проклинал ее, но Соня старалась не обращать внимания на его вопли. Шарики смолы скрылись в быстрой воде ручья.

— Все,— произнесла она удовлетворенно, вытирая ладони о кожаные штаны.— По крайней мере, теперь тебе отступать некуда.

— Что ты наделала, ненормальная! — отчаянно заорал Гинмар.

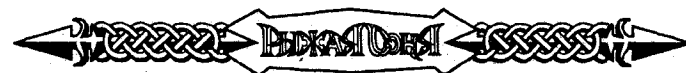
— Могу тебя освободить,— очень спокойно сказала девушка.— Сбегай, поищи. Ручей узкий, но глубокий, течение сильное. Тебе будет только полезно слегка охладиться. Ты, мразь, осмелился поднять на меня руку.

Волна ярости снова стремительно поднялась в душе Сони. Как он мог, боги, как мог так поступить с нею, наплевав на все, что их связывало! Трижды она спасала этому человеку жизнь, помогала ему — и вот... едва не разделила участь Гарда.

— Видеть тебя не могу,— бросила Соня.— Будь ты проклят!

Она подозвала свою лошадь, погладила влажную морду животного, как бы со стороны замечив, что рука дрожит.

— Соня, ты хочешь уехать и бросить меня?

Даже звук голоса Гинмара причинял ей боль. Он еще спрашивает! А какого ответа он ждет? «Ах, нет, ну что ты, я и дальше с удовольствием буду терпеть твои издевательства...»

Ни слова ни говоря, девушка вскочила в седло. Приглушенный удаляющийся стук копыт ставил последнюю точку в ее отношениях с этим безумным. Во всяком случае, в тот момент они оба так полагали.

* * *

Полежав какое-то время без единой мысли в голове, Гинмар попытался освободиться от веревок. Он встал на колени, выгнулся и перекинул связанные руки вперед, чуть не вывернув суставы. Негромко ругаясь, с помощью зубов справился, хотя и не сразу, с узлом на запястьях.

Лиара с холодным интересом следила за ним. Она немного отстала от своих врагов: лошадь подвернула ногу, и ей пришлось идти пешком. Так что драки Сони с Гинмаром она не видела, зато поняла, что они чего-то не поделили и расстались. Может быть, Соня опомнилась, поняла свою ошибку и... Хотя в таком случае она бы не ушла, оставив его в живых. Ладно. По одному Лиара справится с ними наверняка. Она плавно сняла с плеча маленький легкий лук и приладила стрелу к тетиве. Больше она не промахнется. Надо быть слепой, чтобы промазать по неподвижной цели, а Гинмар сейчас был идеальной мишенью — он стоял в полный рост, на открытом пространстве, опустив голову и замерев на месте.

Напряженно наблюдая за ним, Лиара была так поглощена своей задачей, что не заметила, как сама превратилась в дичь. Откуда ей было знать, что она заняла очень неудачную позицию возле норы росوماхи. Разумеется, сами по себе голые слепые детеныши никакой опасности не представляли, а вот их возвратившаяся с охоты мать — другое дело. Почувяв человека, росوماха, голодная — в этот день охота не задалась — и яростная, напала на Лиару сзади. Девушка выронила лук, отчаянно крича от боли: когти и зубы зверя рвали ее тело, норовя добраться до горла.

Схватка не могла продлиться долго, учитывая, что, падая, Лиара умудрилась сломать ногу, словно была самым неловким и неповоротливым существом на свете. Видно, бывшая удача окончательно отвернулась от нее. Попытка выхватить нож также не увенчалась успехом — животное перекусило тонкое запястье девушки; жуткий хруст костей, треснувших, как щепка, в ужасной пасти, показался Лиаре оглушительным, а боль — невыразимой. Горящие голодом и злобой глаза зверя встретились с ее затравленным взглядом, и последнее, что ощутила девушка, было смрадное, тяжелое дыхание из раскрытой багровой пасти росوماхи, полной огромных острых желтых зубов, готовых прикончить добычу.

* * *

Гинмар, услышав пронзительный женский крик, бросился на помощь. Ужасная мысль о том, что Соня могла стать чьей-то жертвой, обожгла

его. Затем наступило мгновенное облегчение — он убедился в своей ошибке. Действуя стремительно и без раздумий, Гинмар нанес удар зверю в основание черепа, переломив росوماхе хребет. Издыхающая тварь обмякла, а Лиара, с ног до головы залитая кровью, осталась лежать без чувств, как мертвая. Отрадная мысль, что это не Соня, сменилась тревогой за жизнь девушки, которую он, разумеется, узнал, тревогой и отчаянным желанием спасти ее. Гинмар поднял легкое, безвольно поникшее тело на руки и отнес к ручью, чтобы промыть глубокие раны, оставленные когтями и зубами. Ставив с девушки обрывки одежды, он принялся за дело. От холодной воды Лиара очнулась.

— Не бойся,— сказал Гинмар,— я не причиню тебе вреда.

Охотнице было сейчас не до мести. Зверь изрядно помял ее, и Лиара не вполне понимала, жива она или уже нет. Но уверенные прикосновения больших и удивительно нежных рук ее не пугали. Ничуть. От них шло тепло, и боль от ран отступала там, где пальцы Гинмара касались ее тела.

Он набрал воды в ладони и дал ей напиться, потом снял с себя куртку и завернул в нее вздрагивающее от холода и потери крови тело Лиары, такое миниатюрное и хрупкое, словно перед ним была не женщина, а подросток. Не говоря ни слова, развел огонь.

— Не понимаю,— хрипло вытолкнула слова Лиара,— ты убил Гарда, ты враг. Я пришла, чтобы убить тебя, отомстить, а ты помогаешь мне...

— Ты привыкла жить в мире, где есть только две краски — черная и белая. Враг — или друг. Жизнь — или смерть. А мир на самом деле такой пестрый, что в глазах рябит. В нем все не так просто. Не разговаривай, береги силы. Доверься мне.

Девушка пошевелилась и невольно вскрикнула, задев раздробленную зубами росوماхи кисть. Но ей захотелось увидеть лицо сидящего к ней вполборота человека. Препней ненависти к нему у нее не было, как ни старалась Лиара воскресить в себе это чувство, столь долго безраздельно владевшее ею.

— Почему это я должна тебе доверять?

— Потому что больше некому. Насколько я понимаю, здесь никого нет, кроме нас.

Гинмар снова склонился к ней и взял на руки, как ребенка.

— Все будет хорошо. Я поделюсь с тобой силой. Я ведь маг и способен на это. Не отталкивай меня.

Уже знакомое Лиаре тепло, струившееся от его пальцев, теперь излучалось всем телом Гинмара, и боль не просто отступила — она исчезла; рваные раны затягивались сами собой, ее плоть и кожа восстанавливались. Но самым удивительным было даже не это. Другое. То, что на месте зияющей раны в душе выросло нечто невероятное. Если бы это состояние можно было с чем-то сравнивать, то, пожалуй, с ощущениями слепорожденного, который вдруг начал прозревать. Стараясь не потерять, не расплескать эту новую,

совсем незнакомую Лиару, рождающуюся в ней, она глубоко вздохнула... и заснула, положив голову на грудь Гинмару.

Убедившись, что с Лиарой все в порядке — настолько, насколько это было возможно при подобных обстоятельствах, — он опустил ее на землю и встал, пошатываясь. Как всегда, исцелив человека, Гинмар чувствовал себя так, словно пробежал без остановки полсотни лиг. Но он смог, снова смог!... А ведь боялся, что уже не способен на это. Потому что для подобных действий магии было мало. Нужно было душой и телом слиться со страдающим существом, принять в себя чужую боль — и только тогда преодолеть ее. А он... он давно уже не то что другого — самого себя не понимал и не любил.

Может быть, Лиара и на самом деле была маленькой и легкой, как ему показалось вначале, — Гинмар этого не исключал. Но день спустя он уже думал иначе. Вернее, слово «думал» тут не вполне уместно. Он просто нес ее на себе — обеих лошадей увела Соня, — и этот путь был ужасен. Да, жизнь Лиаре он сохранил. Она не истекла кровью и все время находилась в полусонном состоянии, не страдая от боли. Но сломанные кости запястья и ноги не могли мгновенно срастись. А значит, о самостоятельном передвижении и речи не шло. Гинмару не оставалось ничего иного, как просто тащить ее — сначала на руках, потом перекинув через плечо. Не очень-то учтиво по отношению к девушке, но сейчас Магистра в последнюю очередь заботили соображения этикета. Он часто ос-

танавливался. Воздух со свистом вырывался из горящих легких, но вместо жара его бил озноб, настолько сильный, что стучали зубы,— безусловно, результат крайнего, предельного напряжения. Иногда он просто падал на землю и катался по ней, сражаясь с собственной мукой, такой невыносимой, что хотелось умереть. Он скреб землю, ломая ногти, и рвал на себе одежду вместе с кожей. В глазах становилось темно, кровь стучала в висках как набат, болела каждая клетка тела. Кровь Демона беспощадно мстила за пренебрежение собой. Он предполагал, вернее, заранее знал, что так и будет. «Решиться пройти через невыносимую муку, худшую, нежели когда живое тело рвут на части раскаленными щипцами,— вспоминал он слова Ёно Рана.— Невидимые оковы падут, если ты примешь подобие смерти, чтобы затем возродиться вновь. Но твоя душа слишком слаба для такого испытания». Наверное, учитель был абсолютно прав, и по собственной воле он бы никогда на такое не решился. Но судьба вынесла свой приговор по этому поводу. Судьба ли?.. Во всяком случае, образ у этой самой судьбы имелся вполне конкретный: она предстала в облике рыжеволосой воительницы, попросту вынудившей его на подобный шаг. Так учат плавать древним и самым надежным способом — бросают в воду. Или утонешь, или научишься.

Или умрешь, или сбросишь проклятые оковы.

И еще — он был не один. Как-то раз, поднеся руки к лицу, Гинмар уже готов был прокусить собственные запястья, лишь бы больше не стра-

дать. Дрожа и воя, точно зверь в капкане, он вонзил зубы в свою плоть и ощутил вкус крови... Но тут Лиара шевельнулась и попросила воды. О боги, если он сдохнет сейчас как поганный пес, что будет с нею? Пойдет на корм волкам и тем же росомахам? Это несчастное дитя, оно ведь зависит от него, зависит целиком и полностью.

Он мог быть самым отъявленным мерзавцем, но никогда никого не предавал сознательно. Это подброшенное ему насмешливым роком создание нужно было поить, кормить, обжаривая на огне костра куски освежеванной туши все той же росомахи, следить за тем, чтобы девушка не замерзала ночами. Если бы рядом с ним оказалась хоть одна живая душа, которой он мог бы препоручить Лиару, сбросив груз ответственности за нее, Гинмар наверняка бы сдался. Но он оставался единственным, от кого зависела ее жизнь, а значит, должен был держаться, чего бы ему это ни стоило.

— Гинмар?..

— Да, милая? Тебе что-то нужно?

— Цветы...

«Она сошла с ума и бредит...» — подумал ко-
вент.

— Какие цветы?

— Вот эти... маленькие. Они такие красивые.

Очевидно, девушка имела в виду крошечные желтые осенние цветочки на длинных стеблях, кое-где еще мелькавшие среди вянущих трав.

Но Лиара смотрела на них так, словно увидела впервые в жизни.

Гинмар собрал целую охапку желтых шестилистников и, присев рядом с Лиарой, быстро сплел из них венок, который затем водрузил на непокорные черные волосы девушки.

— Да, красивые,— подтвердил он, оглядев результат своих усилий.— Настоящая живая диадема. Ты теперь похожа на царицу.

— Да? Правда? — недоверчиво рассмеялась Лиара, но смех ее тут же угас.— Меня всегда называли черной ведьмой. А царицей... никто никогда не называл.

— Ну, это потому, что ты не носила диадем. А теперь будешь.

— Я не умею плести венки. Никогда этого не делала. Как странно. Ты мужчина, и у тебя это получается...

— Я научился плести их давно. В детстве. У меня была подруга, Велда. Такая же нищая девочка, как и я. Мне очень хотелось сделать ей что-нибудь приятное... какой-нибудь подарок, но у меня ничего не было. Кроме цветов, что росли у городских стен. Я плел венки и говорил: «Представь себе, что это — алмазная корона. Теперь ты великая царица, самая прекрасная на свете». Мы так играли.

— Со мной никто не хотел играть. Меня все боялись. Гинмар, а Велда правда потом стала царицей?

«Она стала самой дорогой и самой коварной шлюхой в Ианте,— с грустью подумал он.— А я Магистром. И, боги тому свидетели, это не принесло мне ничего, кроме горя».

— Не все сказки становятся явью,— сказал Гинмар вслух.— Пойдем дальше?

Он осторожно поднял ее на руки.

— Я тоже вряд ли стану царицей,— проговорила Лиара.— Но я не умру. И ты... ты не должен.

«Не должен,— мысленно повторил Гинмар.— Даже на смерть у меня нет права». И тут вдруг он осознал то, во что боялся поверить: попытка, которую он, стиснув зубы, терпел так долго, начала ослабевать.

У края неба догорал не пятый, а двенадцатый закат.

* * *

На рассвете его взору предстали далекие белые стены Ианты, казавшиеся еще прекраснее в сиянии зари. До них еще следовало добраться, но теперь Магистр наверняка знал, что ему вновь суждено увидеть свой город.

— Я дошел,— выдохнул он, смаргивая предательскую влагу с ресниц.

— Да.

Он обернулся не сразу.

— Я почему-то так и думала, что ты дойдешь до Ианты.

— Так ты была рядом?

— Конечно. Не могла же я бросить Лиару на произвол судьбы. Я вернулась сразу, как только услышала ее крик.

— На нее напал зверь. Не я.

— Знаю. Я ведь все видела.

— Все?

— Вот именно. Все эти дни. И ночи.

Соня не стала распространяться о том, каких усилий ей стоило сдерживать себя, чтобы не вмешаться.

Сердце девушки, вопреки горькой непрощенной обиде, обливалось кровью, когда она наблюдала за своим другом и Лиарой. Но она понимала, что его держит только безвыходность положения, отсутствие надежды на помощь со стороны. Гинмар должен был справиться сам.

— Посмотри на меня.

Он, немного помедлив, повернул голову. Соня удовлетворенно кивнула. Не имело никакого значения, что его лицо больше всего походило на обтянутый кожей череп. Зато глаза стали прежними, ясными и сияющими, такими, какие она помнила и любила.

Безумие, плескавшееся в них восемь закатов назад, бесследно исчезло.

— Свободен,— сказала Соня.— Твоих оков больше нет.

— Я знаю,— подтвердил Гинмар тихо.

— Тогда мы сможем разбить и еще одни,— уверенно проговорила девушка и свистнула, подзывая лошадей.— Вероятно, ты достоин въехать в столицу как победитель, на белом коне. Но, за неимением такового, придется обойтись гнедой кобылой. Зато она вполне выдержит тебя и Лиару. Кстати, что ты с ней сделал? Она стала кротка, как ягненок. И смотрит на меня так, словно в жизни не мечтала поужинать нашими потрохами!..

— А он меня всю дорогу хорошо кормил,— в тон Соне ответила Охотница, и обе девушки рассмеялись.

Желтый веночек все еще оставался на голове Лиары, преображая ее почти до неузнаваемости. А может быть, причиной тому было не только это нехитрое украшение.

* * *

Ианта встретила путников напряженной тишиной и странной пустотой обыкновенно многолюдных улиц. Что-то случилось, это было ясно. Но вот что именно? Соня огляделась — нет, разрушений вроде бы никаких, все на месте, кроме людей... и неба. Да, как она не заметила сразу — небо над столицей Офира было тревожно-багровым и странно низким, будто стало ближе к земле. И еще — запах страха и смерти, неуловимый, но который с другим не спутаешь. Она тревожно переглянулась с Гинмаром, в то время как Лиара испуганно крутила головой, а лошади прижимали уши, фыркали и пятились, отказываясь двигаться дальше. Людям тоже приходилось заставлять себя делать каждый следующий шаг, но они продолжали путь, спешившись и попросту таща за собой вышедших из повиновения коней.

— Что здесь творится? — спросила Соня.

— Очень надеюсь, что пока ничего непоправимого не произошло,— отозвался Магистр.— Это злобная игра демонов Нижнего Мира; они любят приводить все живое в ужас. Вышли из повиновения, почувствовав мое отсутствие, которое слыш-

ком затянулось. Опасность в том, что, поддавшись необъяснимому паническому страху, люди не просто запираются у себя в домах. Многие кончают с собой, случается, убивают собственных жен и детей. Даже звери ведут себя странно. Ёно Ран ведь недаром звал меня, требуя поторопиться.

— Они... эти твари... разумны?

— Конечно, еще как. Они, если можно так выразиться, вообще представляют собой разум в чистом виде: у них ведь нет тела, раз и навсегда определенной формы, как у людей, деревьев, камней, всего того, к чему мы привыкли в нашем, Верхнем, Море. Зато они могут воплощаться в любые образы — дыма, огня, воды. Или, как сейчас, без всякого образа навевают неодолимый ужас.

— Их много, да?

— И да, и нет. Если налить в кружку воду, ее можно выплеснуть тысячами отдельных капель, а потом опять собрать. Так и с ними. Единое ли целое вода? Един ли огонь, или он — только множество отдельных пляшущих языков, рождающихся и тут же умирающих на наших глазах?.. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Девушка неуверенно кивнула, хотя ей было ясно далеко не все. Чем ближе они подходили к Риатеосу, тем сильнее становилось наваждение. Чтобы как-то отвлечь своих спутниц, Гинмар продолжал:

— Соня, помнишь тот пожар, когда выгорел огромный квартал?

— Еще бы.

— Ианта зализала свои раны. Вот подожди, увидишь сама; там теперь все по-другому.

— И на колдунов больше не охотятся?

— С тех пор нет. Столица — самый спокойный в этом смысле город в Офире. На зато здесь собралось такое невероятное количество магов всех мастей, опасаящихся преследований в других местах, что ты себе даже не представляешь! Иногда пройти по улице невозможно — хватают за руки, предлагая выслушать предсказания судьбы...

— И что они тебе предсказали?

— Я даже из вежливости не хочу слушать, что со мною будет потом, — неожиданно резко ответил Гинмар. — Это как предательство настоящего.

— Наверное, ты просто боишься заглядывать вперед, — поддразнила его Соня.

— Нет. Просто я очень хорошо знаю, что со временем играть нельзя.

* * *

Риатеос тоже встретил их полной тишиной. Ни слуг, ни привратников...

— Хозяин изволил отсутствовать так долго, что его устали ждать. — Неспешные бесшумные шаги по парадной мраморной лестнице принадлежали Ёно Рану. Соня отметила, что кхитаец ничуть не изменился за прошедшие восемь лет.

— Учитель, — Гинмар обнял его, — я и сам не знал, что так задержусь. Столько всего произошло...

— Я знаю. Не говори ничего, ступай вниз и уйми тварь. Твой сын Талл третий день там.

— Талл?! Но он же совсем дитя...

— В нем твоя кровь; кто еще мог тебя заменить? С ним Джилла, она не бросила сына одного при дверях преисподней.

— Я с тобой,— тут же заявила Соня.— Лиара, подожди здесь.

— Проклятие,— прорычал Гинмар, устремляясь в лабиринт. Девушка побежала за ним.

Картина, которая предстала их взорам, не нуждалась в пояснениях. Мальчик, с виду даже младше своих лет, стоял на коленях возле черной каменной плиты, положив на нее вытянутые руки; казалось, жизнь едва теплилась в нем. Сосредоточенное лицо и неподвижный взгляд могли принадлежать скорее старику, нежели ребенку, но он не сдавался, несмотря на то что пребывание здесь было явно выше его сил. Мужественное, упрямое сердце, должно быть, билось в груди этого отрока! Джилла стояла рядом, точно извятие, опустив руки на плечи сына.

— О боги,— бросился к ним Гинмар,— уходите отсюда, поднимайтесь. Соня, помоги им...

Юный Талл, точная копия Джиллы, внешне совершенно не похожий на отца, поднялся на ноги и тут же пошатнулся.

— Отец, я не ушел, я... не дал им вырваться!

— Да, Талл, ты вел себя как воин, но теперь я тебя заменяю...— Магистр смотрел на сына взглядом, полным любви, гордости и вины за то, что подверг его подобному испытанию.

Джилла спрятала лицо на груди Гинмара. Соня подхватила Талла на руки и потянула за плечо

его мать. Но оторвать туранку от мужа не могли бы никакие силы в мире; она судорожно цеплялась за него и никуда не собиралась идти.

— Джилла,— сказала девушка,— это же я, Соня. Разве ты забыла: всегда нужно действовать так, как я говорю, и тогда все будет в порядке? Идем наверх.

— Соня,— принцесса повернулась на звук ее голоса; на мертвенно-бледном лице женщины вспыхнула улыбка,— ты снова здесь, с нами! Ты пришла!

— Вот именно.— Соня подумала, какого мужества стоило этой женщине спуститься сюда в обществе слабого ребенка, маленького мальчика. Ни облик, ни действия Джиллы не вязались с рассказом Гинмара о полусумасшедшей, якобы не отличающей прошлого от настоящего; если она и была больна, то лишь в той степени, в какой любовь можно считать болезнью: это читалось в каждом ее взгляде, обращенном к мужу. Но так было и раньше. И если время для нее в самом деле остановилось, то лишь в том смысле, что оно оказалось невластно над ее чувствами. И восемь лет спустя после свадьбы женщина сохраняла всю силу своей бывлой страсти, нежности и верности по отношению к своему супругу...

— Джилла, оставь мужчине делать его работу.

— Соня, прости, но я останусь с ним.

— Ты нужнее сейчас Таллу! Ты же мать!

— Нет,— твердо заявила принцесса.— Талл простит меня. Он все понимает.— Джилла с глубокой нежностью посмотрела на сына.

Женщина, безусловно предпочитающая мужа ребенку после восьми лет брака,— о таком Соне слышать еще не приходилось.

Оставив бесполезный спор, она вынесла мальчика из лабиринта и, препоручив его заботам слуг, огляделась в поисках Лиары. Соня отметила про себя, что дворец стал совсем другим, нежели тот, что сохранился в ее памяти. Со стен исчезли роскошные гобелены, никаких ковров, обстановка значительно проще и откровенно беднее, словно здесь терпеть не могли даже намека на роскошь. Странное дело, у молодого Магистра, что же, средств не хватает на достойное содержание родового гнезда?..

— Гинмар продал все, что только можно было продать.— Появившийся, по обыкновению, бесшумно Ёно Ран словно прочитал ее мысли.— И отпустил две трети слуг, когда понадобились деньги для восстановления сгоревшего квартала. Все дома там выстроены за его счет, и это далеко не прежние жалкие лачуги. И еще дети...

— Какие дети? — не поняла Соня.— У него есть другие, кроме Талла?

— Сотни две, не меньше,— подтвердил кхитаец.— Он тратит огромные средства,— по бесстрастному тону Ёно Рана невозможно было определить, как он к этому относится,— и сироты, а также уличные воришки благодаря ему обретают новые семьи, где их весьма охотно принимают, потому что их содержание оплачивает Магистр.

— Он ничего не говорил мне...— растерянно произнесла девушка.

— Гинмар не любит распространяться об этом. Он просто помогает всем, кто нуждается, потому что так велит ему сердце.

— Всем помочь невозможно.

— Это обстоятельство его и мучает. На земле слишком много горя, чтобы один человек мог ему противостоять.

— Но ты ведь не поэтому послал Гинмара за мной,— прямо сказала Соня.

— Без тебя он не сможет закрыть Врата.

— Ключ. Я — ключ, так?

— Ты — тот человек, который не позволит уничтожить этого мечтателя раньше времени, защитит его от него самого. Как видно, кое-что тебе уже удалось... Чем больше у человека сердце, тем сильнее оно болит и тем труднее жить с этой болью; особенно если у тебя нет ни единого друга, которому можно вполне доверять.

— Соня! — И она оказалась в объятиях высокого светловолосого молодого человека, с тонкими, но мужественными чертами лица, в котором сразу же признала Лори.— Поверить не могу! — Он радостно рассмеялся, любуясь ею.

— А ты стал настоящим красавцем,— заметила Соня.— Все девушки Ианты, должно быть, ночами не спят, мечтая о тебе.

— Вот еще!.. Других забот нет!.. О девицах еще у меня голова не болела,— махнул рукой Лори.— Давно приехала?.. А где Гинмар?

— Гинмар там, где ему положено быть, а вовсе не Таллу,— вмешался Ёно Ран,— нравится ему это или нет.

Лори помрачнел, но тут же снова улыбнулся.
— А что это за божественное создание, которого я раньше не видел? Ну, там, во дворе?

Очевидно, имелась в виду Лиара, хотя для Сони слышать о ней такие слова было невероятно.

— Божественное создание именуется Лиарой, и мы действительно пришли сюда вместе.

— Я так и понял, потому и заговорил с ней. Раз она твоя подруга, значит, вовсе не простая девушка.

— Это точно. Не вздумай с нею обниматься. Божественное создание может тебя неправильно понять и не посмотрит, что ты не последний чин в городской страже,— Соня обратила внимание на одежду Лори,— руки оборвет.

— Лиара,— мечтательно повторил юноша,— звучит красиво.

— Кстати, чем она занимается... во дворе?

— Следит за тем, чтобы ваших лошадей накормили и почистили. Ей это, видно, нелегко, у нее что-то с ногой. Пойду помогу.— Лори как ветром сдуло; Соня, смеясь, покачала головой, подумав, что от ее предупреждений толку, похоже, никакого.

* * *

Ианта постепенно возвращалась к обычной жизни. Гинмар, достойно справившись со своей задачей, готов был с утра до вечера водить Соню по всей столице: он настолько любил свой город и гордился им, что словно задался убедить девушку в том, что Ианта — лучшее место на земле; а она не могла не замечать изменений, произо-

шедших за годы ее отсутствия. Хотя Соня ни разу не выдала Ёно Рана и не обмолвилась относительно того, что ей известно, чьи деньги пошли на строительство новых домов, а сам Гинмар по-прежнему об этом не упоминал, она с интересом смотрела не столько вокруг, сколько на своего старого друга. Он недаром называл Ианту своей матерью; и, честное слово, любая мать имела бы все основания гордиться столь почтительным и любящим сыном, на все готовым ради нее. Там, где не так давно простиралось пепелище, выросли красивые здания. Кое-где даже возвели фонтаны, роскошь для Ианты, самые камни которой едва не плавилась в знойные дни: прежде они били только возле особняков богачей, будучи слишком дорогим удовольствием для городской казны, а теперь множество детей с оглушительным визгом и хохотом играли среди сверкающих струй...

Возле городских ворот, где обыкновенно собиралось множество нищих — как прежде, так и теперь,— Гинмар вдруг остановился, пристально глядя на одного из попрошаек, одноглазого и одноногого, который сидел среди прочих с протянутой рукой. Соня заметила, как изменилось лицо ее спутника, но ни о чем не успела спросить, когда Магистр схватил этого нищего за шиворот, поднял и хорошенько встряхнул.

— Что за шутки, Тизар?! Здесь и в таком виде!..

Попрошайка, у которого тут же «чудесным» образом отросла недостающая нога, вырвался, злобно ворча.

— Тебе какое до меня дело? Чего пристал?

— А такое, что ты, сын богатых родителей, предпочитаешь дурить людям мозги, прикидываясь калекой!

— А я здесь за день собираю больше денег, чем ты мне платил за службу в течение целой луны. Не лезь ко мне и не связывайся со мной — я только изображаю нищего, а ты на самом деле ничего не имеешь, кроме титула и дворца, который тебе не на что содержать.

Гинмар брезгливо оттолкнул его.

— Ну ты и дрянь, Тизар. Вот уж точно люди говорят — сколько волка ни корми, он все в лес смотрит.

— Лучше послушай, что про тебя самого народ говорит, — язвительно усмехнулся лжекалека. — Напомнить?

— Гинмар, не надо, — предостерегающе произнесла Соня, заметив, что эти двое вот-вот сцепятся. — Оставь его, пойдем.

— Твоя подружка не только красива, но еще и умна, в отличие от тебя, — не унимался Тизар, однако Магистр все же последовал совету Сони, сочтя за лучшее не унижать себя перебранкой.

— Кто это? — спросила девушка чуть погодя, когда гнев Гинмара несколько утих.

— Его родители — достойнейшие люди в Ианте, а Тизар — головорез, каких поискать, кутила и мот. Нет, я и сам не против поразвлечься, но он еще и на удивление злобный и подлый тип. Думаешь, зачем он уселся у ворот? Умышленно позорит своего отца, чтобы тот ссужал его деньгами. Один

раз я попробовал воздействовать на него, взял к себе на службу, сделав своим личным телохранителем — Тизар силен как бык; мне казалось, мы сможем договориться, да и должность достойная, но его не устроило то, что я мало — по его понятиям — ему платил, к тому же он проходу не давал молоденьким служанкам и вел себя так нагло и вызывающе, что мне пришлось с ним расстаться. И расстались мы врагами. Он тут же вернулся к прежней жизни, гуляет и пьет со своими прихвостнями, называющими себя Черными Всадниками; на улицах норовит затоптать копытами всех, кто не успел уступить дорогу. Это его излюбленное развлечение. Ну ничего, мы встретимся на турнире, который вскоре должен состояться, и я поставлю его на место.

— На каком турнире?

— В кулачном бою. В Ианте такие бои стали традицией и очень популярны.

— И ты в них участвуешь?

— Всегда, и обычно побеждаю, — не без гордости заметил Гинмар. — Лучшие воины, дети самых знатных родов, сражаются между собой, показывая, чего они стоят как бойцы и мужчины, а не только обладатели не ими лично заслуженных титулов; но и простолюдин может выйти в круг и доказать свое превосходство. После долгих уговоров мне удалось убедить в этом Монторна...

— Кого?

— А, ты же не знаешь. Монторн — сын Эвилда, новый король Ианты, который и ввел кулач-

ные бои в традицию. Он прислушивается к моему мнению... иногда. У нас непростые отношения, но скорее все-таки дружеские. После смерти Эвилда в Ианте вспыхнул новый бунт. Никто не хотел присягать наследнику правителя, едва не уничтожившего город из-за развязанной им войны с колдунами.

— Кого же люди хотели видеть на троне, уж не тебя ли? — проницательно предположила Соня.

— Вот именно, представь себе. Нет, ты только подумай, те же люди, которые едва меня на куски не разорвали!.. Нет, не надо мне такого счастья. Кроме того, мне было жаль молодого Монторна. Он растерялся и не сумел бы удержать власть, но я обратился к народу Ианты и потребовал не гневить богов, попирая закон, а возвести на престол прямого и единственного наследника. Мое слово тогда имело огромный вес. В общем, все прошло удачно. Монторн благополучно правит Офиром и помнит, что я когда-то ему помог, но не забыл и о том, что я же представлял для него опасность... Это заставляет его порой впадать в беспричинную подозрительность, однако затем он сам же раскаивается в своем недоверии ко мне. У нас появилось немало общего с тех пор, как мы одновременно потеряли наших отцов и остались один на один с грозной силой стихий, я — Нижнего Мира, он — Верхнего... Но мы говорили о другом. О турнире. Куда более приятный предмет. Право, Соня, власть — самая печальная и трагическая тема, которую только можно затронуть... Так вот, по-

бедитель получает награду, сумма которой равна целому состоянию. Ну и вообще, достаточно почетно даже само участие...

— Но женщины вряд ли могут рассчитывать на то, что кого-то из них допустят участвовать в этом турнире?

Гинмар покачал головой.

— Соня, ты неисправима. Стоит лишь упомянуть о драке, как ты уже готова там оказаться. Ну что бы ты предприняла против того же Тизара? А там почти все такие. В этих боях оружие не допускается.

— А ты участвуешь не только из соображений чести, так ведь? Деньги тоже кое-что для тебя значат? — спросила она вместо этого.

— Кое-что?! Да я на них живу! — Подобного откровенного ответа Соня не ожидала. — Я не пользуюсь тем, что приносит Риатеос, — добавил он.

— Но, Гинмар, — мягко сказала девушка, — так все-таки нельзя. Ведь ты и Джиллу обрекаешь на... образ жизни, который ей непривычен. Это несправедливо.

— Несправедливо — когда тысячи людей умирают от голода, а кому-то достается все сразу, — горячо возразил ее собеседник.

Не Магистр — мальчик из трущоб сейчас говорил с нею, и Соня это поняла и не стала продолжать бесполезный спор.

— А Джилла имеет все необходимое, — сказал он. — Ее служанки при ней. Ни она, ни Талл ни в чем не нуждаются, этого я бы просто не допустил.

Мальчик из трущоб... Да, он был достаточно взрослым, чтобы слишком многое понимать и составить собственное представление о жизни, когда из него начали лепить наследника, и сумел сохранить болезненно-обостренное чувство справедливости, не утратить и не забыть ничего из пережитого. Чем больше у человека сердце, тем сильнее оно болит, как сказал Ёно Ран.

— И ты теперь обходишься без телохранителей?

— Почему это? Обычно рядом со мной Зарх, брат Лори. Он мой оруженосец.

— Что-то я его до сих пор не видела...

— Решает свои семейные проблемы,— усмехнулся Гинмар.

— Кто, Зарх? Ему же не больше шестнадцати зим от роду...

— Тем не менее столь юный возраст не стал помехой для того, чтобы обзавестись супругой еще моложе — ей-то всего четырнадцать!.. И они постоянно грызутся, как заправская семейная парочка; жить не могут друг без друга, но при этом у Зарха не сходят с лица царапины от ее ногтей, а его возлюбленная не знает, сколько слоев белил наложить, чтобы синяки были не так заметны. Красавица невероятно ревнива, и Зарх ей в этом ничуть не уступает, да и спеси хватает обоим. Они будут жить вместе долго и счастливо, если только не угробят друг друга.

— Странное же у людей представление о счастье,— задумчиво заметила Соня.

Но она ни на секунду не забывала, с какой целью прибыла в Риатеос: уж конечно не для

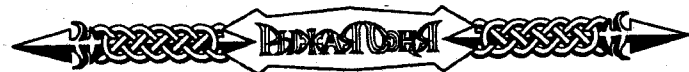
того, чтобы вновь встретиться с прежними знакомыми или полюбоваться возрожденной Иантой, насколько бы приятным ни было и то и другое. Чем больше времени девушка здесь проводила, тем навязчивее становились размышления о Нижнем Мире и его обитателях — или обитателе. Кем или чем бы он ни был — соперник крайне опасный и достойный приложения сил. Ей мучительно хотелось опять спуститься в лабиринт — причем в одиночестве: Соне казалось, что только там она сможет точнее понять, что предстоит сделать. Чтобы победить врага, надо постичь самую суть его силы и слабости, уяснить, что он собой представляет. Из объяснений Гинмара по этому поводу выводы делать было затруднительно. А Ёно Ран вообще молчал. Итак, чем она располагала? Знанием о том, что где-то внизу обитает разумное, бесконечно злобное, вечно алчущее и могущественное порождение самой преисподней, бесплотное и загадочное. Смертное или вечное, оно подчиняется древним заветам и ищет любую возможность выйти из повиновения. А чему еще оно подчиняется? Знакомы ли ему страх или боль?.. Бывают ситуации, когда бессильны и меч, и нож — только интуиция и хитрость оказываются надежным оружием. Но пока Соне не удавалось нащупать ничего, никакой зацепки, способной прояснить дело.

Может быть, те записи, о которых как-то говорил Гинмар, ей помогут? Спросив формального разрешения просмотреть их — в Риатеосе для Сони были распахнуты все двери и она могла

делать, что пожелает, — девушка день за днем упрямо изучала древние свитки в надежде отыскать разгадку, но безрезультатно. Нижний Мир, правда, нередко упоминался в них, однако традиция заклятий, очевидно, передавалась только изустно и никаких описаний того, что находилось по ту сторону Врат, не встречалось. Может быть, кто-то из предшественников Гинмара и был способен пролить свет на сущность демонов, однако если и так, письменных сведений об этом не сохранилось. По-настоящему интересным показалось Соне то, что у нее самой обнаружился предшественник, человек, пристально изучавший те же самые свитки. Но это был не Гинмар — тот их только читал, а вот другой — кто именно, она поняла не сразу — оставляя свои пометки и даже рисунки на некоторых текстах, а кое-где и комментарии. По всему выходило, что человек этот бился над похожей задачей, и столь же безуспешно, как сама Соня, пока, видимо, не отчаялся и не оставил свое сочиненное им бесполезным занятие, причем внезапно. Его последняя запись обрывалась на полуслове: «Я должен проверить эту версию, ибо в ней больше всего здравого смысла...»

Девушка решила спросить Гинмара, не знает ли он, кому принадлежат эти слова. Она почувствовала себя странно, так, словно в глаза песку насыпали, и поняла, что засиделась над свитками далеко за полночь и что причиной ее состояния были усталость и определенное разочарование. «Утром спрошу», — подумала Соня, опуская голо-

ву на скрещенные руки и прикрывая глаза. Внезапно прямо перед ней возник силуэт высокого незнакомого человека, чертами лица весьма походявшего на Магистра Итана, только очень молодого, каким Соня, разумеется, его знать не могла. Уверенная в том, что она одна и дверь плотно закрыта, девушка в тревоге вскочила.

— Кто ты и что здесь делаешь?

Человек покачал головой и жестом дал понять, что ее беспокойство напрасно.

— Если ищешь встречи со Зверем, — сказал он, хотя Соня не заметила, чтобы произносятся слова, незнакомец размыкал губы, — помни, что Зверь коварен и уведет тебя за собой в бездну, разве что только ты не выманишь его на свет и не заставишь лечь к твоим ногам.

— Демон Нижнего Мира — Зверь? Что тебе известно о нем? — Девушка так воодушевилась, что позабыла всякий страх.

— Сделавший кровь слезами обретает власть; цена же ей — время.

Образ незнакомца снова превратился в расплывчатый силуэт, а потом и вовсе исчез. Соня проснулась с бешено колотящимся сердцем; она по-прежнему сидела за столом, заваленным свитками. Каждое слово незнакомца отпечаталось в памяти удивительно ясно. «Сделавший кровь слезами... цена же ей — время...» Зверь ляжет у ее ног... Разрозненные осколки витража, не более. Как бы их соединить!

Все утро девушка пребывала в такой глубокой задумчивости под впечатлением визита ночного

гостя, что едва слышала, когда к ней обращались, и не видела ничего вокруг.

— Да что такое с тобой сегодня?! — воскликнул, наконец, Гинмар, когда она в очередной раз ответила невпопад на его вопрос.

Соня словно очнулась.

— А... ничего. Послушай, не знаешь ли ты?.. В Риатеосе жил когда-то такой высокий черноволосый молодой человек... с глазами как расплавленное золото и...

— В Риатеосе жило такое множество людей на протяжении трехсот лет, что их всех запомнить невозможно. Почему ты спрашиваешь?

— Но глаза как расплавленное золото были только у одного, — вмешался Ёно Ран. — У Орта, брата Гинмара.

Орт! Сердце девушки забилось сильнее. Как же она сразу не поняла! Именно Орт по своей воле ступил за пределы Врат и не вернулся. Значит, он тоже хотел что-то понять, тоже искал ответ... и не придумал, в конце концов, ничего лучшего, как пойти и *посмотреть*. И это стоило ему жизни.

— Я видела его нынешней ночью, — сказала Соня, от волнения стиснув кулаки так, что побелели пальцы. — Он говорил со мной.

Взгляды всех присутствующих обратились к ней.

— И что же он сказал тебе? — первым опомнился Гинмар, так пристально разглядывая девушку, словно видел ее впервые.

Она хотела было ответить, но тут же подумала, что раз Орт — или его дух — пожелал обратиться именно к ней, то, возможно, не стоит

доводить его слова до всеобщего сведения, во всяком случае пока.

— Я его не вполне поняла, — проговорила Соня неуверенно. — Я... испугалась. Он очень быстро исчез.

Все это, в общем, было правдой, но девушка заметила тень удовлетворенной улыбки, тронувшей узкие губы Ёно Рана. Кхитайцу понравилось ее молчание. Значит, она поступила правильно. Если только вообще не слишком рано заговорила об Орте.

— Может быть, это был сон, — добавила Соня. — Я немного устала, читала древние свитки почти всю ночь.

— Да? — переспросил Гинмар, машинально перебирая пальцами кусочки мяса и овощей с простого деревянного общего подноса, каковые заменяли теперь в Риатеосе дорогие столовые приборы, к которым прибегали только во время исключительно редких и немногочисленных приемов. — Ты на самом деле выглядишь усталой, Соня. Давай попозже вместе займемся свитками, раз ты ими так заинтересовалась, а сейчас у меня полно дел в городе. Пойдешь со мной?

Девушка собралась было отказаться — бесцельно бродить по Ианте ей все же не хотелось, — но Джилла вскинула на нее умоляющие глаза. Мужественно и безропотно переносившая все тяготы жизни со своим непредсказуемым и взбалмошным супругом, она действительно была готова на что угодно, только бы сам он был жив и в безопасности. Постоянная и мучительная, как зубная боль,

тревога за него переставала сосать ей сердце лишь в тех случаях, когда она знала, что рядом с ним Соня. С момента ее появления в Риатеосе Джилла снова научилась улыбаться и не выглядела такой измученной, как прежде. «Я боюсь, что его убьют,— призналась она как-то своей рыжеволосой подруге.— Когда он уходит, я чувствую себя так, словно вижу его в последний раз, потому что Гинмар вечно оказывается там, где опасно».— «Но он в состоянии себя защитить,— возразила тогда Соня, которая не могла взять в толк, как можно так переживать за взрослого сильного мужчину, да еще, как-никак, мага.— Гинмар давно не мальчик... и не идиот, а тебя просто мучает слишком богатое и мрачное воображение». Джилла горько усмехнулась: «Если бы ты знала, сколько раз его приносили во дворец то с пробитой головой, то раненного в драке, где в ход шли ножи... или же потому, что он был просто пьян и валялся где-то в грязи, под дождем... Я никогда не знаю заранее, каким увижу его снова». Видно, кротость и терпение туранки, ни разу не унижившейся до скандала, женщины, которой и в голову бы не пришло повысить голос и призвать супруга к благоразумию, предпочитавшей страдать молча, совсем не смягчили неукротимый нрав ее возлюбленного. Соне стало ясно, что жизнь из Джиллы высасывают не только проклятые камни дворца: это весьма успешно делает сам Магистр, готовый броситься на помощь целому миру, но не способный дать счастье одной-единственной женщине, вопреки собственным заявлениям.

— В городе у него дел полно, скажи на милость,— проворчала девушка,— в собственном доме только нечем заняться... Ладно, что с тобой поделаешь, пошли.

— Ты что же, думаешь, я начисто забыл, для чего уговаривал тебя отправиться в Ианту? — на ходу спросил Гинмар.— Не беспокойся, Нижний Мир о себе забывать не дает. Но прежде, чем покончить с ним, я должен выиграть очередной турнир: победа прибавит мне уверенности в том, что я и с более опасным противником справлюсь.

— Ничего она тебе не прибавит,— возразила Соня.— Ты тянешь время, потому что не знаешь, как подступиться к основной задаче, которую сгоряча перед собой поставил, а теперь ума не можешь приложить, где найти решение.

Гинмар вздохнул.

— Нет, Соня, ты не права. Я над этим вопросом бьюсь много лет. Пробовал прибегнуть к опыту меруанских колдунов... Ничего не получилось.

— Это ты про смолу?

— Про что же еще? Они ведь благодаря ей умеют выходить из тела, меняться, проникать в мир духов, а я почему-то только еще больше запутался, хотя я тоже такой же колдун... и смола та же самая, что у них. Ерунда какая-то...

— Может, ты что-то с ней не то делал?

— Спроси лучше, чего только я с ней не делал! Жевал, втирал в кожу, варил и вдыхал пары, смешивал с собственной кровью... А что из этого получилось, ты сама видела. Кровь Демона сдела-

ла меня почти сумасшедшим и чуть не убила, но не раскрыла никаких тайн.

— Ты и без Крови Демона, откровенно говоря, не совсем нормальный,— сказала Соня. И вдруг осеклась.

В ее мозгу при звуке произнесенных ею слов как будто что-то вспыхнуло, но поймать и оформить зародившуюся было мысль она не успела, к своему глубокому разочарованию.словно кусочек разбитого витража мелькнул перед глазами.

— Не хочу об этом говорить,— произнес Гинмар.— Я собирался сегодня навестить Хабира и Йарихху. Думаю, ты тоже не откажешься? Вот уж кто в этом городе действительно вполне счастлив, так это они. И возраст не помеха. Представляешь, какое им удовольствие доставит увидеть тебя! Надо только прихватить с собой хорошего вина; я знаю, какой сорт предпочитает Хабир — он ведь не пьет что попало. Старик заслуживает самого лучшего.

— Просто невозможно сказать «нет»,— охотно кивнула девушка.

— Отлично, тогда позаботимся о вине — и вперед!

И он привел свою спутницу в одну из таверн Ианты, хозяин которой, по словам Гинмара, располагал изрядным запасом вина той самой выдержки, что была столь любезна сердцу Хабира. Пока Магистр договаривался с хозяином о цене, Соня в ожидании присела за длинный деревянный стол, не обращая внимания на заинтере-

сованные взгляды мужчин, и снова задумалась о не дающей ей покоя загадке Нижнего Мира. Но тут пол под ногами задрожал от частого стука множества копыт. Пятеро одетых в черное всадников с поразительно наглым и самоуверенным видом не вошли, а, едва спрыгнув со спин взмыленных от бешеной скачки коней, вломились в зал, хохоча и переругиваясь.

— Эй,— зычно рявкнул один из них,— принесите нам пожрать и выпить!

Судя по тому, с какой поспешностью забегали слуги, торопясь исполнить приказ, этих людей здесь знали и боялись.

— Принесла нелегкая,— вполголоса буркнул сидевший рядом с Соней мужчина, бочком пробираясь к выходу.— Черные Всадники, управы на них нет.

Где-то Соня про них уже слышала. Долго вспоминать не пришлось — в одном из вошедших она узнала Тизара. Он тоже не мог ее не заметить, что было ясно по кривой усмешке на лице громилы, но не спешил это засвидетельствовать, видимо, осматриваясь и решая для себя, не найдется ли еще какого развлечения. Но тут рядом с девушкой появился Гинмар.

— А, Магистр собственной персоной, мое почтение,— осклабился Тизар,— какая встреча!

Такое начало не предвещало ничего хорошего.

— Тебе что, уже надоело корчить из себя убогого? — презрительно глядя на него, спросил Гинмар.

— Не каждому по душе выглядеть дураком постоянно.

— Чтобы что-то было по душе, сначала надо иметь душу,— тут же отозвался Гинмар,— а ты ею никогда обременен не был.

Его противник побагровел от гнева, в то время как приятели Тизара — и все присутствующие — напряженно ждали, чем закончится перебранка: о том, что эти двое терпеть не могут друг друга, было известно каждому.

Гинмар, предупреждая ответную реплику Тизара, решительно шагнул в его сторону. Предводитель Черных Всадников сделал обманное движение, якобы намереваясь выхватить нож. Магистр попробовал перехватить его руку, но не успел: левый кулак противника ввинтился ему в живот с такой стремительной мощью, что он сложился пополам и рухнул на пол. Под дружный одобрительный хохот и свист Всадников их главарь уже собирался добить упавшего, однако тут в игру вступила Соня, выплеснув в лицо Тизару большую кружку пива.

— Охладись и не суйся! — Выхваченный из ножен кинжал угрожающе сверкнул в ее изящной руке. — Я не задумываясь убью каждого, кто посмеет приблизиться!

Вряд ли такое заявление смогло бы остановить нападавших, пятерых против одной женщины, но ее решительность привела их в замешательство... И как раз в этот момент появился Лори с отрядом стражников.

— Что здесь случилось?! — воскликнул он. — Как только где-то вижу ваших проклятых вороных жеребцов, сразу ясно, что... — Тут его взгляд

упал на распростертого на полу Магистра. — Ну все, Тизар, тебе конец!

Соня между тем, доверив разбираться со Всадниками представителям закона, помогла Гинмару, все еще хватавшему ртом воздух, встать и поспешно вывела его из таверны.

Тизар возбужденно кричал им вслед:

— Что он может без колдовства?!

— Пусти меня,— сказал Гинмар,— я вполне могу идти сам. — На девушку он при этом не смотрел. — Сволочь Тизар...

— Лори с ним разберется.

— Лори! При чем тут Лори?! Теперь столько людей видели мое поражение... А этот урод перед турниром будет рассказывать направо и налево, что без заклинаний я ни на что не способен. А я никогда не пользуюсь магией для того, чтобы победить. — Девушке показалось, что в голосе Гинмара звенели слезы.

Вернувшись вместе с ним в Риатеос, она, однако, постаралась выбросить из головы безусловно неприятный, но, с ее точки зрения, пустяковый случай. Велика беда!.. Даже самый лучший боец может иногда оказаться в незавидном положении. Это унижительно, но не смертельно. Углубившись в чтение свитков, Соня не заметила, как кто-то вошел, и вздрогнула, только почувствовав руку на своем плече.

— Орт?.. — Девушка медленно, боясь спугнуть позднего гостя, обернулась в надежде, что на сей раз он не удалится столь поспешно, однако вместо Орта увидела вполне реального человека.

— Я не тот, кого ты ждала.— Ёно Ран внимательно смотрел на нее.— Нашла что-нибудь?

— Нет,— разочарованно пожала плечами Соня,— ничего, на что рассчитывала.

— И не найдешь ни слова, сколько ни старайся докопаться до истины. Пергамент не хранит ее, иначе все было бы очень просто. Каждый начинает сначала — сам, один. Многие подходили близко, но никто не прошел весь путь до конца, ибо проторенная тропа зарастает прежде, чем на нее ступит новый путник.

— Значит, все напрасно?

— Попробуйся. За это дело еще никогда не бралась женщина.

— Ты говоришь загадками, а от них и так голова пухнет,— вздохнула девушка.— Мне вообще неясно, на чьей ты стороне, людей или демонов.

— Где кончается человек и начинается демон? Где кончается Верхний Мир и берет начало Нижний?

— Там, где Врата.

— Узнай, где твои Врата. Что, если их попросту нет? — Кхитаец сухо усмехнулся.

— Есть,— уверенно возразила Соня.— Иначе... иначе... не будет вообще никаких миров, а один только Хаос.

— Ты хорошо сказала. Запиши это.

— Зачем? — не поняла девушка.

— Запиши,— велел Ёно Ран.— И те слова... Помнишь?

Соня взяла кусочек угля и размашисто вывела на пергаменте: «Зверь. Кровь. Слезы. Время».

Слова тут же, прямо на глазах, исчезли, как будто стертые кем-то.

— А... а...— Девушка изумленно уставилась на чистый пергамент.— Я же сама их... Вот оно что! Записи не сохраняются! То, что имеет отношение к разгадке, нельзя передать следующему... путнику. Тропа зарастает раньше... Поняла!

— Чему ж тут радоваться? — поинтересовался кхитаец.

— Тому, что это были те самые слова. Иначе они бы не стерлись. Кровь Зверя... Что?.. Примерно так называют меруанскую смолу.

— Верно,— кивнул Ёно Ран.— До этого места на тропе дошел и Гинмар. Думай дальше.

— Ну почему ты не хочешь помочь мне? — не выдержала Соня.— Тебе же многое известно, а ты молчишь. За такую уйму лет в Риатеосе ты наверняка узнал что-то такое, что помогло бы закрыть эти проклятые Врата.

— Я и узнал. Поэтому позвал тебя, ту, которой такое дело под силу. Но я не имею права вмешиваться.

— А я, значит, имею.— Девушка смотрела на кхитайца почти гневно.

— Ты избрана.

— Избрана?..— переспросила она.

— В том-то и дело. Я это понял давно. Кошмар Риатеоса начался с женщины — женщина его и закончит.

— Наол на самом деле не был мужчиной?

— Я говорю о его матери. О той, которая произвела его на свет и сделала тем, чем он стал,

пролив невинную кровь ради своей безумной цели. Он родился обреченным на зло. Зло, которое ты остановишь, ибо ты — та точка, в которой сошлось множество путей.

«Отлично,— подумала Соня,— я у них то "ключ", то некая "точка", но никто не желает мне хоть как-то помочь. Ладно, я спущусь вниз и сама узнаю, что от меня требуется. Если кому это и известно, то только ему. Зверю...»

* * *

— ...Но, Велда, это только начало. Они еще не знают, что не пройдет и двух лун, как вся Ианта будет в моих руках!

Тизар уже раз десять успел пересказать женщине, с которой проводил ночь, героическую историю своей ослепительной победы, всякий раз дополняя повествование новыми подробностями, однако его непомерное самодовольство, изрядно подогретое обильными возлияниями, требовало нового витка откровений. Взгляд красавицы, до сих пор несколько отстраненный и скупающий, сделался напряженным и пристальным, точно у почувшавшей дичь собаки, но Тизар этого не заметил: уже спустя мгновение она вновь заключила его в страстные объятия и рассмеялась низким грудным смехом.

— Ты лучший мужчина и лучший любовник,— проворковала она,— поверь, уж я-то знаю толк в таких делах. Неудивительно, что удача сопутствует тебе — ведь она тоже женщина!

— А что, Велда,— он лениво перевернулся на бок и, подперев рукой голову, прищурившись

посмотрел на нее,— это правда, будто ты когда-то путалась с Гинмаром?

— К чему нам говорить о нем? Что было, то прошло. Если честно, никаких невероятных воспоминаний о нем как о мужчине у меня нет,— призналась та.— Брось, Тизар, ворошить забытое прошлое.

Он, размахнувшись, отвесил ей такую оплеуху, что из носа женщины потекла кровь.

— О чем хочу, о том и спрашиваю, и не смей мне указывать, шлюха! — прорычал Тизар. Его глаза налились кровью, а в углах рта выступила белая пена. Велда знала за ним это свойство — он страшно возбуждался при виде крови, особенно если был пьян, и его тянуло беспрестанно глумиться над всеми, кто оказывался поблизости. В данном случае над ней.

— О,— в экстазе воскликнула она,— как прекрасно все, что ты делаешь! Сблаговоли ударить меня еще раз, явив свою власть!

Намотав ее роскошные светлые волосы на внушительный кулак, Тизар притянул женщину к себе.

— А, испугалась?! Боишься меня, поганая шлюха?

Она полуприкрыла глаза, часто дыша и приоткрыв жаркий рот, готовая исполнить любую его прихоть.

— На колени,— Тизар швырнул ее на пол,— и изволь рассказать мне о том, кто я такой!

«Самый гнусный, самовлюбленный, ни на что не годный болван во всей Хайбории»,— думала Велда, униженно подползая к его ногам.

— Владыка и повелитель, герой и вождь, рождением которого небеса благословили землю Офир... чья красота затмевает солнце, смелость заставляет трепетать даже богов, а неприступная суровость повергает врагов в панический ужас и обращает в бегство. Меч твой разит без промаха, конь твой подобен огнедышащему дракону во гневе, все мужчины втайне завидуют тебе, а женщины мечтают о тебе одном! — страстно проговорила она, глядя ему в глаза.

Подобные излияния Тизар мог выслушивать часами, и Велда не уставала поражаться тому, каким нужно быть болваном, чтобы в самом деле верить всему тому, что она говорит, нуждаться в столь грубой лести. Если бы Тизар не занимал такой заметной роли в ее личных планах, она бы и не взглянула в его сторону. Но он был ей нужен. Он был ступенькой, услужливо подставленной судьбой для того, чтобы она смогла наконец взойти на самый верх. Тизар мог сколько угодно в прямом смысле вытирать об нее ноги, бить и унижать ее. Глупец, он не представлял себе даже в кошмарном сне ничего о той власти, которую она уже имеет над ним. И о той, которую благодаря ему получит.

Все-таки в этом смысле у них было кое-что общее. Слово «власть» опьяняло обоих сильнее самого крепкого вина. Когда-то Велда предполагала сделать своей «ступенькой вверх» Гинмара, товарища детских игр, который внезапно превратился в важную особу. Было время, он сам предлагал ей руку и сердце. Ему было тринадцать лет,

а Велде пятнадцать, и она только посмеялась над ним.

— Зачем мне нищий?! Я и сама такая же, — с детской безоглядной прямоотой и жестокостью заявила она. — Хочу красивый каменный дом, слуг, лошадей, драгоценности. Разве ты сможешь мне это дать?

— Я могу дать тебе весь мир, — грустно прошептал он, глядя на нее пристально и с любовью, но она оттолкнула его и убежала, смеясь.

Как же Велда пожалела о своем поступке, когда Гинмар оказался сыном Магистра Итана! Правда, у нее тогда уже был богатый покровитель, сделавший девушку своей дорогой игрушкой. Она еще надеялась, что Гинмар объявит ее своей женой и введет в Риатеос как госпожу. Велда начала встречаться с Гинмаром, но дальше постели не продвинулась. А когда объявили о свадьбе, Велду охватило такое бешенство, что она едва не прикончила его накануне этой свадьбы. Но ей помешали. А потом Гинмар просто вычеркнул ее из своей жизни, не объяснив причин.

Нет, она его никогда не любила. Вот только иногда ей снились венки из пыльных, высушенных зноем цветов, что плел для нее нескладный худенький мальчик с огромными глазами, мальчик, который умел быть таким нежным и преданным... И тогда Велда просыпалась в слезах.

Мальчик давно вырос, превратившись в статного сильного красавца, знатного и богатого, мужественного и благородного. Но ей больше не было места в его судьбе.

Те венки давно увяли, высохли и рассыпались в прах. А бриллиантовые диадемы могли сверкать вечно, но, увы, они не согревали сердце нежным теплом желтых шестилистников.

...Тизар, храпя, как загнанный конь, наконец отвалился от нее и прекратил терзать ее тело, успев оставить на мраморно-белой коже столько синяков, укусов и царапин, что Велда с неудовольствием подумала, каким же образом ей удастся скрыть следы нынешней бурно проведенной ночи от Монторна; впрочем, она быстро утешилась, вспомнив, что тот предпочитает благословенную темноту мерцанию сотен свечей.

— Тизар! Ты встанешь во главе легиона, который в решающий момент перейдет на сторону гирканцев,— произнесла она.

— Знаю,— решительно тряхнул он головой.

— Знаешь? Знаешь?! — От смиренной рабыни, восхваляющей своего повелителя, и следа не осталось; Велда резко повернулась и нависла над ним, прижав его руки к постели.— Слушай меня! Для этого ты должен победить на турнире, чтобы все выглядело законно, иначе тебя невозможно будет сделать предводителем такого войска. Готовься к турниру, а не трать силы, развлекаясь по кабакам, Нергал тебя разорви!

— Не указывай мне, что...

— Заткнись. Не тебе, а мне пришлось из себя вон вылезти перед Монторном, чтобы вырвать у него согласие на твое назначение. Между прочим, поначалу он и слышать об этом не хотел! При таких советчиках, как ковент Гинмар... который,

кстати, будет твоим главным противником и на турнире!

— Да я просто размажу его. Я ему глотку вырву,— заверил Тизар.— Ты что, сомневаешься?

— Смотри, как бы он тебе самому что-нибудь не вырвал,— усмехнулась Велда.— Нет ничего глупее, чем недооценить врага перед боем. Не забывай, что ты понятия не имеешь о тех кхитайских фокусах, которым его обучали.

— Я и без них врезал ему так, что он едва уполз.

— Он был не готов к драке. Но поверь, на турнире все будет иначе. Гинмар из тех, кто долго запрягает, да быстро ездит. Пора бы усвоить, что он умеет сражаться как зверь. Подумай об этом! Вождь гирканцев, молодой Кейнкорт, сделает тебя своим наместником в Офире... Ты получишь все, о чем только мог мечтать. Но пока на твоём пути Гинмар, радоваться рано.

— Я уберу его с дороги, Велда! И что бы тебе не родиться мужчиной...— с оттенком недовольства проговорил Тизар.

— Тогда ты не смог бы делить со мною постель.

«Мужчиной... Как же,— подумала она,— велика честь. Существом, у которого мозги находятся явно не в том месте, где им положено быть от природы... Воском, из которого женские руки способны слепить все что угодно...» Да Велда презирает их всех... Всех, кроме одного. Его она ненавидит.

И о нем плачет по ночам. Во сне.

Но от этого ненависть только сильнее, потому что, думая о нем, она, Велда, становится слабой, а такого быть не должно.

* * *

В одиночку спускаться в лабиринт Соне еще ни разу не доводилось, и, надо признать, с каждым шагом сомнения в том, правильно ли она поступает, усиливались. Что, собственно, она надеется там увидеть такого, о чем прежде не имела представления? Или узнать?.. На этот раз ей было страшно. Девушка вполне отдавала себе в этом отчет. Да, она боялась, еще как! Но тайна, скрытая под черной плитой, притягивала ее к себе так сильно, что было уже не до страха. С нею и раньше происходили подобные вещи. Опасность обладала для Сони не отталкивающими, а притягательными свойствами, потому она и жила все время так, словно балансировала на перекинутом через бездонную пропасть канате.

Очутившись внутри хрустального грота, она остановилась в нескольких шагах от плиты, напряженно прислушиваясь к тишине, и только спустя несколько мгновений обнаружила, что тишина здесь вовсе не абсолютна. Какой-то негромкий мерный стук, глухие, редкие удары доносились из-под земли. Почему она не слышала ничего подобного прежде? Потому что была не одна, поняла девушка; голоса людей отвлекали, мешали ей.

— Что же ты такое? — проговорила она в задумчивости, подходя еще ближе к плите, — что ты

такое, хотела бы я знать?.. Что может являть собой загадочная сила, которая, даже будучи скована печатью заклятий, стирает письма с пергамента? А на что еще она способна?.. Кое-что я видела... Наверное, это на всю оставшуюся жизнь должно было отучить меня соваться в такие места, но я, вероятно, слишком любопытна, чтобы крепко усваивать подобные уроки...

Земля под ногами слегка вздрогнула, а мерный стук изменил ритм, сделавшись немного чаще. Кроме того, Соня почувствовала себя так, словно невидимые холодные пальцы коснулись ее головы, вот только не снаружи, а как бы изнутри; она прижала руки к вискам и попятилась.

— Э, э, ты что делаешь? Ладно, все, я поняла, мне незачем здесь находиться. Я лучше пойду. — Соня скосила глаза в сторону выхода и вздрогнула: ничего, похожего на дверь, не было.

Сплошная, без единой трещины, стена, камни которой пригнаны друг к другу так плотно, что между ними невозможно просунуть даже лезвие ножа. Итак, Соня оказалась замурованной в гроте. Кричать и звать на помощь — безнадежно: звук ее голоса конечно же не мог достигнуть ничьего слуха.

Разве что сюда рано или поздно спустится кто-то — Гинмар, Ёно Ран... О боги, вряд ли им придет в голову искать ее именно здесь, когда они обнаружат ее исчезновение. А значит, даже если Зверь не сотворит с нею ничего еще более ужасного, она рискует просто не пережить заточения без пищи и воды, на которые он ее обрекает.

Между тем те самые ледяные прикосновения, поначалу как бы робкие и осторожные, усилились; Соня поняла: нечто обшаривает ее сознание, проникает в мысли, читает их; точно так же она сама совсем недавно изучала тексты на древних свитках.

Девушка надеялась познать, с чем имеет дело, и сама оказалась предметом изучения. Им, что же, движет любопытство сродни ее собственному?.. Вряд ли. Скорее всего, он хочет понять что-то вполне конкретное.

— Эй? — обратилась она к неведомой силе, собрав все мужество и стараясь не позволить голосу дрожать. — Я знаю, что ты меня прекрасно слышишь, и не думаю, что для тебя много чести удерживать здесь простого смертного человека. Ты хотел испугать меня? Это оказалось несложно. А теперь отпусти. Просто отпусти.

Земля снова качнулась. И Соня ясно поняла, что за странный стук доносился из глубины.

Биение сердца.

Ей стало еще страшнее. Но ненадолго.

В конце концов, она не «простая смертная», вопреки тому, что только что произнесла. Конечно же нет. Она прошла Посвящение и находится под покровительством Зверобогов. Испуг сменился раздражением и злостью. Он желает покопаться в ее мозгах? Пусть попробует.

Глаза Рыси сузились и блеснули изжелта-красным. Шерсть на загривке поднялась дыбом, а из мягких подушечек лап вытянулись смертоносные, острые и крепкие, точно сталь, когти.

Одна из лап легла на плиту и царапнула по ней.

Если бы кто-то наблюдал за Соней со стороны, разумеется, не увидел бы ничего подобного; просто девушка положила руку на плиту раскрытой ладонью вниз. Но сознание Зверя проникало в суть происходящего, а не во внешнее проявление. И тот, кто находился внизу, видел именно Рысь.

И чуял ее силу. Ее ярость. Теперь один Зверь противостоял другому, как равному — равный.

Даже не оборачиваясь, Рысь точно знала, что никакой стены позади нее нет. Нет, и все. Так глупо можно было обмануть человека, заставив его увидеть несуществующее. Она прошла туда и обратно, мягко ступая по полу. Убедившись, что Рысь ему не поддается, Зверь предпочел отказаться от бесполезного наваждения. Соня сухо усмехнулась. Что, получил?! Она только что приобрела новый бесценный опыт. Рысь сильна не только в бою, вот в чем дело. Рысь, как всякая кошка, обладает иным зрением. Видит то, что сокрыто от человеческих глаз. И слышит то, что неуловимо человеческим ухом. Это больше, чем магия.

Соня знала и еще кое-что. Боль Зверя. Смертную тоску скованного существа, обреченного на вечный мрак.

— Я кое-что тебе принесла, урод, — сказала она, опуская руку в карман. — Кое-что... Надеюсь, тебе это понравится.

Пять жемчужин Крови, которые она сохранила. Там, в лесу, на берегу ручья, Соня не выбросила их в воду, не вполне тогда понимая, зачем

так поступает. Теперь ей это стало известно. Девушка положила золотистые шарики на плиту.

— Возьми, если сумеешь.

Зверь сейчас был подобен голодной собаке, которой бросили подачку.

— Возьми,— повторила девушка.— Это подарок.

Сероватая струйка дыма выползла из-под плиты. Как щупальце. Пошарила по поверхности, ползая по ней. Соня смотрела во все глаза, боясь даже моргнуть. Слишком многое зависело от того, что сейчас могло произойти. Или не произойти. От отвратительной вони у нее заслезились глаза, и, увы, девушка все-таки упустила момент. Сморгнув влагу с ресниц, она обнаружила только, что на плите уже ничего нет.

Соня кивнула.

— Теперь тебе есть чем заняться.

Зверь не ответил. То есть он как-то сразу потерял к ней всякий интерес. Он был занят, слава богам.

На негнущихся ногах Соня покинула лабиринт, вернулась в отведенную ей комнату, рухнула в постель в чем была и проспала восемнадцать часов кряду без сновидений.

Очнувшись, она не сразу поняла ни где находится, ни какое сейчас время суток. Ужасно хотелось есть: это было единственное, в чем она вполне отдавала себе отчет. Зато как только она все разом вспомнила, ее просто подбросило на месте. Соня вскочила... и тут же села обратно, решив, что еще не до конца проснулась. Она находилась

в Риатеосе, вне всякого сомнения, но очертания комнаты стали другими. Потолок двигался туда-сюда, опускаясь и поднимаясь, стены шевелились и растягивались, а углов вообще не было. Пол ходил ходуном, местами вспучиваясь, точно пузыри на болоте. Это выглядело одновременно смешно и жутко. Свечи, так те и вовсе завязались узлом.

— Не может быть,— вслух проговорила Соня.— Все это мне мерещится.— В чем она доподлинно и убедилась, посмотрев на происходящее глазами Рыси: точно, на самом деле ничего не изменилось.

Девушка сразу успокоилась и встала, решительно опустив ноги прямо на очередной готовый вот-вот лопнуть пузырь. Привела себя в порядок. Зеркало тщетно корчило ей рожи — она видела именно свое лицо, а не то, что ей старались показать.

Покинув комнату, Соня столкнулась с несколькими бестолково мечущимися слугами, по выражению лиц которых поняла, что все обитатели дворца, кроме нее, находятся во власти фантомов. Остановив одного из них, девушка спокойно поинтересовалась:

— Где господин?

— Ты бы лучше спросила, где верх и низ,— завопил слуга,— и вообще, ты кто такая?! А-а! Огромная летучая мышь! — Несчастный лишился чувств.

— Ясно,— вздохнула Соня и, перешагнув через него, отправилась дальше.

Уж если где искать Гинмара, так, безусловно, в лабиринте. Она не ошиблась. Явившись в грот, Соня обнаружила, что Магистр пытается подобрать подходящее заклинание. Пока это ему не очень удавалось.

— Гинмар,— окликнула его Соня,— и давно ты здесь?

— Как только все началось,— растерянно ответил он.— Ничего не понимаю! Оно словно обзумело!

— Ну и наплевать на него, пусть бесится,— зевнула Соня.— Пошли наверх, у него это пройдет.

Ее слова поразили Гинмара. Она говорила так, будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся. Он уставился на Соню.

— Оставь его в покое,— сказала девушка.— Еще раз повторяю, все образуется.

— Оно способно разнести весь Офир, это ты понимаешь?! Если вырвется...

— Я есть хочу,— заявила Соня,— составь мне компанию, а? Никто никуда не вырвется. А ты, кроме меня, единственный во дворце человек, который тоже понимает, что на самом деле все на своих местах. Ну, может, еще Ёно Ран.

Пропустив совершенно ошеломленного Магистра вперед, Соня тонко улыбнулась.

— Держи,— шевельнулись ее губы.

Еще несколько капель Крови упали на черную плиту.

Зверь уже не насылал никаких видений. Просто его собственные видения были такими яркими и сильными, что прорывались в реальность.

Поэтому и заклятия против него оказывались бессильны: он не мог прекратить, потому что не соображал, что делает.

— Ты что-то знаешь, Соня,— наконец изрек Гинмар.

— Ты являешь чудеса проницательности,— согласилась она.— За годы, что я прожила на свете, я много чего узнала.

— О твари. О Нижнем Мире,— уточнил он, словно не заметив издевки.— Расскажи мне.

— Непременно. Если ты выполнишь две моих просьбы.

— Какие?

— Не спрашивай. Сначала пообещай.

— Соня, ты сейчас действуешь, как все женщины.

— Я и есть женщина. А ты сомневался?

— Хорошо,— вздохнул Гинмар,— я обещаю. Ты довольна? Итак?..

— Итак, первое. К турниру ты не готов.

Это было жестоко. Магистр побледнел и опустил глаза.

— Не готов, и ты знаешь это. Может, раньше ты и побеждал, охотно верю. Но сейчас ты не в лучшей форме,— беспощадно продолжала Соня.— Когда ты в последний раз, не считая того, что было в Логове, брал в руки меч? Когда в последний раз тренировался? Забыл уже? Полгода назад? Год? Больше? Что ты за воин, если пропускаешь такие простые удары, как тот, что получил от Тизара?

— Соня, не надо.

— Нет, надо. Не сомневаюсь, что Джилла уже успела тебя пожалеть. Она шадит твоё самодушие. Я действую иначе. Я буду с тобой сражаться. И не один раз, а до тех пор, пока ты сам не почувствуешь, что способен выиграть битву с достойным противником. Подними голову. Ты же сильный человек.

— Да. На это условие я согласен. Взамен я научу тебя тому, чем ты не владеешь,— Играм Пяти Зверей. Ёно Ран передал мне это знание...

— А я охотно приму твой дар,— согласилась девушка.

— Что ещё? Ты говорила о двух условиях.

— Мне нужна Кровь Демона. Много. Столько, сколько можно достать.

Гинмар вскочил, опрокинув стул.

— С ума сошла?! Где ты успела её попробовать? О, Соня, Соня, это ужасно... Как же я не заметил, что ты...

— Да нечего было и замечать,— пожала плечами Соня.— Я умею учиться на чужих ошибках.

— И все же, зачем она тебе? — уже спокойнее поинтересовался он.

— Считай, что это моя причуда. Мало ли чего может захотеть женщина. «Дорогой, я просто умру, если у меня не будет такого же сапфирового кольца, какое я видела у этой уродины на последнем приеме...» — капризно пропела она, закатывая глаза.— А мне вот нужна Кровь Демона.

Вместо пола у них под ногами теперь почему-то клубились облака, а над головой летали стран-

ные птицы и мерзко каркали, разевая полные зубов клювы. Бред Зверя приобретал все более причудливые формы.

— Я перестаю вообще что-либо понимать,— признался Гинмар.

— Успокойся.— Соня накрыла его руку своей дружеским жестом.— Просто доверяй мне. Ты целиком и полностью принадлежишь Верхнему Миру, ты весь обращен к нему... А природа Нижнего тебе чужда настолько, что ты никогда не сможешь ее постичь.

— А ты?..

«А я уже постигла»,— подумала девушка.

— Соня, ты обладаешь свойствами, не присущими мне, не присущими людям вообще?

— У меня две природы,— проговорила она.— Я вхожу в число посвященных. Но не спрашивай об этом, Гинмар, прошу тебя, не спрашивай. Думай о своей семье, о турнире, об Ианте...

— И ты сделаешь за меня всю грязную работу, так получается?! Потому что с твоей душой произошло нечто... нечто ужасное, сделавшее тебя не-человеком?

— Ничего ужасного.— Соня пожала плечами.— Тебя вообще это не касается. Ты сможешь достать Кровь Демона достаточно быстро?

— Смогу,— немного помолчав, сказал Гинмар, рассеянно наблюдая за причудливыми цветами совершенно неестественных оттенков, распускающимися на стенах.

— Ну вот и отлично. Пойдем пока, займемся делом. Подбери для меня подходящий меч... Оч-

нись, хватит дурацкие картинки рассматривать! Еще успеют надоесть.

С трудом удалось им собрать всех обитателей Риатеоса и, по возможности, убедить их в том, что бояться нечего, что Зверь — или тварь, как называл существо Нижнего Мира Гинмар, — по-прежнему во власти заклятий, он бессилен причинить настоящий вред кому бы то ни было, разве что решит немного поразвлечься.

До сих пор Соне не доводилось видеть, чтобы лицо Ёно Рана откровенно выражало какие-то чувства. Но на этот раз кхитаец был доволен. Очень доволен. Правда, он ничего ей не сказал.

Пожалуй, он-то как раз, в отличие от Гинмара, понял, что происходит. Соня не просто прошла по тропе. Она усвоила еще одну важную вещь, не постигнув которой нельзя было бы двигаться дальше: молчание. Изреченная мысль потеряет силу, сделавшись всего лишь сотрясением воздуха. Знание о Нижнем Море нельзя передавать прямо.

Гинмар в тот же вечер покинул дворец и вернулся назад только к утру. Принимая от него Кровь Демона, девушка серьезно посмотрела ему в глаза.

— Благодарю. Тебе нелегко пришлось, я понимаю.

— Нелегко... отдать тебе все. Искушение остается очень сильным, — сказал он честно.

— Это ничего, Гинмар. — Соня взглянула на него с нежностью. — Ты выдержишь эту боль.

Зато теперь она снова придет в лабиринт не с пустыми руками. Зверь ждет ее, Соня это чув-

ствовала. Его фантазии иссякли. Стены были на своих местах, полы прекратили растекаться под ногами. И никаких «птиц».

Значит, пора нанести очередной визит.

Соня так и поступила, сразу же убедившись, что не ошиблась. Зверь был готов взвыть от нетерпения. А вот ей спешить было некуда.

— Приветствую тебя, Не Имеющий Имени, — проговорила она, останавливаясь возле самой плиты.

Глухое ворчание было ответом. Впрочем, оно быстро перешло в поскуливание.

— О, да ты очень хитер, — недовольно сказала Соня. — Полагаешь, я стану делать твое существование прекрасным *просто так*? Ничего не выйдет. Мне ведь тоже кое-что от тебя нужно. Кое-что, чем располагаешь ты, а больше никто. Мне нужно *время*, Не Имеющий Имени. — Она торжествуя улыбнулась, почувствовав, как Зверь приходит в бессильное бешенство. Подобной дерзости он явно не ожидал. — Смотри, — продолжала Соня, протягивая впереди себя на раскрытой ладони желтовато-багровый «жемчуг». — Смотри, почувствуй запах Крови... Я в последний раз дам ее тебе, но больше ты не получишь ни капли, если не согласишься на обмен. Так что подумай, Не Имеющий Имени.

Обмен, который без участия Гинмара состояться не может. Даже если Зверь на это пойдет. Но Магистр сам должен понять, что происходит. Но пока он никак не может сложить два и два, хотя пора бы уж, кажется: разгадка тайны лежит

на поверхности. Что ж, остается набраться терпения и ждать, когда он прозреет.

Пока же они ежедневно, еще до восхода солнца, покидали дворец и уходили из города, чтобы с первым лучом утренней зари скрестить свои клинки в жестоком поединке. Со стороны могло показаться, что это два непримиримых противника сошлись в последней, не на жизнь, а на смерть, битве. Соня не играла с Гинмаром, воспринимая его, как равная — равного, а его только поначалу смущало то, что она — женщина. Очень скоро он вынужден был об этом забыть, ибо с оружием или без такового рыжеволосая бестия не ведала, казалось, ни усталости, ни пощады. Она не терпела снисхождения к себе точно так же, как не проявляла снисхождения к сопернику, и поначалу постоянно одерживала верх, а Гинмар потом едва доползал до своего дворца. Однако не прошло и четырех восходов, когда наступил перелом. Магистр словно очнулся, и теперь Соне приходилось туго: она чувствовала усталость, точность ударов уже не спасала — Гинмар парировал их мастерски, и случалось, она оказывалась поверженной прежде, чем успевала понять, что именно он сделал.

— Отлично,— восклицала она в таких случаях,— это уже кое-что, Гинмар!

Тогда она пустила в ход свое главное оружие — мощь и реакцию Рыси, ту смертоносную грацию пятнистой кошки, справиться с которой до сих пор не мог никто; это было рискованно, потому что всегда присутствовала опасность не успеть вовремя остановить себя. Однако Гинмар

оказался готовым и к этому. Игры Пяти Зверей, о которых он говорил Соне, выручали его вполне. Суть их заключалась в том, что человек, подражая движениям хищников, и сражался как хищник. Обучение этому способу начиналось с самой настоящей игры, зато впоследствии, когда уходило все лишнее, оставалось только необходимое: навык стремительных, молниеносных атак волка, грубая мощь внешне неповоротливого медведя, ловкость и цепкость обезьяны, жестокая сила тигра-убийцы, страшная безмолвная гибкость огромной змеи... Поединки с Гинмаром затягивали и увлекали Соню все больше и больше, она поймала себя на том, что с нетерпением ждала каждой новой схватки: ей самой это стало интересно.

Каково же было ее разочарование, когда однажды ковент сказал:

— Прости, сегодня ничего не получится.

— Почему? — протянула Соня. — Мы же договорились... До турнира совсем недолго, тебе нельзя останавливаться на достигнутом.

— Военный совет, который собирает Монторн, требует моего присутствия,— объяснил Гинмар. — Орда гирканцев приближается к Офиру. Ты понимаешь, что произойдет, если варвары ворвутся в Ианту? Этого нельзя допустить. Мы должны выйти им навстречу и первыми нанести удар, иначе... Их вождь умен и опытен в битвах, талантливый стратег и бесстрашный воин; гирканцы молятся на него как на бога... А мы были, к сожалению, беспечны и подпустили их так близко... Я сам поведу войска им навстречу. Я буду

требовать, чтобы Монторн поставил меня во главе наших легионов.

— Подожди, Гинмар,— сжала его руку Соня,— это невозможно, ты не вправе рисковать жизнью, подставляя себя под стрелы гирканцев! Нижний Мир... Ты забыл?! Кроме угрозы внешней, есть иная, идущая изнутри, с которой пока действительно можешь справиться ты один. И потом, откуда у тебя опыт полководца?

Глаза Гинмара сверкнули.

— Да, у меня нет опыта Кейнкорта,— первую часть ее тирады он словно пропустил мимо ушей,— но им движет только страсть уничтожать и втаптывать в пыль непокорные племена и чужие земли, а мною — любовь, и пока я жив, Орда не войдет в Офир!

Соня замерла.

— Кейнкорта?..— переспросила она, чувствуя, что голос не слушается, а губы немеют.

— Да, что тебя удивляет? Орду ведет молодой Кейнкорт, о жестокости которого ходят легенды. Необузданный дикарь и варвар, не знающий поражений, предающий огню и мечу все на своем пути. Для него нет ничего святого...

— Есть,— очень тихо, почти шепотом, сказала Соня.— И он вовсе не дикарь.

Она могла бы добавить, что он даже не гирканец, но промолчала, захлестываемая такой бурей разнообразных чувств, что даже не могла подобрать слова.

— Ты что же, знакома с ним, Соня? Что тебе известно?

— Я просто много о нем слышала, Гинмар. Как и ты. Но не только плохое, в отличие от тебя.

— Я не стану разбираться, что он там из себя представляет как человек. Кейнкорт несет гибель Ианте и должен быть остановлен. Это все, что мне надо знать, и этого довольно.

— Гинмар, я могу пойти с тобой на совет во дворец Монторна? Пожалуйста, прошу тебя, это очень важно.

— Как я могу тебе отказать? Но только в качестве кого? Тебя в Ианте не знают, как я тебя представляю?..

— Все равно в каком качестве. Мне не привыкать разыгрывать из себя даже мальчика-оруженосца. Меня это ничуть не унизит, но я должна там быть!..— Впервые Гинмар услышал в голосе Сони настоящую мольбу. Это было так странно, так не похоже на нее, но девушка была взволнована и встревожена, как никогда.

— Хорошо, о чем речь?! Боги мои, Соня, успокойся. Ведь я вполне тебе доверяю, ты имеешь полное право знать обо всем, что касается судьбы Ианты. Возможно, именно ты, вникнув в положение дел, сумеешь найти какой-то ловкий и неожиданный ход, чтобы переиграть Кейнкорта.

...Облаченный в одежды воина, сообразно своему высокому титулу и положению, Гинмар выглядел необыкновенно достойно и величественно; суровое, даже несколько надменное выражение красивого, одухотворенного лица, гордо вскинутая голова, плотно, решительно сжатые губы — все выдавало в нем ту самую кровь древнего рода

властелинов и воителей, от которой он, случилось, так легко готов был отречься. Соня смотрела на него с невольным восхищением. Никакого смущения и терзающих душу сомнений, свойственных этой непростой, романтической, взрывной и ранимой натуре, словно и не бывало. Когда он в сопровождении «оруженосца» вошел в зал Совета, все встали, кроме правителя, перед которым Гинмар опустился на одно колено, и коснулся губами тускло блеснувшего аметиста в массивном перстне на его пальце.

— Займи свое место, благородный Магистр,— проговорил Монторн.

Соня незаметно огляделась; почти никто из присутствующих ей не был знаком, за исключением Тизара — тоже отнюдь не разбойника (большой дороги, каким он ей до сих пор представлялся. Она заметила, однако, каким взглядом, полным ненависти и презрения, тот окинул Гинмара, который, в свою очередь, сделал вид что просто не увидел своего врага. Монторн поднял руку, призывая собравшихся к тишине, и изложил суть дела, заставившего их в этот день явиться на совет. Сын Эвилда, к большому сожалению, отнюдь не выглядел как человек, облеченный огромной властью и способный многих вести за собой; скорее, в безвольно скошенном подбородке и водянистых невыразительных глазах присутствовала некоторая нерешительность и тщательно скрываемая слабость, некая болезненность и вялость духа, точно печать вырождения, и голос его, высокий и пронзительный, неприятно

резал слух Сони. Тем не менее собравшиеся внимательно слушали правителя, пока он не закончил и не позволил им высказать свое мнение. Тут же поднялся Тизар.

— Как и каждый из нас, я готов защищать Офир до своего смертного часа, мой повелитель. Я прошу тебя явить свою милость и волю на то, чтобы доверить мне легион лучших воинов, с которыми я смогу остановить головные отряды гирканской Орды, выступив им навстречу, и мы возьмем верх не численностью, а мужеством. Все здесь знают, сколь славен мой древний род, никогда не покрывавший позором свое имя...

— До твоего появления на свет, Тизар, так оно и было,— отозвался один из воинов.— Но ты недостойн этого имени, ты бандит, насильник и вор; и об этом тоже известно каждому.

Тизар побледнел.

— Ты разоряешь Ианту вместе со своими Черными Всадниками, позоришь седины своего отца. И ты хочешь, чтобы тебя признали достойным вести в бой за Офир цвет наших войск?! Твои шрамы получены отнюдь не в битвах...

— Сейчас не время для ссор и взаимных оскорблений.— Спокойный, сильный голос Гинмара прервал говорящего.— К чему устраивать судилище друг над другом, множить обиды и сеять распри? Неужели ты не понимаешь, Маргир, что мы закончим свой спор, оказавшись в руках Кейн-корта, когда его люди забудут тех из нас, кто останется в живых, в колодки и прогонят бичами через пылающий Офир на всеобщий позор?! Или

же мы, наконец, договоримся между собой... Тизар встал первым и поступил достойно, предложив свою жизнь и кровь за Ианту, так за что же ты его унижаешь?!

— Я не нуждаюсь в твоём заступничестве,— рявкнул Тизар, сжимая рукоять меча,— ты понял?!

— Я понял.— Гинмар тяжело посмотрел на него, опускаясь на место.

— А ты сам,— вкрадчиво проговорил Монторн, подаваясь вперед,— не желаешь ли возглавить легион лучших? Ты ведь один из пятерых сильнейших и достойнейших граждан Ианты, Гинмар.

— Желаю. Если будет на то воля старейшин. И твоя, повелитель.

— Вот уж чьи клятвы в верности Офиру были бы излишними,— проговорил Маргир, тот самый, что выступил против Тизара.— Он доказал свою верность, отдав Ианте свое состояние. Ни один из нас не сделал ничего подобного.

— Здравая мысль доверить ему судьбу Ианты,— саркастически заметил кто-то.— У нас отродясь не бывало такого невиданного чуда — полководца-травоеда.

Некоторые, в том числе и Тизар, открыто засмеялись, иные, опустив головы, отвели глаза. Соня просто физически ощущала боль и стыд, которые обожгли Гинмара при этих словах. Стоя за его спиной, девушка на мгновение сжала его плечо.

— Я всего лишь юноша и не имею здесь права голоса,— звонко прозвучал под сводами зала ее

голос,— ваша воля казнить меня. Но я скажу. Силен не тот, кто не ведает слабостей, а тот, кто способен их победить. Как мой господин.

— Вот смелое дитя,— улыбнулся Маргир.— Единственный человек, сумевший увидеть суть вещей. Счастлив господин, имеющий столь верных и мужественных вассалов.

— Счастливы вассалы, у которых такие господа,— снова проговорила Соня,— и благо матери, рождающей таких сыновей, как мой господин, рожденный Иантой. Я не знаю, сочтет ли Совет именно его достойным вести в бой легионы Офира, но если даже во главе лучших воинов будет кто-то другой — самый простой гражданин Ианты с радостью встанет под знамя, поднятое рукой Магистра, и у него будет собственное войско. Как бы ни были велики и сильны гирканские орды, но выступит против них весь Офир, а не только армия.

Монторн глубоко задумался. Шенок-то прав. За Гинмаром пойдут толпы. И если они возвратятся с победой, от его собственной власти не останется камня на камне. Тизар же для него не опасен. Значит, Велда не ошиблась, указав на этого головореза как на самый удачный вариант. С войском он справится, но народ его терпеть не может.

— Кроме решимости победить, нужен опыт,— произнес Монторн.— У Гинмара его нет. У Тизара,— помедлив, добавил он,— тоже.

— Ну и что,— сказал старейшина Маргир,— пока я не был слишком стар, чтобы держать в руках меч, я выдержал сотни битв, в которых

участвовал с детских лет. Я стану советником Гинмара, отдав ему свой опыт.

— А я верю в своего сына,— подал голос отец Тизара, Маннор.— Да, он безрассуден, потому что еще молод, однако время глупых детских бесчинств прошло, чужие подковы грохочут слишком близко...

— Пусть решают боги,— сдался Монторн.— Право выступить первым получит не Гинмар и не Тизар, а тот, кто победит на турнире. Таково мое слово, и да будет так.

* * *

— Как по твоему, Соня, теперь я готов к турниру? — позже спросил девушку Гинмар.

— Нет,— отрезала она.

— Но почему?! Почему? Разве мы с тобой не...

— Потому что я напрасно вступилась за тебя на Совете. Потому что ты вообще не имеешь права идти в бой. Какие легионы, если Нижний Мир все еще силен?! Я же говорила тебе об этом.

Гинмар глухо застонал, сжав руками виски.

— Что же мне делать?

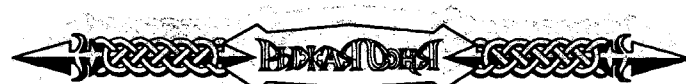
— Откуда я знаю, что тебе делать?

— Но я вернусь с победой.

— А если нет? Разве ты бессмертный? Разве ты неуязвим?

— Я — маг,— напомнил он.— И со мной будет Маргир.

— У гирканцев тоже сколько хочешь магов. Одна сила против другой, и кто возьмет верх, никому не известно.

— Это невыносимо,— прошептал он.

— Да. Ты любишь подобные словечки. И тогда из бойца и героя превращаешься в лужу жидкой грязи, на которую противно смотреть.

— Соня, не надо так. Если бы у меня было еще хоть немного времени! Но Орда уже слишком близко. Правда, не вся. Только головные отряды. Их еще можно отбросить от Офира, дать им такой урок, чтобы они еще долго не посмели сюда соваться. Но Нижний Мир, будь он проклят... Как быть с ним?!

— Набить себе в глотку меруанской смолы и забыть обо всем на свете,— зло усмехнулась Соня.— И никаких больше неразрешимых вопросов.

— Знаешь что... иногда я тебя ненавижу.

— А иногда я — тебя.

Гинмар ударил кулаком по столу с такой силой, что, кажется, весь Риатеос содрогнулся.

— Вот-вот. А еще лучше — головой,— холодно-кровно заметила Соня.— Что, если это прояснит твое сознание?..

— Да чего, демоны разорви тебя, ты от меня хочешь? — крикнул он.— Чего ты добиваешься? Или сама не знаешь?!

— Я-то знаю, а ты нет.

— Говори прямо!

— А если я не могу говорить прямо? Если нас отлично слышит тот, кому не все должно быть известно, что тогда? — в отчаянии произнесла она.

Гинмар замер, вглядываясь в ее лицо.

— Соня... а что все-таки ты сама делаешь с Кровью Демона?

— Стреляю ею из трубочки по воробьям, что же еще. А ты сам-то как полагаешь, Магистр? — Ее сердце учащенно забилося, а в глазах стояла настоящая мольба: «Ну пойми же ты, пойми наконец...»

— Подожди-ка... — Несколько бесконечных минут он молчал; тишина звенела в ушах.

Потом, ни слова ни говоря, Гинмар развернулся и вышел. Соня едва удержалась, чтобы не последовать за ним.

Он вернулся очень быстро.

— Я был в лабиринте. Я понял.

Теперь уже ей пришлось удерживать себя от того, чтобы не броситься ему на шею.

— Тогда пойдем туда вместе, — сказала Соня.

...Зверь умирал. Его существование сделалось непрерывным ожиданием той, без которой он себя не мыслил. Он не знал, что за создание перед ним — человек или нечто иное. Знал только, что оно ему необходимо.

Грозная сила оставила его. Если бы он умел выть и вообще издавать звуки, от этого воя рушились бы стены. Но он не умел.

Черная гладкая плита была покрыта чем-то, подобным каплям росы. Соня коснулась ее, потом взглянула на свои пальцы.

— Что это? — спросил Гинмар.

— Кровь стала слезами, — проговорила девушка. — Как странно, неужели ты способен плакать, Не Имеющий Имени? А может быть, ты наконец решился на то, о чем я тебе говорила?..

Он решился. Теперь даже время не имело для него значения. Чужое время, благодаря которому

он жил — и мог прожить еще очень долго, — стало ненужным, когда появилось нечто более ценное и желанное.

Она протянула вперед руки — две пригоршни Крови, сияющей в полумраке, как две пригоршни звезд, добытых с небес. Влага потекла с плиты на пол.

— Я не могу тебе это отдать, — вздохнула Соня. — Не имею права. Договор с Наолом все еще в силе, и не в моей власти его расторгнуть, а если так, мы не можем заключить новый.

— Это в моей власти, — произнес Гинмар.

— Тогда, если хочешь, употреби эту власть. В моих руках — то, что нужно ему, в его — то, в чем нуждаюсь я.

«Но тварь умрет, отдав тебе время, — подумал Магистр. — Собственного-то у нее нет и не было никогда, она и жила-то, питаясь чужим».

— Хорошо, — сказал он, — я его отпущу.

Бледный от напряжения, Гинмар медленно начал произносить слова заклятия, позволявшего демону вырваться на свободу, препоручая власть над ним другому человеку.

Плита дрогнула и раскололась надвое. Не струйки дыма, а фонтан огня вырвался из-под земли; его обжигающий жар заставил Соню сделать шаг назад; она почувствовала, как трещат волосы на ее голове, но спустя несколько мгновений жар утих настолько, что она смогла разглядеть нечто, не имеющее очертаний и непрерывно меняющееся, бесформенное, ползущее к ее ногам, точно отвратительный гигантский слизень.

Гинмар вскрикнул от отвращения.

— Время,— собрав все мужество, громко произнесла девушка.

«Слизень» засветился изнутри, меняя цвета; от него отделилось что-то вроде туманного облачка, окутавшего ее сплошной пеленой и затем растворившегося в ней, и это переполнило все ее существо, едва не разорвав изнутри.

— Все,— прошептала Соня.— Что ж, я тоже держу свое слово: забирай! — Она наконец разжала руки, засыпав весь пол вокруг шариками смолы, тут же расплавившимися на горячих камнях, а тварь принялась ползать и кататься в образовавшейся вязкой массе... Гинмар и Соня со смешанным чувством ужаса и омерзения, не в силах двинуться с места, взирали на этот кошмар, пока существо, столетиями наводившее ужас на Ианту, само не разбухло, как шар, а потом лопнуло с противным треском, источая невыразимое зловоние.

— И все? — спросил Гинмар, судорожно сглотив.

— Как видишь,— пожала плечами Соня.— Ты ожидал более величественного финала, как я понимаю? Новый договор продлился всего несколько минут. Пойдем отсюда. Утром тебе предстоит еще одно суровое испытание; надеюсь, ты о нем не забыл?

Проводив Гинмара в его покои, она отправилась к себе, но чья-то тень выступила ей навстречу.

— Ено Ран? — Сейчас вряд ли какая-нибудь неожиданность могла напугать Соню: она исчерпала все способности испытывать страх.

— Ты это все-таки сделала,— сказал кхитаец.— Теперь у тебя, как и у меня, целая вечность в запасе. Когда-то я сам точно так же закрыл подобные Врата в Стигии, вот только поклялся не учить этому никого и не повторять собственный опыт.

— Вечность?! — Соня застыла на месте: как, неужели ее мечта о бессмертии обрела воплощение?..

— В обычном человеческом понимании — да. Двенадцать тысяч лун. У меня было десять тысяч лун, из них половину я отдал своему названому брату Сину.

— Тысяча зим?!

— Напрасно радуешься,— печально заметил ковент.— Ты себе не представляешь, какой это тяжелый груз, бедное дитя; хорошо еще, что им можно поделиться с кем-то.

— Часть я обещала Волчице...— вспомнила Соня.

— А за остальным найдется кому охотиться, так что берегись: долгое время не делает тебя неуязвимой. Да, и еще я должен тебя предупредить. Гинмар, отпустив Зверя, утратил Дар Наола.

— То есть он больше не маг?

— Да, теперь он такой же человек, как все. Скажи ему об этом, девочка.

— А почему... почему ты сам не можешь? — растерянно спросила Соня.

— Я ухожу и никогда его не увижу. Моя миссия здесь окончена. Есть иные Врата и их служителям я нужен больше. Прощай.

Расставшись с Соней, кхитаец тем не менее направился к Гинмару: за свою долгую жизнь он обучил множество людей, но этого любил сильнее, чем всех остальных — как, наверное, любил бы собственного сына, если бы у него таковой был. И расстаться с ним Ёно Рану было тяжело.

Магистр спал, точно уставшее дитя, приоткрыв рот и изредка вздрагивая; в неверном свете луны его обнаженное бронзовое тело казалось похожим на совершенное творение гениального скульптора.

Голова Джиллы покоилась на его широкой груди, и даже во сне она обнимала своего возлюбленного обеими руками в вечной тревоге за него и мечтах о том, чтобы он всегда был с нею рядом.

— Куда исчезает огонь, когда догорает свеча? — прошептал кхитаец. — Он превращается в бабочку; если не верите в это перевоплощение, сотворите иное чудо, ибо должен остаться в мире свет.

Он благословил их обоих, а потом добавил, взглянув на ночное небо за окном:

— Мы тоже скоро будем вместе, моя Тэонг...

* * *

— Ну и почему ты не хочешь, чтобы я служила вместе с тобой в городской страже?! — вопрошала Лайра с самым решительным видом, уперев руки в бока. — По-моему, мы уже неплохо знаем друг друга, и ты мог понять, что я не рождена для тихой жизни!

— Да потому, что такого еще не бывало — женщина-воин! Зачем тебе это надо? Разве мало того, что я люблю тебя?

— Как не бывало? А Соня? Лори, ну пожалуйста... поверь, я справлюсь... возьми меня в отряд!

— Может, тебя еще в легион записать и отправить биться с гирканцами?

— Думаешь, я стала бы возражать?

— Ладно, — сдался он, всерьез опасаясь, как бы эта сумасбродная идея не укрепились в престелестной головке Лиары. — Сегодня у нас работы невпроворот. На главной площади соберутся такие толпы, что только успевай поворачиваться. Людей не хватает... Надевай доспехи, бери коня — но чтоб я тебя все время видел!

Лиара подпрыгнула чуть не на половину собственного роста и повисла у него на шее.

— Лори, я тебя обожаю! Ты такой же замечательный, как Гинмар, и даже лучше! Правда он обязательно победит?

— Ох, вот дурочка маленькая. Разве можно так говорить? Сглазишь еще...

— Вот и нет. Он же сильнее всех!

— Ну, ты его соперников еще не видела... Там один Гайсар десятерых стоит, такой огромный... На медведя один ходил. Ручищи — во, как у тебя ноги.

— Все равно Гинмар сильнее, — возразила она упрямо. — И не спорь со мной.

— С тобой спорить — что воду в ступе толочь, — вздохнул Лори. — Собирайся лучше, на те-

бя и доспехи-то не найти подходящие, маленькая очень... Вот не живет тебе спокойно, Лиара!

Сам он отнюдь не был так уверен в успехе Гинмара, как его подруга. Тревога терзала сердце Лори. Слишком много ходило разговоров о том, как Магистр всего за половину луны до турнира позорно уступил Тизару в обычной драке. Многие как-то сразу разочаровались в нем, иные вообще кричали на всех углах, что все предыдущие победы Гинмара ничего не стоят, ибо он одерживал их благодаря колдовству или, того хуже, покупал у соперников; снова всплыло оскорбительное словечко «травоед», каким в Ианте молва клеймила тех, кто использовал мало кому доступные сочетания трав, чтобы увеличить свою силу... Были и такие, кто открыто называл Гинмара сумасшедшим, добровольно обрекшим себя и свою семью на бедность, в то время как нормальным людям свойственно, наоборот, всеми силами стараться преумножить свое состояние. За всеми этими пересудами жители Ианты готовы были начисто забыть о вполне реальной угрозе, нависшей над Офиром из-за стремительного приближения Орды гирканцев, легко подминавшей под себя соседние государства. Поразительная всеобщая беспечность возмущала Лори так же, как и черная неблагодарность тех, кому помогал Магистр. Юноше мучительно хотелось найти какие-то единственно точные и нужные слова, чтобы поддержать Гинмара, но они как-то не шли на ум — говорить он был не мастер, и ему оставалось только молча страдать и ненавидеть себя за то,

что и его собственная безоглядная вера в своего лучшего друга явно пошатнулась. «Дыма без огня не бывает», грустно размышлял Лори. Так что предстоящего турнира он ожидал с тяжелым сердцем.

Множество опасений терзало не его одного. Например, Велду. Этой, как воздух, нужна была победа Тизара. Не уверенная в том, что он безусловно справится со своими соперниками, женщина решила ему помочь. Среди множества заполнивших Ианту колдунов она отыскала такого, который за приличную плату согласился оказать Тизару помощь, обеспечив ему магическую защиту, и продал Велде невероятно сильный амулет — перстень с цирконом, заговоренный определенным образом.

— Пока перстень остается на безымянном пальце левой руки, человек обладает несокрушимой силой. Опасный камень, камень убийц, — пояснил колдун. — Но для тех, кто ценит силу и власть, камня лучше не найти.

— Посмотрим, — кивнула Велда, сжимая перстень в ладони, — так ли он хорош и надежен, как ты мне его расхваливаешь. И если нет — берегись...

Этот-то перстень она надела на палец Тизару накануне поединка — и теперь была почти спокойна за него.

С первыми тремя соперниками Тизар в самом деле справился легко и быстро. Толпа разочарованно вздохнула: мало кто успел толком разглядеть, что произошло.

Гинмар же победил только в одном сражении, в двух остался на равных со своими противниками. И если Тизар просто раздувался от самодовольства, то Магистр выглядел странно растерянным и предельно уставшим: ночная битва с демоном отняла у него немало сил.

— Эй, эй,— тихо сказала Соня, подойдя к нему,— соберись и не бойся. Все будет хорошо, поверь мне.

— Со мной что-то не так,— признался Гинмар.— Сам не пойму... Никак не могу сосредоточиться, просто как сонная муха.

— Значит, проснись,— проговорила девушка.— Ты даже со мной справлялся. Неужели твои противники сильнее и опытнее, чем я? Вот уж не поверю!

Щадя его, Соня до сих пор ни слова не сказала своему другу о том, что узнала от Ёно Рана, считая, что пока это не столь важно.

В круг снова вышел Тизар, самодовольно озираясь.

— Не вижу достойных,— громко сказал он,— что-то нынче не бой, а одна тоска. Или желающих сразиться со мной больше нет?

— Ну почему же,— пожал плечами Гинмар, тоже вступая в круг и останавливаясь напротив него.— Я могу попробовать.

— А, Магистр,— усмехнулся Тизар,— да я как-то забыл про тебя. Ну, попробуй...

С этими словами он ринулся в стремительную атаку, предполагая тут же сбить противника с ног, однако Гинмар, уклонившись в сторону, ока-

зался позади Тизара. Тот удивленно тряхнул головой и развернулся, снова бросаясь на него. Магистр оборонялся и отступал, стараясь избегать сокрушительных ударов своего заклятого врага. Тизар явился не просто за победой. Он пришел убивать. Разрушительная энергия перехлестывала через край, сметая все на своем пути. Еще миг — и Гинмар оказался на земле. Тизар взглянул в ту сторону, где стояла Велда, медленно поднес к своим губам сжатый кулак и коснулся ими перстня. «Циркон, камень убийц, вот в чем дело,— понял Гинмар.— И наверняка заговоренный... Значит, обвиняя его самого в использовании колдовства, мерзавец не остановился перед тем, чтобы прибегнуть к магической защите!...» Магистр вскочил на ноги. Ну нет, эту подлость нельзя оставлять безнаказанной. Дождавшись, пока Тизар снова вынесет руку для удара — Гинмар стоял перед ним, пошатываясь и даже не закрываясь,— он поймал его кисть и резко, с противным хрустом, вывернул. Боль ослепила Тизара; стараясь освободиться, он пытался достать Гинмара ногами, но из этого ничего не выходило: Магистр сорвал перстень с его пальца и швырнул в сторону. Но тут свободной рукой Тизар ударил его в висок. Гинмару на этот раз повезло — он смог сдержать мощь удара и в следующее мгновение со страшной силой ткнул противника ребром ладони в переносицу. У Тизара потемнело в глазах и полились слезы, он отлетел на несколько шагов, но на ногах устоял. Ковент, не позволив ему опомниться, ударил его коленом в живот —

и одновременно рукой в подбородок. Главарь Черных Всадников рухнул на землю, описав в воздухе крутую дугу. Падая, он выставил ногу вперед, и Гинмар, бросившись на Тизара, наскочил на нее; на мгновение от боли он потерял ориентацию, и сразу же Тизар попробовал перехватить инициативу. Гинмар упал на одно колено, однако тут же подскочил и остановил удар, направленный ему в висок, а потом пнул своего врага ногой в грудь, начисто выводя его из игры. На сей раз Тизар так и не смог подняться. Нагнувшись, Гинмар схватил перстень и поднял над головой.

— Он нарушил правила турнира, воспользовавшись колдовством!

— А что ему оставалось делать, если ты сам поступаешь так же? — выкрикнула Велда.

— Это подлая ложь, — выдохнул Гинмар.

— Как же, конечно, — бесновалась Велда, — тебя вообще нельзя было допускать до турнира; ты колдун, и все видели, что ты еле двигался до поединка с Тизаром, а потом, конечно... что тебе стоило произнести несколько слов и... Народ Ианты против того, чтобы тебе присуждали победу!

Наступила напряженная тишина. Ни один человек не возвысил голоса за Гинмара. Он устало провел ладонью по лицу, стирая кровь, продолжавшую сочиться из разбитого носа и губ, махнул рукой и вышел из круга.

И тут детский голос разорвал тишину.

— Нет!.. — Мальчик лет восьми подбежал к ковену и схватил его за руку. — Это неправильно,

он честно дрался! Я тоже — народ Ианты, и я все видел!

«Один из тех, кому Гинмар помог найти новую семью», — поняла Соня.

— И я... я тоже... — Трое, четверо, десять ребят окружили своего защитника и друга плотной стеной, а из толпы выходили новые и новые; самому старшему было не больше тринадцати зим. — Он настоящий герой!

Самого маленького Гинмар подхватил на руки, и ребенок обнял его.

У Сони предательский комок подступил к горлу. Вот так. Дети не предали человека, сотворившего для них настоящее чудо. Красавец Лори подъехал к нему на коне с одной стороны, Лиара — с другой, закрывая и оберегая. Еще двое его выросших детей.

Магистр бережно опустил мальчика на землю и повернулся к судьям, ожидая их слов, точно приговора. Он выглядел не как самоуверенный победитель, а скорее как человек, только что выполнивший тяжелую работу, и выполнивший хорошо.

— Это был честный бой, — проговорил старший среди судей. — Гинмар на самом деле одержал победу, и на этот раз его награда — вести головной легион в бой с гирканцами: он достоин чести взять судьбу Ианты в свои руки.

— Благодарю. — Гинмар с достоинством склонил голову и прижал ладонь к груди.

Затем он подошел к Соне.

— Без тебя у меня ничего бы не получилось. Ни с Нижним Миром, ни... вообще.

Девушка почувствовала, что он хочет обнять ее, но не решается,— и первой протянула руки.

— Теперь ты перестал в себе сомневаться?

Он кивнул; его лицо было так близко от ее лица, что Соню пронзило нечасто посещающее ее желание: любить кого-то, принадлежать кому-то, хоть ненадолго сложить оружие и разжать кулаки. Волна нежности к этому уставшему человеку захлестнула ее. Прикрыв глаза, Соня коснулась губами его губ, ощутив соленый привкус крови, а потом склонила голову и прижалась щекой к его руке. Этот доверчивый жест, такой непохожий на нее, не остался незамеченным Гинмаром, но он не воспринял его как проявление слабости.

Соня устала за последние недели не меньше, чем он сам. Но в ней появилось еще и нечто новое: ей принадлежало огромное время; она, возможно, переживет всех людей, ныне населяющих Хайборию, своих друзей и врагов. Совсем недавно она страстно желала этого, теперь же, получив то, к чему так стремилась, не испытывала никакой радости, ничего, кроме смущения и почти разочарования, и еще — осознания ценности того, что рядом с ней, здесь и сейчас, те, кто ей дорог...

Часть третья

Когда Соня поведала ковенту о своей последней беседе с Ёно Раном, тот на удивление спокойно воспринял известие о том, что утратил свои магические способности.

— Мне они никогда не были нужны, я даже рад тому, что стал обычным человеком,— сказал он.— Жаль только, что Учитель покинул меня так неожиданно.

Теперь Гинмар, кажется, мог говорить только об одном: как подготовить стратегический план решающей, как ему представлялось, битвы с гирканцами.

Он был возбужден предстоящим сражением и не сразу заметил, что Соня почти все время отмалчивается и как будто отнюдь не горит желанием обсуждать с ним этот вопрос.

— Что такое? — наконец не выдержал он.— Соня! Разве тебя это не касается?

— Касается больше, чем ты можешь себе представить,— проговорила она тихо.

— Вот увидишь, я одержу победу над Кейн-кортом! — горячо воскликнул ковент. — Его труп склюют вороны на главной площади Ианты!

У Сони оборвалось сердце. Такого с нею еще не бывало: две правды, словно два ярко пылающих факела, и она — между ними, не в силах определить, на чьей она стороне, кому желает успеха. Одно она знала точно: для нее самой в этой битве победы быть не может.

— Гинмар... — Рано или поздно ей все равно пришлось бы ему об этом сказать. — Я гирканка по отцу.

Ну вот и все. Слово было произнесено и, как она и предполагала, прозвучало подобно удару грома. Ковент замер, будто утратив дар речи, не в силах переварить услышанное. Девушка вновь замолчала и отвернулась к окну.

— И это... очень много для тебя значит? — донесся до нее его голос.

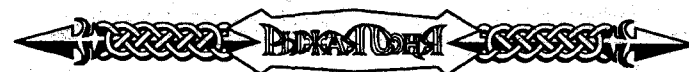
— Много. Больше, чем ты можешь вообразить.

— Тогда... если так, Соня, то на чьей же ты стороне? — Гинмар был в смятении. — С кем ты?

Она покачала головой. Этот вопрос — и этот выбор — был слишком мучительным.

— Я не хочу видеть Ианту лежащей в руинах, — сказала Соня. — И знаю, что Кейнкорта не остановить. Но я не хочу, не могу желать ему смерти. А тебе тем более.

— Представляю, как тебе должно быть сейчас тяжело. — Гинмар подошел к девушке сзади и обнял ее за плечи.

И она не отстранилась, не вскинулась, сбрасывая его руки, как могла бы сделать прежде. Она, никогда не позволявшая мужчинам быть нежными с нею, сейчас слишком отчаянно нуждалась именно в таком жесте сочувствия и понимания.

«Да, когда твой друг и твой брат оказываются непримиримыми врагами, это действительно тяжело», — с мукой подумала Соня. Да, брат!.. Ибо, несмотря на чужое, незнакомое имя, она уже каким-то шестым чувством поняла, кто такой Кейнкорт.

— Но, рыженькая... — Гинмар тоже сейчас боролся с собой; пусть Соня окажется трижды гирканкой, она никак не может быть ему врагом! И он старался не причинять ей лишних мучений, его голос звучал очень мягко. — Ты пойми, золотая моя девочка, тут ведь одно из двух. Он — или я. Ианта — или Гиркания. Третьего не дано.

— Нет! — Соня повернулась к нему так резко, что Гинмар вздрогнул. — Я много об этом думала с тех самых пор, как ты впервые заговорил о том, что Орда приближается к Офиру. И я знаю, что выбор есть. Ты только меня выслушай. Ты сможешь понять, я знаю. Ты ведь сам как-то сказал, что в мире не только два цвета, белый и черный, правда?

— Да. Но война — дело другое. Здесь не может быть третьего пути.

— Да. Да. Я знаю. И все-таки... — Она подняла руку и провела пальцами по его скуле, разбитой

на турнире Тизаром. Она словно благодарила Гинмара за то, что он, услышав ее признание, вместо вспышки вполне оправданного негодования нашел в себе достаточно душевных сил, чтобы немедленно не отвергнуть ее. По крайней мере он готов был слушать...— У тебя есть карта?

— Разумеется. Но зачем...

— Пожалуйста, дай ее мне. Разверни.

Он пожал плечами, но выполнил просьбу Сони.

— Смотри,— сказала девушка, склоняясь над картой.— Вот Гиркания, так? Вот земли, которые уже покорены Ордой, то есть как бы ставшие ее частью. А вот здесь — пикты.

— Но это мне и так отлично известно.

— Конечно. Теперь смотри. Вот — Офир. Надо же быть слепым, чтобы не понять: Офир, хочешь ты того или нет, рано или поздно окажется на границе интересов этих двух сил, гирканцев и пиктов, в равной степени лакомым куском для тех и других! Гинмар, ты же умный человек! Даже если вооружить поголовно все население Офира, от грудных младенцев до глубоких стариков, сдержат такой натиск невозможно, это самое настоящее самоубийство. Сколько лун сможем мы выстоять? До тех пор, пока страна не падет, разорванная на части, тонущая в крови?.. Это полное безумие. Да хоть ты десять раз умри за Ианту, в конечном счете судьба ее predetermined.

— Ты что, стараешься меня запугать? — В голосе Гинмара зазвенел металл.— Заставить нас

почувствовать себя обреченными и сдаться без боя? К чему ты клонишь?

— Я взываю к твоему разуму, ковент. К тому, чтобы ты признал очевидные вещи. Ну хорошо, ты поведешь свое войско. Лучшие из лучших будут выбиты сразу. Их хватит на двое суток отчаянного сражения, но никак не на то, чтобы отбросить гирканцев назад за Вилайт. А потом?..

— Потом за нами придут другие.

— Я об этом и говорю. Полная бессмыслица. Кто придет? Дети и старики? Ты этого хочешь? Да ведь Кейнкорт только и ждет чего-то подобного. Отбрасывать войска Офира волну за волной, пока защищать город станет попросту некому, и тогда он войдет сюда полноправным властелином. Гинмар, быть смелым — этого мало. Куда важнее быть мудрым.

— Что, в таком случае, мудрость, Соня?

— Мудрость в том, что все решит вовсе не меч. Нам нужен договор.

— С гирканцами? Договор?! Отлично. О чем можно договориться с ними после того, что Орда сделала с той же Заморой?! Они хуже зверей!

— Но не хуже пиктов, Гинмар. Да, можно пойти к Кейнкорту и выдвинуть свои условия, сделать Офир форпостом Гирканской империи против пиктов, сохранить его и сберечь десятки тысяч жизней... с обеих сторон.

— На кабальных условиях. Встав добровольно на колени.

— Нет. Если это предложение будет исходить от Офира, условия будут союзническими. Достойными.

— Это полный бред. Монторн никогда...

— К Нергалу твоего Монторна. Ты-то со мной согласен?

— Соня, я даже не знаю, что сказать.— Он был явно растерян.— Но как же...

— Как же — что? Отказаться от мысли о необходимости драться? Перестать, точно застоявшийся боевой конь, бить копытом в землю?

— Ну и кто же способен пойти на такие переговоры?...— Гинмар с силой потер лоб.

— Я способна. Я пойду в лагерь гирканцев и буду говорить с Кейнкортом. Лично. Положись на меня.

— Да куда ты одна не пойдешь, ненормальная!— все-таки сорвался он.— Окончательно уже рехнулась?

— Это вопрос? — поинтересовалась Соня.

— Нет! Это ответ! Ты просто буйная сумасшедшая!

— Не шуми, красавчик. Не стоит,— улыбнулась Соня.

— Идти туда — все равно что лезть в клетку с тигром! — продолжал возмущаться Гинмар.

— Тебе ли говорить про тигров?! Ты вон с ними в обнимку спишь. И ничего.

— Но не с гирканцами. Не с Кейнкортом.

— Успокойся. Кейнкорта я беру на себя.

— Ты что, надеешься его соблазнить?

— Нет. Убедить. Поверь, он так же способен воспринимать доводы здравого смысла, как ты и я. Но, кроме меня, к нему некому обратиться.

— Одну я тебя к ним не пущу,— твердо проговорил он.— Все это чистой воды безумие, но я подозреваю, если ты для себя уже все решила, то в любом случае отправишься туда. Я тебя знаю.

— Конечно отправлюсь.

— Я пойду с тобой. Это мое последнее слово,— решительно произнес Гинмар.— И даже не думай возражать!

— Почему ты решил, будто я стану возражать? Я надеялась, что ты мне предложишь нечто подобное. Когда выступаем?

— Ох, подожди...— Гинмар шумно выдохнул и измученно улыбнулся.— Ты, рыженькая, настоящее стихийное бедствие в облике человека, а я так не могу. Мне надо выпить. В трезвом состоянии тебя в больших количествах воспринимать невозможно.

— Я не против. В конце концов, мы до сих пор даже не отметили твою победу на турнире...

— И твою — над Нижним Миром.

— Нашу,— уточнила Соня.— Когда мы действуем сообща, у нас все получается. И с гирканцами получится, обязательно. Только как насчет того, чтобы, коль скоро я уже побывала твоим оруженосцем, теперь тебе немного побыть моим?

— Оруженосцем — это куда ни шло. Спасибо, хоть не лошадю...

* * *

Они выступили в путь на рассвете, никого не поставив в известность о своих намерениях, вдвоем, взяв с собою лишь небольшой запас воды и пищи. Соня заметно нервничала и была очень молчалива. На то у нее имелись причины куда более веские и глубоко личные, нежели опасение оказаться в ловушке.

Неужели предчувствия не обманывают ее и спустя столько долгих лет ей все-таки суждено встретиться с человеком, который когда-то был частью ее самой? Которого она так любила — и причиной гибели которого едва не стала из-за преступной, недопустимой детской беспечности?! Знал бы тот же Гинмар, что она тогда совершила... Но он-то, конечно, понятия не имел о той, другой Соне, какой она была прежде, так давно, словно в иной жизни...

Ковент то и дело бросал на нее тревожные взгляды, но Соня этого не замечала, поглощенная тяжелыми мыслями.

— Рыженькая, что тебя мучает?

Девушка обернулась к нему. Гинмар никогда не переставал удивлять ее. Другому было бы совершенно наплевать на ее изменившееся строение, а он все замечает и чувствует. Что ни говори, несмотря ни на что, Джилле с ним повезло. Он достоин любви.

Любви... А вот ей, Соне, такие чувства недоступны. Может, оно и к лучшему. Вот, например, что было бы, полюби она Гинмара? Множество разрушенных судеб и разбитых сердец. Ее

любовь не способна нести ничего, кроме гибели — ей самой и всем вокруг, и потому сердцу Сони навечно суждено остаться закованным в броню. И даже пожелай она того, ласковые слова никогда не сорвутся с ее губ... умрут, не родившись.

Все было иначе давным-давно, когда ей было пятнадцать зим от роду. Подумав об этом, Соня почувствовала себя так, словно в открытой ране провернули тупой ржавый нож. Больно... Все еще слишком больно.

— Не спрашивай.— Она прищурилась, смаргивая выбитую ударившим в лицо порывом ветра слезу, и прищипорила лошадь, но Гинмар легко догнал ее и преградил дорогу; Сониная лошадь попятилась, оседая на задние ноги, и тревожно заржала, мотая головой.

— Сколько времени ты намерена молча терзаться? До самой смерти? Поделись со мной. Не надо оскорблять меня недоверием, рыженькая.

— Я никому не доверяю! Все люди лживы! Никто не знает меры собственной подлости...

Соня раздраженно огляделась. Как ни гони коней, до лагеря гирканцев не менее трех дней пути, и все это время ей придется провести наедине с Гинмаром. Даже если он не скажет больше ни слова, его тревога и вопросы, оставленные без ответа, возведут неодолимую стену между ними... За вспышкой раздражения она пыталась скрыть неловкость из-за напрасной оби-

ды, которую только что нанесла ему, и... страх. Да, самый настоящий страх.

Гинмар спрыгнул с седла и схватил под уздцы ее лошадь. Он смотрел на Соню с любовью и заботой.

— Ну вот что, девочка. Нам пора объяснить-ся. Послушай-ка, неужели ты полагаешь, что мне легко было поведать тебе о... Крови Демона? Помнишь? Ты думаешь, я не испытывал при этом мучительного стыда и страха, что ты сочтешь — и назовешь — меня слабаком? Травоедом, как другие?! Но ты спросила, и я ответил, потому что ты должна была знать про меня все, даже самое постыдное, унижительное и невыносимое, иначе как возможно строить какие-то отношения, прикрывать друг друга, если нет полного доверия? Мы не знали тогда, что нас ждет. Не знаем этого и сейчас. Мы постоянно ходим по самому краю... Так не молчи, раскройся хоть немного, поделись со мною своей бедой и поверь, что я смогу понять тебя. Что, если для нас это последняя возможность?..

Она отпустила поводья и закрыла лицо руками.

— Ну иди ко мне,— сказал Гинмар, протягивая руки и помогая ей сползти со спины лошади, словно Соня вдруг разучилась двигаться самостоятельно.— Иди, рыженькая.

Он ласково провел по ее волосам и, наклонившись, коснулся губами шеи. Соня могла бы поклясться, что в этот миг в целом свете не было для нее человека роднее и ближе. Он не станет ее презирать, если она расскажет... на-

верное, не станет. Во всяком случае, ей очень хотелось на это надеяться. Слова, жуткие, невыносимые, начали извергаться из нее, точно гной из вскрытого нарыва, а Гинмар все продолжал обнимать ее, дрожащую, плачущую, не как женщину, а как маленького, вконец растерянного и испуганного ребенка; и чем хуже ей становилось по мере того, как повествование заходило все дальше, тем крепче сжимались его руки.

— Это было... было так давно... Я убила свою семью, это я сделала... отца, мать, брата, всех... А потом и *его* тоже... Мы жили в Хауране... У нас был свой дом, не очень большой, но уютный и красивый, и сад, где росли огромные абрикосы; их было так много, что мы не успевали собрать все, и их запах, запах перезрелых абрикосов, он всегда преследует меня, как память о моем детстве, которое я предала...

* * *

Да, это началось в Хауране, спустя почти три года после того, как родители отправили Соню — она называла это иначе: «спровадили с глаз долой» — к старому знакомому отца, советнику Маади, дабы поучиться хорошим манерам, а то уж слишком много хлопот стала доставлять непокорная, своевольная юная дикарка, в тринадцать зим уже настолько себе на уме, что с нею не было никакого сладу.

В глубине души Соне грустно и тревожно было расставаться с родным Майраном, хотя она

и не привыкла подолгу предаваться унынию и печали. Достигнув цели — дома, а вернее, дворца! — Маади, она изо всех сил старалась ни в чьих глазах не опозорить имя своего отца и, стиснув зубы от отвращения из-за того, как упорно из нее принялись лепить будущую «настоящую женщину», обучалась всяческим премудростям светского этикета.

Иногда ей хотелось завывать, иногда — чуть ли не удавиться от всех этих фальшивых улыбочек, учтивых приседаний, утомительных уроков танцев, пустой болтовни о богатых женихах; а уж заниматься рукоделием было и вовсе пыткой! К демонам преисподней эти дурацкие иголки, подушечки, рюшечки — ей ли, верхово-дившей в целой шайке мальчишек, пристало так проводить время?! Соня просто задыхалась, порой злые слезы сами собой наворачивались на глаза. Неужели этот кошмар затянется надолго?

И все же через два года она не то чтобы привыкла, но скорее смирилась со своей участью. Помогло и то, что вскоре семья также перебралась в Хауран, хотя поселились они не в столице, а неподалеку от Заморы, в собственном имении — Салафре. Теперь Соня, по крайней мере, получила возможность хоть изредка навещать родных.

А кроме того, у нее появилась подруга: старая знахарка Кииту, которая обнаружила у рыжей «узницы» настоящий дар. Произошло это так. Как-то раз, потихоньку от всех удрав подальше

из опостылевшего дворца, Соня столкнулась со знахаркой, собиравшей какие-то травы, и спросила, чем та занимается. Кииту выпрямилась, насколько могла, и в упор посмотрела в юное любопытное личико.

— Ищу любовный корень, — проскрипела она, — вот, думаю, не приворожить ли молоденького, а то без колдовства кто на меня, такую каргу, позарится?

Соня звонко рассмеялась: очевидно, несмотря на годы, Кииту сохранила чувство юмора.

— Вот здорово, — поддержала игру девочка, — мне бы вот тоже такой корень отыскать, только наоборот — чтобы от меня все шарахались и прогнали обратно домой.

— Что ж тебе здесь плохо, что ли, милая? Вроде ни забот ни хлопот, живи да радуйся, — пожала плечами Кииту.

— Ску-учно, — со вздохом протянула Соня, — сил нет! Ничего же кругом не происходит. Болото какое-то. Даже поговорить толком не с кем.

— А ты со мной поговори, — предложила знахарка. — Я на свете давно живу, много чего повидала и знаю, а вот детей своих боги не дали, разве что племянника.

— Да?.. Ой, а что это у тебя за трава такая интересная?..

— Эту, если человека горячка свалила, отваривать надо и поить его — враз болезнь прогонит. А эта — видишь? — при родах женщинам очень помогает. А эта...

У Сони загорелись глаза. Она сама от себя не ожидала, что так легко и с ходу запомнит названия и внешний вид растений, которые ей показывала Кииту, и безошибочно станет определять любое. Тем не менее это оказалось именно так. С того дня Соня только искала случая улизнуть и бегом пуститься в маленький домик Кииту, которую многие опасались, почитая за настоящую ведьму, хотя к ней же при необходимости обращались за помощью.

Соня оказалась для старухи незаменимой помощницей и прилежной ученицей. Она ничуть не боялась Кииту. Таинственный полумрак ее хижины, терпкие запахи чудодейственных снадобий — все это приводило девочку в непонятный ей самой восторг, но еще больше ее восхищала сама старуха. Ей столь многое было известно, она так интересно рассказывала, что просто дух захватывало!

— Вот только, милая,— как-то призналась Соне знахарка,— и добро до зла довести может человека...

— Как это? — не поняла девочка.

— Э-э... да так вот! Жил один бедный юноша,— начала Кииту новый рассказ, и Соня затаила дыхание.— Был он и умен, и собой хорош, а служил у чужих людей — отец его рано умер и ничего после себя не оставил, кроме долгов, а мать часто болела, тоже одной ногой в могиле, считай, стояла, и парень кормил ее и себя, как умел. И пришло время ему жениться. Только без денег какая свадьба, да и невес-

ту куда вести? Дом маленький, мать с постели пятый год почти не встает, нищета страшная. И так вышло, что положила на него глаз богатая знатная госпожа, вельможи королевского единственная дочь. Та хоть и богатая, да с лица до того страшна и по натуре так спесива, что давно всех женихов разогнала; уж и отец рукой на нее махнул — видно, думает, судьба у дочки всю жизнь в девках просидеть: кто ее возьмет такую? Глазки маленькие, носик крысиный, зубы как у лошади, уши острые и в разные стороны торчат, худющая, как жердь,— страх, да и только. Да и не нужен ей никто — уж больно злющая, чисто змея подколодная, того и гляди, укусит. А тот парень у них работал, значит, егерем был в поместье, в их лесах. Ловкий охотник и смелый воин... Увидела его наша уродина — и пропала. Не могу, говорит, без него жить, хочу его себе в мужья, пусть хоть он и нищий; денег у меня самой хватает, девать некуда. Ну, отец ее подумал — ладно, лучше этот, чем вовсе никакого, перечить не стал. Только парень-то на этакой красотке жениться ни в какую не хочет, ему и глядеть на нее тошно.

— Надо думать,— согласилась Соня, живо представив себе «невесту».

— Ты слушай дальше! Узнала о том его мать и думает: что ж, хоть и нехороша собой будущая невеста, но это горе небольшое, зато сын нужды ни в чем знать не будет. А в ту пору гостила у них ее, матери, значит, сестра — веду-

ня. И просит ее женщина: помоги. Приворожи моего упрянца, заставь жениться. Хочу, дескать, счастья сыну. А как приворожить? Мужчина, известно, глазами любит, ему жена нужна, а не пугало в огород, ворон смешить. Подумала та ведунья... и сделала уродине богатой такой особый наговор, что та научилась любое обличье принимать, какое тот, кто ей по сердцу, пожелает. Хоть в какую красотку перекинется! И будет ее возлюбленный как бы и не ее видеть, а другую женщину, понимаешь?.. В общем, сыграли свадьбу. Парень до того к ней прикипел, не оторвать. Отец доволен, сделал зятя своим поверенным во всех делах — тот сметливый, ловкий, любое дело в руках горит. А уродина, получив такую власть над мужчинами, быстро наигралась и пошла хвостом направо-налево крутить, знай мужиков перебирает. Муж от ревности с ума сходит, а ей и горя нет. Не жизнь, а кошмар. Парень тот до сих пор с нею мается...

— А его мать?

— Мать умерла, думая, что обеспечила сыну сытую жизнь.

— А та ведунья?

— А той ведунье боги смерти не дают. Натворила беды, назад сделанного не воротишь. — Киту тяжело вздохнула. — Ладно, рыжая, ты рот на байки стариковские не разевай, а то сейчас травки не так смешаешь, тоже наделаешь худого... Да и во дворец тебе пора возвращаться — не ровен час, хватятся.

Рассказ знахарки все еще крутился в голове Сони, когда она, едва успев переодеться, явилась к столу во дворце Маади и тихо села на свое обычное место. Она была так поглощена услышанным, что ела, не ощущая вкуса пищи и не замечая ничего вокруг.

— Соня, — шепнула ей дочь хозяина, Югита, — очнись!

Девушка рассеянно кивнула. И тут почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Подняв глаза, она увидела сидящего напротив мужчину. Он откровенно рассматривал ее, и, если бы Соня умела краснеть, сейчас, наверное, вспыхнула бы до корней волос, однако она только разозлилась. Чего он так уставился? Ей мучительно захотелось скорчить мерзкую рожу и показать незнакомцу язык, но она сдержалась, изобразив, будто скромно потупилась.

— Это что за тип? — негромко спросила она, толкнув Югиту ногой под столом. — Который напротив?

— Сулар, богатый торговец, знакомый отца, — быстро откликнулась та. — Он иногда здесь бывает. Вообще он аквилонец, отец его не любит, но законы гостеприимства... и товары, которые он привозит со всей Хайбории...

— Ах, он еще и аквилонец! — Соня вскинула голову, обжигая торговца взглядом, но тот и бровью не повел, хотя прекрасно расслышал эти слова и уж конечно заметил выражение ее лица; он только коротко и, как показалось Соне, насмешливо склонил голову.

«Красивый, хоть и старый — лет сорок, точно!» — подумала девушка, сама удивившись таким мыслям. Вонючий аквилонский пес. И почему Маади принимает его у себя? Келемет ни за что не пустил бы его на порог. Она почти умышленно заводила себя, стараясь не думать, не представлять себе это лицо с благородными, хотя и чуть-чуть неправильными чертами, эту улыбку одним уголком рта.

Два следующих дня Соня никак не могла выбраться к Кииту, и наконец ей это удалось, хотя сбежать пришлось еще до рассвета. Девушка намеревалась отправиться вместе со знахаркой собирать травы, а время для этого наступало раньше, чем выпадет утренняя роса — вот она и торопилась. Распахнув дверь в хижину, Соня возбужденно окликнула:

— Кииту, это я! Ты еще дома, я не опоздала?

— Дома, дома, милая. Входи. Я нынче не одна. Вот, родич мой наведалься... Сулар.

Соня невольно отступила от порога. Тот аквилонец? Еще не хватало. Он сидел на постели Кииту в простой холщовой рубашке с расстегнутым воротом, в кожаных штанах и босиком и при виде Сони удивился не меньше ее самой.

— Входи,— повторил он слова знахарки,— я не кусаюсь. Ты ведь Соня, да?

— Допустим.— Она заколебалась.

— Не могу встать навстречу прекрасной дикарке,— извинился Сулар,— наступил на какую-

то дрянь и пропорол ступню, вот незадача. Ну да тетушка Кииту меня в беде не бросит.

— Во всяком случае постарается,— подтвердила та.— Нечего по ночам босиком шастать, хотя это не твоя вина. С детства при полной луне во сне ходишь. Это, Соня, болезнь такая,— пояснила она,— тоже заговаривать надо бы, да он не хочет. Вот что. Мне идти надо, до росы поспеть. Ты, милая, без меня с ним справишься, я тебя учила; премудрость невелика — приложи листья, какие надо, и перевяжи. Сделаешь?

Отказать Кииту Соня не могла, хотя помогать аквилонцу вовсе не хотелось. Но знахарка сто раз ей внушала — когда человеку плохо, нельзя смотреть на то, друг он тебе или враг.

— Сделаю,— неохотно согласилась она,— не беспокойся.

Оставшись вдвоем с Суларом, девушка решительно шагнула к нему:

— Ну что там у тебя, покажи.

— Вот не знал, что Кииту взяла себе ученицу,— заметил тот.— Да еще из знатных. Она ничего мне о тебе не говорила.

— Не говорила, потому что я вовсе не ее ученица. Я просто так иногда прихожу, в чем-то помогаю... и вообще...

— Вообще, ты чувствуешь себя у Маади чужой, а здесь тебе легче. Спокойнее. К Кииту тянется всякая живая тварь. Я вот тоже, бывая в Хауране, предпочитаю ее общество.— И прежде, чем Соня успела как-то ответить, он добавил: — А у тебя очень опытные и нежные руки.

Девушка как раз закончила перевязывать ему ступню, свод которой был действительно глубоко пропорот острой сухой веткой или чем-то подобным. Слова Сулара не то чтобы удивили ее... Скорее, прозвучали слишком неожиданно.

Она подняла взгляд, не изменив позы, продолжая сидеть возле его ног на корточках, и уже во второй раз не смогла не восхититься его красотой и загадочным мерцанием темно-серых глаз.

— Все,— проговорила девушка,— к вечеру сможешь ходить.

Он поблагодарил ее, а Соня не знала, как ей теперь следует поступить: немедленно уйти или дожидаться возвращения Кииту. В первом случае этот Сулар, чего доброго, подумает, что она попросту сбежала, а если остаться, придется провести с ним наедине еще какое-то время...

— Я пришел в Хауран с караваном из Шема,— нарушил молчание Сулар.— Неплохая добыча на этот раз. Хочешь посмотреть товар? Может, выберешь что-то для себя.

— Ты сопровождаешь торговые караваны? — спросила Соня.

— Да, свои собственные. Не доверяю никому. Сейчас грабежи стали повторяться все чаще. Бросить чужое добро и сбежать, спасая свою шкуру,— обычное дело для проводников. А я от опасности бегать не привык.

— И тебе взаправду приходилось сражаться с разбойниками, которые хотели тебя ограбить? — заинтересовалась Соня.

— Конечно, много раз. Мои стрелы не знают промаха, и в рукопашном бою я лучше многих.

— Я тоже умею стрелять из лука и метать ножи,— с гордостью заявила Соня.

— Правда? Где же ты этому научилась?

— Дома, у отца.— Она невольно вздохнула.

— Скучаешь по семье? — спросил Сулар.

Соню вдруг словно прорвало. Она, обычно немногословная, выложила ему все, что накипело на душе. Как ей не нравится здесь жить, как ее заставляют заниматься всякой ерундой, а она мечтает вырваться...

— Домой? — уточнил аквилонец.

— Все равно куда! Я хочу жить... иначе! Не собираюсь, как все эти пустоголовые девчонки, выскочить поскорее замуж и похоронить себя возле какого-нибудь дурака. Я хочу... в Шем, в Стигию, в Кхитай... куда угодно, понимаешь?!

— Кажется, понимаю. Да ты бунтарка. Что, тянет на подвиги, а? Знаешь, Соня, иногда вечные битвы тоже утомляют.

— Может, тебя они и утомляют,— отрезала она,— а меня куда больше бесит размеренная, тихая жизнь...

— Хочешь, завтра вместе постреляем? — неожиданно спросил Сулар.— Иначе ты и впрямь всю сноровку растеряешь.

Отказаться от столь заманчивого предложения Соня не могла. Возвратившаяся Кииту застала ее и Сулара оживленно беседующими и, кажется, вполне довольными обществом друг

друга. С тех пор у Сони появился дополнительный стимул бывать у знахарки как можно чаще.

Во дворце Сулар появлялся изредка, и там оба делали вид, что едва знакомы: ясное дело, Маади не одобрил бы встреч Сони с аквилонцем и наверняка запретил бы их свидания. Хотя свиданий как таковых и не происходило. Верховые прогулки, иногда охота, длинные беседы — рассказы Сулара о его полной опасностях и захватывающих приключениях жизни.

Соне нравилось, что Сулар стал ей чем-то вроде друга — самолюбию девушки льстило его серьезное к ней отношение, ей была по душе его сдержанность; поначалу Соня, отнюдь не будучи наивной дурочкой, подозревала, что этот великолепный самец начнет в той или иной форме домогаться ее, и была все время начеку, готовая в любой миг дать ему достойный отпор. Но нет. Сулар ни разу не повел себя по отношению к ней недостойно и даже называл не иначе как по имени — никаких этих «красавица», «дорогуша» и прочей дребедени.

А вот в собственных чувствах Соне разобраться становилось все труднее. Она сама не знала, что с нею творится в его присутствии. Ей все в нем нравилось — осанка, походка, голос и смех. Каштановые волосы, обрамлявшие удивительно мужественное лицо, словно высеченное из камня: упрямая нижняя челюсть, высокие, красивой формы скулы. Лицо, выражавшее ум, силу, ре-

шительность — именно те качества, которые Соня ценила в людях больше всего. И безупречная тактичность — ни одного лишнего вопроса. Он даже не расспрашивал Соню о ее семье. Зато неизменно восхищался тем, как она держится в седле и стреляет, натягивая тетиву не от груди, а от уха, увеличивая точность и расстояние полета стрелы...

Однажды Соня в очередной раз выбралась из дворца и пошла к озеру. Был очень красивый вечер, она невольно залюбовалась закатом, опускающимся в молочно-белый туман солнцем и не сразу заметила, что не одна. Сулар тоже пришел сюда, на ее любимое место на берегу. Не подозревая о ее присутствии — девушка при виде его тут же спряталась за ствол ближайшего дерева и затаила дыхание, сама не понимая, для чего ей понадобилось таиться, а не выйти и не поздороваться с ним открыто, — Сулар разделся и пошел в воду.

Соня знала, что подсматривать за другим человеком нехорошо, но ничего не могла с собой поделать. Лицезрение обнаженного мужского тела завораживало ее. Что и говорить — Сулар был очень красив: высокий, широкоплечий, словно весь состоящий из внушительных мускулов и сухожилий, он двигался грациозно и к тому же оказался прекрасным пловцом, что было сразу видно по его уверенным движениям.

Закусив от волнения нижнюю губу, Соня во все глаза наблюдала за ним, разрываемая противоречивыми желаниями: развернуться и убе-

жать или остаться? Сулар заплыл так далеко, что она на какой-то миг потеряла его из виду и встревожилась, отлично зная, что ее любимое озеро может быть коварным, в нем есть немало ловушек, холодных течений и глубоких омутов. Но нет, он вернулся, и девушка вздохнула с облегчением, когда Сулар выходил на берег, смешно встряхивая головой, точно огромный пес.

Он выглядел уставшим и некоторое время просто стоял, опустив руки и стараясь отдышаться... так близко от ненадежного Сониного укрытия, что девушка затаила дыхание, боясь выдать свое присутствие. Капельки воды на литом теле сверкали и переливались всеми цветами радуги в прощальном сиянии вечерней зари. Это было просто волшебство! Соня даже прижала к губам ладонь, чтобы не вскрикнуть от внезапно охватившего ее восторга, подобного тому, какой она испытывала при виде табуна скачущих лошадей, которых до сих пор полагала самыми совершенными творениями богов.

Теперь же оказалось, что и человеческое тело может вызывать у нее похожие чувства. Хотя нет, вовсе не такие... Любуясь лошадьми, она не испытывала этого необычайно сладостного томления, горячей волной поднявшегося откуда-то изнутри и вмиг охватившего ее всю, точно жидкое пламя; это испугало ее — невероятная сила собственного влечения, того, чему она не ведала имени. Девочка неслышно отступила... а затем помчалась домой, словно стараясь быстрым бегом

успокоить себя, затушить вспыхнувший в сердце огонь.

Однако на следующий же день, сама поражаюсь тому, что делает, едва дождавшись вечера, Соня снова отправилась на то же место, страстно желая повторения того, что произошло накануне.

Время шло, солнце уже почти совсем скрылось за горизонтом, но тот, кого она ждала, не появлялся. Девушка совсем было отчаялась, с мукой думая о том, что на сей раз вернется домой ни с чем, как вдруг ее сердце забилося сильнее: он пришел! Радостное волнение заставило Соню позабыть об осторожности, она перенесла тяжесть тела с одной ноги на другую, и под ее ногой громко хрустнула сухая ветка. Сулар резко обернулся на звук. Девушка, прекрасно сознавая, что бежать теперь просто глупо, вышла из своего укрытия.

— Привет,— улыбнулся мужчина,— ты что делаешь здесь в такой час?

— Ничего,— пожала она плечами, стараясь скрыть замешательство,— я часто прихожу на берег на закате.— Она прикусила язык, но было поздно.

— Я тоже,— кивнул Сулар.— А вчера ты приходила?

Он смотрел на нее с самым что ни на есть серьезным выражением лица, и только глаза смеялись.

— Да,— призналась Соня, заливаясь краской, что выдавало ее с головой.

— И что тебя так смущает? То, что видела меня? Но в этом нет ничего страшного. Или я тебя испугал?

Она покачала головой.

— Нет, вовсе нет. Ты очень красивый.— Соне казалось, что она сейчас заплачет, ее голос предательски срывался.

— О, боги мои, кто поверит, что этому дивному созданию всего-то пятнадцать зим...— Сулар склонился к ней.— У тебя чувства взрослой женщины, светлый разум и твердый дух воина. Я давно за тобой наблюдаю и, признаться, просто восхищен.

— Правда? — несмело отозвалась та.— Ты не сердись на меня? Что я...— Она осеклась.

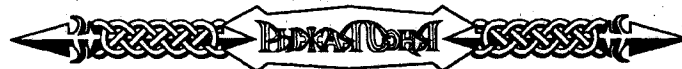
— Хочешь сказать, подсматривала? Но это не так. Ты изучала. Любовалась. Тебе было интересно испытывать что-то новое, верно? Что же в том дурного? Если хочешь, мы можем сегодня поплавать вместе. Ты ведь, конечно же, умеешь плавать?

— Конечно, и очень хорошо,— тут же ответила она, доверчиво вскидывая голову.

Он понял ее! И простил! Он вообще все, все, должно быть, понимает!..

— Ну так что, ты идешь в воду?

Сулар, произнося это, сбросил с себя одежду и теперь ждал ее решения. Лезть в озеро в платье Соня не могла, поэтому у нее не оставалось иного выхода, кроме как последовать его примеру и бегом ринуться в спасительное, как ей казалось, зеркало воды,— и ее тут же охватил

азарт. О, она покажет ему, на что способна! И что он не ошибся в ней! Пусть он сильнее и опытнее, и вообще он мужчина, но и она, Соня, кое на что годится.

— Осторожнее, малышка,— крикнул Сулар,— не заплывай далеко!

Как бы не так. Он вчера заплыл на самую середину озера, вот пусть знает, что она тоже так может...

Когда Соня обернулась и не увидела кромки берега за спиной, ей вдруг стало страшно. О боги, что она натворила?! Да и закат успел смениться почти полной темнотой. Она подумала о жуткой черной глубине под собою, об омутах и холодных потоках... Дыхание сразу сбилось, девушка отчаянно и беспорядочно заколотила по воде руками, взвизгивая от ужаса.

— Но бойся, только не бойся.— Сулар был рядом с нею.— Держись за меня, хватайся, но не очень сильно, иначе утянешь на дно нас обоих. Просто держись за мое плечо...

Вытащив рыжеволосую искательницу приключений на берег, он обессиленно рухнул на песок.

— Ох и напугала ты меня,— признался он, но опять, как и прежде, без малейшей злости.

Соню мелко трясло от напряжения и холода. Она едва верила, что все еще жива. Всклипнув, девушка прижалась к груди Сулара, а он обнял ее и накинул на плечи свой тонкий плащ. Теперь она не просто видела его, а ощущала всем телом; он был так близко, она слышала

частые удары его сердца, и завитки темных волос на его груди смешно щекотали ей нос. Ее спаситель! Ее рыцарь! Который вовсе не похож на глупых нескладных мальчишек, ее сверстников, а в сто, нет, в тысячу раз лучше их всех вместе взятых! Лучше вообще всех людей на свете!..

Она влюбилась, глупо, отчаянно и безоглядно. Место, которое отныне Сулар занимал в ее сердце, могло принадлежать разве что богам, но к ним Соня всегда относилась с большим подозрением; Сулар же был больше чем богом...

Она теперь сама настойчиво искала возможности встретиться с ним. Соня совершенно обезумела. Куда подевалась ее природная осторожность и недоверчивость! Порой Соня сама себя не узнавала. Ей казалось, она умирает, ее сердце разрывалось, не в силах вместить глубины и силы огромного чувства, всецело овладевшего ею, обрушившегося на девушку, словно сошедшая с гор лавина. Слушая болтовню подружек об их похождениях, Соня изумлялась: и это они считают любовью? «Ах, он такой красавчик... Когда мы с ним танцевали, я...»

Сама Соня точно знала: ее состояние невозможно облечь в слова. О нем никому не расскажешь. Вдох и выдох — имя любимого. Каждый шаг — мечта о нем. Дни и ночи заполнены его образом, и весь смысл существования в том, чтобы иметь возможность хотя бы на краткий миг прикоснуться к нему.

Знал ли об этом Сулар? Отдавал ли себе отчет в том, что творится с его юной подругой? Она не ведала, не спрашивала. Ей было довольно видеть, с какой нежностью и восторгом он смотрит на нее, а Соня под этим взглядом просто плавилась и таяла, как льдинка на ярком весеннем солнце. Ее любовь была разделенной, но Сулар никогда не забывал о том, что он мужчина и старше ее, ни много ни мало, на двадцать пять лет. Этот человек не совершил в жизни ни одного поступка, которого имел бы основания стыдиться, и теперь, отлично зная, что связь с Соней не может продлиться долго, не хотел давать девушке напрасных надежд. Просто воспользоваться страстью этого отчаянного создания он не имел никакого права.

И самое главное, не имел права вообще увлечься кем бы то ни было.

Не за тем он прибыл в Хауран.

На Сулара была возложена слишком ответственная миссия, задача, от выполнения которой зависели судьбы народов и будущее огромных империй.

Он должен был отыскать и убить Предсказанного. Дитя, за которым уже много лет шла охота. Срок истекал. До Посвящения оставалось всего несколько зим, но Зверобог хранили маленького ублюдка так ревностно, что до сих пор аквилонским соглядатаям не удавалось выйти на его след. Маги вычислили, что это суждено совершить именно ему, Сулару, и тогда его сердце затрепетало от гордости.

Но время шло, толку же от поисков не было никакого; видно, звезды просто посмеялись над ним.

Сулар все чаще склонялся к этой мысли; он устал и пребывал в полной растерянности. Соня была для него как глоток свежего воздуха. Сияние ее серых глаз внезапно озарило всю его жизнь — подобного с Суларом еще никогда не бывало. Он любил немало женщин, и они отвечали ему взаимностью, но он всегда полагал, что нельзя позволять себе надолго привязываться к какой-то одной: довольно с него было и Каэаллы, но тут уж ничего не поделаешь...

Теперь же ситуация грозила сделаться неразрешимой. Он чувствовал, что не может оторваться от Сони. Но ни остаться в Хауране, ни взять ее с собою не мог тоже. А тут еще Кииту. Старуху беспокоили отношения между ним и юной подопечной Маади.

— На беду ты с нею встретился,— твердила она.— На беду... Должно быть, так угодно богам, так тебе на роду написано было. Ее погубишь — и сам умрешь от ее руки.

«Вздор,— раздраженно подумал Сулар.— От ее руки, как же! Скорее рыжая малышка себя убьет, чем меня!»

— Не призывай беду, тетушка,— возразил он,— а лучше скажи мне, найду ли я человека, которого ищу?

Знахарка долго гадала одной ей известным способом, потом — он уже и не надеялся, что услышит ответ на свой вопрос,— проскрипела:

— Найдешь, да не там, где ищешь. И потеряешь раньше, чем найдешь.

Сулар только рукой махнул. Годы берут свое. Когда-то Кииту была очень сильной ведуньей, а нынче состарилась, выжила из ума. Как можно потерять то, чего не отыскал?!

— Ты еще будешь здесь, когда я вернусь? — с надеждой спросила его Соня, которой предстояло, как и всегда в это время года, ненадолго отправиться в Салафру.— Я должна навестить родных. Мать хочет видеть меня, и отец тоже, и братья. Знаешь, у меня два брата,— гордо сообщила она,— и сестра есть, Айна, но она в монастыре Айнсор.

— Большая семья,— заметил Сулар.— Я рад, что ты увидишься с ними.

— А я нет. То есть рада, конечно, но я просто не знаю, чего мне больше хочется: побыть с ними или остаться с тобой,— честно призналась Соня.— Я буду о тебе думать... ждать, когда снова тебя увижу. А ты... не забудешь меня?

Сулар взглянул на нее из-под полуопущенных век. Они вдвоем сидели на берегу того же озера, где так часто встречались. А ведь пройдет всего лишь несколько лет, и удивительная красота этого юного создания, доверчиво и грустно улыбающегося ему сейчас, разобьет немало сердец, подумал он. Пугающая женская красота, способная покорять мужчин внутренним очарованием, эта утонченность и в то же время уверенность в себе, неукротимая энергия, сияющая в широко расставленных серых глазах, в ме-

ру полные губы, с трудом скрывающие кроющуюся в душе страсть, сочетание изящества и силы...

— Тебя забыть нельзя, Соня,— хрипло сказал он, касаясь ее щеки.— Если бы ты знала, что делаешь со мной! — Желание пронзило Сулара, как раскаленная стрела. Как хорошо он изучил это лицо — прямой нос, высокие скулы, нежный и вместе с тем упрямый подбородок, прихотливый изгиб губ... Он погрузил пальцы в медные волосы девушки и привлек ее к себе. Глаза Сони таинственно мерцали, она была смущена, но явно не собиралась спасаться бегством. Обезумев от желания, он обнял ее и прижался к ее губам.

Потрясенная объятиями Сулара и требовательностью его поцелуя, Соня перестала дышать. Ей и в голову не приходило противиться ему. Ладони Сулара уже гладили ее спину, плечи, талию, бедра; его поцелуи становились все более дерзкими, и девушка, застав от наслаждения, обняла его за шею, прижавшись всем телом к нему, горячему и сильному. Ей казалось, что раньше она не знала настоящей жизни и лишь теперь поняла, каким бледным и бесцветным было ее прежнее существование.

Сейчас он овладеет ею... Боги, она ничуть этого не боялась, наоборот, ждала и жаждала всем своим существом... Но вдруг произошло почти невероятное: Сулар вздохнул, словно утратив интерес ко всему на свете, закрыл глаза — и как подкошенный рухнул на траву.

— Что с тобой, любимый? — в испуге вскринула Соня, склоняясь над ним.— Сулар, что...

Чья-то рука коснулась ее плеча. Соня, резко обернувшись, увидела Кииту. На лице старухи застыло выражение печали и неодобрения.

— Он спит,— сухо произнесла ведунья.— Я наслала на него чары забвения, когда увидела, что здесь происходит.

— Ты следила за нами?! — вскричала Соня.— Как ты посмела?! Зачем? Зачем?!

— Да, следила. Оставь его и немедленно убираться, маленькая негодница, позабывшая всякий стыд и совесть. Он женат, у него пятеро детей... Прочь отсюда!

Соня вспыхнула от смущения. Однако, не привыкшая быстро отступать, она пробормотала:

— Я люблю его, Кииту.

— Тем хуже для тебя,— губы ведуньи сжались в тонкую серую нить, а глаза смотрели холодно и враждебно,— и для него. Я сказала — прочь!

— Он все равно будет со мной! — оставила Соня за собой последнее слово и ринулась прочь.

...Очнувшись, Сулар огляделся в недоумении. В хижине Кииту было прохладно и сумрачно, на стол капал воск от горящих свечей — все как обычно. Вот только он не мог вспомнить, как здесь очутился. Знахарка стояла согнувшись у стола в глубине комнаты и готовила какое-то снадобье.

— Что ты делаешь? — спросил Сулар.

— Снадобье от тошноты,— ответила Кииту, бросая в кувшин темные комочки.— Это помет дикого кабана, я собираю его в лесу и сушу на огне. Если шарики растереть и разбавить водой, они превосходно прочищают желудок.

— Еще бы! — Сулар зажал нос и поперхнулся.

Кииту накрыла кувшин крышкой и поставила на полку рядом с другим, полным пивок.

— Почему я...— начал было Сулар.

— Ты — что? Разве ты впервые ночуешь у меня?

— Нет, конечно, но... я был не один... и я не помню, как сюда пришел.

— Луна нынче полная,— пожала плечами Кииту,— а в такое время ты с детства становишься сам не свой.

— Не до такой степени, тетушка,— возразил он.— Я не пьян и не безумен. Где Соня?

— Забудь о ней,— посоветовала знахарка, глядя на него живыми пронизательными глазами,— пока не поздно! Опомнись, она еще дитя!.. Ты с ума сошел, если мечтаешь о ней... Но если ты не можешь ничего с собой поделать, у тебя есть Каэлла — возвращайся к ней и получи все, чего ни пожелаешь. Но не прикасайся к этой девушке, не ищи встречи с нею! Уезжай, уноси ноги, если тебе дорога жизнь!

Сулар задумался. Конечно, он перешел все границы с этой рыжеволосой малышкой. Малышкой... Ничего себе! Да она превзойдет любую взрослую, опытную в постели женщину, к тому же у тех нет ее юной свежести, непосредственно-

сти и... и... Нет, так нельзя! Этот цветок расцвел не для него. Кииту совершенно права: нельзя так распускаться. До добра подобное точно не доведет.

— Хорошо,— тяжело проронил он, с силой проведя ладонью по помрачневшему лицу,— я понял. Я поеду домой, в Аквилонию, нынче же.

Кииту облегченно вздохнула.

И вскоре Сулар был уже в седле. Он гнал коня так, словно его преследовала стая волков.

Вот только путь его лежал в прямо противоположную сторону — на север, к заморийской границе. Он ничего не сказал об этом ни Соне, ни старухе-ведунье, но накануне вечером гонец из Аквилонии доставил ему срочный, так давно ожидаемый пакет, запечатанный знаком Огненного Солнцеворота — символом митрианских жрецов.

Звезды указали дорогу к Предсказанному! То, что должно было свершиться, свершилось.

* * *

Вернувшись после длительного отсутствия в родительский дом, Соня сразу заметила некоторые перемены. Прежде столь близкий ей Хункар, товарищ ее опасных забав и рискованных походов, держался более отчужденно. А вот Эйдан... с ним явно тоже что-то произошло помимо того что он заметно вытянулся и казался куда более рослым, крепким и решительным, нежели раньше. Тихоня, не расстававшийся с абаком и, кажется, желавший посвятить всю

жизнь торговле в отцовской лавке, сделался совсем иным.

Соня никогда не была особенно дружна с ним, несмотря на то что они появились на свет одновременно; разве что во младенчестве, но она этого не помнила. По словам Сиэри, близнецов пришлось рано разлучить и какое-то время растить раздельно для их же пользы: дети общались только между собой и до трех лет даже не могли овладеть нормальной человеческой речью, довольствуясь собственным, только им двоим понятным языком. Насильно разделенные, в первое время они очень страдали друг без друга; Соня от потрясения разучилась смеяться, а Эйдан — даже плакать, но постепенно все пришло в норму, и позже, когда у них вновь появилась возможность свободно общаться и играть вместе, ничто не напоминало об их прежней привязанности друг к другу, — наоборот, брат и сестра с годами только отдалялись.

Соня была более решительной, сметливой, ловкой и рослой, что весьма задевало самолюбие Эйдана, и он ее откровенно недолюбливал, особенно когда Келемет ставил дочь в пример ему и Хункару. Кроме того, ей, как девочке, многое сходило с рук, в то время как ему нередко перепадала суровая порка за провинности, не идущие ни в какое сравнение с теми, в коих бывала замешана Соня.

Но теперь именно Эйдан встретил ее с особенной радостью. Ему, кажется, не терпелось увидеть реакцию сестры на то, как сильно он изме-

нился, и юноша с удовлетворением поймал ее удивленный и восхищенный взгляд.

— Ты стал настоящим красавцем, малыш, — воскликнула Соня, — и... и так похож на отца, с ума сойти! Удивительно, и как я этого раньше не замечала!

Эйдан в семье принято было считать младшим, поэтому подобное обращение его не удивило.

— А что, ты теперь меньше времени проводишь в этой своей противной лавке? — некоторое время спустя спросила она, оставшись с Эйданом наедине.

— Да, отец хочет, чтобы я больше тренировался как боец, — ответил тот, — абак — неподобающее оружие для гирканского... воина. — От Со-ни не укрылась сделанная им странная пауза, словно Эйдан хотел сказать что-то другое, но вовремя осекся; он тут же перевел разговор на нее. — Как тебе жилось у Маади?

— О! Прекрасно! — Девушка ничуть не лукавила, просто при этом вопросе вспомнила кое-что иное, нежели занудное обучение этикету; ее сердце дрогнуло и забилось сильнее. — Я жду не дождусь, когда смогу вернуться туда.

— Вот уж никогда не поверю, что ты остепенилась, — улыбнулся Эйдан, — и что тебя кому-то удалось выдрессировать настолько, чтобы ты почувствовала вкус к светской жизни, танцам и прочему. — Он сорвал тоненькую травинку и принялся задумчиво покусывать ее крепкими ровными зубами, искоса поглядывая на сестру.

— Да уж,— с притворным разочарованием проговорила Соня,— ты неплохо знаешь меня.— Рассмеявшись, она порывисто наклонилась к сидящему на земле Эйдану и обняла его; при этом из выреза ее простенького платья, под которым уже отчетливо вырисовывалась высокая и крепкая грудь, выскользнул золотой медальон ручной работы и, очевидно, немалой стоимости, но Соня не заметила этого.— Я тебя обожаю! Кажется, мы сможем легко найти общий язык.

— Я вот тоже полагал, что ты для меня — не великая загадка,— заметил Эйдан,— но, кажется, ошибся. Раньше я не замечал у тебя страсти к украшениям. Красивая вещь. И выполнена со вкусом,— сказал он, взвешивая медальон на ладони.— Откуда он у тебя?

— Подарок.— Соня поспешно вырвала вещь из его руки и мгновенно спрятала, слегка смутившись.

— Неужели? Чей, интересно?

— Твое какое дело? Допустим, мужчины... человека, которого я люблю и который...

— Соня, мне это совсем не нравится. Мужчины не делают женщинам подарки просто так.

— Ты-то откуда знаешь? Подумаешь, строит из себя знатока жизни! Просто... тому человеку это ничего не стоит, он достаточно богат.— Серые глаза ванирки растворились в тревожной нежности иссиня-черных — гирканца. Глаза Сизри — во взгляде Келемета. Но уже в следующий миг Соня перешла в наступление.— Тебя это все

не касается, отстань, я не собираюсь обсуждать с тобой...

— Ты была с ним? — продолжал, однако, брат.— Скажи мне правду.

— А ты что, уже был с женщиной? — надеясь смутить Эйдана и заставить заткнуться, вопросом на вопрос ответила Соня, зная его застенчивость и полагая, что брат сам сменит тему.

— Был,— запросто ответил тот,— отец сам водил меня к... одной. Ну, ты понимаешь, чтобы я мог научиться, узнать, что это такое. Однако я — парень, а тебе, как девушке, рано думать о чем-то подобном.

— Ой, да ты учить меня, что ли, вздумал?! — яростно вскинулась Соня.— Вот зануда! И насчет страсти к украшениям — ты сам не расстaeшь с побрякушкой, она вечно болтается у тебя на шее! — Она попыталась дотянуться до золотой пластинки с выгравированной на ней головой рыси, висевшей на груди Эйдана, но брат отстранился и резко вскочил.

— Не смей прикасаться! Это священный знак Великой Матери, а не «побрякушка»!

— Что-о? — У Сони от любопытства вытянулось лицо.— Впервые слышу.

— Считай, что ты и сейчас ничего не слышала,— отрезал Эйдан, заинтриговав ее еще больше.

Вообще-то, когда ей хотелось выяснить что-то важное, в этом Соня не знала себе равных. Неужели у братца завелись серьезные секреты, в которые он, видите ли, не хочет ее посвящать? Да и касается ли это только одного Эйдана? Она

уже успела обратить внимание на то, что отец стал гораздо серьезнее относиться к младшему сыну. Готовит себе достойного преемника, надо полагать. Но почему тогда выбор пал не на Хункара?

— Что-то ты много строишь из себя,— презрительно фыркнула Соня,— темнишь, скрываешь. Да я в жизни не поверю, будто бы ты...

— Что — я? — воинственно вскинулся Эйдан.

— Ни-че-го,— пропела Соня, прищурившись и с удовольствием ощущая себя отъявленной стервой.— Я так думаю, пока меня не было дома, отец, конечно, попытался найти мне замену хоть в твоём лице, вот ты и вообразил о себе невесть что. Хотя каждая собака знает, если уж говорить о качествах настоящего бойца, что я более метко стреляю, чем вы с Хункаром вместе взятые, и бегаю быстрее, и в умении метать ножи я давно превзошла вас.— О своих похождениях с шайкой Удада она, разумеется, благоразумно промолчала, как и о том, что уже имеет опыт сражения и убила нескольких человек. Ясное дело, Эйдану подобное и не снилось, где ему!

— Однако все это,— резюмировал брат,— не делает тебя ничем большим, нежели глупенькой самодовольной девчонкой. Я — другое дело.— Он всерьез разозлился и даже побледнел от гнева.— Соня, придет день, и я встану во главе гирканских армий. Да, я поведу их войной на Запад. И стану величайшим полководцем всех времен!

— Ты?!

— Да, именно я — Предсказанный.— Он сжал в ладони свой амулет.— Так сказал оракул Джеггдан, слепой провидец, когда я появился на свет. Соня, это великая тайна нашей семьи, о которой никто не должен знать,— опомнившись, с тревогой предупредил он,— понимаешь? Когда мне сравняется восемнадцать зим, я пройду Посвящение Рыси и смогу исполнить свое предназначение. Осталось еще три зимы, и это свершится.

— Отец знает? — Соня тут же удивилась глупости собственного вопроса.

— Конечно, и мать тоже, но они до последнего времени скрывали это даже от меня самого. Чем меньше людей знают нашу тайну, тем безопаснее, ведь за мной идет настоящая охота. В общем-то, отец потому и счел необходимым все-таки предупредить меня, чтобы я был осторожным.

— Тебя хотят убить? — И без того огромные глаза Сони расширились еще больше.— Но кто?

— Этого мы не знаем наверняка. Отец надеется, что раз уж удавалось хранить тайну пятнадцать зим, то еще три мы как-нибудь продержимся, а потом будет уже слишком поздно пытаться расправиться со мной!

— Эйдан...— Соня не находила слов.— Но в таком случае я... я должна быть рядом с тобой! Если они выйдут на твой след, мы будем вместе сражаться. Клянусь, я в силах тебя защитить!

— Благодарю,— усмехнулся он,— но, полагаю, я справлюсь и сам. Ты, главное, держи язык за зубами, это будет мне лучшей защитой и помощью.

Соня поняла из его объяснений далеко не все. Ей требовалось время, чтобы привыкнуть к мысли о том, что ее брат — вовсе не обычный юноша, каким она привыкла его считать. Предсказанный, будущий великий Вождь Гиркании, Сын Матери Рыси — это надо же! Легенду о чудесном Спасителе, Божественном Полководце она слышала не раз, ибо в Гиркании прихода его ожидали уже не одно столетие. И все же Эйдан... ее брат... Неужели это правда?! Гордость переполнила ее сердце.

И все же он не имел права, не должен был так презрительно отказываться от предложенной ему помощи, демонстрируя свое превосходство... Соня чувствовала себя глубоко уязвленной этим пренебрежением и всю ночь не могла сомкнуть глаз, размышляя то об Эйдане, то об оставленном ею возлюбленном. Наверное, Кииту, вредная старуха, сделает все, чтобы Сулар не дождался ее возвращения и покинул Хауран как можно скорее.

Ну зачем старая ведьма сунула нос в их отношения, ей что, больше всех надо? И ведь все было так хорошо! Соня даже застонала, вспоминая страстные ласки и поцелуи Сулара. Вот это мужчина! Ну и пусть он много старше ее... Ни один юнец не идет с ним ни в какое сравнение. И уж он-то вовсе не считает ее маленькой глупой

девчонкой, для него она — прекрасная желанная женщина... Он ясно показал это во время их последней встречи! Сулар никогда не смотрел на нее свысока...

Соня вцепилась зубами в уголок подушки, стараясь сдержать всхлипывания. Правда, Кииту сказала, что он женат и у него пятеро детей. Ну и что? Понятно, такой мужчина не мог не найти себе спутницу жизни. Но ведь она, Соня, довольствовалась бы и тем, чтобы вместе с ним сопровождать его караваны, а потом... Потом... он не устоял бы и бросил ради нее жену. Разве так не бывает? Сколько угодно. Это ведь она, Соня, согревала бы его холодными ночами в пустыне, сражалась бы вместе с ним, всегда была бы рядом. А та, другая... Да с Соней Сулар в два счета забыл бы о ней!

Девушка была уверена, что промучается так до рассвета, однако здоровый молодой организм взял свое, и она сама не заметила, как уснула.

На следующий день, стремясь как-то развеять гложущую сердце тоску и тревогу, она отправилась гулять в одиночестве. Никакой определенной цели у нее не было, хотелось просто скоротать время. Вернувшись домой только под вечер, Соня обнаружила всю семью в крайней тревоге.

— Где ты была? — воскликнула мать, порывисто прижимая ее к себе.

— Да нигде, просто гуляла,— в недоумении проговорила Соня.— А что такого?

Келемет переглянулся с женой.

— Ни шагу за порог без разрешения,— резко бросил он.— Поняла? В округе неспокойно. Говорил я тебе, Сизри, не стоило ей пока приезжать!..

— В чем дело? — чуть позже поинтересовалась Соня у Эйдана.— Все словно обезумели...

— Просто возле дома крутился какой-то незнакомец,— пояснил брат,— вот они и переживают. Боятся из-за меня. Отец велел усилить охрану, никто не должен покидать дом без его разрешения и не объяснив, куда и зачем идет и когда намерен вернуться. Это всех касается, тебя тоже. Соня, ты меня слышишь?

У нее и вправду был такой странный вид, словно слова Эйдана в одно ухо влетали, а из другого вылетали, не касаясь сознания. Тем не менее Соня поспешно кивнула:

— Да, конечно, слышу.

— Будь осторожна,— еще раз предупредил он.

Ну как же. Станет она сидеть поджав хвост, когда ее брату грозит опасность. Да ничего подобного! Если некий тип в самом деле охотится за Эйданом, именно она, Соня, сумеет выследить его и убить. Вот тогда пусть кто-нибудь только посмеет сказать, что она всего лишь малолетняя дурочка, которая ни на что не годится!

Дождавшись, пока стемнеет, Соня выскользнула из постели, бесшумно открыла окно своей комнаты и прыгнула на землю, мягко и неслышно, точно кошка. Ничего и никого. Ни звука,

кроме обычного пения тысяч цикад. Она добежала до невысокой изгороди и, легко перебравшись через нее, очутилась на дороге.

Чья-то тень шагнула навстречу ей из темноты, и Соня успела подумать, что, кажется, переоценила свои силы и способности, когда большая жесткая ладонь зажала ей рот. Девушка отчаянно дернулась, но ее держали крепкие опытные руки. И внезапно, по странному наитию, она поняла, кто перед ней!

Соня мгновенно расслабилась, испытывая смешанное чувство облегчения и безумной радости. Человек взглянул ей в лицо... Кажется, он был потрясен.

— Соня?..

— Сулар! О, мой любимый, ты здесь, ты нашел меня! Когда ты приехал? Значит, это был именно ты...

— А ты ждала кого-то другого? — Его голос звучал весело, однако в нем ощущалось заметное напряжение.

— Нет, о нет,— поспешно заверила Соня, вообразив, что этот вопрос продиктован лишь ревностью.— Просто тебя видели днем и приняли за убийцу, за соглядатая.— Она сдавленно хихикнула, поражаясь нелепости такого предположения.— Радость моя, не могу поверить, что мы снова вместе, что я вижу тебя...

— Соня, милая, мне не следовало этого делать, но я не мог покинуть Хауран, не простившись с тобой.— Он поднял ее голову за подбородок и посмотрел во влажные глаза, чув-

ствуя, что сердце его разрывается от любви к этой девочке... и от того, что он вынужден ей лгать.— Мои дела здесь почти закончены, и я...

Выразительное лицо девушки исказилось от горя. Это невозможно. Он слишком много для нее значит. Если Сулар покинет ее, она опять останется совсем одна.

— Но почему? — прошептала она, не чувствуя, что плачет.— Ты не можешь, не должен оставлять меня, я не хочу, это неправильно... Я же умру здесь без тебя!

Сулар не ожидал такой вспышки отчаяния.

— Сожалею, счастье мое, но у меня нет иного выхода,— веско проговорил он.— От меня многое зависит. Я должен вести караван в Немедию.

— Возьми меня с собой,— вцепилась Соня в его руку, рыдая все громче,— пожалуйста, Сулар, не бросай меня! Я выносливая... Я не стану жаловаться... Я хочу пойти с тобой в Немедию, в Шем, куда угодно!

— Твои родители ни за что на это не согласятся. Да и не пристало девушкам сопровождать торговые караваны. Так не бывает. Ну подумай, кому будет хорошо от того, если ты погибнешь где-нибудь на горном перевале, не выдержав тягот пути? Я никогда не прощу себе этого...

— Рядом с тобой я выдержу все! А родители... Да им вообще все равно, что со мной бу-

дет! У них есть Эйдан... Они так носятся с Эйданом, и вовсе не потому, что он лучше меня, а потому, что какой-то оракул предсказал, что он станет великим гирканским вождем. Сын Матери Рыси!.. Подумать только... Да они все ума лишились!..

Если бы Соня не была в этот момент так раздавлена своим горем, страхом потерять Сулара, она ни за что не раскрыла бы рта. Ведь Эйдан только что предупреждал ее, что о его предназначении никому нельзя говорить. Но сейчас все это казалось Соне таким незначительным, неважным. Да и разве от Сулара у нее могут быть какие-то тайны?!

Но аквилонец мгновенно напрягся, точно зверь перед прыжком, и смертельно побледнел, сверля Соню неожиданно цепким, холодным взглядом,— так он никогда прежде не смотрел на нее. И она сразу замолчала, испугавшись еще больше. Теперь она боялась не потерять Сулара, как миг назад, а его самого, его ледяной решимости, незнакомой, чужой, враждебной. Как если бы перед нею неожиданно возник совсем другой человек, не любящий ее и вообще любить не способный. Оборотень...

Словно увидев свое собственное жуткое отражение в ее огромных растерянных глазах, Сулар расслабился — и снова стал прежним.

— Милая,— нежно проговорил он, целуя ее,— не плачь. Я обязательно приду за тобой, когда ты вырастешь. Ты только дождись. Если я тогда не буду слишком стар для тебя...

— Не надо мне лгать,— всхлипнула девушка, обвивая его шею руками,— я знаю, что у тебя уже есть семья, Кииту мне рассказала... Но это неважно, неважно... Ты для меня всегда будешь самым молодым и красивым, клянусь! Сколько бы ни минуло зим... Ну пожалуйста, останься хоть ненадолго, я могла бы познакомить тебя с моими родными...

— Нет,— поспешно возразил Сулар, едва ли не силой отрывая от себя ее руки,— Соня, у меня нет времени, отпусти, сюда уже идут... Не надо, чтобы нас видели вместе!..

Потом минуло много зим. И никогда, и никому больше Соня не говорила таких слов, ни перед кем не открывала свое сердце, не представляла незащищенной и наивной — ибо никогда больше не была таковой.

Слишком рано она узнала цену случайных слов и сильных чувств, способных смести всю жизнь, как хрупкую соломенную хижину, и разметать по ветру.

Сулар отступил в темноту и растворился в ней так быстро, словно его и не было. Соня без сил опустилась на колени в пыль, не переставая плакать.

— Что случилось? — подбежал к ней отец.— Что здесь произошло? Девочка моя, на тебя напали?

— Нет, нет,— заикаясь, пробормотала она,— мне... приснился такой ужасный кошмар, и я... выбежала из дома...

— Пойдем,— Келемет обнял ее,— все хорошо...

* * *

— А потом они пришли.— Голос Сони звучал глухо и бесцветно; сама того не замечая, она покачивалась из стороны в сторону.— Убили всех — отца, мать, Хункара... Я видела это, я сама чудом спаслась, когда наш дом уже пылал в огне... И только потом я узнала, что этих людей послал Сулар... что именно он охотился за Эйданом... А я... предала своих, рассказав ему...

— Эйдана тоже убили? — спросил Гинмар.

— Я не видела его мертвым... но и живым — с тех пор — тоже.

* * *

Когда Соня выбралась на свободу и осознала, что ее семьи больше нет, идти ей было попросту некуда и незачем — да и не было причины вообще длить свое существование. Если бы не одно «но». Месть. Месть тем, кто совершил убийство. Раз она осталась одна, именно ей и надлежало сделать это.

Вот тогда в ней впервые поднялась ярость, оказавшаяся сильнее отчаяния, праведная, испепеляющая ярость, звериная жажда крови — крови убийц. Она найдет их — и покарает так, что небеса содрогнутся. Осмелившийся поднять руку на ее семью не имеет права жить. Она так решила.

— Ненавижу,— громко, вслух сказала она.— Пусть не думают, что выбили всех. Я осталась одна. Но я — осталась.

И тут Соня почувствовала, что не одинока. Словно чьи-то пристальные глаза обратили на нее изучающий, заинтересованный взор. Она даже обернулась в некотором недоумении.

Нет, на нее никто не смотрел. Но странное ощущение не исчезало. В этом взоре не было ни любви, ни сочувствия. Только любопытство. Он как бы спрашивал: «И на что же ты, в самом деле, годишься?»

— Кто ты? — спросила Соня.

И не получила ответа. Наблюдатель не собирался беседовать с нею. Это он имел право задавать вопросы, а она пока подобного не заслужила. «Наверное, я схожу с ума», — подумала девушка. Что было совсем немудрено в ее положении. Но она где-то слышала, что истинные безумцы не осознают себя утратившими нормальность. Вместе с тем она почувствовала голод. Обыкновенный физический голод, просто до тошноты. Ей нужны были силы. Много сил.

Раздобыв денег, Соня зашла в ближайшую таверну и купила еды. Хорошей еды, овощей и мяса. И заставила свой желудок удерживать все это.

На оставшиеся монеты она приобрела себе практичную, прочную и удобную, не стесняющую движений одежду. Штаны, рубашку, куртку, сапоги — взамен платья и туфель. Меньше всего ей сейчас нужны были возжеланные взгляды мужчин. Еще не хватало быть изнасилованной каким-нибудь придурком. Наблюдатель

одобрительно хмыкнул. Значит, она действует правильно.

Кинжал же пришлось украсть. Потому что деньги кончились, а ей требовалось оружие, которое девушка без малейших угрызений совести «позаимствовала» в оружейной лавке. Это оказалось совсем просто. Соня представилась подмастерьем оружейника и завела профессиональный разговор о том, какие именно клинки хотел бы закупить для своей лавки хозяин (вот когда пригодилось «мальчишеское» воспитание, которое ей дал отец). Высмотрев висящий на стене кинжал, она встала так, чтобы заслонить его телом, завела руку за спину и на ощупь сняла оружие со стены, продолжая оживленно обсуждать сравнительные достоинства клинков холодной и горячейковки. Наверное, прошло немало времени, пока хозяин, тощий носатый шемит, обнаружил пропажу...

Соня знала, что вполне способна прокормиться. Еды полно на любом базаре. Надо только подойти, протянуть руку, взять — и ни в коем случае не попасться, честно и безмятежно глядя в глаза торговцу. И выспаться тоже не проблема — в пристройках на задворках богатых домов. Что она, не найдет, где голову приклонить? Это даже бродячие собаки умеют.

Соня пробудилась, как ни странно, ощущая себя вполне бодрой, голова была ясная. Итак, чтобы отыскать своих врагов, следует понять, кто они такие. Кому была нужна смерть Келемета, Сизри и братьев? Братьев... Эйдана.

Боль обожгла ее так, что Соня на миг потеряла способность дышать. Ну конечно. Эйдан, в нем все дело. Кто-то узнал, что он — Предсказанный. Раскрыл свято хранимую тайну и пришел, чтобы убить его. Но кто? И откуда?..

Наблюдатель язвительно приподнял бровь и прищурился, ожидая — испугается ли она или решится додумывать дальше. Сама, подсказывать никто не собирался. Итак, кто и откуда?

Это мог быть только один человек. Она не видела его в доме в числе убийц, но его отсутствие ничего не означало. Он мог просто дать знак этим головорезам — вполне достаточно, чтобы...

Соня отчего-то посмотрела на свои руки и поднесла их к лицу. А потом вцепилась в лицо ногтями и провела, оставив десять кровавых полос на щеках, от глаз до подбородка, даже не ощутив боли. Потому что ей почудилось, будто на ее пальцах — кровь.

Она хотела найти убийцу, и это не заняло много времени, потому что вот же он. Вернее, она. Она сама, болтливая тварь... Девушка стояла как громом пораженная. Предательница, погубившая всех из-за человека, который не стоил ногтя на ее мизинце.

* * *

...Гинмар снял с пояса флягу с вином и, сильно разжав ей зубы, заставил сделать большой глоток. Красная, точно кровь, жгучая влага проникла в сведенное горло, и Соня мучительно закашлялась.

— Ну-ка пей, рыженькая. Вот так. Молодец. Тихо, тихо, не надо так... Сейчас станет полегче. Помолчи пока.

— Нет,— сказала Соня,— я должна рассказать все до конца.

— Ты нашла его? Сулара?

— Да... нашла.

* * *

К тому времени, когда ей это удалось, Соня весьма преуспела в искусстве выживать. Ей было уже почти восемнадцать зим. Она выросла, повзрослела и превратилась в настоящую красавицу. И в достаточно опытную воровку, а также в бойца, вполне способного себя защищать. Одно как-то не могло обойтись без другого.

И Наблюдатель никогда не спускал с нее своих пристальных очей. Правда, он никак не пытался ей помочь. Но иногда, случалось, девушка ощущала неразрывную связь с ним. Когда она действовала так, как ей самой, в общем-то, было не свойственно. Когда она разом научилась воровать, например. И некоторые мысли теперь тоже были не ее. Наблюдатель показал ей способ выжить, воспринимая жизнь не слишком всерьез, а скорее как форму игры — пусть зачастую крайне опасной.

Так кошка играет, даже охотясь, и охотится, словно играя. Так постоянно надевает на себя маску, пряча смертоносные когти в обманчиво мягкие, бесшумно ступающие подушечки лап, а

потом наносит ослепляющий удар, в единый миг превращаясь из уютного очаровательного создания в свирепого коварного зверя, — и это тоже игра. И томное, как бы вечно загадочно улыбающееся выражение ее морды мгновенно меняется, словно у оборотня. И этот переход, момент которого невозможно проследить, от полной расслабленности к предельной концентрации — тоже часть вечной игры.

Наблюдатель был *кошкой*. Соня не понимала, откуда пришло к ней это знание. Она попросту научилась слышать его — в себе.

И у нее была цель. Она вовсе не бродила бесцельно по странам Хайбории, лишь бы чем-то себя занять. Никогда, ни единого дня. Груз страшной, неискупимой вины камнем давил ее сердце, и Соня была жестока по отношению к самой себе. Ненависть, обращенная внутрь, выжигала ее душу. Но, глядя на все случившееся глазами взрослого человека, Соня понимала, что вина эта — не только ее.

Она побывала во многих землях, от Султанапура до Немедии. Несколько раз выходила на след Сулара, пытаясь отыскать аквилонца через нанятых им убийц. Это было непросто — но, казалось, сами боги одобрили ее месть. Слепая жрица в далекой Киммерии навела ее на след наемников. Одного за другим она отыскивала и уничтожила всех тех, кто погубил ее семью. Но пламя мести по-прежнему сжигало ее душу. Затушить этот пожар могла лишь кровь Сулара!

Но тот раз за разом ускользал, она теряла намеченную жертву из вида — пока не поняла, что гоняться за ним бессмысленно. Зачем, если есть место, куда он всегда возвращается? Это ведь ее дом уничтожен, а вовсе не его. Поэтому при всей своей ненависти к Аквилонии Соня остановилась именно там, осторожно выяснив, где находится логово этого монстра. И, чутко прислушиваясь к Наблюдателю в себе, дабы избрать единственно правильный путь, принялась строить план действий.

Находившийся в баронстве Илантия, дом Сулара представлял собой двухэтажное каменное здание, к которому квадратом примыкали конюшни, дворовые службы, жилье для прислуги. Все пристройки тоже были каменными и по высоте мало уступали основному зданию. В сущности, это был почти замок: укрепленный, хорошо защищенный от нападения извне. Окна во внешних стенах были узкими и больше напоминали бойницы. В квадратный внутренний двор вели ворота с тяжелыми, окованными железом створками.

Взять его штурмом, вероятно, было бы сложно — но девушке это и не требовалось. Проникнуть внутрь оказалось проще простого. Ведь рабочие руки в таких домах нужны всегда...

Соне, а вернее, Бакиру (так она назвалась), отвели при конюшне каморку, в которой едва могла поместиться охапка соломы. Старший конюх, седой, с резкими чертами лица, выдал новому работнику лопату, показал, как нужно чис-

тить стояла, и юный «Бакир» приступил к своим обязанностям.

Кииту сказала правду. Сулар был женат и имел пятерых детей, правда, поскольку он рано обзавелся семьей и его ублюдки появлялись на свет подряд один за другим, к тому времени их разнесло по всей Хайбории и он остался один, если не считать жены, Казллы, которая и взяла Соню на работу в помощь старшему конюху. Хозяйка дома оказалась преизрядной старой стервой, на десять лет старше своего мужа, и страшной, как смертный грех. Она и внешне была похожа на крысу с узкой хищной мордой, торчащими вперед длинными передними зубами, острым носом и крошечными красноватыми глазками; разве что хвоста не хватало.

Легко можно было предположить, что красавец Сулар, обладая эдаким-то сокровищем, должен был изменять женушке направо и налево, однако, постепенно собирая сведения о нем, Соня, к удивлению своему, обнаружила, что это вовсе не так. О своем господине даже слуги отзывались с уважением и сочувствием, несмотря на его отсутствие. Складывалось впечатление, что он хранит верность Казлле и другими женщинами не интересуется, как положено человеку чести. А если все же и утешается с кем-то на стороне, то так, чтобы ничем не оскорбить чувства матери своих детей.

Когда-то бедный юноша сумел достойно распорядиться приданым жены и сделал огромное состояние, за что был, кажется, до сих пор бла-

годарен своей супруге. Вот только дома он появлялся редко. Зато Казлла, нимало не смущаясь ни своей внешности, ни возраста, готова была затащить к себе в постель кого угодно, с годами окончательно утратив всякие представления о приличиях... Она и на Соню положила глаз, принимая ее за необычайно смазливую юнца, однако та, одержимая планами мести, до поры до времени этого не замечала.

Соня думала только об одном. О том, каким именно способом побольнее наказать Сулара. Одной смерти за четыре — этого слишком мало. Он не должен умереть легко. Пусть только появится...

Но когда он все-таки появился, это оказалось для нее неожиданностью.

Девушка задавала корм лошадям, когда услышала до боли знакомый голос. Сулар отдавал какие-то распоряжения старшему конюху. Она замерла и опустила голову. О боги, боги... Она и не предполагала, что этот голос так резанет ее по сердцу!.. Какое счастье, что в стойлах царит полумрак...

— А это еще кто такой? — Сулар остановился в двух шагах от Сони.

— Госпожа наняла нового мальчишку. Его имя...

— Бакир.— Соня разогнулась и выпрямилась, вытирая пот со лба и спокойно глядя в лицо Сулару.— Так меня зовут, господин.

Он пристально посмотрел на нее. Боги, и где только Казлла отыскала это убогое создание —

угловатого, тощего подростка, с грязным, перепачканным сажей лицом и сосульками немых и, видимо, нестриженных волос цвета ржавчины, небрежно выбивающихся из-под дурацкой шапочки?

— И что, ты умеешь управляться с лошадьми?

— Они не жалуются.

— А ты дерзкий малый, Бакир. Что ж... работай.

Он прошел дальше. Соня прижалась лбом к шее жеребца. Все мысли разом вылетели у нее из головы. Кроме одной.

Она не в силах ненавидеть этого человека.

Она все еще любит его. Совершенно невозможно — но это правда.

Наверное, она бы так и стояла еще очень долго, но тут чья-то рука коснулась ее плеча. Соня обернулась. Перед ней стояла Каэлла.

— Я слушаю тебя, госпожа.

— О чем Сулар с тобой говорил?

— Ни о чем. Спросил, кто я, и все.

Каэлла удовлетворенно кивнула.

— Очень хорошо. Ты гляди не прохлаждайся, я тебя даром кормить не собираюсь, красавчик. — Она плотоядно усмехнулась. — Фу, ну и воняет здесь, задохнуться можно.

Сама Соня никогда не определила бы запах конюшни как вонь. Он ей даже нравился. Всегда. С детства.

— Я как-то привык.

— А я предпочитаю совсем другие ароматы. Знаешь какие?

— Цветов, наверное, — произнесла Соня первое, что пришло в голову.

— Нет. Здорового молодого мужского тела. Что может быть лучше! — Изобразив на лице мечтательное выражение, Каэлла сделала еще противнее, но, по счастью, надолго не задержалась, бросив на прощание: — Мы поговорим позже.

— Держись от этой стервы подальше, Бакир, — предупредил Соню старший конюх, наблюдавший всю сцену. — Она не в себе. Любительница молоденьких мальчиков...

Девушка рассеянно кивнула в ответ. Какое ей дело до Каэллы?.. Оставшись одна, она вытащила из-за пояса свой верный нож и еще раз проверила прочность и остроту лезвия.

Однако ночью проклятая крыса явилась снова. Соня не спала и сразу же вскинулась, услышав ее шаги.

— Пойдем со мной, — открыто заявила хозяйка. — Я так хочу тебя, Бакир! Ты не пожалеешь...

— Нет, — девушка отшатнулась, — оставь меня в покое! — При одной мысли о том, что подобная тварь может к ней прикоснуться, Соня содрогнулась: ей очень хотелось врезать гадине так, чтобы та испустила дух на месте, но...

— Каэлла, ты опять за свое! Так и знал, что застану тебя именно здесь. — Голос Сулара избавил Соню от необходимости решительно действовать.

Хозяйка что-то пробормотала в свое оправдание, впрочем без всякого раскаяния. Выражение же, возникшее на лице Сулара, было непередаваемым.

Он выглядел как глубоко несчастный человек, оскорбленный в лучших чувствах и безмерно страдающий от мук ревности.

— Зачем ты терзаешь меня, Каэлла? — воскликнул он в тоске, но его жена лишь мерзко захихикала в ответ.

Что?! Он способен испытывать какие-то чувства к подобному созданию? И не «какие-то», а столь сильные? Настолько, чтобы страдать даже от мысли при ее измене? Непостижимо. Такое просто не умещалось в голове.

Сулар обернулся к Соне.

— Бакир, ты спал с нею хоть раз?! Отвечай, только честно! Я обещаю, что ничего тебе не сделаю, если скажешь правду!

— Нет, не спал, — возразила девушка. — Это чистая правда!

Судя по выражению лица Сулара, вопреки его уверениям, он убил бы ее на месте, услышав другой ответ.

Несколько бесконечных мгновений он смотрел ей в лицо, а потом с заметным облегчением перевел дух и, не выпуская руки Каэллы из судорожно сжатых пальцев, вышел.

Следующий день начался с неприятностей: обезумевший от своей необъяснимой страсти, Сулар вознамерился ни на миг не дать возможности «Бакиру» оказаться наедине со своей пре-

красной Каэллою. Добиться этого можно было лишь одним способом — повсюду водить молодого конюха с собой. Таким образом, Соня оказалась обречена проводить все время с бывшим возлюбленным. И чем дольше длилась эта пытка, тем яснее она осознавала: да, ей не удастся пробудить в своем сердце праведный гнев. Стоило Сулару посмотреть на нее — и у девушки обрывалось сердце, как будто ей снова было пятнадцать лет и между ними не стояли ни его предательство, ни вина за гибель ее семьи! Что же это такое?..

Она старалась не встречаться с ним глазами, ибо Соне казалось, будто иногда Сулар слишком уж надолго задумывается, глядя на нее. Нет, уверяла она себя, он ни о чем не способен догадаться. Или способен?..

Смутные сомнения и вправду посещали Сулара в обществе «Бакира». Нет, пожалуй, даже и не сомнения... Просто, когда он видел эти глаза — огромные, серые, обрамленные густыми черными ресницами, — его начинали терзать невыносимые воспоминания. Такие же глаза смотрели на него с совсем другого лица. Смотрели с нежностью, доверием и любовью...

Сулар пытался понять, что за мордашка скрывается под слоем сажи, но видел только высокие скулы, аккуратный прямой нос и чуть выступающий вперед подбородок. Однажды аквилонцу показалось, что ему знакомы эти черты... однако он поспешил одернуть себя: этот неразвитый туповатый грязнуля с приподнятыми

плечами и привычкой склонять голову набок наподобие взъерошенной птицы, с резким хрипловатым ломающимся голосом не мог иметь ничего общего с девушкой, возбуждавшей в нем некогда безумную, всепоглощающую страсть! Он тряхнул головой, желая избавиться от наваждения.

Соня мертва! Не в этом ли убеждал его наемный убийца Гиллеро, которого Сулар послал в дом Келемета?! «Все погибли... Мы убили их всех, а дом подожгли...» Однако относительно Эйдана тот же Гиллеро солгал, и это было доподлинно известно Сулару. Получив причитающиеся деньги, мерзавец сбежал, а вот один из его дружков, обиженный на то, что так и не получил своей доли, выдал его с головой. «Птичка упорхнула, хозяин,— заявил он,— этот, как его... Эйдан... Его не было среди убитых! Хочешь, я отыщу его — за дополнительную плату, конечно?» Сулар знал, что должен сказать ему. Что обязан приказать искать — и найти Эйдана любой ценой. Вместо этого он спросил: «Там была еще девочка. Рыжая девочка, его сестра. Она... жива?» Негодяй прищурился, припоминая, и полез в карман за нюхательной травой; и из кармана его выпал золотой медальон в форме сердечка. Ручной работы... который Сулар не спутал бы ни с каким иным. «Так насчет девчонки, хозяин...» — начал было наемник. «Убирайся,— сказал Сулар, сдерживаясь из последних сил.— Вон отсюда!»

Он убедил себя, что Сони больше нет. Он привык так считать. Но в его жизни с тех пор не

было ни единого дня, когда он не вспоминал бы о ней, об этой бессмысленной, несправедливой смерти. Он пытался представить себе, какой стала бы Соня теперь, спустя эти три бесконечных года,— и не мог. Для него она навсегда осталась той, пятнадцатилетней... Он спасался тем, что снова, и снова, и снова вызывал перед собой ее образ, ставший необходимым ему, как воздух.

Жестокая ирония судьбы заключалась в том, что это невозможно без помощи Каэллы, но Каэлле было наплевать на него. Настолько наплевать, что она готова была прельститься даже этим поганым маленьким грязнулей, который... так похож на Соню! Замкнутый круг. Безумие замкнутого круга.

...Верно говорят — легче сто блох выпустить на стол и уследить за всеми, нежели за одной женщиной. Стоило Сулару отлучиться из дома — правда, всего лишь на пару дней,— и Каэлла возобновила свою атаку на «Бакира», очевидно решившись во что бы то ни стало добиться своего. Она приказала Соне явиться к ней, когда стемнеет.

«А, будь что будет,— отчаянно подумала девушка.— В конце концов, от этой крысы я отобьюсь, да и она сама, если узнает, что имеет дело вовсе не с парнем, оставит меня в покое».

Однако, ступив в спальню Каэллы, Соня преисполнилась недоумения. Та вовсе не спешила наброситься на нее, а, накормив и предложив отличного вина, вдруг сказала:

— Теперь, милый мальчик, посмотри мне в глаза.

Всего-то навсего? Соня так и сделала. Крысычи глазки Каэлла встретились с ее взглядом; и внезапно та дико, визгливо захохотала.

— Ты... да ты...— сквозь приступы смеха еле выдавила она,— о боги, такого я не ожидала! Сулар!.. Ха-ха-ха!.. Нет, это невозможно... Вон отсюда, маленький уродец, пока я не захлебнулась от смеха! Иди, иди, пошел прочь!..

Что именно повергло ее в подобное состояние, оставалось загадкой. И при чем тут Сулар? Нет, положительно оставалось только увериться в том, что Каэлла совершенно невменяема. Так вести себя может только сумасшедший. Причем после этого случая она больше к Соне и близко не подходила, словно разом утратив к «Бакиру» всякий интерес.

А Соня совсем извелась от необходимости принять наконец какое-то решение... Сулар должен умереть! И неважно, что сама Соня при этом чувствует; смерть ее близких будет отмщена, а потом...

Потом она уйдет на Серые Равнины следом за ним. Вместе с ним.

По очередном возвращении Сулар, убедившись, что его благоверная почему-то начисто утратила интерес к мальчишке-конюху, тоже лишил Соню своего внимания. Девушка выжидала удобный момент, чтобы покончить с ним, и следила за каждым шагом своего врага... и возлюбленного. В первую же ночь она проникла в

его спальню через раскрытое окно и спряталась за портьерой. Но Сулар явился не один, как чаще всего бывало, а вместе с Каэллой.

— Я прошу тебя,— лихорадочно говорил он, обращаясь к жене,— сделай это, не отвергай меня, я не могу так больше!..

Женщина усмехнулась.

— Неужели? А ты обещаешь мне привезти из Шема то ожерелье? Или снова скажешь, что оно слишком дорого?

— Ожерелье... все что угодно... Только дай мне *это*!

«Что? — подумала Соня.— Чего он так домогается? Неужели любви этой уродины?! С ума сойти. Да ему же стоит только пальцами щелкнуть, и любая женщина будет у его ног! Какую ни пожелает!»

— Ты слишком стар для меня и противен,— издевалась между тем Каэлла,— ты мне еще двадцать зим назад надоел, я хочу совсем другого. Юного, с нежной кожей... Даже не знаю!..

— Каэлла...— Сулар встал перед ней на колени, а она толкнула его ногой в грудь.

— Ну ладно, ладно,— смиловилась женщина.— Получишь ты свое, муж все-таки...

Соня подумала, что если ей придется увидеть это создание самой преисподней обнаженным, ее стошнит прямо на пол. И когда Каэлла принялась раздеваться, девушка невольно прикрыла глаза. Но тут Сулар издал такой возглас восторга и счастья, что было просто невозможно не открыть их снова. Она взглянула на

Каэлла — и едва сдержала крик ужаса. То, что предстало ее взору, было... было... ни много ни мало, ею самой! Вот именно, ею, Соней, но не нынешней, а той, пятнадцатилетней девушкой с едва начавшей оформляться стройной фигуркой, тонкими руками и каскадом золотых волос.

Сулар, так и не поднявшись с колен, припал к ее ногам; он неистово обнимал и ласкал ее всю, и по его щекам струились слезы, а Сонин двойник отвечал на ласки своими — причем по-детски неумелыми, робкими, словно это в самом деле была девушка, впервые оказавшаяся с мужчиной. Он подхватил ее на руки и понес на огромную постель.

— Соня,— говорил он,— любовь моя, огненная моя звезда, если бы ты знала...

Остальное тонуло в слезах и поцелуях. Руки «Сони» беспрестанно гладили Сулара, губы не отрывались от его рта. Она раскрывалась перед ним, точно цветок. А он... Он был так нежен и осторожен с нею, изо всех сил сдерживая свою бешеную страсть. Он умолял простить его, и движения девушки отвечали ему вернее всяких слов. Наконец, золотые от пота, тела влюбленных слились в единое целое, и их блаженство сделалось совершенным...

А Соня, реальная, настоящая, живая Соня, присутствующая при этом, едва не лишилась чувств. Во всяком случае, как ни пыталась она позже вспомнить о том, каким образом ей удалось покинуть спальню Сулара и во что превра-

тился ее двойник, когда все закончилось,— ей это так и не удалось.

Вернувшись к реальности, она обнаружила себя лежащей на голой земле в поле и догадалась, что увела лошадь из хозяйской конюшни и гнала ее, неоседланную, без узды и поводьев, держась только за гриву, до тех пор, пока обе совершенно не выдохлись. Но теперь к девушке возвращалась способность мыслить ясно...

Значит, вот оно что! Каэлла способна принимать любой облик, этим она его и держит. Сулару незачем изменять своей уродливой жене, ибо с нею он имеет все, чего пожелает. Мечту...

И его мечта, его страсть — до сих пор — нескладная рыжая девочка из Хаурана. Такая, какой она была во время их встречи три зимы назад. Значит, он любит ее... любит, и он вовсе не лгал, когда...

Не лгал?! Но это не помешало ему послать в ее дом убийц! Не остановило...

У Сони просто голова пошла кругом.

Что ж, он отлично устроился.

Невелика беда, что он разбил ей сердце и жизнь, коль скоро может всегда иметь ее при себе. Удобно и просто. Да как он смеет пользоваться ее образом и подобием, удовлетворяя свою грязную похоть?!

Все стало на свои места, и Соня даже обрадовалась вновь обретенному чувству ненависти. Естественному, нормальному, здоровому чувству.

Позволив лошади отдышаться — по счастью, девушка не насмерть загнала ни в чем не повинное животное, — она возвратилась в дом Сулара.

Там она обнаружила нового молодого парня, только что нанятого Каэллой — очевидно, взамен «Бакира», который оказался неподходящим для ее целей, ибо старая крыса, заглянув в душу Сони, увидела там образ *мужчины*, своего мужа, а поклонники немедийской любви ее не интересовали.

Сулар же не придумал ничего лучшего, как за ненадобностью избавиться от «Бакира», и, протягивая Соне честно заработанные деньги, сказал:

— Извини, Бакир, за то, что госпожа... в общем, покушалась на твою честь. Она немного не в себе, вот и...

Если не считать лошадей, они были совсем одни.

Сейчас или никогда.

— Вы стоите друг друга, — тихо сказала Соня. — Одна любит мальчиков. Другой, естественно, девочек.

— Что?!

Она стянула с головы скрывающую волосы шапочку, и рыжая грива рассыпалась по ее плечам.

— Узнаешь?..

— Соня, — выдохнул он... и вдруг с ним случилось нечто такое, чего она никак не ожидала.

Ибо этот сорокатрехлетний красавец, богатый господин, закрыл лицо руками и разрыдался.

Ничего проще, чем убить его сейчас, и измыслить было невозможно. Но Соня не могла этого сделать!..

— Соня, Соня, — шептал он, — да ведь все эти годы я ни на единый миг не забывал о тебе...

— Я тоже, — сказала она. — Еще бы. После того, как те, кого ты послал, вырезали мою семью. Как только земля до сих пор не разверзлась под твоими ногами, проклятая гадина!

Но, как с самого начала, так и теперь, слез у нее не было.

— Ты пришла, чтобы убить меня, я знаю, — проговорил Сулар, справившись с собой. — И клянусь, ты имеешь на это полное право. Но ради всего святого, выслушай меня. Я не мог поступить иначе. Твой брат — Предсказанный — оказался именно тем человеком, которого я выслеживал долгие годы. Угрозой Аквилонии и всей Хайбории, гирканским чудовищем, способным погубить сотни тысяч людей...

— Он был маленьким мальчиком, Сулар.

— Но я не мог позволить ему вырасти и пройти Посвящение Рыси! Я дал клятву спасти Аквилонию!

— Мне ты тоже давал клятвы. И лгал. Все время только лгал.

— Нет. Я любил тебя.

— Нет?! А, ты прельстился сопливой дурочкой и в самом деле собирался жениться на мне?!

О, боги! Сулар, лучше замолчи, ты просто отвратителен.

— Я прельстился не дурочкой. Меня никто никогда не любил так нежно, преданно и горячо, как ты. Когда мы встретились, я же не знал об Эйдане... Я ничего не знал!

От невыразимой муки его голос опять сорвался.

— Ты была мне очень нужна... поверь. Я был готов своими руками разорвать всякого, кто посмел бы обидеть тебя. Но у меня был долг. И я обязан был его исполнить. Я не знал, что после этого моя жизнь потеряет всякий смысл, потому что я потерял тебя навсегда. И все эти годы я прожил точно в преисподней.

— Я тоже.

«Вернее, это именно я прожила их точно в преисподней, а ты имел мой образ, подделку-двойника, имел ее, когда и как хотел, и сейчас мне, а вовсе не тебе есть над чем плакать», — подумала девушка. Но промолчала. Будь оно все проклято! Ее бедное глупое сердце даже в этот момент продолжало любить его. Но ладонь, сжимавшая рукоять ножа, оставалась сухой, как и глаза. Сулар протянул к Соне руки, и девушка обняла его.

— Я люблю тебя, — шепнули ее губы. — Это ужасно, неправильно... но я по-прежнему тебя люблю.

— Прости меня, Соня...

— Да, Сулар.

«Ты, как мог, исполнил свой долг. А я исполняю свой».

Нож вошел точно в его сердце. Потому что любящий наверняка знает, где бьется сердце любимого.

Но Сулар умер не сразу. Он успел еще сказать прежде, чем она выдернула лезвие:

— Эйдан остался жив. Его не нашли...

Если бы не эти слова, второй удар ножа, вполне возможно, убил бы ее самое.

Наблюдатель впервые посмотрел на Соню иначе, чем обычно. С уважением. Как на *равную*.

— Мать Рысь, — сказала девушка, — не оставляй меня.

Ибо теперь ей открылось *имя*.

* * *

...Гинмар не размыкал рук до тех пор, пока она не перестала вздрагивать и не затихла.

— Это действительно все. Ну, потом я еще пыталась разыскать Эйдана... но у меня ничего не получилось. Отпусти. Мне уже лучше.

— Эйдан... и Кейнкорт — это один и тот же человек?

— Не знаю, но думаю, что так.

— Значит, ты нашла его. Через столько лет.

— Я могу ошибаться.

— Не можешь. Разве сердце когда-нибудь обманывало тебя? Вероятно, он будет счастлив встрече с тобой.

— Вот этого я действительно не знаю. Ну что, Гинмар из Ианты, пойдем дальше.

Видно было, что ковент глубоко потрясен Сониным рассказом. Он был слишком впечатли-

тельным человеком, чтобы спокойно воспринимать подобные откровения. Но ему и в голову не пришло осуждать Соню. Если даже она и допустила когда-то страшную, роковую ошибку, то вообразить себе более жестокую кару, нежели та, что она назначила себе сама, было невозможно. И такую месть — тоже.

— Ты сожалеешь, что убила Сулара? — спросил он.

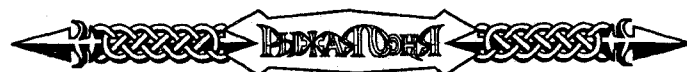
— Нет. Иначе души моих родителей никогда бы не обрели покоя. Я не могла поступить по-другому. Но теперь ты понимаешь... понимаешь, почему мое сердце навсегда закрыто для любви?

Гинмар не ответил. Он ни в коем случае не мог согласиться с Соней. Эта удивительная женщина не заслуживает столь страшной участи — до конца своих дней прожить с пустым сердцем, запретив себе даже надежду встретить кого-то, способного согреть ее душу. Такую попытку нарочно не измыслишь. Но говорить с нею об этом сейчас было бесполезно. Соня просто не была готова к тому, чтобы услышать его.

И потому приняла его молчание за согласие.

* * *

Уже несколько дней и ночей странное предчувствие терзало душу Кейнкорта. Он давно знал, что такое неуверенность и сомнения. Сдвинуть с места и вести за собою огромную массу вооруженных людей, каковой была выкованная им в битвах Орда, можно толь-

ко твердой рукой, будучи совершенно уверенным в себе самом, иначе ты обречен на поражение. Сердце Вождя должно быть из циркона, камня убийц, дабы исполнить предначертанное.

Но теперь его охватило странное ощущение, которое Кейнкорт сперва принял за усталость, и это ему не понравилось. У Вождя нет права уставать или сомневаться. Рано или поздно это заметят другие, что может привести к смуте в Орде. Он слишком хорошо это знал. Он был душою своих войск. Его мысль была их мыслью; его чувства — их чувствами; его воля — законом для всех. А как же иначе?

Тогда что же теперь случилось с ним? Что за сны посещают его, стоит только смежить веки? Это не его, Кейнкорта, — это чужие и чуждые сны. Но он был не властен над ними — вот в чем дело. Сны жили по своим законам...

Запах перезревших абрикосов в залитом солнцем далеком саду, в благословенной земле детства, где жили люди, которые любили его, отец и мать... Но у Кейнкорта не было таких отца и матери! У него были Гиркания и храм Рыси, Верховный Жрец и сама Великая Мать... А мертвый мальчик Эйдан не имел никакого права вмешиваться в жизнь Вождя!

Но мертвый мальчик Эйдан про это знать не хотел. Он бунтовал и сопротивлялся. Он и при жизни был не менее упрямым, чем сам Кейнкорт.

Просто он был моложе.

* * *

Говорят, на пороге смерти перед взором человека стремительно проносятся самые важные события его земного пути. Оглядывая прожитую жизнь, Кейнкорт думал о том, что в ней был один день, который действительно в последний миг будет стоять у него в сознании так отчетливо, словно прошел только вчера.

День, в который разом рухнуло все, чем он дышал и жил с самого рождения, и самый смысл его бытия рассыпался в прах. Это не было крушением надежд или поражением. Подобные слова оказались бы слишком слабыми для того, чтобы описать происшедшее.

Когда Верховный Жрец храма Матери Рыси, Йонджун, в присутствии множества замерших в благоговейном ожидании людей возложил руки на его склоненную голову и произнес краткую молитву, призывая Великую Мать, что должна была явить свою волю и дать знак, свидетельствующий о его предназначении (и более всех ждал этого знака он сам, убежденный в том, что сейчас свершится великое чудо), его сердце стучало так сильно, что казалось, ребра хрустят, не выдерживая подобного натиска... и вся жизнь влилась в единый миг неизбежного торжества...

Но мгновения неслись, ожидание делалось невыносимым, а ничего не происходило.

Великая Мать не спешила признать своего сына и возвестить об этом. Люди тревожно и

разочарованно загудели, переглядываясь и не понимая, что происходит.

И тогда Она ответила. Но то был совсем не тот ответ, которого он ожидал.

Даже для Верховного Жреца Йонджуна это явилось ударом.

А потом Кейнкорт обнаружил себя — увидел как бы со стороны — распростертым на каменных плитах храма Рыси, бьющимся на них, точно выброшенная на берег рыба, со сбитыми в кровь, судорожно стиснутыми кулаками и выкрикивающим:

— Нет, нет, не-ет!..

Потому что только он один действительно понял, в чем дело.

Йонджун подошел к молодому человеку.

— Встань, мой мальчик.

— Нет,— сказал он,— отец мой, убей меня. Все кончено.

— Неправда. Это лишь начало. Не помышляй о смерти; тебе предстоит научиться жить заново, Кейнкорт.

— Как ты назвал меня?!

— Иная жизнь — иное имя, мальчик. Ибо ты — прежний — умер в день сей; и отныне новая жизнь зовет тебя.

Но он не хотел этой новой жизни, однако и впрямь чувствовал себя теперь беспомощнее младенца, едва появившегося на свет.

Но едва ли младенец способен явиться в мир с таким зарядом ненависти и обиды, что рвали на части его душу. Черной ненависти и горькой

обиды, выросших на месте вырванной с корнем любви.

Время лечит, и никакая боль не бывает вечной; поначалу острая, точно лезвие клинка, перехватывающая дыхание, подобно порыву ледяного ветра, ударившего в лицо, она постепенно притупляется и делается привычной. Такою, с которой все-таки можно сделать еще один шаг. Потом еще...

Так говорил Йонджун, Верховный Жрец храма Рыси, во второй раз заменивший Кейнкорта отца. В первый раз — тогда, когда подобрал его, бездыханного, на мокрых камнях восточного побережья Вилайета и принес в храм, а после выходил и поставил на ноги; и теперь — когда Кейнкорт сделался человеком без кожи, когда у него болит каждый нерв и разум отказывается вместить всю степень отчаяния.

Да, так говорил Верховный Жрец, но Кейнкорт ему не верил.

— Труднее всего пережить со своей бедой первую ночь. Но я тебя не оставляю. Во вторую ночь станет легче.

Да, Кейнкорт не верил названному отцу и думал о том, что, сколько бы ни минуло ночей, ему легче стать не может.

Но он был юным, здоровым, слава богам, и сильным настолько, чтобы все-таки пережить смерть Эйдана, сына Келемета и Сизри, — как прежде пережил их собственную, как пережил множество тех, кто был ему дорог; он никогда не ведал слез, которые, не проливаясь, жгли

его сердце, точно расплавленный свинец; но теперь и те немногие капли прохладной влаги любви тоже испарились в пламени вечной ненависти, и Кейнкорт, заново рожденный, сделался тем, кем стал — непримиримым и нестигаемым, словно высеченным из гранитной скалы; и даже Йонджун отводил теперь взгляд, встречаясь с пылающим взором этого человека, чьи глаза были как два разящих беспощадных клинка.

* * *

...Но ведь он научился не думать о том дне!.. Кейнкорт попытался взять себя в руки, однако тщетно: воспоминания уже целиком захлестнули его, увлекая за собою все дальше, еще на годы и годы назад, туда, где его жизнь сделала свой первый крутой поворот.

* * *

Они ворвались в дом на рассвете и застали семью Келемета врасплох. Уже понимая, что это конец, Келемет заставил жену разжать руки, судорожно обнимающие младшего сына.

— Отпусти его, Сизри! Беги, Эйдан, беги прочь из Салафры, быстрее! Мы сумеем их задержать!

— Отец, я не могу, я буду защищать наш дом вместе с тобой, — закричал Эйдан, — я тоже воин!

— Да... ты воин, это правда. — Келемет сжал его плечи руками и посмотрел в глаза. — Но иногда сила бойца в том, чтобы суметь сохранить свою жизнь. Ты нужен Гиркании... Ты доберешься

ся туда любой ценой... Разыщи Верховного Жреца храма Матери Рыси — запомни, его имя Йонджун... он знает о тебе и ждет. Повинуйся ему, как мне, теперь он — твой отец... Иди же, мой мальчик, торопись, спасайся! Вниз, через подземный ход — он узкий, но ты сумеешь выбраться...

Келемет обнажил меч, дабы принять этот последний в своей жизни бой, и верная Сиэри, его зеленоглазая супруга-ванирка, встала с ним рядом, плечом к плечу, и встал рядом старший сын, двадцатилетний Хункар, готовый разделить их участь.

Они дорого продали свои жизни. Им необходимо было выстоять до тех пор, пока Эйдан не уйдет достаточно далеко. И пятнадцать вражеских трупов легли возле ног этих троих людей, мужчины, женщины и юноши, прежде, чем упал, обливаясь кровью, Келемет, еще успев увидеть, как за мгновение до этого вражеский меч вонзился в тело Сиэри и острое пронзило ее насквозь... Он еще хотел что-то крикнуть, но были ли то слова проклятия аквилонцам, или последнее благословение Эйдану, или прощание с женой, не узнал никто, потому что вместо слов поток крови хлынул из его горла... И иссиня-черные глаза Келемета навсегда утратили способность видеть солнечный свет...

* * *

...И иссиня-черные глаза его сына Эйдана в этот же миг заново увидели свет мерцающей на ночном небосводе россыпи звезд. Мальчик,

вздрагивая от напряжения и страха, подтянулся на руках и выбрался из подземного хода, по которому ему пришлось ползти, чтобы добраться до пещер. Ему хотелось только одного — лечь и вытянуться, с шумом выталкивая воздух из горящих легких, но он знал, что этого делать нельзя. Еще до рассвета он должен уйти как можно дальше, он должен, потому что так сказал Келемет, а воля отца всегда была для него законом. Тем более последняя воля — в глубине души Эйдан это знал, хотя и не мог, пока еще не мог, принять эту невыносимую мысль.

— Соня, — жалобно всхлипнул он, когда, пошатываясь, встал на ноги, — сестренка, где ты?!

Когда-то они играли в этих пещерах, среди холмов, окружавших Салафру; вдвоем забирались сюда и пугали друг друга, выдумывая всякие жуткие истории о подземных чудовищах, будто бы обитающих где-то совсем рядом и вот-вот готовых напасть на них, и хохотали, стараясь смехом побороть охватывающую обоих сладкую жуть.

— Эй, — кричала Соня, и гулкое эхо вторило ей, — где вы, чудища?! А ну, вылезайте и сразитесь с нами! Мы быстроотрежем вам хвосты и украсим ими свои одежды!..

Эйдан так отчетливо вспомнил это сейчас, что на миг ему показалось, будто Соня снова рядом с ним, и он опять прошептал ее имя. Но нет. Он был один. Совсем один в огромном враждебном мире.

Потом грязного, оборванного мальчишку видели множество людей в самых разных городах Турана.

Взгляд их скользил по нему не задерживаясь, если только мальчик не вскидывал густые длинные ресницы и кто-нибудь не замечал его совсем не детского, твердого и отчаянного взора. Взора человека, каким-то чудом пережившего такое горе, с каким справилось бы далеко не каждое сердце.

Он голодал и замерзал ночами, но нигде не задерживался. Эйдан упрямо шел на восток, туда, где, по словам отца, его давно ждали. Долг и воля гнали его вперед. Он не имел права остаться в Хауране даже для того, чтобы попытаться разыскать Соню и, может быть, взять ее с собой. Ему следовало быть очень осторожным. Если он допустит хоть одну ошибку и позволит убийцам выйти на свой след, смерть отца, матери и брата будет напрасной. Вообще все теряет смысл. Дойти бы только до Вилайета... а там...

Что там — что ждет его впереди, — этого Эйдан не знал. Он был точно птица, которая совершает свой перелет, свой отчаянный подвиг пути, движимая лишь внутренним чутьем, но не доводами рассудка. У него не осталось ничего — ни семьи, ни дома, ни единого близкого человека рядом. Ничего, кроме веры в свое предназначение, избранность, предопределенность, веры в то, что перст судьбы указывает на него, как и прежде. «Ты нужен Гирка-

нии...» Гиркании, которой он даже никогда не видел!

И когда Эйдан все-таки ступил на западный берег бескрайнего моря, он снова замер в нерешительности. Он же не способен преодолеть его впасть! Зрелище множества кораблей поразило его. Зная, что на колебания времени нет, он подошел к одному из спующих по порту людей и спросил, указав на первый попавшийся:

— Этот корабль... куда он плывет?

Мужчина, к которому обратился Эйдан, недовольно уставился на юного оборванца:

— Который? Этот, «Ураган»? Туда. На восток.

— В Гирканию? — уточнил Эйдан. — Мне нужно в Гирканию.

Незнакомец расхохотался, словно услышав что-то невероятно забавное.

— Больше тебе ничего не нужно? Поди прочь и не путайся под ногами, попрошайка.

— Я не попрошайка. Ты ведь с этого корабля? — не отставал Эйдан.

— С него. Но мне как раз только тебя и не хватало.

— Правильно. — Мальчик поднял глаза и в упор посмотрел на него. — Меня на нем действительно не хватает.

Мужчина на миг заколебался. Он, Вайнор, был боцманом на «Урагане» и думал о том, что в результате внезапной вспышки неизвестной болезни команда потеряла восемь опытных, выносливых гребцов, и теперь люди были ему нужны как никогда. Но никак не этот живой

скелет, который и одного раза весла не поднимет, а если даже поднимет, то тут же испустит дух.

Он грубо взял Эйдана за плечо и развернул, намереваясь дать ему пинка, чтобы отбить у назойливого щенка охоту попадаться ему на глаза, но юноша неожиданно ловко освободился от захвата и стоял так, словно его ноги вросли в доски пирса. «Как скала», — подумал Вайнор. Хотя это тощее, почти полупрозрачное создание с обветренным потемневшим лицом меньше всего напоминало скалу. С лицом, на котором жили только сузившиеся горящие, точно угли, глаза. Но таких глаз он никогда прежде не видел.

— Мне нужно в Гирканию, — с нажимом повторил этот странный мальчик. — Верховный Жрец храма Матери Рыси, Йонджун, знает обо мне. Я должен с ним встретиться. Возьми меня на борт «Урагана» — и ты не пожалеешь. Я способен выполнять любую работу.

— Мне, собственно, наплевать, если ты сдохнешь и пойдешь на корм рыбам. Твоя жалкая жизнь не стоит ничего, что бы ты там ни бормотал относительно Верховного Жреца. — Вайнор, как ни странно, чувствовал себя встревоженным, и ему было очень не по себе под этим упрямым, немигающим взглядом. Однако он бы скорее умер, нежели показал, что спасовал перед мальчишкой. — Я возьму тебя на борт, но ты будешь грести день и ночь вместе с рабами и на правах раба.

— Если только на таких условиях я могу попасть на восточное побережье Вилайета, я согласен, — твердо ответил Эйдан.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — в последний раз предупредил Вайнор. — Бьюсь об заклад, ты никогда не сидел на веслах.

— Я знаю, о чем говорю.

Вайнор не стал бы тратить времени на то, чтобы впустую сотрясать воздух, стараясь запугать кого-то. Не такой он был человек. Он предупреждал, а не угрожал, и говорил чистую правду. В этом Эйдан убедился быстро. Но и Вайнор убедился в том, что недооценил его. Было непонятно, откуда в тщедушном теле столько сил и что за нестигаемый гордый дух в нем скрывался, но мальчишка не просто жил — он греб наравне с мужчинами, не сдаваясь и не жалуясь. Эйдан не выпустил весла, даже когда стер ладони до кровавых мозолей, хотя каждое движение требовало от него предельного, за гранью возможного, напряжения сил.

И непримиримый жаркий огонь в его глазах углях не угасал.

Он не считал дней. И испытывал странное мрачное удовлетворение от физических страданий — потому что они заставляли его забыть об иной, душевной боли, в тысячу раз более невыносимой.

Когда «Ураган» уже приближался к восточному берегу и был от него всего лишь в одном дне пути, Вайнор приказал надсмотрщику не спускать с Эйдана глаз.

— Он не должен покинуть борт. Он очень вынослив, мне нужны такие люди. Со временем из него получится неплохой матрос.

По счастью, слух Эйдана уловил его слова. Юноша еще крепче сжал зубы. Никакая сила его здесь не удержит. Напрасно боцман на это надеется.

Он поднял глаза. Знать бы хоть приблизительно, каково расстояние до берега... Но вокруг по-прежнему расстилалась бескрайняя водная гладь.

До сих пор, хотя Вайнор и приравнял его к рабам, юноша пользовался единственной привилегией: на него не надевали металлический ошейник и не приковывали. А зачем? Раз он так стремится в Гирканию, то, очевидно, не покинет борт корабля по собственной воле раньше времени.

Теперь ситуация изменилась. Эйдан это понимал. Излишнее усердие сыграло с ним дурную шутку.

Но когда надсмотрщик, как Эйдан и предполагал, приблизился к нему с ошейником и цепью в руках, юноша бессмысленно взглянул на него мутнеющими глазами, а потом обмяк, выпустил весло и рухнул на пол.

— Готов,— процедил мужчина и грязно выругался.— Сердце лопнуло.

Ну вот, теперь Вайнор придет в ярость... Проклятого щенка угораздило сдохнуть в самый неподходящий момент! Надо бы доложить. А впрочем, что это изменит? До Гиркании рукой

подать, а там можно найти куда более удачную замену. Все равно рабы мрут в море как мухи. Невелика потеря.

— Выбросите его за борт,— махнув рукой, распорядился надсмотрщик, даже не унижившись до того, чтобы наверняка убедиться в смерти Эйдана.

Оказавшись в воде, юноша мгновенно пришел в себя, благодаря богов за то, что его план сработал. Может, это была не самая удачная мысль, но он не успел придумать ничего иного.

Теперь он плыл — с тем же упорством, с каким прежде шел вперед, а потом поднимал и опускал весло. «Я должен быть сильным,— сказал себе Эйдан,— иначе зачем мне вообще *быть?*» Он сделал невозможное, преодолев такое расстояние, которое не покорилося бы обычному человеку. Но Эйдан не был *обычным*. Он вообще был не *человеком* — но стукотом ненависти и воли.

И все же море оказалось сильнее. Несколько раз юноша уходил под воду с головой, перед глазами становилось совершенно темно. Эйдан умирал и знал это.

— Я не сдамся,— хрипел он.— Если это смерть, то я приму ее в бою!..

В следующий раз он очнулся и не сразу понял, что все еще жив. Но у мертвеца не может так болеть все тело. И его не могут сводить судороги... Море выбросило его на берег у самой кромки воды; еще немного, и начавшийся прилив слизнул бы его обратно — на сей раз навсегда. Встать Эйдан не смог, поэтому он просто пополз, хрипя

и отплываваясь, стараясь оказаться как можно дальше от края водной бездны.

И опять его не хватило надолго.

* * *

Верховный Жрец храма Рыси вышел в тот день на этот безлюдный каменистый берег, движимый необъяснимой тревогой и странным предчувствием. Он привык доверять подобным внезапно возникающим ощущениям и не отмахиваться от них, зная, что далеко не всегда знаки богов бывают явными; наоборот, их голоса можно услышать внутри себя только в тишине созерцания — и тогда следует повиноваться им тотчас, не медля, ибо *зов* не повторяется дважды.

Стая чаек кружилась над телом, выброшенным морем на прибрежные камни. Их мерзкие крики заставили Йонджуна поморщиться: что, счастливы оттого, что нашли очередной кусок тухлой падали? Йонджун подошел ближе. Человек, в этом нет сомнения. Жертва кораблекрушения. Но откуда, если в последние дни на море полный штиль? К тому же ни об одном разбитом о скалы корабле он не слышал. Да и далековато он от воды... Скорее всего, голодный бродяга, явившийся сюда умирать.

Человек казался мертвым, но чайки в это не поверили, и жрец тоже. Перевернув легкое, неподвижное тело вверх лицом, Йонджун наклонился к его бледным до синевы губам. Дышит. О Великая Мать... Этого не может быть, судя по

крайнему истощению несчастного и его облику. Да ведь он совсем мальчик. Откуда, почему он здесь оказался?

И тут Эйдан открыл глаза. И посмотрел на Жреца вполне осмысленно, словно сразу поняв, кто перед ним, причем вовсе не по одеянию, ибо видел только лицо Йонджуна.

— Отец, — сказал он, — я пришел.

Подняв руку — боги одни ведают, каких усилий ему это стоило! — Эйдан вытянул из-за разорванного ворота висящий на шее амулет — золотую пластину с выгравированной на ней головой Рыси с оскаленной пастью и прижатыми ушами. Этот амулет мог принадлежать только одному человеку и был надет на него при рождении.

— Эйдан, — выдохнул Йонджун. — *Предсказанный*.

...Пятнадцать зим минуло с тех пор, как гирканские мудрецы, ведающие тайны движения звезд, вычислили по ним, что в некую зимнюю ночь по другую сторону Вилайета зачат ребенок, коему надлежит преумножить славу их рода и поднять Гирканию до немыслимых вершин власти над тремястами тридцатью тремя племенами и землями Хайбории. А девятью лунами позже небеса подтвердили: это свершилось, и дитя явилось в мир. Дитя смертных людей, в теле которого — дух бессмертной Рыси. Слепой оракул Джегаддан, коего вели одни только боги, разыскал его земную мать и присутствовал при чудесном разрешении ее от бремени, после че-

го вручил ей золотой амулет, чтобы женщина сама могла надеть его на шею своему великому сыну.

Правда, возвратившись в храм, Джегаддан сообщил, что та женщина родила не одного, а сразу двоих детей, но одним из них была девочка, и это не имело никакого значения. А может быть, и имело. Но Джегаддан был очень стар; долгий тяжелый путь оказался слишком большим испытанием для его дряхлого тела, и слепой оракул скончался на следующий день по возвращении. Перед смертью он призвал к себе Йонджуну и сказал ему, торопясь, ибо знал, что может не успеть:

— Не допусти... ошибки.

А больше ничего он произнести уже не смог. Свет жизни покинул Джегаддана, и он ушел с непередаваемым выражением не *мира*, но растерянности на испещренном глубокими морщинами лице.

Как же могло случиться, что Йонджун позволил себе забыть о последних словах Джегаддана? Ведь долгое время ему не давала покоя даже не суть этих слов, а именно лицо умирающего оракула, отчетливо стоящее перед внутренним взором Жреца. Однако с годами образ сей размылся, утратил четкость. Йонджун жил надеждой на встречу с Предсказанным — и, обретя его, всем сердцем и всею душой полюбил Эйдана; в нем, в нем одном отныне была его жизнь, и ни на единый миг Жрец не усомнился в истинности пророчества о его названном сыне.

Да и могло ли быть иначе? Возможно ли, мыслимо ли, чтобы этот воин с чеканными чертами, такой сильный и мужественный, на коего, должно быть, сами боги взирали с улыбкой восхищения, оказался кем-то иным?

Йонджун растил и воспитывал его, бережно восприняв дар Келемета, обучал всем премудростям, ведомым ему самому, и посвящал во все таинства. Днем и ночью он был рядом с Эйданом, вплоть до того рокового дня, когда в одночасье рухнули надежды обоих.

Вина за трагедию Эйдана целиком лежала на его, Йонджуна, совести: в этом Жрец был убежден. Он забыл слова Джегаддана и позволил себе ошибиться, прельщенный знаменами и ослепленный безумной гордыней оттого, что полагал себя наставником Предсказанного.

Любовь его к юноше не стала меньше. Предсказанный или нет, Эйдан оставался для него сыном. Он дал ему новое имя и обязан был дать новую жизнь, чтобы хоть частично искупить свой грех перед ним.

И перед всей Гирканией, которой дал тщетную надежду.

* * *

Дождавшись, пока Кейнкорт успокоится настолько, чтобы вновь слышать его и воспринимать разумные речи, Йонджун, сделавшийся совершенно седым за эти дни отчаяния и боли, одинаково тяжелые для них обоих, сказал:

— Ты должен продолжить служение. Мать Рысь не признала тебя, но и не отвергла. Ты не совершил ничего позорного или недостойного. Есть избранность по праву рождения, и счастье тем немногим, кто удостоился ее по воле богов; но есть иная избранность, едва ли не превыше той первой — та, что заслужена кровью и добыта в бою. Не сомневайся и забудь всякий страх; ты не ведал его прежде, не узнаешь и теперь. Гиркания восстанет и пойдет за тобой, и сбудется пророчество о Сильном, положившем к ее ногам половину мира. Ибо есть ли равный тебе под солнцем? Есть ли такой, кто более достоин, нежели ты?..

— Моя сестра, — ответил Кейнкорт.

— Забудь о ней. У тебя нет сестры. Она была у Эйдана, — проговорил Жрец.

О, если бы Кейнкорт мог это сделать!.. Если бы в его власти было забыть Соню! Но если рассудок был подвластен ему, то сердце, оскорбленное сердце — нет. Ибо сердце Эйдана продолжало биться в груди Кейнкорта.

— Я поставлю Запад на колени перед Гирканией, отец.

Он дал эту клятву, заключив с богами собственный договор. Мать Рысь все равно его не отвергнет.

Она просто не сможет.

Он вырвет ее признание вопреки судьбе.

* * *

Кейнкорт судорожно вздохнул. Так нельзя. Понятно, отчего вдруг его начали посещать эти не-

выносимые воспоминания. От бездействия, слишком затянувшегося. Давно уже пора войти в Офир, эту жемчужину срединных земель Хайбории, заставить кровь в азарте битвы быстрее бежать по жилам. Довольно стоять на месте и ждать неизвестно чего.

Его соглядатаи, возвратившиеся из Ианты, в один голос докладывали, что никакого серьезного отпора не будет. Король Монторн недалек умом и слаб духом; в своей глупости он дошел до того, чтобы назначать военачальников из числа тех, кто победил в кулачном бою на турнире; жители Ианты беспечны, а войска ленивы и плохо организованы. Правда, стены города кажутся неприступными. Но где это видано, чтобы стены сами себя защищали?

И все же оракулы утверждают, что звезды не благоприятствуют началу наступления. И люди им верят. Не все, но многие, испокон веков привыкшие доверять пророчествам и приметам, с молоком матери всосавшие благоговение перед недоступным Знанием.

Заткнуть оракулам глотки и сделать по-своему, конечно, можно, и, будь он действительно Предсказанным, Кейнкорт так бы и поступил, ибо Предсказанный выше любого оракула, он сам — Знание и исполняет волю самой Великой Матери. Тогда он мог бы вообще не таскать за собой эту стаю вечно каркающих воронов, сдерживающих победное шествие Орды. Но пока он вынужден быть осмотрительным, дабы не привести войска к смуте и недовольству. Прихо-

дится терпеть, стиснув зубы. Ну ничего, теперь уже скоро. Скоро Великая Мать укажет на него. Он был ей верен. Он проявил себя ее достойным Сыном, истинным, а не названным... И все же пока он, Вождь,— лишь душа Орды, но разум ее — все-таки они. Оракулы.

Впрочем, Кейнкорт умел ждать. Он обладал неиссякаемым запасом терпения, и потому Орда в равной степени хорошо владела и искусством сражаться, и методами долговременной осады, и тактикой временного отступления, если это требовалось. Отступления, но никогда — панического бегства. Он умел принимать наиболее точные решения в любой ситуации.

Сейчас его беспокоило не сражение за Офир. Орда рано или поздно войдет туда, как нож в масло, выжмет его народ, точно губку, и десятки новых, тяжело груженных кораблей отправятся в Гирканию, как это обычно и происходит. Кейнкорт никогда не таскал за собой добычи с добычей. Все, что удавалось захватить, он отсылал в портовые города на западное побережье Турана, а оттуда в Гирканию. Золото, камни, женщин, вино и скот. Каждый воин имел право оставлять для себя и Орды только лошадей и оружие. Остальное в дальнейшем военном походе не нужно.

Этому же принципу следовал и сам Вождь. Его невозможно было представить себе украшающим свои пальцы массивными перстнями, или разряженным в дорогие одежды, или капризно выбирающим для себя очередную наложницу. Его

устраивала любая еда, если он был голоден, и любая женщина, если ему требовалось с кем-то провести ночь. Кейнкорт был нормальным здоровым молодым мужчиной со всеми естественными потребностями, которые он при возможности — и желания — удовлетворял, но не более того, равно чуждый как излишествам, так и полному воздержанию.

Он сам вершил суд над своими людьми, разрешая их споры, и сам же карал виновных. Смертью — за неподчинение приказу, измену и трусость. Лишением всех прав на добычу — за алчность. Самым же позорным считалось быть выброшенным из Орды и возвращенным назад в Гирканию, вместе с «золотым мусором» и рабами, за ненадобностью. Потому что служить Кейнкорту было делом чести и желанием сердца каждого из его людей.

Он знал, что предстоящее сражение за Офир закончится очередной победой Орды. Но Кейнкорту было очевидно и другое. После этого он окажется лицом к лицу с куда более опасным, серьезным и сильным противником, каковым были пикты. Они действовали так же решительно, как и он сам, и двигались столь же быстро, поставив на дыбы половину западных земель, сметая границы протекторатов с устрашающей легкостью, презрев всяческие кодексы чести, созданные веками цивилизации. И было ясно, что этот свирепый натиск не остановит никто. До тех пор, пока два исполина не сойдутся в смертельной схватке.

И час этой схватки был близок.

Тогда понадобятся *все* силы, *вся* мощь огромной армии; и на счету будет каждый человек, каждый конь, меч и лук, а все предыдущие битвы покажутся просто легкой разминкой перед столь решающим сражением. Кейнкорт был достаточно умен, чтобы верно оценивать врага. Он никогда не позволял славе вскружить себе голову настолько, чтобы впасть в спесивую беспечность и раньше времени почувствовать себя властелином мира, очень хорошо зная разницу между гордостью и спесью, истинным мужеством и бахвальством, любованием собой.

Не это ли было причиной его смутной тревоги? Непредсказуемость исхода битвы с пиктами? В глубине души Кейнкорт знал, что нет. Такой лежащий на поверхности ответ был бы слишком простым.

Возможно, будь с ним рядом Йонджун, ему было бы проще. Жрец понимал Кейнкорта иногда лучше, чем он сам. Но старик остался в храме. Слишком далеко, чтобы к нему можно было обратиться за советом и помощью, в которой Вождь сейчас так нуждался.

Чтобы отогнать тревогу, Кейнкорт решил сам пройтись по лагерю, проверить внутренние и внешние дозоры.

Все было тихо. Кейнкорт перекинулся несколькими словами с молодым воином, недавно прибывшим из Гиркании и еще не принимавшим участия ни в одном сражении, а потому горевшим желанием испытать себя в на-

стоящем деле. Юнец смотрел на Вождя как на бога.

— Ты не боишься темноты? — спросил Кейнкорт, опускаясь на корточки возле костра и с наслаждением поднося руки к огню — ночь была достаточно холодной.

— Я ничего не боюсь, о великий!

О, эта самоуверенность юности. Ничего не бояться может только тот, кто ни разу не смотрел в лицо смерти.

— Это хорошо. Подозрительного ничего не заметил? — Кейнкорт поднял голову.

— Нет. Все спокойно.

— Слишком спокойно, да? — Вождь уловил плохо скрытые нотки разочарования в голосе собеседника. — Не спеши. Твой час еще настанет, поверь. Всему свой срок... Как тебя назвал твой отец?

— Ансар, о великий.

Вождь кивнул. Он, раз услышав, запоминал имена большинства своих людей и никогда не задавал подобного вопроса дважды.

— Ансар. «Бегущий Первым». Ко многому обязывает. Ты ведь еще не успел обзавестись женой и родить сына?

— Н-нет.

Вопрос был задан не зря. Кейнкорт требовал, чтобы воинами становились только те, кто уже продолжил свой род. Юноша знал, что нарушил закон, но солгать не осмелился.

— Если ты умрешь, кто останется вместо тебя? — сурово продолжил Вождь. — Кто поднимет

меч, выпавший из твоей руки? На ком успокоится сердце твоей матери, потерявшей сына, чей образ не воплотится в его детях? Ты думал об этом, когда сбежал из дома и переплывал Вилайет в трюме корабля? Ответь мне, Бегущий Первым.

— Не отправляй меня назад,— взмолился Ансар.— Я... не в трюме... Я нанялся матросом на тот корабль... Я только хочу служить Гиркании! Как ты!

— Как я... Ладно. Но если я увижу тебя лезущим под офирские стрелы, берегись. Больше твоей ноги в Орде не будет.

Он подумал о том, что следует еще раз собрать всех сотников и ужесточить наказание за то, что допускают в свои ряды недостаточно хорошо проверенных людей. В случае с Ансаром и проверять-то было нечего — и так видно, что перед тобой дитя, а не воин; и тем не менее он здесь.

— Выберешь себе женщину после боя. И сделаешь ей сына,— произнес Вождь.— Приведешь ко мне спустя две луны. Она отправится назад в Гирканию вместо тебя и будет жить в доме твоих родителей, пока не разрешится от бремени. Ты все понял?

— У меня невеста в...

— Это приказ,— оборвал его Кейнкорт.— Никто — даже я — не может поручиться за то, что ты встретишься со своей невестой.

Он поднялся. Скоро рассвет. Необходимо хоть немного поспать, чтобы вернуть себе бодрость.

— А пока,— добавил Вождь,— ты будешь находиться рядом со мной от рассвета до заката. Постоянно. Будешь служить лично мне. Когда кончится время твоего дозора, явишься к моему шатру.

Глаза Ансара вспыхнули от восторга. Как?! Вождь, сам Вождь приближает его к себе?! Невозможно поверить...

— Напрасно радуешься,— сказал Кейнкорт.— Это будет труднее, чем идти в бой, Бегущий Первым.

...Он вошел в шатер и вытянулся на волчьей шкуре, служившей ему постелью. Подобная простота не смущала Кейнкорта. Здесь лагерь Орды, а не дворец. Иные воины и того не имеют. В каждом шатре по половине десятка. И согревают их не шкуры, а тела и дыхание друг друга. Его же единственная привилегия — возможность уединения. Самая благословенная из привилегий.

Он смежил веки. Но не успел задремать, как возбужденные возгласы снаружи заставили его одним прыжком вскочить на ноги. Кейнкорт собрался тут же покинуть шатер, но давешний мальчишка-дозорный уже стоял перед Вождем, тяжело дыша.

— Там... люди, два человека... Пытались проникнуть в лагерь! Внешний дозор их задержал.

— Допросили? — сдвинул брови Кейнкорт.— Или что, я сам это должен сделать?!

— Они из Ианты. И одна из них — женщина. Она говорит, что хочет видеть тебя.

Женщина из Ианты. Что за нелепость?!

— А второй?

— Второй — мужчина. Ее... оруженосец и телохранитель.

— Знатная, видно, особа пожаловала. Что ей нужно?

— Она сказала, будет говорить только с тобой.

— Приведи. Интересно послушать.

— Обоих?

— Одну, — раздраженно уточнил Кейнкорт.

Идиоты кругом. Допрашивать сразу двоих — что может быть глупее?! Вместе будут врать куда более складно, чем поодиночке. И что еще за оруженосец может быть у женщины?

Она вошла...

И прежде, чем Кейнкорт увидел ее лицо, он уже знал, кто перед ним. А когда она рывком откинула капюшон плаща, мальчик Эйдан — его, Кейнкорта, губами! — выдохнул:

— Соня...

* * *

О боги! Образ, который столько лет жил в ее сердце, был образом тринадцатилетнего мальчика. А сейчас перед нею стоял мужчина, сильный, властный, красивый, выше ее на две головы, с чеканными чертами сурового лица и глубоко посаженными глазами. От того Эйдана, которого она знала, ничего не осталось. Тогда он был так похож на Келемета. Теперь — нет. И если бы не первое слово, произнесенное им, она могла бы усомниться — да тот ли человек перед нею?!

Невозможно, чтобы Эйдан так смотрел на нее. От подобного взора горный водопад мог бы мгновенно обратиться в лед.

— Эйдан, — все-таки сказала Соня, делая шаг к нему, — я пришла.

Его губы искривились в подобии усмешки, а одна бровь слегка приподнялась.

— Зачем? — спросил этот чужак. — И кто такой Эйдан?

Он, однако, жестом показал своим людям, чтобы те удалились и оставили их вдвоем.

Соня не поверила своим ушам. Что он несет?

— Как... — беспомощно начала было она, лихорадочно соображая, в своем ли он уме. Что, если его подвергли какому-то ужасному колдовству, стирающему память, и он действительно... — Что с тобой, брат?.. Что с тобой сделали?!

— Я спрашиваю, кто такой Эйдан, — хрипло повторил он, и более страшного лица Соня не видела за всю свою жизнь. Заклятый враг не мог бы смотреть на нее с таким выражением крайнего презрения и испепеляющей ненависти, с каким смотрел он, родной брат. — Не тот ли мальчишка, которого ты предала на смерть вместе с отцом, матерью и Хункаром? Ну так ты добила своего. Все они мертвы, и у них нет даже могил — их местом погребения стал пылающий дом! И если ты ищешь Эйдана — так отправляйся на Серые Равнины, найдешь наверняка...

Вот этого ей больше всего и хотелось. Умереть.

— Эйдан...

— Забудь это имя! — крикнул Вождь. — Будь ты проклята навеки! Убирайся — куда угодно, хоть в преисподнюю, где тебе самое место... но никогда — слышишь, ты, никогда! — не смей вставать на моем пути...

Соня чувствовала, как его слова хлещут ее, подобно огненному бичу. И возразить было нечего.

Он прав, прав во всем...

— Значит, ты не хочешь видеть меня, — проговорила она в тоске, продолжая смотреть в это страшное — и бесконечно дорогое — лицо. — Тогда что же ты плачешь, Эйдан?..

Полог шатра был отогнут, и сюда, внутрь, залетали частые мелкие капли утреннего дождя, словно само небо оказалось не в силах безразлично взирать на происходящее.

— Это дождь, — сказал Кейнкорт, только сейчас с изумлением заметив, что его лицо в самом деле стало влажным. Но он ведь давно забыл, что такое слезы!

— Неправда, — сказала Соня еле слышно. — Дождь не бывает горьким на вкус.

И, словно в подтверждение своих слов, презрев страх и отчаяние, она коснулась губами его смуглой щеки.

Кейнкорт хотел оттолкнуть ее, может быть даже ударить, вышвырнуть из шатра — и из своей жизни тоже, — чтобы навсегда избавиться от нее... Но мальчик, безутешно плачущий в его сердце, не позволил ему поднять на нее руку.

Запах перезревших абрикосов в залитом солнцем далеком саду в благословенной земле Хаурана... Его сладкий, мучительный сон...

— Здравствуй, Эйдан, — сказала девушка.

Он зарылся лицом в ее рыжие волосы, словно пропитанные тем солнцем, и замер, прикрыв глаза. Все, что хотел и мог сказать Вождь Кейнкорт, разом перестало иметь значение. Из души его поднималось нечто другое... Только им двоим понятный детский язык, на котором они когда-то общались...

Все это длилось совсем недолго. Эйдан и Соня еще пребывали вне времени, вне жестокой реальности мира, когда все тот же Ансар, изумленно уставившись на Вождя, обнимавшего странную рыжую женщину, сообщил:

— О великий! Оракулы желают сообщить тебе нечто важное... Прямо сейчас.

Кейнкорт разжал руки. Оракулы? Да неужели их проклятые звезды наконец-то соблаговолили дать сигнал к началу наступления? Ну слава богам. Впрочем, от них — как от звезд, так и от самих оракулов, — можно чего угодно ожидать.

— Жди здесь, — приказал он Соне, мгновенно превращаясь вновь в того чужака, который встретил ее. Вот только глаза его слегка потеплели. — Ансар! Не спускай с нее глаз.

— А ее спутник?

— Скажи, я приказал надеть на него цепь, но пока не допрашивать. Если не станет оказывать сопротивления, не бить. Надеюсь, у вас хватило ума обыскать его и отобрать оружие?

— Да, великий, и у нее тоже.

«Отобразь»,— про себя усмехнулась Соня. Да ничего подобного. Они с Гинмаром сами отдали дозорным ножи. И распоряжение о цепи ей совсем не понравилось.

— Мы не рабы и не пленники,— гневно сказала она.— Мы пришли открыто и с миром. Ни я, ни мой спутник бежать не собираемся, и мы заслуживаем достойного обращения.

— Помолчи, женщина,— отозвался Кейнкорт.— Будет так, как я сказал.

На том он ее и оставил.

* * *

За годы жизни при храме Великой Матери Рыси Кейнкорт до такой степени привык к ароматам курящихся благовоний, что сам, кажется, пропитался ими насквозь, как и Йонджун. Эти же ароматы наполняли сейчас шатер Ирбиса — самого сильного из Оракулов Орды. Но сегодня что-то было не так. Вождю еще ни разу не доводилось видеть смятения на лице владеющего Знанием, а сейчас Ирбис, сидящий скрестив ноги у огня, отчего-то мелко дрожал, и глаза его закатились, сверкая белками. Но он, по крайней мере, оставался в ясном сознании, чего нельзя было сказать о двух других, лежавших без чувств.

Нельзя сказать, что никогда прежде с Оракулами подобного не случалось. Бывало, чтобы усилить зрение, проникающее в суть вещей, они прибегали к помощи крошечных высушенных

грибов, пронося их прежде через горячий дым от ивовой коры, и потом, завершив изречение пророчества, падали на землю и бились в корчах, пока страшное действие грибов не прекращалось. Однако тут было нечто иное.

— Ты звал меня, Ирбис? — спросил Вождь.— Что случилось? Что здесь происходит?

— Великая Мать,— Оракула трясло все сильнее,— она... она... явила свое лицо... Сегодня ночью она приходила... пришла!

«Сейчас и этот лишится чувств»,— понял Кейнкорт. На Ирбисе просто лица не было. Вождя тоже внезапно охватил высасывающий душу ужас, но он усилием воли справился с собой.

— Великая Мать?! — произнес он.— погоди, старик. Я не понял тебя. Ты видел вещий сон?

Да ведь явление самой Рыси должно было разверзнуть небеса и поколебать землю. А ночь была спокойной, как никогда.

— Какой там еще сон! — завопил Ирбис.— Я лик ее видел в пламени! И они,— он кивнул в сторону двух других,— тоже, чего и не вынесли!..

Кейнкорт с ног до головы покрылся ледяным потом, а волосы у него на голове словно сами собой зашевелились и поднялись дыбом, как шерсть на загривке собаки.

— Страшен, о, как страшен ее сияющий лик!.. — Оракул закачался из стороны в сторону и тонко завыл при одном воспоминании о видении, которое едва не лишило его рассудка.

Кейнкорт, не чуя под собой ног, приподнял его одной рукой за шиворот, а другой наотмашь ударил по щеке, чтобы вывести из истерики.

Это подействовало на Оракула так же, как на всякого нормального человека. Закатившиеся глаза прояснились, и он раскрыл рот, чтобы заговорить...

Но тут ровное пламя костра с ужасающим треском само собою взметнулось вверх... Пространство шатра словно раздвинулось, вершина его едва не достигла небес... Самого себя и Ирбиса Вождь узрел в виде двух крошечных, застывших в страхе фигурок... Он будто глядел на них с высоты орлиного полета... И она... Великая Мать, чей лик заслонил собою небо и землю, явилась во второй раз.

Оракул бросился на колени, с воем закрывая голову руками. Но Кейнкорт не последовал его примеру, хотя ему мучительно хотелось сделать то же самое.

Он стоял на ногах, и неведомо откуда налетевший вихрь трепал его волосы. Он прикрыл рукой глаза, словно смотрел на яркое солнце полудня, которое ослепляло его. Он смотрел — и видел, о чудо, не один, а два лика; они то сливались, то становились ясно различимыми каждый сам по себе: два взгляда, один — беспощадный и грозный, как сама смерть или сама жизнь, что вдруг представились Вождю одним и тем же; другой же — полный любви, хотя и угроза в нем была тоже, но и любовь, и понимание,

и скорбь, ибо этот иной лик был, безусловно, человеческим. Женским.

Мать Рысь и ее дочь, Рожденная в Свете. Одна суть. Одна плоть. Одна душа.

Он уже понял все, но продолжал смотреть, ибо ему чудилось, что Мать хочет показать ему еще что-то.

Но нет. Того, что уже открылось, было довольно.

...Вождь посмотрел на умирающий огонь. Ирбис сидел возле него и читал какую-то непонятную молитву на древнем языке. Оракул выглядел несколько менее безумным, нежели прежде, но измученным настолько, что у него попросту не осталось сил бояться.

Кейнкорт наклонился к нему.

— Никому ни слова о том, что видел, старик.

— А о том, что слышал? — Ирбис прекратил бормотание и поднял голову.

— Что ты слышал?

— Не делай ей никакого зла, Вождь, или накличешь великую беду. И прислушайся к тому, что она скажет.

— Кто?

— Рожденная, ибо она сильнее тебя.

Кейнкорт медленно кивнул. Оракул совершенно прав. Нравится ему это или нет.

Он покинул шатер Ирбиса и немного постоял, только сейчас с удивлением осознав, что день, в начале которого он пришел сюда, уже почти догорел. А ему показалось, что времени прошло совсем немного. Вождь прикоснулся ладонью к

воспаленным глазам. Как же он устал... А впереди еще более суровое испытание.

Вернувшись к себе, он обнаружил Соню мирно спящей на *его* шкуре — в точности как он сам, — не испытывая при этом никаких видимых неудобств. А вот что ему совсем не понравилось, так это присутствие ее телохранителя. Он же распорядился не позволять им общаться! Или не распорядился?..

Ансар вскочил навстречу Вождю и открыл было рот для доклада.

— Не надо, — махнул рукой Кейнкорт, — я все вижу. Оставь нас. И *этого* уведи.

— Я никуда не пойду и не оставляю ее, — твердо заявил Гинмар.

— Да ты хоть понимаешь, где находишься?! — взорвался Кейнкорт. — Раб, мне стоит только приказать, и тебя немедленно убьют!

— Он не раб. — Соня приподнялась и села. — Я тебе уже говорила, мы оба не рабы и не пленные; мы пришли к тебе с миром. Ему приказывать могу только я, но я не приказываю, а прошу... — Она перевела взгляд на своего телохранителя. — Пожалуйста, Гинмар, не волнуйся за меня и позволь мне поговорить с Вождем наедине. Иди. Не тревожься ни о чем. — Она ободряюще улыбнулась ему.

— Итак, — оставшись с нею вдвоем, сказал Кейнкорт, — чего ты хочешь? Предпочтешь, чтобы я сразу собрал всю Орду и передал командование тебе, или сначала ввести тебя в курс всех дел? Ты ведь за этим пришла?

— Знаешь что, — задумчиво проговорила Соня, — одно из двух: то ли ты к вечеру стал еще безумнее, чем был с утра, то ли я не до конца проснулась, а потому совершенно не понимаю, о чем ты говоришь. С какой стати мне пришло бы в голову возглавить Орду? Под моим началом больше трех-четырёх воинов никогда не бывало.

— Но ты Предсказанная. Рожденная в Свете и все такое.

— В чем рожденная? Извини, я что-то не вполне... Но если уж ты такой щедрый — может, лучше предложишь мне поесть?

Кейнкорт решал для себя вопрос: она действительно не понимает или издевается?

— Ты что, смеешься надо мной?!

— Нет, я правда голодна. Это совсем даже не смешно. И мой друг тоже. Кстати, и твой Ансар не отказался бы. Он, бедный, весь день здесь проторчал, охраняя меня по твоему приказу, даже по нужде не отлучался, а все мы, как-никак, живые люди. Это тебя удивляет?

— Но мне было видение...

— А мне не было. Давай все-таки подождем с объяснениями.

Неужели это то же самое лицо, которое он видел в шатре Ирбиса? Сомнений нет. Но то, что она говорит...

— Слезь с моей шкуры, — проворчал он. — Или хотя бы подвинься. Устроилась тоже, как у себя дома...

— Шкура, вообще-то, волчья. Теплая... и запах родной.

— Ты что, среди волков жила?

— По-всякому я жила. Да, и в Стае тоже. Но там хоть кормили,— тактично напомнила она.— Я так скучала по тебе, Эйдан. Дай хотя бы посмотреть на тебя...— Она взяла его руку, повернула ладонью вверх и поцеловала.— Я давно знала, что ты жив. И сама тобой жила. Пусть ты для всего мира — неустрашимый, великий, беспощадный Вождь, а для меня...— Соня вздохнула, не договорив.— Ты устал страдать, я вижу. В мире так много боли, что захлебнуться можно. Давай не будем умножать ее ненавистью друг к другу. Честное слово, нам с тобой делить нечего. Я пропустила через свое сердце столько злобы, что не осталось сил быть жестокой. Да и желания, откровенно говоря, тоже.

Они проговорили до утра нового дня, рассказывая о прожитых в разлуке годах, перебивая один другого, горько смеясь и светло плача, и заснули в объятиях друг друга — Соня прижала голову Эйдана к своей груди, и он, наконец, обрел покой. Пусть недолгий...

Слишком недолгий, потому что Соня еще и близко не подошла к разговору о том, для чего явилась на самом деле.

Обоим требовалась некоторая передышка, и они ее получили, но это ни на йоту не уменьшило реальных проблем.

Если бы не железная дисциплина, благодаря которой каждый приближенный Кейнкорта был

приучен держать рот на замке, в Орде с быстротой молнии распространился бы слух о том, что рыжая женщина из Ианты — ни много ни мало родная сестра Вождя. Но ничего подобного не произошло, и людям оставалось только ломать голову над тем, с чего это он проводит с нею столько времени.

Неужели слышущий совершенно неприступным для женских чар Вождь сдался, пораженный красотой этой офирки? А вдруг она ведьма — в Ианте, говорят, их целые толпы! — и способна ему повредить? Недаром у нее серые глаза, как у всех сильных колдунов. К добру или к худу ее появление в Орде?..

Уже и сотникам с трудом удавалось сдерживать ропот сбитых с толку людей, тщетно ожидающих объяснений... Кейнкорт знал это. Но он медлил. Он был настолько растерян, что впервые в жизни не находил, что сказать Орде.

Оракулы тоже безмолвствовали. Уже к концу второго дня всеобщее напряжение достигло предела. А Вождь все еще не покидал своего шатра. И никого, кроме безумно гордого этим обстоятельством Ансара, к себе не допускал, да и то редко.

— Но если ты Предсказанная, то именно тебе следует вести Орду! Были же великие знамения и пророчества! — почти кричал Кейнкорт.

— Мне не было ни того, ни другого. Да, я прошла Посвящение Рыси. Да, я неплохой воин, хоть и женщина. Но как я могу делать то, чему меня не учили? К чему не лежит сердце?! Нет! Я

не собираюсь ничего завоевывать! Ну зачем мне лично столько чужих земель? Что я с ними буду делать?

— Ты же гирканка. И должна действовать в интересах Гиркании. Ты для этого рождена.

— Тогда почему не в интересах Ванахейма, если моя земная мать — ванирка? Гипербореи, где я прожила столько лет и которая мне тоже стала родной?! Офира, наконец, который я люблю и который вовсе не жажду увидеть сожженным? А главное...

— Главное,— зашипел выведенный из себя Кейнкорт, хватая ее за плечо,— в том, что тебе всегда было наплевать на твой род. Уж я-то знаю.

У Сони перехватило дыхание.

— А что, ты ведь полагала, что мне это никак не может быть известно, верно?! Откуда бы?! Когда мы вошли в Замору, я отыскал тех, кто охотился на меня! Они все рассказали, все — о том, что это ты разболтала тайну Сулару, этому старому лазутчику! Ты...

— Вот, значит, как оно было, Эйдан? Но откуда мне была известна тайна Предсказания? Не припомнишь ли?

— От меня, но я был всего лишь глупым ребенком, и я доверял тебе!

— Но разве я была старше? — Она покачала головой.— Или опытнее? Или умнее? Нет, мой милый... И представь, что я тоже доверяла кому-то больше, чем самой себе. И еще — ты нашел Сулара? Ну скажи мне.

— Нет, он к тому времени был уже мертв.

— Конечно. Потому что этими вот руками я убила его. Задолго до гирканского похода на Запад. Я свершила святую месть. И я перед тобой и родителями — чиста. На моих руках нет крови Келемета, Сизри, Хункара.

— Тогда на чьих же?

— Да когда же ты вырастешь, Эйдан? Вырастешь настолько, чтобы понять: мир не бывает только черно-белым! Лишь Мать Рысь знала, как сохранить тайну Пророчества... *никому* из людей, слишком доверчивых, слишком наивных, не раскрыв ее раньше срока.

— Но Мать Рысь не знала, что ее дочь откажется исполнить это Пророчество.

— Да ни от чего я не отказываюсь. Я не привыкла бегать от судьбы. Но я не поведу Орду громить Офир. И ты тоже.

— Что ты сказала? Я не поведу? — Он неестественно рассмеялся.— Еще как. Во славу гирканских степей я втоптал в пыль уже столько племен... И мир узнал силу гнева Кейнкорта! Соня, я воин. Я родился бойцом и победителем, и меня ничто не сможет остановить, пока весь Запад не ляжет к моим ногам.

— Я тоже воин.— Она сбросила плащ, скрывавший тускло блеснувшие доспехи.— Уже очень давно. Едва ли ты лично убил в битвах больше врагов, чем я, и меньше знал поражений. Мы друг друга стоим.

— Тогда к чему эта нелепая болтовня? Я пришел, чтобы покорить Офир — еще один город и еще один народ на моем пути, — и сделаю это! И

мне плевать, как ты относишься к моему решению!

— Заткнись и не смей говорить так, словно ты — помешавшийся на крови зверь, а не здравомыслящий Вождь! Словно мальчишка и дурак, в своей затянувшейся истерике готовый полмира утопить в крови! Кому ты мстишь за свою боль?! Ты, видевший наши сады в огне!.. Неужели тебе легче оттого, что ты жжешь чужие?..

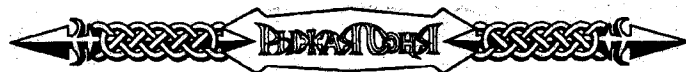
— Не смей орать на меня, женщина!

— *Женщина?! Это что, оскорбление?* А тебе разве не женщина мыла задницу и подтирала сопли когда-то?.. Я буду орать. Я буду, если понадобится, драться с тобой, пока ты не опомнишься и...

— Вот стерва.— Кейнкорт развел руками.

Но ее натиск явно возымел действие. Он тяжело дышал, но никак не мог придумать, что еще ей сказать и как возразить.

И пока ее брат молчал, собираясь с мыслями, Соня успела с благодарностью подумать о Гинмаре. Да, ковента не было сейчас с нею в этом шатре, где она вела жаркий бой, пусть и словесный. И все же он *был* здесь. Если бы не его поддержка по дороге в лагерь Орды, она бы давно сдалась и сломалась под натиском Эйдана. Это Гинмар смог убедить ее в том, что она невиновна, вернул ей веру в свою правоту, потому что у него, в отличие от Кейнкорта, был собственный тяжелый опыт *падения*, и этот человек знал силу *милости* к оступившемуся и сумевшему снова подняться.

— Ианта — достойная жемчужина в короне победителя, Соня.

— Она перестанет быть жемчужиной, превратившись в прах под копытами твоих коней, Эйдан. Ты сметаешь с лица земли все подряд, забыв, что в мире есть красота... и любовь. Обойди Офир стороной, оставь его свободным. Я прошу за него.

— Но я не могу оставить в своем тылу непокоренный народ, способный поднять бунт и в любой момент воткнуть мне нож в спину. Я не принимаю присягу на верность Гиркании ни от кого, кто прежде не был поставлен мной на колени.

— И кто повинуется тебе только из страха? А такое слово, как честь, тебе знакомо? Послушай, Ианта может стать твоим добровольным союзником против пиктов. Если выбирать из двух зол наименьшее, Монторн предпочтет союз с тобой, а Орда сбережет немало сил и людей; это разумно и взаимовыгодно. Ианта сильнее, чем ты думаешь, и способна долго сражаться. Тысячи гирканцев погибли напрасно, а так... Офир встанет на твою сторону, и я знаю, как это сделать...

— Кто тебя послал?!

— Никто. Я не бегаю ни в чьей стае.

Он хотел снова яростно возразить, но вспомнил о словах Оракула: «Прислушайся к тому, что она скажет... Рожденная, ибо она сильнее тебя». И промолчал, в очередной раз задумавшись. Сестра дело говорит. Продвинувшись далеко на Запад, Орда все время ведет войну на чужой территории, среди всеобщей ненависти. Союз-

ник... это неплохо. Разумно. Вот оно, преимущество, которого нет у пиктов.

— А ну-ка признайся,— глаза Кейнкорта блеснули, как бывало, когда он, мальчишкой, заставлял сестру за какой-нибудь опасной шалостью,— есть там кто-нибудь, на чью судьбу тебе не наплевать? Ты, может быть, снова в кого-то влюблена? Не в Монторна ли?

Соня рассмеялась.

— Вот еще! В Монторна! Он слишком слаб для меня. Но ты прав, да, есть там один человек, которого я очень люблю, и он того достоин. Вот только любовь эта скорее похожа на то чувство, что я испытываю к тебе как к брату.

— Кто же этот достойный?

— Ковент Гинмар,— чуть помедлив, сказала девушка.— Не знаю, слышал ли ты о нем.

— Доводилось,— кивнул Кейнорт.— Что-то связанное с колдовством и неким проклятым дворцом.

— Верно. Риатеос — так зовется дворец. Я тебе расскажу...

Говорила она долго, пересказав ему почти всю свою историю, а когда закончила, Кейнорт произнес:

— Клянусь, я потрясен. Значит, этот парень в самом деле разорился ради своего города?

— И ради детей этого города,— кивнула Соня.

— Не пойму, болван он или мудрец.

— Ни то, ни другое. Просто у него свое представление о том, как преумножить славу своего народа.

— И, говоришь, при этом он отличный воин?

— Один из лучших, кого я знала. Дерзкий, смелый, сильный.

— Нергал! Ты была так убедительна, что мне захотелось с ним поговорить с глазу на глаз.

— Нет ничего проще. Он здесь. Гинмар пришел вместе со мной в одежде телохранителя и ждет только твоего слова.

— Ах вот оно что... Так я, пожалуй, приму его, если он имеет право вести переговоры.

— Он имеет такое право, как никто иной,— отозвалась Соня.— Потому что никто не сделал для Ианты больше, чем он. Гинмар — сердце этого города.

* * *

...День был на исходе, а переговоры не прекращались. Ковент не упускал из виду ни единой детали: его Ианта ни в коей мере не могла быть унижена соглашением. Союзничество он признавал, но отношения суверена и вассала — ни при каких условиях.

Несколько раз то один, то другой выходили из себя и срывались на оскорбления и угрозы; казалось, еще мгновение, и в ход пойдут ножи... Но нет, им удавалось вовремя взять себя в руки. Соня совсем было успокоилась на этот счет и решила просто набраться терпения и ждать окончания беседы... как вдруг Кейнорт произнес что-то особенно не понравившееся Гинмару; тот вскочил, и они все-таки сцепились.

Схватка была недолгой и яростной. Убедившись в равенстве сил, противники одновременно успокоились и, взглянув в разгоряченные лица друг друга, неожиданно рассмеялись.

— Соня,— воскликнул Кейнкорт,— ты была права! С этим человеком можно иметь дело, теперь я это знаю.

Очевидно, такая разрядка им была просто необходима. К вечеру следующего дня они пришли к соглашению на условиях, устраивающих обоих. Кейнкорт пошел на то, чтобы отвести войска, оставив Ианту своим форпостом против пиктов и не облагая ее никакой данью. Теперь ковенту оставалось только убедить в своей правоте Монторна. Но это представлялось им всем таким пустяковым делом, о котором и говорить-то не стоило.

— Ну что, останешься со мной в Орде или пойдешь в Ианту? — спросил Соню Вождь.

— Пойду,— вздохнула она.— Так будет надежнее. И вернусь, когда будет с чем возвращаться. Думаю, этот поход не займет много времени.

...Знала бы она, насколько заблуждается...

* * *

Возвратившись домой, Гинмар так спешил скорее явиться к Монторну, что Соня едва убила его немного повременить и еще раз продумать, как лучше построить разговор. Ковент, поглощенный размышлениями о предстоящей встрече с правителем, от которой зависе-

ло столь многое, почти не обращал внимания на попытки Джиллы поделиться с ним какими-то своими опасениями. Тревога, в общем-то, была для принцессы почти постоянным состоянием и вряд ли могла кого-то удивить настолько, чтобы придавать ей особое значение именно в этот раз; поэтому Гинмар просто закрыл же-не рот горячими поцелуями, а потом попросил помочь ему подготовиться к аудиенции у Монторна; та же, счастливая уже от того, что супруг снова с нею, и полагая, очевидно, что у нее еще будет время затеять серьезный разговор, привычно крутилась вокруг мужа, вызывая у наблюдавшей за этим Сони недоумение и насмешливую улыбку.

Джилла все старалась прикоснуться к нему, обнять, она даже сапоги с его ног стаскивала с таким видом, словно это было невероятным удовольствием... Не желая нарушать идиллию, Соня немного побродила по дворцу, ощущая нечто очень странное вокруг, такое, чего не было прежде: словно повсюду звучали какие-то едва различимые голоса... Ей все время казалось, что она не одна, даже когда в обозримом пространстве явно никого не было.

Нижний Мир не мог больше морочить ей голову, ведь его отныне не существовало. Тогда что же это?... Она вгляделась пристальнее, используя то самое присущее ей *особое* зрение — и замерла: смутные очертания каких-то незнакомых людей, бесплотные и колеблющиеся в воздухе, были буквально повсюду! Призраки, поняла

девушка, содрогаясь. Призраки всех тех, кто стал жертвами Зверя!.. Риатеос был буквально наводнен ими, этими неприкаянными душами, давно лишившимися тел, и все они, похоже, желали обратиться именно к ней.

— Ну нет,— сказала вслух Соня,— не все сразу и не сейчас. Я просто не в силах это воспринять. Сжальтесь...

Ее сознание и без того было основательно перегружено чередой невероятных событий. Больше всего Соне хотелось бы сейчас «почистить перышки» и вздремнуть: она еле держалась на ногах, и у нее не было сил еще и разбираться с шелестящей толпой призраков, несчастных существ, не видимых ни для кого, кроме нее. Поэтому, постаравшись их не замечать, Соня позвала служанку, которая помогла ей отмыться от дорожной пыли и привести в порядок рыжую гриву, с которой всегда было немало возни. Обычно Соня никому не доверяла прикасаться к своим волосам, но сейчас ей это было необходимо.

Думать о чем-то еще было просто нельзя — нужно отдохнуть хоть немного, и тогда она будет снова готова хоть к битве, хоть к сложнейшим размышлениям и разговорам. Но не сейчас. Не сейчас!..

— ...Гинмар, пока тебя не было, сюда приходили люди Монторна,— говорила между тем Джилла,— только я не вполне поняла зачем. Спрашивали, где ты...

Он кивнул.

— Догадываюсь. Я им все объясню. А ты что сказала?

— Что не знаю, но должен скоро вернуться. Я на самом деле не знала. Но они мне почему-то очень не понравились.

— Ты слишком мнительна, милая.

Джилла провела пальцами по его обнаженной груди и, прерывисто дыша, ткнулась губами в шею.

— Не бросай меня, Гинмар,— прошептала она.— Я без тебя умру.

— Да что ты, дурочка... Я тебя никогда не оставляю и ни на кого не променяю.

— Даже на Соню?..— отчаянно спросила принцесса, мучительно краснея от стыда за то, что осмелилась высказать подобное кощунственное подозрение.

Ковент отстранил Джиллу и улыбнулся, глядя в ее влажные глаза.

— Ты ревнуешь? Напрасно. Соня — друг, мой и твой. Это все.

— Прости,— пробормотала принцесса,— конечно же, я не сомневаюсь в тебе. И в Соне тоже. Но я так... так сильно люблю тебя, что в груди больно. Вся моя жизнь — в тебе одном.

Он удивился. Джилла всегда стеснялась открыто говорить ему о своих чувствах, а сейчас в ее голосе было настоящее отчаяние.

— Гинмар.. я хотела сказать... что вот Соня была рядом с тобой на турнире, а я нет... Но я просто не могла. Я не могу смотреть, когда ты... когда тебя...

— Ну конечно, любимая. Это зрелище не для женских глаз, ты совершенно права.

— Но это я, а не она должна была поздравить тебя с победой, сказать, как я горжусь тобой! — почти выкрикнула принцесса. — Разделить с тобой и твою боль, и усталость, и торжество, все до конца!

— Успокойся. Ты вовсе не должна уверять меня в своей преданности. Как тебе такое в голову пришло? Я сам так часто бывал к тебе несправедлив и невнимателен, терзал тебя и даже не думал, что поступаю дурно. Может быть, теперь и поздно, но я прошу — прости меня за все эти годы и поверь, я многое постараюсь исправить.

Чем дальше, тем меньше ему нравился этот разговор — слишком уж он становился похож на предвестие долгой разлуки, словно они оба спешили излить невысказанное прежде, боясь, что другого времени для этого может уже не быть... никогда.

* * *

Гинмар решительно вошел во дворец Монторна. Он, наверное, несколько сотен раз успел прокрутить в голове предстоящий разговор с властителем и надеялся, пусть и не сразу, встретить понимание. Образ Кейнкорта все еще стоял перед его внутренним взором. Да, не дикарь — Соня была совершенно права. Брат, брат по духу...

Монторн ждал его, и Гинмар сразу почувствовал, как тот напряжен.

— А уж мы было подумали, что ты исчез бесследно, — неестественно улыбаясь, первым заговорил правитель. — Проходи, проходи... и оставь, во имя богов, эти церемонии... — Так он отреагировал на учтивый поклон ковента. — И где же ты пропадал, Гинмар?

— Я был в стане гирканцев и говорил с Вождем Орды, — сообщил тот.

— Неужели? — Белесые брови правителя взметнулись вверх. — Вот это новость. И тебя отпустили живым? А может быть, с почестями проводили до самой Ианты?

— Позволь мне рассказать. Кейнкорт готов пойти на переговоры с тобой, дабы не проливать напрасно кровь своих и наших воинов.

— С тобой, значит, он уже договорился, — заметил Монторн. — Что было вовсе не сложно: почему бы и не договориться с предателем, готовым на все, чтобы сместить законную власть и стать гирканским наместником в Офире? Что, для этого тебе и понадобился наш лучший отряд — чтобы поставить его целиком под знамена Гиркании и тем завоевать еще большее расположение своих новых покровителей, не так ли?!

Ковент почувствовал себя так, словно получил пощечину.

— Монторн, — хрипло произнес он, — как ты смеешь? Разве не я поддержал твою власть с самого начала? И разве я дал повод хоть раз усомниться в моей верности?! Ладно, — взял он себя в руки, — спишем это на временное помра-

чение твоего рассудка. Встретимся позже, когда ты опомнишься и будешь способен меня выслушать.— Он решительно повернулся, чтобы уйти; лицо Гинмара пылало от гнева и обиды.

— Не спеши. Тебя *проводят*.

По знаку Монторна стража окружила Гинмара.

— Что это значит? — воскликнул тот.— Немедленно пропустите меня!

— Это значит, что ты арестован, изменник! Не советую тебе сопротивляться. Твоя подлая игра окончена.

Ситуация напомнила Гинмару тот день, когда его вот так же схватили, обвинив в колдовстве. Ну нет. Второй раз он в камеру не попадет.

— Руки, ковент.

«Сейчас,— подумал он.— Я тебе покажу "руки"!»

Сцепив пальцы в замок, он молниеносно ударил самого ближнего из стоящих к нему стражников, а потом пустил в ход все свое искусство сражения и, уложив еще нескольких, бросился бежать. Слава богам, это у него всегда получалось неплохо.

Схватив за руку Соню, дожидавшуюся его у входа во дворец, Гинмар, ничего не объясняя, увлек ее за собой. Она все поняла. Или почти все. Но этого оказалось довольно, чтобы устремиться прочь со всей возможной скоростью.

Оторвавшись от преследователей, Гинмар присел на корточки и вытер пот, градом льющийся по лицу.

— Ну вот,— произнес он, отдышавшись,— теперь меня обвиняют в измене. И кто?! Монторн, которого я считал своим другом!

— Да,— протянула девушка,— с гирканцами было проще.

— Когда-то ты и Джилла вытащили меня из тюрьмы,— сказал он.— Тех дней я никогда не забуду. Это была настоящая преисподняя.— Он содрогнулся.— Все повторяется. Но живым они меня больше не возьмут! Монторн — безумец, он погубит Ианту...

— Я тоже помню, каким мы тебя тогда привезли в Риатеос,— согласилась Соня.— На тебе живого места не было. Но нам стоит подумать о том, как быть теперь.

— Я из Ианты бежать не собираюсь,— сразу же заявил Гинмар.

— Да кто тебя заставляет бежать?.. Я полагаю, нам нужно поговорить с Маргиром — он с самого начала был на твоей стороне. Ты знаешь, где его найти?..

* * *

— ...Зачем его искать? — говорил в это же время Монторн, бессознательно — как это часто с ним случалось, если он был взволнован,— хрустя пальцами.— Сам явится, когда узнает, что его семья у меня в руках: я велел взять его жену и сына. На такую приманку он клюнет непременно, придет за ними, и тогда ему конец. Негодяй, гирканский прихвостень...

Подозрительность правителя, и прежде отличавшая его, в последнее время сделалась просто болезненной. Теперь ему казалось, что причина всех его беспокойств — в одном только ковенте.

— Видишь, я была права, — заметила Велда, — и ты напрасно не поддержал Тизара, доверившись этому колдуну. Турнир, по правде говоря, ничего не должен был определять. Зачем испытывать судьбу, когда требуется самому решить дело?

— Допустим, Тизар тоже не подарок...

— Но он не предатель, — отрезала она. — А ковент и прежде был равнодушен к гирканцам, он восхищался Кейнкортом, заявлял, что тот — талантливый полководец... Но Нергал с ним, с Тизаром. Мало ли достойных людей? Мне жаль только, что ты не покончил с Гинмаром; он же как кость у тебя в горле — и это после того, как ты столь проникательно раскрыл его подлые планы...

Она, разумеется, умолчала о том, что на мысль об измене ковента сама же и навела Монторна, изложив ему собственный план захвата власти, только подставив совсем другие имена... Будучи умной и опытной женщиной, Велда отлично знала: ничто так не тешит самолюбие мужчины, как приписывание ему чужих заслуг; мужчину можно склонить к чему угодно, если почти открыто высказывать ему определенные идеи, а потом выдавать их за его собственные. Умело подогревая болезненную подозрительность Монторна, она сделала его недоверчивым и способ-

ным своими руками уничтожать именно тех людей, которые и составляли истинный оплот его власти.

Но, конечно, того, что Гинмар так удачно ей подыграет, Велда предположить не могла и в самых смелых мечтах. Все складывалось как нельзя лучше — он сам явился и сообщил, что вел переговоры с гирканцами за спиной правителя, он, всего седмицу назад клявшийся бросить голову Кейнкорта к ногам Монторна! Вот только этот тухлый белесый краб оказался неспособным даже на то, чтобы задержать ковента, который в результате умудрился улизнуть.

Велда незаметно вздохнула. С кем только ей не приходится иметь дело! То с полоумным Тизаром, жестоким в постели, но совершенно лишенным умения просчитать свои действия на два хода вперед; то с этим вырожденком Эвилда, который и как мужчина-то ни на что не годен, а уж как правитель...

— Монторн, — спросила она, — а что за рыжая красotka все время крутилась возле Гинмара?

Этот вопрос давно не давал Велде покоя. Вроде как проклятый ковент давно остепенился и вел до отвращения праведный образ жизни — во всяком случае, что касается интрижек на стороне, он был верен своей принцессе много лет, с самой свадьбы... Как вдруг объявляется какая-то дрянь, открыто виснувшая на нем, он расхаживает с ней по городу у всех на глазах, а кто она такая, никто толком не знает; вроде не из Ианты, а живет в Риатеосе и всюду сует свой нос.

— Какая еще рыжая?

«Ну конечно,— подумала Велда,— где тебе обращать внимание на других женщин, когда ты и с одной-то не знаешь толком, что делать». Настоящий мужчина уж ни за что не пропустил бы такую приметную девицу, а этот впервые о ней слышит.

— После турнира он с ней обнимался,— напомнила Велда, но тщетно: эта деталь отнюдь не прояснила память Монторна.

— Понятия не имею,— раздраженно заявил он.— Велда, во имя богов, мне не нужен никто, кроме тебя!

— Да, дорогой,— с придыханием закончила она разговор.

Но образ Сони занозой застрял в ее сердце. Что-то тут неладно. С чего бы Гинмару пришло в голову идти к гирканцам? Сам додумался? Это он-то, больше всех горевший желанием немедленно ринуться в битву? Как бы не так. Гинмар хорош во всем, и в уме ему не откажешь, но он не практичен, дипломатия не по нему. Тут видна женская рука — и точно не Джиллы, этой тихой мышшки, которая и не подумала бы давать мужу советы. И если дело у этой парочки зашло так далеко, еще большой вопрос, помчится ли ковент выручать свою жену. А может, он найдет утешение совсем с другой женщиной. Он ведь безумно влюбчив — ей ли не знать? Ей ли не помнить, как этот ненормальный, узнав о том, что хозяин увозит Велду в Шем, проскакал десять лиг, чтобы в последний раз объясниться с нею? Давно это

было... ох, как давно, а словно только вчера. Она тогда не пожелала с ним говорить... И напрасно.

* * *

— ...Маргир? Да, это идея. Уж он-то меня непременно выслушает. Только, Соня, сначала мне нужно домой. Если Монторн охотится за мной, он может повредить моей семье. Мне придется увести из Риатеоса Джиллу и Талла.

— Я схожу за ними,— вызвалась Соня,— мы напрасно сразу об этом не подумали. Тебе же самому лучше там не показываться. Доберись до Маргира и жди меня у него. Глупо было бы попасться в простую ловушку. Будь осторожен.

— Постараюсь. Ты тоже.

— Конечно. Скоро увидимся.

Соня почти бегом направилась во дворец. «Только бы успеть,— думала она,— ведь по сути дела принцесса и мальчик совершенно беззащитны».

Не успела.

Риатеос изнутри напоминал поле боя. Нескольких самых верных слуг она нашла убитыми — очевидно, они мужественно защищали свою госпожу. Но ужас охватил девушку, когда она увидела Зарха, брата Лори. Юноша лежал в луже крови, которая натекла из разбитого затылка, но был еще жив и в сознании. Увидев Соню, он шевельнулся.

— Я... я не смог их защитить,— прошептал он немеющими губами.— Люди Монторна... ворвались так неожиданно.

— Тише, малыш. Ты сделал все, что мог.— Соня, не боясь испачкаться кровью, приподняла его голову.— Не бойся, я помогу тебе.

— Холодно,— сказал мальчик.— Соня... Лори тоже схватили... Их всех...— Взгляд его остановился, изо рта вытекла тонкая струйка крови. Зарх в последний раз дернулся и затих.

Судорожно вздохнув, девушка закрыла ему глаза и выпрямилась. Ненависть клокотала в ней: этот-то в чем виноват? Он сам был почти ребенком, маленький отчаянный оруженосец. И что будет с его девочкой-женой?

Что вообще с ними со всеми будет?!

— А вы, проклятые тени,— выкрикнула она в пустоту,— вы что же, совсем ни на что не способны?

Но призраки замка не могли ей ответить.

— Соня! — В тишине гул стремительных шагов показался просто оглушительным: ей навстречу бежала Лиара.

— О боги,— ахнула девушка,— ты откуда?

— Я тоже опоздала, как и ты... Мы были вдвоем с Лори,— скороговоркой произнесла та,— и он сразу ринулся в бой, но его схватили... Стражников было очень много, не менее трех десятков...

— Куда повели Джиллу и Талла?

— Я шла за ними до самой тюрьмы, но подумала, если меня тоже убьют или арестуют, толку от меня будет немного, а так...

— Ты права,— согласилась Соня,— теперь нас по крайней мере двое.

— Ты ранена? — встревожилась Лиара, оглядывая ее перепачканную одежду.

— Нет, это кровь Зарха. Он только что умер.

— Боги, боги...— простонала Лиара.— Надо же их всех... похоронить, предать земле... или огню.

— Позже. В первую очередь следует подумать о живых,— решительно возразила Соня.

В таких случаях поддаваться слабости — последнее дело, это она знала твердо. Вот только позволь себе хоть чуть-чуть распуститься, запаниковать — и все, конец. Лиара — это то, что надо, с нею вдвоем можно многое сделать; такая не подведет, не расплчется и не рухнет в обморок в самый неподходящий момент.

— Стражники наверняка вернутся,— добавила она.— Странно, что они сразу не сообразили устроить засаду. Нам надо уходить отсюда как можно быстрее. Лиара, ты хорошо знаешь город?

— Да, мы с Лори все время...

— Где дом военачальника Маргира? Нам нужно немедленно отправиться туда.

— Дом,— хмыкнула Лиара, вопреки кошмарной ситуации, в которой они обе оказались.— Если можно так выразиться. У него настоящая маленькая крепость, окруженная целой системой рвов и подвесных мостов. Он ее десять зим строил, словно все время ждал нападения.

— Мудрый человек,— заметила Соня.— Беда приходит, откуда ее не ждешь. Тихо!..

Она не ошиблась, предположив скорое возвращение воинов Монторна. На этот раз их, правда, было никак не три десятка, а всего пятеро... нет,

шестеро. И двигались они очень неосторожно, даже не думая сперва оценить обстановку. Соня, переглянувшись с Лиарой, сделала то единственное, что ей оставалось: бросилась на пол и замерла, притворившись мертвой. Подруга последовала ее примеру.

— Нергал, тут только трупы.— Один из вошедших брезгливо ткнул носком сапога тело одного из убитых.— Представляю, какой смрад начнется через пару дней.

— Да уж,— заметил другой,— постарались на славу. Вот сюрприз будет для ковента, когда он сюда явится. Может, вытащить их во двор?

— Делать тебе нечего...

«А ведь это не стражники,— поняла Соня.— Черные Всадники Тизара, вот кто они такие». Головорезы, что же, всей шайкой поступили на службу к Монторну, доказывая свою преданность?.. Воистину мир встал с ног на голову. Ну что ж, сейчас она им устроит засаду. Кстати, вот и сам Тизар...

— Хватит языком трепать!— рявкнул он.— Двое — проверьте верхние помещения, двое — нижние, а мы с Кротом здесь пока поглядим, все ли на самом деле так мертвы, какими кажутся!

Он выдернул клинок из ножен и, подходя поочередно к каждому из лежащих на полу, принялся методично выполнять задуманное, для надежности вонзая острие в горло убитых; некоторых приходилось переворачивать, но он не брезговал и этим, подходя все ближе к Соне.

Девушка внутренне подобралась. «Иди ко мне, ублюдок,— подумала она,— иди скорее».

Тизар наклонился над нею и замер, увидев ненавистное лицо.

— А, и эта здесь! Отлично!

— Не то слово!

Девушка стремительно вцепилась в его руку с клинком, ударив при этом мерзавца коленом пониже живота, а в следующее мгновение — костяшками согнутых пальцев в горло. Со вторым из оставшихся столь же ловко справилась Лиара. Ни Тизар, ни его приятель не успели даже вскрикнуть, а девушки бросились наутек, не дожидаясь возвращения остальных.

— Вот так,— зло проговорила Соня,— теперь пусть ломают голову, кто разобрался с этими двумя.

— Хорошо бы и других...— мечтательно добавила Лиара.

— Успеем,— успокоила ее Соня.— Дай срок. Сейчас отведи-ка меня лучше к Маргиру, подружка.

* * *

...Старому военачальнику, увенчанному славой такого множества боевых побед, что он давно перестал вести им счет, было более восьмидесяти зим, однако он все еще оставался настолько крепким и полным сил, что выглядел не старше шестидесяти. Если бы не многочисленные полученные в битвах раны, шрамы от которых испещряли его крупное сильное тело, и не затруднен-

ные движения — его нога, перебитая пиктским мечом, так и не срослась правильно, — он, пожалуй, и до сих пор продолжал бы сражаться. Но Маргир, обретший с годами немалый опыт и мудрость, сумел вовремя уйти от ратных дел, уступив место более молодым воинам — без малейшей зависти и даже естественного, казалось бы, чувства сожаления.

Беда лишь в том, что в тех, кто пришел ему на смену, он слишком редко видел ту самую непрístupную твердость духа, что всегда была присуща ему самому, а наблюдал, напротив, непристойную слабость и вялость, а также спесь, подменявшую истинную гордость, и преуспевание в плетении хитроумных интриг друг против друга вместо способности встать выше личных обид там и тогда, когда требовалось объединиться против общего врага. Те люди, воины, которых он знал и любил, один за другим покидали сей мир, отправляясь туда, откуда нет возврата, и он скорбел над их прахом и, оглядываясь вокруг, не видел таких, что способны занять их место.

У самого Маргира было трое сыновей, трое детенышей барса, и он пережил их всех, безрассудных, сложивших головы на поле брани. Он не оплакивал их гибель — только всякий раз сильнее стискивал зубы и сдвигал брови, смоль которых с годами сменилась инеем седины; и душа его тоже застыла и покрылась ледяным панцирем неизбывной гложащей боли, но Маргир никогда не проявлял своих чувств открыто.

Отчего ж вдруг так дрогнуло и быстрее начало гнать кровь по жилам его сердце, когда он обратил взор на чужого, Итанова сына?.. Он думал об этом... думал долгими ночами, ибо сон старика был коротким и чутким. Что-то такое было в Гинмаре... И Маргир чувствовал: Гинмар — тот, чьего появления он так давно ждал.

— Господин мой, — прервал размышления воина слуга, который был почти так же стар, как и его хозяин, — некий путник бродит у твоих ворот. Посмотри и скажи, хочешь ли ты впустить его в дом?

Маргир подошел к окну — узкому и высокому, словно бойница, и, прищурившись, посмотрел на одинокую фигуру. Острое зрение, с юных лет свойственное ему, по-прежнему не изменяло старику.

— Хочу, — сказал он. — Пусть войдет.

И вскоре Гинмар предстал перед ним с почти-тельным поклоном.

— Я несправедливо обвинен в измене и пришел просить у тебя убежища, — сразу приступил он к делу. — Твоя воля прогнать меня как предателя — или поверить мне и позволить остаться.

— О тебе и прежде много лгали, — заметил в ответ Маргир, — ну да я не из тех, кто верит досужей болтовне. Для меня большая честь разделить кров с тобою. Ты один?

— Пока да, но жду появления жены и сына, — ответил Гинмар.

— А почему не привел их с собой сразу?

— Я не мог: за мной охотятся люди Монторна.

— Понятно... Что ж, Расскажи мне пока обо всем.

Гинмар, сбиваясь от волнения, поведал Маргир, что с ним произошло. Старик слушал его внимательно, не перебивая и лишь изредка короткими точными вопросами проясняя некоторые детали. Когда ковент закончил, он медленно кивнул.

— Да, сынок, нелёгко тебе пришлось; видно, в этом мире все оглохли и ослепли настолько, что перестали отличать черное от белого: злоба и подозрительность — дурные советчики.

В этот момент слуга сообщил, что сюда спешат две женщины.

— Слава богам, это Соня и Джилла,— сказал Гинмар.— Наконец-то.

Однако он был прав лишь наполовину.

— Беда, Гинмар,— сказала рыжеволосая,— Джилла, Талл и Лори в руках Монторна; Зарх убит... И с ним еще десяток твоих слуг. В Риате-осе Черные Всадники устроили засаду.

Побелевшие губы ковента беззвучно шевельнулись.

— Я освобожу их! — воскликнул он в следующее мгновение, но Маргир не позволил ему даже подняться, с неожиданной для столь преклонного возраста силой опустив жилистые руки ему на плечи.

— Сиди! Сунуть голову в петлю и дурак может. Монторн только того и ждет. Где твои хладнокровие и выдержка, боец?!

— Моя жена не вынесет заключения!

— Ты полагаешь, ей больше понравится, если у нее на глазах с тебя живого сдерут кожу? — жестко спросил Маргир.— Остынь.

— Пусть лучше с меня... но она и Талл... О, нет! — Перед внутренним взором Гинмара пронеслись жуткие картины того, что могло ожидать принцессу в руках разнузданных наемников; его затрясло от ненависти.

— Гинмар,— как можно мягче произнесла Соня,— успокойся. Мы что-нибудь придумаем. И потом, с ними же Лори.

При упоминании о Лори лицо Лиары исказилось. Ей казалось, никто здесь не понимает состояния ковента лучше, чем она: в конце концов, это их любимые люди оказались в страшной беде.

— Позор правителю, который не нашел ничего лучшего, чем воевать с женщинами и детьми,— сказал Маргир.— Но тогда ты в полном праве употребить свою власть колдуна, как поступил когда-то твой отец Итан.

— У меня нет больше этой власти,— хрипло произнес ковент.— Я уже не Хранитель Врат, Нижний Мир уничтожен, и я лишился своей силы.

— Уничтожен? — Как это? Кем? Тобой?

— Ею.

— Нами.

Соня и Гинмар произнесли эти слова одновременно. Маргир снова задумался.

— Но ведь Монторн об этом не знает?... — Он усмехнулся.— А насколько мне известно, он суверен и панически боится всего, касающегося

магии: кому же, как не ему, помнить о том, что его отец Эвилд обломал себе зубы, попытавшись уничтожить колдунов и захватить Риафеос?!

У Сони заблестели глаза.

— Правильно,— воскликнула она,— на этом легко можно сыграть!

— Ну-ка, ну-ка!..— Маргир вгляделся в ее лицо.— Да ты не тот ли мальчик, что явился с ковендом на Совет?

Девушка слегка смутилась.

— Да, в общем... было такое.

— Подобный лицедей принес бы целое состояние любой бродячей труппе. Я и то узнал тебя сейчас только, по голосу. И ты же, получается, сестра Кейнкорта?

Соня снова кивнула:

— Он мой брат-близнец. А что, Гинмар уже рассказал о...

— Рассказал. Он только не успел мне поведать, откуда ты такая взялась.

— Восемь лет назад я украла у него несколько драгоценных камней, а потом мы познакомились и... стали друзьями,— как можно более кратко пояснила Соня.

— Отлично,— искренне развеселился Маргир,— ты, значит, к тому же еще и воровка и, полагаю, обладаешь помимо этого целой россыпью талантов?

— Я прежде всего — боец,— серьезно ответила девушка.— А все остальное — так... не очень важно.

— Лет тридцать назад я наверняка потерял бы голову, встретив такую женщину,— заметил Маргир,— но и теперь мне остается только благодарить судьбу за то, что я успел повстречаться с тобой. Итак, давайте решим, как нам разумнее действовать...

* * *

Тизару повезло — стремительные удары, нанесенные Соней, не лишили его жизни, и спустя какое-то время он очнулся. В отличие от своего менее удачливого приятеля, которого убила Лиара. Морщась от боли и собирая на головы обманувших его женщин все мыслимые проклятия, он, однако, отступать намерен не был. В кои-то веки удалось войти в доверие к Монторну, решившему, что успешнее Тизара никто не способен преследовать «изменника»,— и вот, новая осечка. Вряд ли теперь ковенд, предупрежденный своей рыжей подругой об опасности, придет в Риафеос, зная, что Джиллы там все равно нет. Но куда он, в таком случае, может еще отправиться?..

Нет, он, Тизар, доведет дело до конца во что бы то ни стало и возьмет ковенда живым, чтобы предать в руки Монторна. Тот скор на расправу с изменниками и жесток в этой расправе. Гинмара ждет такая казнь, что весь Офир содрогнется.

Думать об этом было приятно, но бессмысленно. Чтобы довести дело до казни, нужно его сначала найти. А пока... пока на встревоженные

вопросы своих людей о том, что произошло, Тизар отвечал вовсе не так, как следовало. Он ничего не сказал о Соне и Лиаре ни им, ни Монторну, потому как не мог признаться в истинном положении дела. В том, что его едва не убила *женщина*, оказавшаяся умнее и сильнее, нежели он сам.

Памятуя о том, что Риатеос сам по себе загадочен, Тизар поведал, будто на него и убитого Черного Всадника напали, ни много ни мало, незримые демоны, с коими он отчаянно сражался. Насколько он этим навредил собственным планам, Тизар и не догадывался, ибо Монторн сразу встревожился. Повторять печальный опыт отца ему совершенно не хотелось, и от одного лишь упоминания о демонах Риатеоса правитель изменился в лице. Он поверил Тизару сразу. Результатом явилось строжайшее приказание и пальцем не прикасаться к Джилле и Таллу, содержать их в заточении, но не причиняя никакого вреда.

Что касается принцессы, то если бы Гинмар сейчас мог видеть свою жену, он имел бы все основания ею гордиться. Это тихое, молчаливое, хрупкое и кроткое создание вело себя поразительно достойно. Не то что слез или страха, плещущегося в глазах, — даже намек на испуг не видел никто.

— Когда мой муж придет за мной, а это, без сомнения, вскоре случится, — сразу же сказала она, — он вас превратит в дождевых червей. И знаете, почему? Потому что вряд ли захочет

марать меч кровью ничтожеств, способных действовать так подло.

Талл, несмотря на то что был всего лишь ребенком, наблюдая презрительное хладнокровие матери, тоже старался не паниковать; конечно, разыгравшаяся у него на глазах кровавая драма, в результате которой погибло столько дорогих ему людей (в Риатеосе к слугам относились как к равным, и потому те были искренне верны своим господам и по-настоящему их любили), не могла не оставить глубокий след в душе мальчика, но он был охвачен не ужасом, а праведным гневом.

К тому же он совершенно справедливо полагал, что сейчас является единственным мужчиной, способным если не защитить, то поддержать свою мать. Лори был не в счет. Лори разделил бы участь Зарха, если бы не был ранен и не потерял сознание — его не привели, а приволокли в камеру, где и бросили к ногам Джиллы и Талла; так что сейчас принцесса, отбросив страх за свою собственную судьбу, была куда больше озабочена тем, чтобы облегчить страдания несчастного юноши. Та самая женщина, которая не в силах была смотреть на кровавые поединки, совершенно преображалась, если кому-то рядом требовалась помощь, и при виде крови не лишалась чувств.

По части умения ходить за ранеными Джилла всегда отличалась и сноровкой, и мужеством, и неиссякаемым терпением; так что, когда Лори пришел в себя, она сумела успокоить его и убе-

дить в том, что всему этому кошмару очень скоро будет положен конец.

— Конечно,— уверенно подтвердил Талл,— мой отец из них душу вытряхнет.

О смерти Зарха они, не сговариваясь, пока молчали, а Лори и не спрашивал; он отчаянно боролся за жизнь, которая, несмотря на все усилия Джиллы, стремительно покидала его вместе с кровью, продолжавшей сочиться из глубокой раны на голове.

Принцесса переглянулась с Таллом.

— Я попробую,— проговорил мальчик.— Раз отец умеет исцелять людей, значит, я тоже обладаю таким даром!..

Наверное, знай Талл о том, что магические способности рода Наола утрачены безвозвратно, он бы так не сказал — и вряд ли даже попытался что-то сделать; но он, по счастью, и понятия об этом не имел.

В точности как Гинмар — хотя его никто специально этому не учил — мальчик склонился над своим другом и обнял его.

— Ты не умрешь, Лори! — горячо проговорил он, готовый отдать юноше весь жар своего сердца.

Произнося это, Талл сразу почувствовал, что с ним происходит нечто невероятное; сила шла от него, точно поток света, и передавалась тому, кто нуждался в ней... Через некоторое время Лори открыл мутные глаза и зашевелился.

— Талл... что ты...

Кровотечение остановилось, и мальчик в изнеможении опустился на пол, прислонившись спиной к стене.

— Все хорошо, Лори. Я же колдун, как и отец. Я умею...

Лори сжал его руку.

— Спасибо тебе, Талл, сын Гинмара.

В это же время Маргир явился к правителю Монторну — в полном боевом облачении и в сопровождении нескольких молодых оруженосцев.

— Что происходит?! — воскликнул он с порога, грозно сведя широкие седые брови.— Чего ты ждешь, господин? Землетрясения, которое уничтожит весь этот управляемый тобой муравейник, сотрет город с лица земли?..

— О чем ты говоришь? — осторожно переспросил Монторн.

— О чем я говорю, вот как! О страшном гневе Магистра Гинмара, сына Итана, разумеется! Я едва убедил его немного повременить, и он благородно согласился дождаться моего возвращения, но только если я приду назад вместе с его женой и сыном, иначе он не оставит от Ианты камня на камне. Советую немедленно их отпустить и снять с него нелепое обвинение в измене Офиру: ковент изложил мне свой план относительно гирканцев, и я нашел его разумным и мудрым, а уж я-то кое-что смыслю в военных делах. Еще бы — я более полувека не выпускал из рук меча и знаю, что если только есть малейшая возможность не обнажать его, а решить дело

миром, так надобно ею пользоваться и не губить людей понапрасну.

— Да,— промямлил Монторн,— но отчего же ковент сам не пришел ко мне еще раз? Возможно, я его не совсем правильно понял... а он только укрепил мои подозрения, когда сбежал из дворца...

— Нет, ему следовало развеять эти подозрения, позволив схватить себя и предать палачам,— язвительно усмехнулся Маргир.— Вот что, повелитель: тебе еще придется ответить за зверства твоих людей во дворце ковента. Но будь наконец благоразумен: не умножай уже совершенное зло, пока слух о нем не прошел по всей Ианте и народ сам не выступил против тебя.

— Хорошо,— тяжело проронил Монторн,— за-бери семью Гинмара и отведи к нему... И передай, что в ответ на этот жест расположения он все-таки должен со мною встретиться...

— Так и будет,— кивнул Маргир.— На новом Совете, который ты немедленно созовешь. Но для начала я хочу увидеть женщину и мальчика... и юношу, который был вместе с ними.

Монторн содрогнулся от бессильной ненависти и скрипнул зубами, понимая, что его опять переиграли; ну ничего, он оставит за собой последнее слово! Надо только протянуть время, и проклятый ковент ответит за все.

Вскоре Талл, Лори и Джилла были доставлены в дом Маргира. И Гинмар вновь получил возможность обнять дорогих ему людей.

— Теперь они под моей защитой,— сказал старый воин.— Будь спокоен — здесь их никто не посмеет тронуть, а ты... ты иди и делай свое дело.

* * *

— ...Напрасно ты поверил словам Маргира,— покачала головой Велда, узнав о случившемся.— Напрасно поддался... Подумай сам, если бы ковент в самом деле был так силен в колдовстве, как его отец Итан, неужели он сразу не применил бы свой Дар? Неужели он ждал бы почти два дня, бегая от тебя как заяц, а не явился бы сам за женой и мальчишкой?..

— Но силы Риатеоса уничтожили человека Тизара и его самого едва не лишили жизни...

— Да?! И при этом никак не помешали схватить хозяйку дворца! Силы Риатеоса, что за чушь! Я в это никогда не поверю.

Велда не уставала удивляться глупости мужчин и тому, насколько они трусливы и суеверны. Ну хорошо. О Риатеосе и его тайнах ходит множество слухов, один другого страшнее. О некоей заключенной под землей и повинующейся только воле ковентов силе, которую они могут использовать, чтобы защитить себя. И об их колдовском Даре. Однако, насколько Велде было известно, в последний раз дав волю этой подземной силе, Магистр Итан отстоял дворец, но сам погиб. Захочет ли его сын поступить так же? Вряд ли: Гинмар слишком любит жизнь, чтобы добровольно принести себя в жертву.

К тому же молодой ковент никогда не творил никаких чудес, подтверждающих его власть колдуна. Ни разу на памяти Велды. Отсюда следует, что он либо не хочет делать ничего подобного, либо просто ему это не дано, и последнее наиболее вероятно. Так что Маргир лукавит, и опасаться гнева Гинмара просто смешно! Неужели она одна способна понимать такие простые вещи?! Видно, у Монторна, боящегося собственной тени, окончательно усохли мозги... Взять и отпустить заложников, даже не проверив!.. Она вздохнула. Кругом болваны...

Прихватив с собой цирконовый перстень, Велда отправилась к тому самому колдуну, Эмину, который ей продал эту «безделушку». При виде решительно настроенной женщины Эмин, не дав ей и рта раскрыть, принялся оправдываться, объясняя, что поражение Тизара — не его вина.

— Знаю,— поморщившись, отмахнулась Велда,— он сам позволил сорвать перстень со своей руки, и потому проиграл бой. Меня это больше не интересует, но мне нужна твоя помощь, Эмин.— Она призывно улыбнулась, как бы невзначай проведя кончиком языка по верхней губе; этот жест всегда срабатывал безотказно, не действуя разве что на евнухов. И точно, глаза колдуна сделались мутноватыми и впились в нее так откровенно, что женщина едва не рассмеялась: старый пень, тебе о душе думать пора...

— Чего ты хочешь? — спросил Эмин.

— Скажи, ты, будучи магом, способен определить наличие колдовской силы — или ее отсутствие — у другого человека или в определенном месте? — прямо заговорила Велда.

— Конечно,— кивнул тот,— очень легко. Мне достаточно прикоснуться к такому человеку или взять в руки принадлежащую ему вещь, лучше — прядь волос, кусочек ногтя, и все станет ясно. Или же оказаться в том самом месте... О чем только идет речь?

— О ковенте Гинмаре и его дворце.

— Нет, нет,— замахал руками Эмин,— и не проси! Я не стану делать ничего такого, что может как-то повредить этому человеку, ведь благодаря ему я нашел приют в Ианте — я, которого гнали отовсюду и едва не сожгли!

— А как это может ему повредить? — изумилась Велда.— И потом, ты ведь не хочешь, чтобы он узнал, от кого Тизар получил перстень с цирконом накануне турнира?.. Вот тогда действительно ты в его глазах будешь выглядеть не лучшим образом.

— Ты очень злая и коварная женщина,— уныло проговорил колдун.

— Безусловно,— согласилась Велда.— Но если бы ты знал, как я при этом умею любить!.. Так что ты мне ответишь?..

Договорившись с Эмином, она, теперь в куда более приподнятом расположении духа, разыскала Тизара.

Глупец до того обрадовался визиту Велды, что совсем потерял голову.

— Ты решила вернуться ко мне! — воскликнул он, готовый стиснуть ее в объятиях.

Она нахмурилась.

— Почему бы и нет? Разве ты ни на что не годен? Все, о чем мы говорили прежде, остается в силе. Конечно, ты совершил пару ошибок, но ты как был, так и остаешься моим господином, неустрашимым и мужественным мужчиной, который способен на все!

Тизар тут же расправил плечи и вскинул голову, точь-в-точь боевой петух, хотя и изрядно общипанный.

— Вот только мне-то ты можешь честно рассказать, что за демоны напали на тебя в Риате-осе... О, Тизар, ты ведь знаешь, что твоя Велда умеет быть немой как рыба...

• Он нечленораздельно выругался.

— Какие демоны!.. Я принял за мертвую ту рыжую гадюку, что крутится возле ковента, пропади пропадом они оба, и она внезапно набросилась на меня, стоило мне повернуться спиной. А ее подруга в это время прикончила моего приятеля. Но ты сама пойми, не мог же я сообщить Монторну, что какая-то девка...

— Все, все, можешь не продолжать, любовь моя. Зная правду, проще будет их уничтожить. Жди меня ночью, — добавила Велда, — я так желаю тебя!..

Итак, она не ошиблась. Опять эта рыжая, просто свет клином на ней сходится. Вот узнать бы еще, кто она такая и что ее связывает с Гинмаром, кроме постели... В том, что эти двое

разделяют ложе, Велда не сомневалась: рыжая не такая дура, как Джилла, которая не видит дальше собственного носа...

В ту же ночь колдун Эмин побывал в Риате-осе, найдя для этого вполне пристойный повод: Гинмар, заручившись словом Монторна не преследовать его, возвратился домой, чтобы совершить печальный обряд погребения убитых друзей. Правда, жена и сын его остались в доме Маргира, и он взял с собою только Соню и Лиару.

Не обращая внимания на запах разложения, они вынесли тела во двор замка и сложили погребальный костер. Соня удивилась тому, что среди погибших юный Зарх выглядел так, словно тление его не коснулось. Гинмар поднял его тело на руки и вынес первым. Если бы не восковая бледность чистого, ясного лица, мальчика скорее можно было принять не за мертвеца, а за спящего... Эта утрата была самой тяжелой; ковент не скрывал своего горя, вспоминая все, что связывало его с этим юношей. Увы, ни отец, ни брат Зарха не могли прийти, чтобы с ним проститься: Хабир не мог передвигаться, а Лори еще не совсем оправился от ран.

Что касается жены Зарха, она была здесь. Действительно, совсем девочка, ставшая вдовой в пятнадцать зим... Она вот-вот должна была родить. Она стояла, опустив руки, не в силах постичь весь ужас обрушившейся на нее беды. Смотреть в ее сторону было невыносимо; любые слова утешения сейчас прозвучали бы фальшиво.

Пока пылал костер, все стояли молча, без слов поддерживая друг друга в общей беде, и Соне казалось, что рядом незримо присутствуют тени тех, кто ушел прежде. Всех, кого она сама потеряла за те годы, что прожила в этом мире бесконечной скорби.

Костер уже догорал, когда чья-то рука коснулась плеча Гинмара. Ковент обернулся и не сразу понял, кто перед ним — лицо подошедшего было скрыто низко надвинутым капюшоном.

— Я Эмин, — напомнил тот тихо, отбрасывая капюшон. — Вот узнал, что ты вернулся... и пришел разделить твою беду, Магистр.

«Эмин», — вспомнил Гинмар. Ну да, один из колдунов, которых сейчас в Ианте немало. Он благодарно кивнул.

— Спасибо за участие, — тепло сказал Гинмар, пожав протянутую руку. Эмин задержал его ладонь в своей на пару мгновений.

— Не смею мешать, — пробормотал он, отступая в темноту, и Гинмар тут же снова начисто забыл о его существовании.

К утру все было кончено.

— Что будешь делать? — спросила Соня. — Вернешься к Маргиру?

— Нет, — возразил Гинмар, — это мой дом, я останусь здесь. А ты вольна поступать как пожелаешь.

Она пожала плечами.

— Разумеется, я тоже останусь. Не прогонишь же ты меня. Дворец огромный...

— И пустой, — с грустью добавил ковент. — Я думаю, когда покончу со всеми делами, надо будет продать его: он действительно слишком велик для моей семьи, да и Джилле будет тяжело здесь жить. Но это позже.

— Тебе понадобятся новые слуги.

— Зачем? Вполне хватит оставшихся, — возразил он. — Соня, на завтрашний вечер... нет, уже на этот... назначен новый Совет у Монторна; мне надо подумать, что следует им сказать. Давай вместе решим, как лучше представить ситуацию. Я не хочу выступать против законной власти — это не принесет ничего, кроме смуты и хаоса, совершенно недопустимых сейчас, но считаю, что нельзя оставлять убийц безнаказанными.

— Убийца в данном случае Монторн, — заметила Соня, — и ты это знаешь. И он тоже. Вряд ли можно до бесконечности делать хорошую мину при плохой игре. В лучшем случае можно оставить за ним — пока — внутреннюю власть, но управление войсками, хочешь ты того или не хочешь, ты должен взять на себя и принимать решения только сам.

— Я слишком устал, чтобы прямо сейчас здраво судить об этом.

— Понимаю. Я тоже. Давай приведем себя в порядок, а через пару часов вернемся к нашему разговору. — Она провела пальцем по его черной от копоти щеке. — Умойся и поспи. Я тебя разбуджу.

— Соня, Гинмар, — обратилась к ним Лиара, — тут какая-то девчонка крутится, говорит, у нее к

вам дело.— Она действительно держала за плечо молоденькую девушку, смущенно переминающуюся с ноги на ногу.

— Что?.. Пусть зайдет в другой раз,— отмахнулась Соня.

— Я только хотела спросить, не нужна ли вам служанка,— пискнула та, хлопая глазами.— Я в Ианте недавно, но уже работала у одного господина, пока не сбежала, потому что он меня бил и есть не давал... Но я все умею делать.

— Я же сказала...— начала было Соня.

— Подожди,— сказал Гинмар, разглядывая худенькую незнакомку.— Как тебя зовут?

— Алида,— представилась та.

— И тебе некуда идти, как я понимаю.

— Теперь некуда...

— Хорошо, оставайся,— согласился Гинмар,— я распоряжусь, чтобы тебя накормили.

Соня поморщилась.

— Начинается.— Девчонка ей решительно не понравилась.— Ты готов собрать нищих со всего Офира.

— Я буду стараться!..— Слезы ручьем полились из глаз Алиды.

— Не реви. Иди с господином, раз уж он тебя нанял, и пусть делает с тобой, что хочет. Кормит, поит и платит за это.

Алида, однако, отчего-то поплелась именно за ней, бормоча что-то о том, что такой прекрасной и знатной госпоже непременно необходима помощь служанки.

— Отцепись,— прикрикнула Соня,— я в тебе не нуждаюсь!

Она и сама не могла понять, отчего это навязчивое создание ей так неприятно; во всяком случае, девчонка ничего плохого ей не сделала. Списав неожиданную вспышку раздражения на обычную усталость, Соня постаралась просто выбросить Алиду из головы; и та, наконец подчинившись, отправилась все-таки с Гинмаром, на ходу беспрестанно болтая и рассказывая о том, что она не привыкла даром есть хлеб. В чем он тут же и убедился. Девица, несмотря на потрепанный вид и поразительную худобу, оказалась весьма сноровистой, шустрой и опытной прислугой, изо всех сил старавшейся сделаться незамеченной и оказывающейся словно в десяти местах одновременно...

* * *

— ...Ну что? — нетерпеливо спросила Велда, вновь представ перед Эмином.— Тебе удалось найти ответ на мой вопрос?

— Да, я был в Риатеосе,— сказал колдун.— Не знаю, что произошло, но... ковент Гинмар не обладает прежней магической силой. А сам замок... Там ощущается некое странное *присутствие*, однако отнюдь не тех грозных демонов, что обитали в нем раньше. Во всяком случае, *эти* силы никак не способны вмешаться в дела людей.

— Ты уверен, Эмин? — Сердце Велды от радости забило сильнее.

— Совершенно уверен, — подтвердил он, вздыхая и прекрасно сознавая только что содеянное им предательство по отношению к человеку, менее всего заслуживающему подобного; но Велда не позволила ему долго переживать по этому поводу, впившись жарким ртом в его сморщенные бесцветные губы и заставив забыть обо всем на свете.

Душа ее ликовала: она опять оказалась права в своих подозрениях!

Ковент абсолютно беззащитен, как всякий обычный человек. Он больше не Магистр! И замок его — просто груда серых камней, нет там ничего опасного! А если так, покончить с ним будет проще простого.

Осталась одна проблема: разобраться с его рыжей подружкой, но на то существует Алида — девчонка-шлюха, которую Велда подобрала с улицы и пообещала щедрую плату за труды... Пока все складывается как нельзя более удачно. Жаль лишь, что приходится тратить столько усилий на то, чтобы исправлять грубые ошибки тех дураков, которые не способны ни здраво мыслить, ни решительно действовать, даже когда судьба к ним явно благоволит.

* * *

— Я так и не успел тебе сказать, Соня, что твой брат произвел на меня огромное впечатление. Он совсем не такой, каким я его себе представлял, — говорил Гинмар, когда через несколько часов вновь встретился с нею.

— Конечно, откуда тебе было знать его? Наверное, тебе трудно привыкнуть к тому, что я наполовину твой заклятый враг, а? — поддразнила его Соня.

— Какой же ты враг? — возмутился ковент. — Никогда так не говори! Да ведь все лучшее, что произошло в моей жизни, связано с тобой, моя Огненная Жрица.

— Как ты меня назвал? — изумилась девушка.

— Огненная Жрица. По легенде, это бессмертная женщина-воин, совсем как ты, которая приходит на землю, когда без ее вмешательства силы света обойтись не могут, а потом возвращается на свою далекую родину, куда заказан путь обычным людям.

— Очень интересно. Впервые слышу о таком. Кто тебе рассказал? Отец?

— Мать. Это ванирское сказание. Огненная Жрица является на белом коне, в белых одеждах и с сияющим, точно солнце, мечом в руке... Я помню, что в детстве был так очарован ее образом, что она снилась мне по ночам. Я мечтал стать великим бойцом и когда-нибудь вступить в ее рать и сражаться вместе с нею. Мать говорила, это великая честь, которой удостоивается не каждый. Но я ни с кем не делился своей мечтой. Надо мной стали бы смеяться.

— Почему это? — не поняла Соня.

— Ну... — Ковент слегка смутился. — Я был меньше и слабее всех своих сверстников, какой уж там великий боец. Зато когда я чувствовал

себя совсем одиноким и несчастным, я молился Огненной Жрице и клялся, что обязательно стану достойным ее. Мне казалось, она меня слышит.

— Ты ее любил?.. В мечтах?

— Нет. То есть не в том смысле, какой обычно вкладывают в это слово. Огненную Жрицу нельзя желать как женщину, ведь у нее есть супруг в ее стране и она не прощает тех, кто осмеливается посягнуть на ее честь. Вот такая история. Так что, рыженькая, гирканка ты или нет, для меня не имеет значения... И твой брат Кейнкорт тоже занял в моем сердце прочное место.

— Надеюсь, и ты — в его. Эйдан недоверчив и мало кого к себе подпускает, но после того как вы подрались, он тебя явно полюбил.

— Для мужчин вроде нас это верный способ получше узнать друг друга, — засмеялся ковент. — Ладно, давай теперь обсудим, как вести себя на Совете. На сей раз ты придешь со мной открыто...

Дальше Алида, стоявшая, прижавшись ухом к другой стороне двери, слушать не стала: полученной информации и так было довольно. Она неслышно отступила, а потом, подобрав юбки, со всех ног помчалась докладывать Велде обо всем, что узнала. Она так спешила, что чуть не налетела на Лиару, которая недовольно фыркнула.

— Чего мчишься как на пожар... как там тебя, Алида, кажется?

— Живот схватило, — смущенно пробормотала та, — извини...

— Угу. Жрать меньше надо, — наставительно заметила Лиара, пропуская ее.

Сама она полдня провела рядом с Лори. Едва не потеряв его, Лиара окончательно убедилась в том, что этот парень ей очень дорог, да и он в ее присутствии просто воскресал душой и телом. С трудом заставив себя оторваться от него, она вернулась в Риатеос, чтобы узнать, нет ли для нее каких-нибудь распоряжений.

Таковых, однако, не последовало — разве что Соня попросила подругу присматривать время от времени за беременной вдовой Зарха; бедняжка осталась совсем одна и мало ли каких глупостей способна была наделать с горя.

— Надо, чтобы с нею рядом все время кто-нибудь находился, а у нас осталось не так много людей, — сказала Соня.

— Ну не я. Роды принимать я не умею, — возразила Лиара, — и вообще я нужна Лори. Не разорваться же мне! Вон пусть эта тощая ею займется, ей все равно делать нечего, только бегают по замку, что твоя лошадь.

— Алида, что ли? — спросил Гинмар. — Забавная девчонка.

— По-моему, дура противная, — категорично отрезала Лиара.

— Мне она тоже не нравится, — подтвердила Соня.

— Перестаньте, — отмахнулся ковент, — она немножко странная, но вовсе не глупа и довольно исполнительна. Соня, ну мы опять отвлеклись...

Ей трудно было не отвлекаться. Новая загадка Риатеоса не давала Соне покоя почти так же сильно, как естественное волнение перед началом Совета. Призраки, которых она, единственная, отчетливо различала с первого же дня их с Гинмаром возвращения от гирканцев, продолжали преследовать девушку. Незримые тени, шелестя, повсюду двигались за нею, впрочем отчего-то не вызывая страха. Что им нужно от нее?!. Нет, никак невозможно разбираться со всем одновременно. Сначала — Совет. Потом, когда она придет сюда снова, — эти создания. Им пока придется подождать, потом найдется время и для них. Двенадцати тысяч лун как-нибудь хватит.

Подробно, во всех деталях обсудив, как наиболее убедительно представить свой план действий, Соня и ковент одновременно облегченно вздохнули. Собственная логика казалась им железной, и они чувствовали себя готовыми отразить любое возражение.

Они заблуждались. И вскоре им предстояло в этом убедиться. Но в тот момент ни один, ни другая ни о чем подобном не догадывались.

Совет встретил их гробовым молчанием, в котором таилась плохо скрытая всеобщая враждебность, ее просто невозможно было не почувствовать. Только разве что Маргир продолжал ободряюще улыбаться.

Однако Монторн «милостиво» позволил ковенту высказаться. Слишком милостиво и с язви-

тельной снисходительностью, даже не подумав выразить сожаление по поводу нападения на Риатеос посланных им солдат и сопутствующей этому трагедии. Соне это сразу не понравилось, и она немедленно внутренне подобралась, переглянувшись с Гинмаром, который тоже почувствовал неладное.

Впрочем, отступать теперь было некуда, поэтому ковент все-таки изложил свои соображения о дальнейших отношениях с гирканцами, объяснил полную бессмысленность развязывания открытой войны — и то, что, помимо гирканской, существует более страшная угроза, со стороны пиктов. В связи с этим следует объединиться с войсками Кейнкорта на выгодных для Офира условиях, сохранив жизни сотен, если не тысяч, солдат с обеих сторон, чтобы иметь возможность дать достойный отпор другой, движущейся с Запада, орде.

Он закончил в той же напряженной тишине, в какой начинал свою речь. Некоторые из присутствующих пребывали в глубокой задумчивости, растерянные неожиданным предложением; иные постепенно начали презрительно перешептываться, видимо, недовольные тем, что ковент отказывается от открытого сражения и проявляет недопустимую слабость. Впрочем, и те, и другие ждали реакции правителя, который вовсе не спешил высказаться, выжидая, пока страсти достаточно накалятся, и только спустя несколько показавшихся бесконечными мгновений произнес:

— Вы удивлены, почтеннейшие, тем, что только что услышали, не так ли? Напрасно. Ковент уже успел ознакомить меня со своим планом, и мне потребовалось некоторое время, чтобы понять причины, побудившие его к подобным настроениям. Сейчас эти причины станут ясны и вам. Вернее, одна причина — вот она, перед вами. — Он указал на Соню. — Вы видите эту женщину? Дерзость и лицемерие ковента Гинмара, его уверенность в собственной безнаказанности зашли так далеко, что он не остановился перед тем, чтобы привести на Совет... гирканскую шпионку! О чем мы здесь говорим и кого слушаем?! Гирканцы уже давно в Ианте — усилиями ковента. Эта женщина — родная сестра Кейнкорта, и пусть она скажет, что это не так!

Слова Монторна прозвучали как удар грома. Большинство присутствующих с криками ярости вскочили с мест, готовые разорвать Гинмара и Соню на части.

— Стоять! — крикнула она. — Да, я сестра Кейнкорта, я наполовину гирканка, но именно это позволяет мне утверждать, что...

Соню никто не слушал, ее слова утонули в возбужденном реве... Стражники Монторна немедленно схватили ее и Гинмара. Даже самое яростное сопротивление не могло помешать аресту: нападавших было слишком много. В отчаянии Соня поискала глазами Маргира и с облегчением поняла, что старику удалось уйти: его не успели задержать. Это было хорошо —

хоть один оставшийся на свободе друг давал надежду на то, что ситуация может измениться в их пользу.

— Не сопротивляйся, — успела она предупредить Гинмара, — иначе нас прикончат на месте.

Друзьям повезло: их не разлучили, они оказались в одной камере.

— Проклятие, — отдышавшись, заметил коuvent, — отсюда будет не так-то просто выбраться.

— Выбраться можно откуда угодно, — возразила Соня, — где имеется вход, найдется и выход.

— Как ты думаешь, — спросил он, — почему нас сразу не убили?

— Должно быть, все еще считают тебя колдуном и боятся. Но вот откуда Монторну известно о моем родстве с Кейнкортом? Об этом знали только я, ты и Маргир.

— И я ему ничего подобного не сообщал. Уверен, что Маргир тоже, а ты тем более...

— Тогда остается только поражаться его проныцательности, — язвительно заметила девушка и умолкла, размышляя над созданным положением.

Увы, ни единой толковой мысли ей в голову не приходило. Гинмару, кажется, тоже. Оставалось ждать, как будут развиваться события дальше.

Ожидание долго не продлилось. Вскоре Соню — пока одну — выволокли из камеры и доставили к Монторну. «Допрос», — поняла она.

— Что ты хочешь узнать? — спросила девушка, прямо глядя в бесцветные глаза правителя.

— Ничего. Мне все совершенно ясно,— как ни странно, ответил тот.— Сдать Офир гирканцам без боя — очень простое решение. Кейнкорт бережет своих людей, поэтому подослал тебя и сумел привлечь на свою сторону еще одного изменника. Почти безупречная работа. Я восхищен. Но ты умная женщина и должна понимать, что проиграла. Так что теперь тебе остается только одно — действовать так, как укажут люди, оказавшиеся ничуть не глупее тебя.

— И чего эти люди, полагающие свою мудрость столь совершенной, намерены от меня требовать? — холодно поинтересовалась она.

— Отправить твоему брату послание, что вам удалось убедить власти Ианты открыть ворота города гирканцам. Пусть приходит сам с небольшим отрядом, но без оружия, как... друг, готовый к переговорам. Разумеется, из этой ловушки он живым не уйдет, и тогда...

— Тогда Орда сметет Офир с лица земли: вероломство должно быть наказано,— с презрением отозвалась Соня.— Действительно, на редкость мудрая идея. Я готова визжать от восторга.

— Ошибаешься. Обезглавленная Орда будет отброшена нашими войсками так далеко, что у них надолго пропадет охота совать нос в эти земли.— Монторн самодовольно улыбнулся.

— И поведешь эти войска ты сам, да? Жаль мне твою лошадь: при одном появлении гирканцев на горизонте бедное животное захлебнется в дерьме.

Монторн угрожающе приподнялся:

— Молчать, дрянь!

— Я и так молчу. Мне с тобой говорить не о чем. Поскольку никаких посланий отправлять я не стану.

— Станешь,— прошипел правитель,— куда ты денешься.

Соня усмехнулась: если Монторн намеревается одержать над ней верх под пытками, то он здорово просчитался. Во-первых, она терпелива к боли. Во-вторых — ибо бывают ситуации, когда выдержать мучения не может даже самый сильный человек,— обучена искусству мгновенно терять сознание при одном только виде ножа или подносимого к телу факела: замучаются приводить ее в чувство...

— Разумеется, Кейнкорт не послал бы человека, в ком не был бы совершенно уверен,— заметил Монторн.— Поэтому он использовал в своих целях женщину — вы, гадины, выносливы и терпеливы. Так что я не намерен тратить время на то, чтобы возиться с тобой; тебя и пальцем никто не тронет.

— Премного благодарна,— издевательски поклонилась Соня, но сердце ее тревожно сжалось. Похоже, правитель не так глуп, как кажется, и коварства ему не занимать. Ничего хорошего ей это не сулило.

— Зато,— продолжал тот,— ваша слабость — в чувствительности. Вы не так боитесь за себя, как за близких. Во всяком случае, это легко проверить: твой друг у нас в руках.

— Гинмар? — Соня старалась не показать своего беспокойства. — А стоит ли забывать о его силе? Не слишком ли дорого тебе обойдется попытка повредить ему?

— Не слишком, красавица. Нельзя же вечно водить за нос всех вокруг! У него нет никакой силы, так что и забывать, собственно, не о чем.

Монторн столь уверенно сообщил об этом, что Соня поняла: он не пытается ее напугать. Он знает.

— Так что же ты ответишь теперь? — продолжал он, наслаждаясь ее замешательством.

— То же, что и прежде, — твердо проговорила Соня. — Никаких посланий.

— Хорошо, — с наигранным сожалением вздохнул Монторн. — Слова для тебя мало что значат. Перейдем к действиям, коль скоро ты на этом настаиваешь.

Когда Соню вели назад в темницу, ноги у нее подкашивались, во рту пересохло. «Возьми же себя в руки! — мысленно приказала она. — Еще не все потеряно». За этими словами, впрочем, ничего не стояло: от тревоги за друга Соня на время утратила способность мыслить трезво. Как ни старалась, никакого выхода найти не могла. А уж когда она увидела Гинмара обнаженным, подвешенным за руки к перекладине под низким сводчатым потолком застенка, ей и вовсе стало нехорошо. Соня рванулась было к нему, но ее держали так крепко, что все усилия оказались тщетными.

— Стой и смотри, — велел один из тех, кто привел ее сюда, — и не забывай, что во всем виновато твое глупое упрямство.

— Не трогайте его, не надо, — прошептала Соня.

— Это в твоей власти. Вот пергамент. Пиши то, что от тебя требуется, и вы оба умрете легко.

«Еще бы, — подумала она. — Подписать смертный приговор Эйдану? Никогда!»

— Нет.

Палач подошел к Гинмару, расправив длинный черный кнут. Таким легко можно перебить человеку хребет. Изувечить на всю жизнь... Соня попробовала отвернуться.

— Смотри! — Ее схватили за волосы, заставляя смотреть на пытку.

При первых же ударах Соню затошнило. Она чувствовала, что плачет, но остановиться не могла — слезы лились из глаз сами собой. Ковент мужественно молчал, стойко выдерживая пытку. Кнут со свистом рассекал воздух, опускаясь на его спину и ноги, оставляя глубокие кровавые рубцы на содрогающемся теле.

— Выродки! Звери! — Соня закричала первой, словно его боль передалась ей. — Вы же убьете его!

— Это ты выродок, а не женщина. Пиши — и он будет спасен!

— Нет!

— Соня, не смей им уступать! — Ужас заключался в том, что Гинмар был слишком силен и все еще оставался в сознании, однако, один раз разжав зубы, он уже не мог удержаться от крика.

Его вой заставил Соню пошатнуться, перед глазами у нее все поплыло. Поверить в реальность творящегося кошмара было невысказано. Если бы у Гинмара в эти мгновения остановилось сердце, честное слово, ей стало бы легче.

— Между прочим, если он умрет под кнутом, для тебя это будет только началом. Тогда его место займет жена. Потом — сын, — спокойно заметил палач, руководивший чудовищным действием. — Все твои друзья погибнут в мучениях по *твоей* вине, а ты останешься и будешь жить с *этим*...

«...все свои двенадцать тысяч лун... двенадцать тысяч лун... лун...»

— Один Нергал ведает, из чего сделаны эти люди, — раздраженно сказал тот же голос, доносившийся до Сони словно сквозь толщу черной воды. — Он лишился чувств. В камеру обоих. Утром продолжим.

То, что было позже, сохранилось в памяти Сони лишь урывками. Она рыдала рядом с Гинмаром, положив его голову себе на колени и беспрестанно гладя его волосы, — впрочем, коvent этого не чувствовал, он вообще ничего не чувствовал. Лишь изредка он приходил в себя и называл ее Огненной Жрицей...

Слезы не приносили облегчения. Настолько беспомощной Соне еще не доводилось себя ощущать. Огненная Жрица ваниров с сияющим мечом, на белом коне... Как же! Сейчас она была всего лишь несчастной, испуганной женщиной с опухшим от слез лицом.

И с двенадцатью тысячами проклятых, бесполезных, ненужных лун жизни впереди — что в них проку, если, имея такое бесценное состояние, она и одного-то человека не может спасти?! Коvent не переживет повторной пытки. Эти подонки готовы все кости ему переломать, а потом... Нет, довольно! Так она тронется рассудком за-долго до рассвета.

Гинмара начали сотрясать приступы надрывного кашля, он отхаркивал ей на колени сгустки черной крови, и Соня повернула ему голову, чтобы он не захлебнулся.

— Потерпи еще немного, звездочка моя. Мы будем бороться до конца, — сказала она больше себе, чем ему. — Пока мы живы, нельзя терять надежду.

Склонившись над Гинмаром, Соня губами собрала с его лица кровь и пот, ничуть не смущаясь этой нежности и жалея только о том, насколько сурова была с ним прежде. Что же это за душевное уродство — так бояться малейшего проявления нормальных человеческих чувств?! Дура она, дура.

— Я люблю тебя, мой милый. Слышишь? Я люблю тебя. Только продержись до утра, пожалуйста...

Разум Сони заработал с новой силой, и она решительно вытерла слезы. Хватит уже реветь. Она встала, сняла с себя верхнюю одежду и подсунула под казавшееся безжизненным тело Гинмара... Невелика помощь в его положении, но не лежать же ему на холодных камнях.

Так. Помощи ждать неоткуда. На кого она может рассчитывать? Если они заговорили о Джилле и Талле, то те — а значит, и Маргир с Лори и Лиарой — либо уже схвачены, либо держат оборону в доме-крепости старого воина. В любом случае друзьям сейчас не до нее.

На Эйдана тоже надежды мало: он уверен, что они с Гинмаром сейчас ведут переговоры с властями Офира. Ну и кто остается? Разве что призраки Риатеоса; но от них никакого толку. Впрочем... Призраки?! Им ведь что-то было нужно от нее, а она просто отмахнулась от этих бедняг. Жертвы Зверя... Те, чьим временем он поддерживал свое существование.

Временем?! О боги, да ведь их время теперь у нее, все их время, а значит, они снова могут вернуться в мир живых, если она отдаст им хотя бы часть!.. Соня глубоко вздохнула. Там их целая армия, против которой стражники Монторна вряд ли устоят... Однако сюда они — пленники Риатеоса — прийти не смогут, а значит, ей придется самой измыслить, как попасть во дворец.

Соня с такой силой забарабанила в дверь камеры, что и мертвый проснулся бы.

— Эй, — крикнула она, — немедленно откройте! Я хочу говорить с Монторном!

К ее облегчению, ключ в замке повернулся довольно скоро.

— Чего орешь? — Вооруженный до зубов охранник, очевидно настоятельно предупрежденный о том, насколько может быть опасна рыже-

волосая пленница, подозрительно взглянул на нее.

— Я хочу говорить с правителем, — повторила Соня. — Но сначала принеси воды: мой друг умирает.

Охранник кивнул, помня о строжайшем приказе в любое время дня и ночи докладывать обо всем, что происходит в темнице. Правитель был уверен, что женщина непременно сломается. Похоже, он оказался прав.

— А, развязался язык, — злорадно заметил стражник. — Воды тебе?.. А больше ничего не надо?

— Не мне. Ему, — кивнула она в сторону Гинмара. — Ну есть в тебе хоть что-то человеческое?! Пока ему не окажут помощь, я буду стоять на своем.

— Он все равно сохнет, хоть весь Вилайет сюда перекачай. Больше полусотни таких ударов никто бы не пережил.

«Вы ответите за *каждый*, — подумала Соня. — И Монторн первый».

— Гинмар сделал тебе лично какое-то зло? — вслух спросила она.

— Мне — нет. Но я выполняю приказ.

— Вот и выполняй. Если я передумаю, тебе за это спасибо никто не скажет.

— Ладно, сделаю, что могу. — Дверь снова закрылась.

Страж проявил поразительную щедрость и приволок не только деревянную бадью с водой, но даже какие-то тряпки и охапку соломы, заслужив искреннюю благодарность Сони. Она рас-

судила, что, пока Монторну доложат обо всем и он решится позвать пленницу, у нее хватит времени позаботиться о Гинмаре. Только бы удалось привести его в чувство! От этого сейчас многое зависит...

Осторожно, стараясь не причинять раненому боли, она, как могла, обтерла с его тела кровь, затем с трудом, но заставила его сделать пару глотков воды. В конце концов он все-таки очнулся настолько, чтобы с ним можно было поговорить.

— Милый, я знаю, верю, ты очень сильный.— Соня снова поцеловала его.— Послушай, у нас все получится, если только ты сможешь вспомнить всего несколько слов...

— Огненная Жрица... ты пришла за мной.

— Да,— Соня едва справилась со вновь подступившими к горлу слезами,— я пришла. Огненная Жрица всегда находит самых достойных.

— Я знал, что так будет. Я ждал тебя.

— Конечно. Я тоже знала о тебе. Скажи мне, Гинмар, что нужно сделать, чтобы передать *вре- мя* лишенной тела душе? Тебе ведь это известно. Слова... слова закл^ятия! Скажи их мне, пожалуйста, постарайся вспомнить!

— Ты больше не уйдешь, не оставишь меня?

— Нет, никогда. Ты же мой воин. Вместе мы победим, и Силы Тьмы отступят. Ты воин Света, мы будем сражаться плечом к плечу!

— Мы победим...— эхом повторил он.— Но ты знаешь... я ведь больше не маг... Дар Наола...

— Знаю. Но тебе и не надо ничего делать, только вспомнить *слова*. Я все сделаю сама.

— Слушай...

Он говорил так тихо, что Соне пришлось наклониться к самым его губам, но она запомнила все. Закл^ятие врезалось в ее память так прочно, словно высеченное на камне.

Скорее она забыла бы собственное имя.

— Если бы ты только знал, какой ты замечательный,— проговорила она, когда Гинмар закончил.— Ты вложил в мою руку оружие посильнее любого меча. Теперь... воин, я приказываю тебе лишь одно: выжить. Ты обязан мне подчиниться.

— Да,— согласился он.

— Чего бы это тебе ни стоило. Продержись до рассвета. Когда взойдет солнце, я буду рядом.

Она уже слышала, что за нею идут. В последний раз сжав руку Гинмара, Соня решительно поднялась и сделала первый шаг навстречу новым испытаниям.

* * *

...Монторн при виде нее не мог скрыть торжества. Гирканка сломлена — это было видно без всяких слов, но он все же спросил:

— Ну что, одумалась?

— Я напишу это послание,— сказала Соня.— Только Кейнкорт ему не поверит.

— Почему? Он, что же, не узнает руку своей сестры?

— Узнает. Но должна быть печать. Моя печать. Иначе он поймет, что это ловушка.

— Так поставь ее, в чем же дело?

— Но у меня ее нет. Я же не ношу с собой подобные вещи постоянно.— Голос Сони звучал бесцветно и безжизненно.

— Может быть, ты еще скажешь, что даже не знаешь, где она? — Монторна это начало раздражать.— Опять пытаешься выкрутиться? Не расчитывай!

— В Риатеосе.

— Что — «в Риатеосе»?

— Печать. Я оставила ее там.

— Скажи, где именно, и мои люди разыщут ее и принесут.

— У них не получится. Они ее не увидят. Это особая вещь, она делается незримой для посторонних и проявляется вновь только при звуке моего голоса. Обыкновенная магия. Чтобы никто чужой не воспользовался. Позволь мне вернуться во дворец. Можешь приставить ко мне любую охрану. Хотя я не собираюсь бежать. Я не могу бросить друга.

— Ковента? Он, что, все еще жив?

— Был жив, когда я уходила. Господин, позволь, если уж нам суждено быть казненными, умереть вместе... Это все, о чем я прошу: не разлучай нас.

— Хорошо, хорошо,— отмахнулся Монторн,— чего просишь? Итак, никто, кроме тебя, не может взять эту печать?

— Никто.

Он задумался. Гирканка, похоже, не врет. Куда ей врать, она еле стоит на ногах и выглядит так, словно вот-вот лишится чувств. Она не

опасна и готова на все. План Велды себя оправдал: о, умнейшая из женщин! Нужно будет наградить ее по заслугам.

— Господин, ты и сам можешь быть там... если сомневаешься. Пойдем в Риатеос вместе со мной, и мы все сделаем прямо там же.

Он кивнул. «А потом,— подумал Монторн,— я все-таки завершу то, что не успел мой отец. Я сожгу проклятый дворец. И гирканку вместе с ковендом. Живьем!»

Он так возбудился при этой мысли, что, не медля, призвал человека десять охраны и лично вызвался отправиться вместе с Соней в Риатеос, не дожидаясь наступления утра. Ну в самом деле, что может сделать одна измученная безоружная женщина против одиннадцати мужчин?..

Переступив порог дворца, Соня почувствовала себя куда увереннее. Они были здесь. Повсюду. И при ее появлении привычно, хотя и осторожно, начали приближаться. Мертвецы, лишенные тел, кем бы они ни были, сейчас казались девушке предпочтительнее живых нелюдей, ни на мгновение не спускающих с нее глаз.

— И чего ты теперь ждешь? — поторопил ее Монторн, ощущая необъяснимую тревогу.— Ищи свою печать и хватит морочить нам голову!

— Сейчас,— сказала Соня.— Отпустите меня. Мне й нужно-то всего-навсего произнести несколько слов.

— Ну так давай же! Не медли!

То, что за этим последовало, могло, наверное, поразить даже самое богатое воображение и ис-

пугать самого мужественного и ко всему готового человека. Ибо стоило Соне воздеть руки и начать говорить, медленно, отчетливо произнося каждое слово, следя за тем, чтобы ничего не пропустить и не перепутать, как зал вдруг начал наполняться неизвестно откуда появляющимися людьми.

Девушка стояла, окруженная змеящимися голубыми всполохами, словно молниями, каждая из которых, соприкасаясь с чем-то невидимым обычному взору, порождает новых и новых людей, одетых по-разному; совсем молодых и уже достаточно зрелых, в основном мужчин, хотя было среди них и несколько женщин; воинов и знатных господ; наемников и купцов... Стражники Монторна в ужасе шарахнулись прочь, закрывая лица руками, а сам правитель окаменел от ужаса, не в силах двинуться с места...

Огромного роста мужчина с янтарными глазами и черными, перевязанными змеиной кожей волосами встал рядом с Соней, готовый по одному мановению ее руки прикончить любого, от кого исходила бы хоть малейшая опасность для девушки.

— Орт,— обратилась к нему Соня как к старому знакомому,— твой брат Гинмар в беде, нам нужно спешить.

Мужчина грозно сдвинул брови.

— Кто?...— хрипло спросил он, как если бы слишком долго молчал, а теперь его горло заново привыкало к человеческой речи.

— Он.— Соня без колебаний указала на Монторна.

Орт одной рукой сгреб правителя, за которого не решился вступить никто из его трясущихся от ужаса людей, и легко оторвал от пола, встряхнув, точно пустой мешок.

— Где мой брат?! Веди к нему.

Остальных стражников удерживали другие «призраки» — впрочем, те и так не смели лишнего раз шевельнуться. Соня отдала несколько коротких распоряжений, отправив часть своего воинства к дому Маргира.

— Джилла и Талл на свободе? — спросила она у Монторна.

— Да... да! Они... Маргир...

Молодец старик. Единожды обьявив, что они под его защитой, он готов держать слово даже ценой жизни. Ну ничего, сейчас подоспеет помощь...

— Откуда ты узнал, что я гирканка и сестра Кейнкорта, а у Гинмара нет магической силы?!

Увы, Монторн был уже не в состоянии отвечать на вопросы: в его мутных глазах не читалось ни малейшего проблеска мысли. «Ладно,— подумала Соня,— все, что нужно, я выясню позже, сейчас не это главное».

Соня сдержала слово, данное Гинмару. Когда взошло солнце, она была с ним рядом — Огненная Жрица, не оставившая своего воина. Больше всего она боялась, что у него не хватит сил дожидаться ее. Но Гинмар исполнил приказ... Да,

он сделал то, что велела Огненная Жрица. Но на большее у ковента не хватило сил. Он успел увидеть ее лицо, лицо богини своих детских грез,— и погрузился во мрак.

При виде Гинмара Маргир покачал головой и отвернулся. Старый воин видел множество смертей и знал, что такое агония. Маска смерти уже сковала черты Гинмара; помочь ему было невозможно.

— Оставьте его,— сказал Маргир.— Дайте ему умереть спокойно. Он, по счастью, уже ничего больше не чувствует.

И тогда вперед шагнул Талл. Он молча отстранил окаменевшую от горя мать и вплотную подошел к отцу. Едва ли подобное зрелище мог вынести обычный ребенок. Но Талл видел вещи и пострашнее. И отлично помнил, как сумел спасти Лори. А если так, что мешает ему попытаться сделать то же самое для отца? Даже если для этого потребуется в десять раз больше усилий?

— Отец,— сказал мальчик так, словно Гинмар мог его слышать,— мы будем бороться вместе.

И во второй раз явил чудо. Удержал жизнь на излете дыхания, не позволив душе любимого человека расстаться с телом.

— А вы говорили, у них нет магической силы,— непонимающе развел руками Маргир.

— Это не колдовство,— тихо возразила Соня.— Это совсем другое. Сила любви. Она их никогда и не покидала.

Сама она к ковенту не приближалась все последние дни, хотя Гинмар постоянно спрашивал о ней и ждал возможности поговорить с девушкой. Даже о том, что произошло в Риатеосе, он узнал не от самой Сони, а от Орта, в чудесное возвращение которого едва смог поверить.

Ковент вел с Ортом долгие разговоры, стараясь ввести старшего брата, на многие годы вычеркнутого из жизни, в курс последних событий в Ианте и вообще в Офире, рассказывал о себе самом — они ведь прежде не были знакомы — ничего не скрывая и не приукрашивая. Братья сблизились насколько это возможно между родными, и старший теперь не отходил от младшего. Пока тот мог только лежать на животе, а о том, чтобы вставать или даже просто сидеть, не было и речи. Зато времени для бесед хватало с лихвой, и Гинмар поражался, как быстро Орт сумел разобратся в происходящем.

* * *

Соня взялась рукой за гриву коня и легко взлетела в седло. Она обняла скакуна за мощную черную шею, затем резко встала в стремях, сжав коленями его бока. Послушное животное с радостным ржанием сорвалось с места и устремилось вперед.

Маргир задумчиво проводил их взглядом. Рыжеволосая красавица в последнее время была сама не своя. Внешне вроде бы все нормально, однако что-то гнетет ее душу, вот она и носится по окрестностям Ианты, словно стараясь беш-

ной скачкой притупить душевную боль. Где она проводит дни, никому не известно, а по ночам бродит без сна, будто тень...

Остановив жеребца, бока которого тяжело вздымались после быстрого бега, Соня спешила и опустилась на траву. Она легла и вытянулась, закинув за голову руки и глядя на облака, несущиеся по темно-синему своду небес. «Быть грозе», — подумала она, вдыхая плотный, жаркий воздух. Но эта мысль отнюдь не заставила ее подняться и вернуться в Ианту. Она ждала этой бури, желала увидеть себя под льющимися сплошной стеной струями и наблюдать за всполохами молний, бьющих в землю, кажется, у самых ног. Желала и ждала — этой грозы, несущей отдохновение.

Незаметно для себя самой девушка прикрыла глаза и заснула прямо на земле, но измученный мозг не знал покоя: кошмарные картины проносились в ее сознании, и то, что она видела во сне, было не менее жутким, чем пережитое в реальности.

— Соня?

Ей не хотелось никого видеть, и менее всех — того, чей голос сейчас донесся до ее слуха.

— Соня, что с тобой происходит?

Она открыла глаза и повернула к нему голову.

— Зачем ты пришел и как разыскал меня?

— Это было нетрудно. Именно здесь мы с тобой сражались каждое утро, и я знал, где ты бываешь. Скажи, почему ты избегаешь меня?

— С чего ты взял? Вовсе нет. — Соне самой стало противно от того, как фальшиво звучал ее голос.

— Я чем-то обидел тебя, Соня?

Она села, обхватив руками колени.

— Конечно, нет.

— Может быть, я сделал что-то, о чем не помню? И это встало между нами?

— Не ты. Я сделала, — произнесла девушка, опуская голову так низко, чтобы Гинмар не видел ее лица под золотыми волнами волос.

— Что?

— Ты знаешь. Я предала тебя ради Эйдана. Ты умирал, не в силах себя защитить, а я стояла и смотрела. И самое ужасное заключается в том, что, если бы все повторилось, я поступила бы точно так же. С тех пор я не могу спать по ночам. Я все время слышу твой крик и вижу, как ты... как тебя... И еще... они мне сказали, если ты умрешь, они возьмут Джиллу и станут терзать ее... а потом...

— Но этого же не случилось. Посмотри на меня — я жив. И Джилла тоже.

— Это могло случиться.

— Много чего *могло* произойти. Что с того? Неужели ты полагаешь, будто я могу держать на тебя зло из-за того, что ты поступила именно так, как должна была? Чтобы вытащить меня, ты в ту самую ночь пожертвовала большей частью своего *времени*, вернула Орта в мир живых...

— Они рвали твою плоть, а я стояла и... Ты бы на моем месте поступил иначе, потому что ты не *выродок*.

Гинмар встал перед ней на колени и заключил девушку в объятия.

— Бедная моя... Ну какой же ты выродок, если я пережил это *один* раз, а ты день и ночь мучаешься вот уже сколько времени. Успокойся. Кто может знать, как бы он сам поступил на месте другого? Я не знаю. Вставай, пойдем домой. Буря идет.

— Ты права... правда не испытываешь ко мне ненависти?

Он взял ее лицо в ладони и посмотрел в глаза.

— А как ты сама полагаешь?

В его взгляде не было ничего, кроме любви, нежности и сочувствия. Губы Гинмара нашли ее губы, и несколько мгновений эти двое, мужчина и женщина, не размыкали объятий. Соня и не думала сопротивляться; наоборот, она сама ласкала Гинмара с такой неистовой страстью, словно впервые в жизни испытывала нечто подобное. Стянув с его плеч рубашку, она коснулась пальцами его спины, исполосованной едва затянувшимися шрамами.

— Возьми меня, Гинмар,— выдохнула Соня,— люби меня...

Как ни трудно было ему в этот миг оторваться от нее, ковент сделал это.

— Соня, милая, ты прекрасна. Но мы не можем... не имеем права. Как мы станем потом

смотреть в глаза друг другу? Ты ведь вовсе не любишь меня в обычном смысле. Да и вряд ли тебе понравится, если вместо твоего имени я в какой-то момент назову имя Джиллы.

Он поднялся. Соня тоже вскочила на ноги и улыбнулась. Между ними теперь не осталось никаких недомолвок. И того, из-за чего они могли бы позже испытывать неловкость.

— Спасибо.— Она на миг положила голову ему на плечо и тут же обернулась, отыскивая глазами коня.

— Пойдем пешком.— Гинмар взял ее за руку.— Конь сам найдет дорогу, а мне пока в седле не усидеть,— усмехнулся он.— Эй, не грусти, рыженькая! Были бы кости, мясо нарастет.

* * *

...Орта с рождения растили и воспитывали как властелина. Это, а возможно, природная решительность и полное отсутствие страха перед тем, чтобы принять на себя любую ответственность, или то и другое вместе, помогло мгновенно разрубить запутанные узлы иерархических интриг. Он не стал, подобно младшему брату, расшаркиваться перед вековыми традициями наследования офирского престола и заявил Гинмару прямо:

— Ну и напрасно ты сразу отказался взять власть, когда она сама шла к тебе в руки. Мониторн, этот червяк, не годится для трона, да я бы ему и конюшни сторожить не доверил! Сочетание тупости и злобы, ничего больше. Благород-

ство имеет смысл проявлять перед теми, кто способен его оценить, а поддерживать ничтожество просто глупо.

— А мне бы доверил? Ну, сторожить свои конюшни? — Гинмар откровенно любовался неожиданно обретенным старшим братом.

— Я бы подумал над таким предложением. А вот ставить тебя во главе народа — ни в коем случае. Ты действительно для этого не создан. Слишком ты горяч, все у тебя идет от сердца, а не от рассудка. Ты способен многого добиться — и в один миг все потерять, а потом схватиться за голову, сделать во-от такие глаза и искренне удивляться, куда что подевалось.

Гинмар рассмеялся.

— Это точно. Но, в таком случае, кто же...

— ...заменит Монторна? Я заменю. А если это кому-то не понравится, армия — моя армия — быстро наведет здесь порядок. С таким командующим это будет несложно: жесткость, но не бессмысленная лишняя жестокость, — это то, что надо, когда речь идет о делах внутри страны.

— С каким командующим?

— С тобой, разумеется. Я не спрашиваю твоего согласия, это приказ. Подготовь войска к присяге новому королю. Это первое. Во-вторых, что еще важнее, на следующий же день после коронации я начну переговоры с гирканцами — на основе того устного соглашения, к которому ты пришел с Кейнкортом. Здесь все идеально, я не нахожу ничего, к чему мог бы придраться.

Выступать против Гиркании может только законченный недоумок. Гирканцы необыкновенно сильны. А в границах их империи Офир обезопасит себя от того, чтобы быть сожранным пиктами. Офир так и так рано или поздно окажется на стыке интересов этих двух сил, как между двух огней.

— То же самое мне сказала Соня.

— Потому что это очевидно, а логика Сони безупречна. У нее мозги мужчины. Не говоря уж о других достоинствах. И о том, что мы оба обязаны ей жизнью.

— Лично меня она спасала столько раз, что и пересчитать невозможно.

— Могу себе представить. С твоей потрясающей способностью нарываться на неприятности... В общем, начинай действовать, и чем скорее, тем лучше.

Орт оказался прав: желающих выразить недовольство новым королем не нашлось — во всяком случае, открыто. Что касается Монторна, этот несчастный не смог даже повторить печальный урок собственного отца и покончить с собой: его рассудок не выдержал зрелища воплощения призраков в Риатеосе, и было ясно, что остаток жизни он обречен провести безумцем.

— Впрочем, он и раньше-то умом не отличался... — без всякой жалости заметил по этому поводу Маргир.

А Соня во второй раз отправилась к Кейнкорту, чтобы ввести его в Ианту. Такой ду-

шевной гармонии и спокойствия, ощущения мира в душе она не испытывала уже очень давно...

* * *

Когда рок начал преследовать ее?

С появлением Рыжей. В этом у Велды сомнений не было.

Рыжей, с которой она даже не знакома лично, но которая одним своим присутствием изменяет вокруг все и вся.

Это как игра в кости. Рыжая бросает — и всегда выигрывает, точно заколдованная, даже когда кажется, что подобное совершенно невысказано, когда она загнана в угол и ей только остается сдаться и признать свое поражение. Кости судьбы падают так, как ей нужно. Ей — и Гинмару. Да, если это нужно Рыжей, целые народы способны сдвинуться с места, горы рухнуть, а реки — потечь вспять. Тот, на кого она ставит, выходит победителем, и горе тому, кто оказывается на ее пути.

Заговоренная она, что ли? А если так, каким же сильным должен быть тот заговор?.. Велда думала над этим и не находила ответа. Если бы она испугалась или отчаялась настолько, чтобы оставить Соню в покое, может, ей и самой стало бы легче. Но нет. Теперь, прежде всего остального, Велдой двигал азарт. Игра так игра!

Даже ненависть, которую она испытывала к Гинмару, померкла и отошла на второй план. Гинмар всего лишь жалкий мужчина при талант-

ливой, умной, хитрой и удачливой женщине, с ним тягаться неинтересно. Рыжая — другое дело. Рыжая — достойный, серьезный враг, не то что этот колдун, потерявший Силу. Ну что ж, горькие уроки иногда предпочтительнее опыта побед: они делают человека осмотрительнее и опаснее; получив ощутимый удар, Велда ничуть не растерялась.

Она еще возьмет свое. Пусть она лишилась Монторна и Тизара, но у нее остался Эмин. Он хоть и старый глупец, из которого песок давно сыплется, но Сила пока при нем и ее можно использовать. Колдун готов ради нее, Велды, забыть об остатках чести и достоинства, предать все и вся. Стоит ей капризно надуть губки, выказывая недовольство, и он способен с горя покончить с собой. Ее прихоть сделалась ему единственным законом...

— Покажи мне истинный мир, — однажды попросила она.

Эмин не понял:

— Что ты имеешь в виду?

— *Мир* — не то, что происходит здесь и сейчас, это я и так вижу. Другие земли, племена... суть вещей. Ведь, говорят, расстояния для вас, чародеев, ничего не значат. Так ли это?

— Так-то оно так, — отозвался Эмин, — да только подобное дело весьма опасно. Если душа полетит, точно птица, чтобы узреть далекое, кто знает, сможет ли она вернуться назад в тело... Многие среди Сильных годы и годы не решаются попробовать...

— А ты? Ты — пробовал? — настаивала Велда.

— Раз или два. Это как сон, но *смертный* сон: можно не проснуться. Я слишком стар для таких вещей.

— Стар, вот как? Я бы не сказала.

— Увы, это так. Чем ближе человек к смерти, тем более он дорожит каждым мгновением жизни. Их так мало остается...

— Научи меня летать туда, куда не достигает взор. Научи владеть колдовством. Я не боюсь,— попросила она.

— Говорю тебе, это опасно. Да ты и не сможешь. У тебя нет Дара, ты не ведьма.

Глаза Велды опасно блеснули.

— Не ведьма? Но я могу стать ею.— Ее голос от волнения дрогнул.— Я чувствую, что могу, Эмин. Поделись со мной Силой. Я способна вместить ее...

— Нет, нет,— прошептал старик, отстраняясь,— ты не должна требовать от меня этого, Велда!

— Ты мне отказываешь? — холодно спросила она.— Вот как? Я, значит, не нужна тебе больше?

— Нужна! Я не перенесу, если ты оставишь меня!

— Тогда помоги мне, Эмин.

Он выглядел совершенно раздавленным. Старый колдун слишком хорошо понимал, что давать в руки Велде такое оружие, как магия,— все равно что вложить обоюдоострый меч в руку безумца. Он знал цену этой женщине. И все же готов был самую жизнь ей отдать, не только Дар.

— С этим рождаются,— снова попытался он ее урезонить.— Сила дается через кровь.

— Не только,— возразила она.— Ты лжешь. Лжешь! Ты просто не хочешь... Ну и ладно, пропади ты пропадом. В Ианте таких, как ты, полно.— Велда сделала вид, что собирается уйти.

Еще несколько мгновений Эмин боролся с собой, но наконец сдался.

— Ты получишь то, чего хочешь,— выдавил он,— я научу тебя.

Ну конечно. Она и не сомневалась — еще не было случая, чтобы Велда не добивалась желаемого.

— С чего я должна начать? — спросила она, оборачиваясь к нему.

...На сей раз она решила не торопиться. Хватит с нее поражений. Отныне каждый шаг будет уверенным до мелочей. Велда училась, была терпелива и настойчива. И к тому же умна. Она продвигалась вперед, запоминая последовательность сложнейших заклинаний и обрядов и никогда ничего не путая; стойчески переносила изнурительные многодневные посты, призванные очистить дух и плоть для нового Знания. Совершала необходимые жертвоприношения... И гораздо раньше, чем она сама, Эмин понял: эта женщина угодна богам.

Но каким богам?! Их чудовищные лики, от одного вида которых могло бы сжаться самое мужественное сердце, зыбко проступали в его видениях, когда Велда начала делать первые са-

мостоятельные шаги в искусстве колдовства. Он ошибся. *Сила* в ней была. Но настолько страшная и чуждая, ни на что не похожая, что Эмин содрогнулся. словно само Зло многие годы терпеливо ждало, когда Велда проявит себя и отзовется, чтобы служить ему. И вот наконец срок настал.

Эти боги были очень могущественны. Вот только *богами* назвать их не поворачивался язык. Ибо истинные боги, какого бы они ни были обличья, *творили*; эти же могли только уничтожать и губить, повергая мир во тьму и увлекая за собою тех, кто был очарован их жутким величием. Таких, как Велда.

Но она не боялась. Когда они открылись ей, она пришла в иступленный восторг и поняла, что земная власть, коей она так тщиалась достичь, ничто перед властью иной, вне мира стоящей. Ей жаль было только, что она поздно это поняла, впустую потратив годы и годы. Зато теперь... теперь ее ничто не остановит.

Эмин с ужасом осознал, что натворил, когда однажды взглянул в ее глаза — и увидел в них тьму, бездонный мрак, без малейшего проблеска света.

— Ты и теперь скажешь, что я не ведьма? — торжествующе спросила Велда, и даже голос ее стал другим — в нем больше не было ничего человеческого.

— Нет, — возразил Эмин, не в силах смотреть на нее, — теперь ты добилась, чего хотела, бедное создание.

* * *

То были странные времена. Головные отряды Орды под предводительством Кейнкорта без боя вошли в Ианту, притихшую и настороженную. Несмотря на все предварительные соглашения, о полном доверии между двумя сторонами пока не было и речи. Хватило бы малейшей искры, чтобы пожар войны запылал с неистовой силой. Кейнкорт строжайше, под страхом смерти, запретил своим людям вступать в ссоры с местным населением, тем более грабить город, от этого было не так-то просто удержать гордых, привыкших к победам и власти воинов.

Да они и слова такого не знали — «союзник». Они плохо понимали, чего от них хочет Вождь, и, пожалуй, впервые подчинялись приказу, внутренне протестуя и не соглашаясь с ним.

Равно и жители Ианты, так долго воспринимавшие Орду исключительно как злую враждебную силу, не могли привыкнуть к виду черноглазых, скуластых, крепко сбитых чужаков, говоривших на непонятном языке, облаченных в доспехи и свободно расхаживающих по улицам, словно у себя дома. Что-то было в этом неправильное. Непонятное. Опасное. Причем свободные граждане Ианты, в отличие от воинов, никакой дисциплине отродясь не подчинялись. Им невозможно было *приказывать*.

Старики ворчали, что во времена их молодости принято было драться с врагом, а не раскрывать ему объятий. Существовал простой закон: если сосед твой — зверь, не разжимай кулаков...

А теперь что? Сначала колдуны, следом еще и эти... Данию вроде не облагают, а кормить их все равно надо и на постой пускать в собственные дома чужую солдатню, по примеру Гинмара, который им весь свой дворец предоставил в полное распоряжение, а сам днюет и ночует в казармах; но это его личное дело, а не закон для всех и каждого.

Матери строго-настрого запрещали взрослым дочерям высовывать нос из дому. Это ведь только моргни, и пожалуйста, нянчись потом с неизвестно чьим скуластым сорванцом. Виданное ли дело? Чужая кровь, чужие обычаи, вместо привычных богов — какое-то зверье. Они и силами-то меряются не как нормальные люди: ну что это, подлезть под лошадь и поднять ее?! Ошалели совсем, и сами ржут как лошади при этом, и слова им не скажи, да и не понимают они человеческих слов — дикари, варвары, степные волки...

И король теперь не король, а вовсе бывшая нежить. Разве мертвые могут проложить тропу в мир живых? С виду человек, и многие его помнят, да по сути-то — кто таков? Страшно подумать. Ведь почти двадцать зим назад умер, а теперь правит страной. И все так быстро произошло... никто и опомниться не успел. Да и как тут опомнишься, когда он своего брата поставил во главе всех войск?

Чудные речи ведут, что эти гирканцы — защита от пиктов. А где те пикты, кто их видел? Далеко они; а раз далеко, можно сказать, что их

как бы и нет, зато эти — вот, пожалуйста. Хозяева. И верховодит ими рыжая девка. Не в открытую, нет, но что и гирканский Вождь, и король-нелюдь, и главный военачальник к ней прислушиваются, известно. Как она скажет, так и будет.

Молодые понимали лучше. Молодости свойственно радоваться переменам, как бьющему в лицо свежему ветру; и любопытство сильнее страха. Чужой — это интересно. Незнакомой речью легко овладеть. Неведомым обычаям — научиться. Дети толпами, раскрыв рты, ходили за гирканскими воинами, не внемля тревожным предостережениям родителей. Юноши старались затеять драку больше из любопытства, чем из неприязни, а потом завязывали разговор и уже вместе пили, хохотали, обменивались подарками.

Девушки... тем вообще война была явно ни к чему, и слабое женское сердце никак не могло остаться равнодушным пусть хоть к трижды чужому, но уставшему от дальнего похода и сражений бойцу; а если тот еще и лошадь поднять способен, на кое-что другое точно сгодится; а какого цвета у него глаза, так ли важно, если разобраться? Была бы кровь горячая, руки сильные, голос красивый, а слова пусть на каком хочешь языке произносит, смысл их один и тот же. И тут уж все запреты побоку. Природа сильнее запретов. И мудрее.

В общем, уже к концу первой седмицы пребывания бойцов Орды в Ианте стало очевидно, что вражда затухает сама собой, и многие вздохнули

с облегчением. В первую очередь Соня. Это ведь ей постоянно приходилось выступать в качестве примирителя, успевать затапывать малейшие искры смуты и недовольства, проявляя чудеса изворотливости и терпения. Ей и Гинмару; но у того хватало своих забот.

Возможно, в сравнении с Ордой, армия Офира была не столь велика, но справиться с нею, не имея опыта, было нелегко даже с помощью Маргира и советов Кейнкорта. Гинмар многому учился у гирканского Вождя, но не подражал ему слепо, а искал и находил собственные решения. У них с Ордой были разные задачи. Армия Кейнкорта имела целью прежде всего захват вражеских территорий во славу Гиркании; люди Гинмара должны были защищать собственную землю.

Увидев воочию плоды его усилий, Вождь взглянул на Гинмара с уважением.

— Быстро ты с ними справился. Откровенно говоря, я не хотел вмешиваться, но ты получил незавидное наследство. Лошади подкованы кое-как, мечи не наточены; все, что можно, разворачивали; парни думают только о том, как бы добраться до ближайшей таверны, потискать баб; из каждой сотни, как я полагал, едва ли треть способна выступить в бой по сигналу. Мне в жизни не приходилось видеть подобного, но ты сумел навести порядок. И, что странно, без единой казни. У меня так не получалось. Было время, головы летели десятками. За вину одного могла ответить вся сотня.

— Вот и мои ответили за чужую вину. Вооружение — за их счет, раз при правлении Монторна от городской казны мало что осталось. Тех же коней перековывали сами.

— Во главе с тобой.

— Ну а что было делать...

— Послушай, Гинмар. Ты ведь сам мог стать королем, — похоже, этот вопрос давно вертелся на языке Кейнкорта, — если бы не твой брат. Почему ты уступил ему власть?

— Потому что у него это лучше получается.

— Но если бы он не...

— Однако он здесь.

— И ты готов ему подчиняться. Защищать его. Поддерживать.

— Конечно.

— Ты не чувствуешь, что он... лишил тебя чего-то очень важного? Ты же перестал быть магом, и дворец теперь принадлежит ему. И вообще...

— Чего он меня лишил? Мужества? Чести? Способности сражаться? Нет. Что было моим — при мне и осталось, а принадлежащее ему по праву вернулось к законному господину. Так и должно было случиться.

— Я не могу тебя понять, — признался Кейнкорт.

Он слишком хорошо помнил свой недавний ужас и отчаяние. Сейчас Гинмар оказался в похожем положении.

Появляется некий брат, и ты остаешься практически ни с чем и никем. Даже если ты, а не

он — победитель Нижнего Мира. Но ковент очевидно не испытывал никакой обиды на несправедливость судьбы.

— Мне с Ортом нечего делить. Я безумно рад, что он у меня есть,— добавил ковент.— Что тебя удивляет?

— Его удивляет, что при всем своем честолюбии ты не взъярился, когда Орт заявил о своих правах,— вмешалась Соня, подходя ближе.— Да, Эйдан? Просто Гинмару не нравится править, он сам хочет сражаться. Я его отлично понимаю, сама такая же,— улыбнулась она.— Он — вольная птица.

— Ну нет, Соня, тут ты ошибаешься,— сказал Гинмар.— Это ты — вольная птица, а у меня есть гнездо. Тебе весь мир — дом родной, а для меня лучше места на свете нет, чем Ианта.

— То есть, тебе нравится здесь жить? — уточнил Кейнкорт.

— То есть, я бы хотел здесь умереть,— возразил Гинмар.

— Вот так,— развела руками Соня.— Ты что-нибудь понял, Эйдан?

* * *

Жизнь продолжалась. Помимо вопросов, касающихся судеб народов и огромных держав, возникали совсем иные проблемы. Например, Талл.

Он явился к отцу со словами:

— Послушай, я хочу стать целителем.

— Отлично,— одобрил Гинмар, тепло глядя на него,— кому же еще, как не тебе?

— Но мне нужно учиться. Много. Долго. Я уже прочитал несколько древних книг. И чем больше я читаю, тем меньше понимаю. В них все по-разному написано.

— Значит, тебе нужен наставник.

— Да.— Мальчик говорил совершенно серьезно, как взрослый, немало размышлявший о своей судьбе человек.— Нужен. И я его нашел... Вернее, он сам нашел меня. Я хочу пойти к нему.

— Куда?

— В Меру. Его зовут Син. Он великий маг.

— Откуда ты знаешь о нем, дитя? — Гинмар не верил своим ушам.

— Он приснился мне ночью и позвал меня. Ему ведомы многие тайны. И с ним рядом был учитель. Ёно Ран.

— Но Меру слишком далеко! Что ты говоришь?! А тебе нет и десяти зим.— Гинмар просто растерялся.— Талл, в Офире сколько угодно людей, сведущих в целительстве. Я найду для тебя самых лучших.

— Но Син позвал! Он сказал, что ждет меня.

— Но твоя мать... Это невозможно. Пока невозможно. Подожди, может быть, через пару лет...

— Моя мать поймет. Она всегда все понимает.

— У нас с нею нет никого, кроме тебя... Путь в Меру тяжел и долог. Кто станет тебя сопровождать? Ты не можешь идти один. Вообще, это все просто безумие!

— Я укрощал Нижний Мир, когда тебя не было. Я вернул к жизни Лори — и тебя, и это правда. Я вместе с Маргиром защищал его дом,

и был в тюрьме, и... Я больше не ребенок. Не отпустишь — я все равно уйду!

— Дай мне подумать.— Сердце Гинмара разрывалось. Дитя слышало зов собственного призвания и хочет ему следовать. А он, Гинмар, кто он такой, чтобы препятствовать этому?! Но не в десять же зим! Не сейчас!

— Талл, я знаю отшельника Сина, я был там. У него жить невозможно, да он много лет никого ничему и не учит...

— Он сказал, в молчании дается мудрость. Он выбрал меня. А потом я вернусь. Я тебе обещаю.

— Но несколько дней ты потерпеть можешь? Талл кивнул.

Откровенно говоря, Гинмар понятия не имел, какой изобрести повод, чтобы удержать его. Слишком ясно видна была в глазах Талла очарованность мечтой, одержимость единственной целью.

Соня, услышав об этом, ничуть не удивилась.

— Да, а чей он сын? Не упрямого ли, как сто ослов, человека, которого даже с помощью колдовства, помнится, не удавалось остановить, если ему чего-то хотелось? Он прав, ты должен его отпустить. Я поговорю с Эйданом, он отправит Талла с обозом до Вилайета, а там поручит кому-нибудь сопровождать его до Меру.

— Ну если так...

— А как еще?.. Но я не для этого тебя искала. Ты не видел Ансара?

— Какого еще Ансара?

— Парнишку, который был постоянно рядом с Эйданом, помнишь? Пропал куда-то, не получив разрешения. Эйдан рвет и мечет.

— Не видел. Мне только этого для полного счастья не хватает!

— Не ори. Все люди на месте, кроме одного. Как сквозь землю...

Гинмар пристально посмотрел на Соню, с трудом сумев отвлечься от тяжелых размышлений о Талле, и лишь сейчас понял, насколько серьезен ее вопрос.

— Давно его нет?

— Со вчерашнего вечера.

— И ты полагаешь, что он...

— Я не могу предположить ничего конкретного. Все возможно. Ты ведь знаешь, что наш договор приветствуют далеко не все; есть люди, готовые пойти на что угодно, лишь бы вражда вспыхнула с новой силой. Похитить или даже убить Ансара, оруженосца Вождя Орды... это может иметь страшные последствия. Я обещала Эйдану, что мы найдем его. Живым или...

— Только не это.

— Лори поднял на ноги всю городскую стражу, но время идет, а известий пока никаких.— Соня выглядела очень встревоженной.

— Я немедленно отправлю несколько десятков стражников на поиски,— сказал Гинмар.— Не волнуйся. Парень найдется. Если понадобится, обыщем каждый дом, каждую щель...

Однако поиски ни к чему не привели. Время стремительно истекало. Соня лихорадочно сооб-

ражала, как же теперь быть, когда к ней подошла Лиара. Вид у девушки был непривычно встревоженный.

— Соня, я хотела спросить, а если Ансар... ну, если окажется, что он сам виноват во всей этой панике, что ему за это будет?

— Очень интересно! Тебя, как и всех, должно беспокоить, что будет с нашими народами, а не с Ансаром!

— Н-нет... ну все-таки?

— Эйдан будет судить его по законам Орды,— резко ответила Соня.— И я лично намерена настаивать на самом жестоком приговоре.

— Вот как... Ну, ладно.

— А ну-ка постой. Тебе что-то известно? Что ты скрываешь? Лиара, это не игра!

Ее подруга очевидно пребывала в состоянии жестокой внутренней борьбы. Она побледнела и, сама того не замечая, принялась с силой наматывать на палец прядь черных вьющихся волос.

— Аякта только что родила сына,— выпалила она неожиданно.

— Аякта, вдова Зарха? Откуда ты знаешь?

— Я там была, вот откуда. Она целые сутки мучилась. Ребенок шел неправильно.

Увязать ее сообщение с исчезновением Ансара у Сони никак не получалось.

— Но теперь все хорошо,— продолжала Лиара.— У нее очень красивый ребенок. И такой большой, ты бы видела! Ансар объявил его своим сыном.

— Лиара, ты на солнце перегрелась? — с тревогой спросила Соня.— Что ты несешь? При чем тут Ансар?

— Ну как при чем? Вождь сказал, что у него должен быть сын от женщины из Ианты. А у Ансара невеста в Гиркании. Он ее любит. И он переживал из-за того, что должен ей изменить. Но он же не мог ослушаться приказа. И мы с ним стали думать вместе. Ансар сказал, что по закону он может признать своим любого ребенка, которого возьмет на руки сразу, как тот появится на свет. Аякта как раз собиралась рожать, и я с ней договорилась...

— Она собиралась рожать сына Зарха!

— А разве плохо, если у ребенка будет два отца? Зарх же ничем ей помочь не может. Я ей так и сказала.

— И она согласилась.

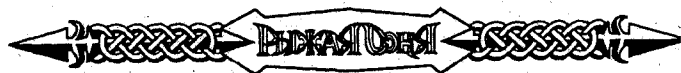
— Ну да. И Ансар тоже. В общем, когда началось, я ему сказала, он пришел и...

— Что «и»?

— И ждал, когда она родит. Он даже помогал ей. У него, оказывается, мать — повитуха, и Ансар кое-что в этом смыслит. Он ничуть не испугался, как другие мужчины. Такой молодец! А теперь он...

— Теперь этот герой боится вернуться в отряд.

— Да,— с вызовом вскинула голову Лиара.— Так получилось, что он, выполняя один приказ, нарушил другой. Соня, Вождь его не казнит?

— Дети,— вздохнула Соня.— Вы все просто не нормальные дети. Не казнит его никто. Эйдан не зверь. Пусть идет спокойно.

— А ты с ним пойдешь? Скажи, пойдешь? Ты попросишь за него? Ну, Со-оня...

— Ладно, где он?

Разумеется, Соне и этот вопрос пришлось взять на себя. Узнав причину отсутствия своего воина, Эйдан не смог сдержать искреннего смеха.

— Ну хитрая bestия. Придаться вроде бы не к чему...

— Вот именно,— подтвердила Соня.— Он действовал по закону. И к тому же теперь мы не просто союзники — дитя гирканца рождено офирской женщиной. Ансар дал ему имя...

— Какое, интересно знать?

— Кейнкорт.

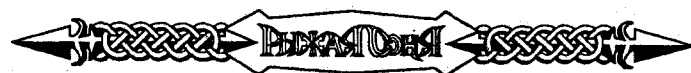
— Он еще хитрее, чем я думал. Но все же столь длительная отлучка... И столько подняты по тревоге людей... Ты понимаешь, что я не мог оставить это дело, не приняв никаких мер?..

— А ты прими меры. Испытай его. Дай ему задание...— Соня рассказала о Талле.— Пусть проводит дитя до Меру. Это и трудно, и достойно. И от Орды он будет на какое-то время отлучен, пока не искупит свою вину. Пожалуйста, Эйдан...

— Будь по-твоему,— сдался Вождь.

Соня вышла от него на негнущихся ногах. Виновник всей паники, Бегущий Первым, не посмел на нее и глаз поднять, зато стоящая с ним рядом Лиара тут же спросила:

— Ну как?

— Иди к Вождю, Ансар,— проигнорировала ее Соня.— Он ждет твоих объяснений. А это что? Ты с кем дрался? — У парня один глаз заплаыл от удара.

— Гинмар приложил,— опять влезла Лиара.— Не сдержался.

— Правильно сделал,— сурово проговорила Соня, с трудом скрывая улыбку.

* * *

В тот день солнце стояло высоко, горело красным светом, а стервятники делали широкие круги над долиной, покрытой останками погибших. Тела громоздились кровавыми кучами, вокруг валялись мечи и копья, разрубленные шлемы, пробитые щиты, нагрудники... Мертвые и издыхающие лошади, человеческие руки и ноги, обезглавленные тела...

Аггасуви подошел к чернобородому вражескому воину, у которого кровь струилась из раны на животе. Когда тень пиктского вождя упала на умирающего, тот взглянул на нее со слепым страхом в глазах и вытянул руки перед лицом, моля о милосердии.

Аггасуви захлестнуло желание засунуть руку в рану и выдавить кровоточащие внутренности. Втоптать в пыль у себя под ногами. Ненависть вспикела в нем горькой желчью.

— Вот мое милосердие,— произнес он.

В следующее мгновение рука его опустилась и зажатое в ней оружие с жутким свистящим звуком рассекло воздух. Лезвие топора вонзилось в

горло воина; брызнул фонтан крови, рот человека раскрылся в безмолвном крике...

Голова убитого отлетела на окровавленный песок, прокатилась еще несколько шагов и остановилась. Тело у ног Аггасуви дернулось в смертельной судороге, из обрубка шеи все еще извергалась кровь. Вождь переступил через труп, схватил голову за волосы и поднял над собой. Кровь капала ему на плечо.

Высоко держа отрубленную голову, Аггасуви издал долгий душераздирающий крик, эхом разлетевшийся по долине. Воины подхватили боевой клич, и от этого затряслась земля, и во всем мире не осталось больше других звуков. Тогда он швырнул отрубленную голову на землю и пошел прочь.

Огромный, с гладкими боками, конь дожидался вождя. В несколько прыжков Аггасуви добежал до него, вспрыгнул на спину и опустил топор в мешок из львиной шкуры, висевший на боку скакуна.

Три всадника приблизились со стороны горизонта, осадили своих лошадей, взметнув вверх фонтанчики песка; их глаза возбужденно блестели.

Один из них указал на дымящиеся руины пограничной крепости: последние из уцелевших врагов сейчас ползают там на брюхе, песок скрипит у них на зубах, и они молят о приближении смерти.

— Они умрут, увидев лишь тень наших армий,— произнес Аггасуви; его лицо было в

пятнах запекшейся крови, все чувства обострены шумом и лязгом битвы, хаосом войны.

Шурясь от ярких солнечных лучей, он презрительно смотрел на искромсанные тела и вдыхал воздух, пропитанный сладким запахом разрушения и человеческой крови. Аггасуви мечтал о том, чтобы выбрать самого сильного из оставшихся в живых врагов и протащить его за своей лошадью, а затем отдать своим воинам и наблюдать, как они станут медленно сдирать с него кожу и мясо, а потом расколют его череп и съедят мозг... из чаши...

* * *

Пикты ворвались в Офир на рассвете, обрушив мощь двухсоттысячной армии на пять пограничных крепостей одновременно. Их удар был так жесток, атака столь стремительна, а натиск неистов, что защитники укреплений оказались бессильны что-либо противопоставить внезапному нападению (ведь по всем сведениям, Аггасуви был намерен двигаться на Немедию, а вовсе не на Офир).

Разъяренный тем, что Кейнкорт, основной противник пиктов, заключил союз с Иантой, Аггасуви вознамерился доказать гирканцам собственное превосходство, восприняв их действия как откровенный вызов. Мгновенно изменив направление удара, он бросил в бой за власть над Офиром все силы, не останавливаясь ни перед чем, ослепленный бешенством; пиктские воины устремились вперед, ни на миг не сомне-

ваясь в скорой, убедительной и абсолютной победе.

Эта война станет апогеем его торжества. Нынешний бой — начало конца не столько для Офира, сколько для Кейнкорта. После чего на свете не останется силы, способной ему противостоять. Гиркания перестанет существовать под натиском пиктов, а потом можно будет идти дальше, на Кхитай и Вендию — вот где простор для его *бешеных псов*.

Аггасуви прикрыл глаза, стараясь одолеть застилающую взор багровую пелену ненависти. Он все еще не мог успокоиться. Сражение не утомило, а лишь больше прежнего возбудило его. Так бывало всегда. Он неизменно был впереди своих войск, точно непобедимый и ненасытный демон мести.

Потому что, стоило ему остановиться, как чей-то тихий, подлый голос внутри его черепа принимался за свое едва внятное бормотание, напоминая Аггасуви о том, кто он такой на самом деле. Только крики захлебывающихся кровью врагов да приветственный рев пиктских армий могли заглушить этот издевательский шепоток.

Раб... жалкий немедийский раб... ублюдок.

* * *

Он был слишком мал, чтобы запомнить момент, когда был захвачен в плен пиктами. Аггасуви знал только, что он сын слепого проводника... Да, именно так. Его отец был сле-

пым проводником торговых караванов, безошибочно определявшим путь в любой пустыне по запаху верблюжьей мочи — уникальная способность. Подобные ему люди ценились в буквальном смысле на вес золота. Но он погиб во время дерзкого нападения пиктов на один из таких караванов, а его малолетний сын стал рабом.

Впрочем, Аггасуви, можно сказать, повезло. Редкой красоты мальчик, обладавший, к тому же, исключительным голосом, был дорого куплен пиктским военачальником в качестве живой игрушки. Шута, смысл существования которого заключался в том, чтобы развлекать своего господина. Поэтому его не использовали на тяжелых работах. Он прекрасно справлялся со своими обязанностями, оказавшись достаточно сообразительным, чтобы вполне сознавать свое положение... Сознать, но не мириться с ним. Никогда.

Он ошибся только один раз. Это случилось, когда Аггасуви из ловкого и гибкого мальчика-подростка превратился в прекрасного юношу и одна из наложниц его господина стала останавливать на нем свой чарующий взор чаще, чем следовало бы. Она была молода, как и он сам, и тоже рабыня. Сходство их судеб и совершенство этого существа пробудили в сердце Аггасуви сначала любопытство, затем всепоглощающую страсть.

Забыв о всякой осторожности, он воспользовался благосклонностью красавицы Анигаты... Более того, в его воспаленном мозгу возник

дерзкий план совместного побега, для которого требовалось ограбить и, если все сложится удачно, убить своего господина. Ведь Аггасуви был одним из его приближенных. Недоверчивый и предусмотрительный Барджев не брал в рот ни вина, ни пищи, не дав сперва отведать ее молодому шуту. Он боялся быть отравленным... И кому же, как не самому Аггасуви, это было на руку?

Он рассказал Анигате о своем плане. Она должна была приготовить яд и передать ему. Красавица легко согласилась с его затеей, однако в последний момент страх за свою жизнь оказался сильнее желания обрести свободу и она выдала Аггасуви господину. В награду тот приблизил ее к себе, осыпав бесчисленными дарами, а вот участь подлого раба оказалась незавидной.

Барджев не убил его, о нет! Это было бы слишком просто. Он даже не вменил ему в вину попытку отравления, а только покушение на его собственность — Анигату. После длительных многодневных пыток господин распорядился оскотить подлого раба, что и было исполнено.

— Ты потерял голову из-за женщины, — усмехаясь, сказал он, — ну что ж, подобное тебе больше не грозит. Женщины тебе отныне ни к чему.

В этом он оказался прав. Но если Барджев предполагал, что неукротимый дух Аггасуви сломен, то он заблуждался. При первой же возможности тот совершил побег. Затем, выдавая себя за пикта, явился в боевой стан и рассказал, что остался сиротой и что единственное желание

его сердца — сделаться бойцом. Сначала над ним просто посмеялись. Однако Аггасуви доказал, на что способен, голыми руками вырвав сердце у одного из пленных. Значительно более старшие и опытные воины уважительно переглянулись, а сотник велел предоставить юноше коня и оружие.

Аггасуви учился всему необходимому быстро и чрезвычайно ревностно. Но если бы те, кто его обучал, догадывались, как он их ненавидит... Весь этот проклятый род, почитавший его жалким ничтожеством... Однако Аггасуви знал, что придет день, когда он встанет над всеми ними, последний, сделавшийся первым, и поведет их на смерть, ей одной, своей единственной госпоже, принося бесчисленные жертвы! Он уже тогда был мудр как змея. Он вовсе не стремился сражаться со своими врагами. Он хотел стать их повелителем. Их Богом.

И стал. О, как же он теперь в душе смеялся над ними!

Он был не только великим воином, но и магом. *Знание* всегда влекло его. Аггасуви не нуждался в иных пророках и оракулах, кроме себя самого. Он не ведал, отчего это так, но он был угоден пиктским богам и ощущал необыкновенное родство с ними. Что ж, если боги родной Немедии отвернулись и предали его, а эти признали своим — так тому и быть. Он тоже их признал: они вместе служили смерти и ярости.

Аггасуви помогало то, что он был лишен человеческих слабостей. Он сумел превратить

бесчестье в мощное оружие, ибо воздержание усиливало мудрость. Не будучи ни мужчиной, ни женщиной, он не был и человеком. Зато ему довольно было остановить на любом человеке свой немигающий змеиный взор из-под коротких век, даже во сне не смыкающихся до конца (и оттого казалось, что он спит с открытыми глазами), и произнести слова проклятия, чтобы тот, кто попал под этот взгляд, умер в назначенный Аггасуви срок, и умер страшно, словно зараженный чумой. Он сумел овладеть подобной способностью, как и множеством иных.

Аггасуви внешне был неправдоподобно, неестественно красив. До той степени совершенства, которая, как ни странно, граничит с уродством, стоит только чуть измениться выражению лица. Обрученный со смертью, он, казалось, был не способен испытывать ни радости, ни горя, ни восторга, ни отчаяния, и в его глазах было самое страшное, что только возможно измыслить, — полная пустота. Как будто глаз вообще не было, лишь бездонные провалы. Никто не мог бы сказать, какого они цвета... И в сочетании с совершенством черт это производило тошнотворное впечатление.

Еще об Аггасуви говорили — хотя даже помянуть вслух его имя считалось дурной приметой, — что он неуязвим. Что его нельзя убить. Что стрелы, выпущенные в него, невероятным образом изменяют направление полета и обходят скопца стороной. Что ни вода, ни пламя не принимают его. Он мог брать в руки и класть в

рот раскаленные угли без всякого вреда для себя; а когда однажды его укусила гадюка, то она сдохла, а он даже не заметил укуса. Его именем матери пугали детей, ибо то, что он делал, и то, чем он был, внушало не восхищение, а один только невыразимый ужас.

Он полагал себя живым богом на земле. Равным ему мог быть только один человек — Кейнкорт, но тот был слишком слаб, и оттого *недостойн*. Аггасуви давно наблюдал за ним и ощущал эту слабость в действиях гирканского Вождя. Тот был не способен довести дело до конца: покорял, но не уничтожал поверженные народы под корень, не рассеивал их как песок по ветру. Он был жалок в своем подчинении, в признании того, будто нечто может быть *превыше* его воли: Кейнкорт истово служил Гиркании, а пес, способный чему-то *служить*, не может быть бешеным. И обычный волк убивает, если голоден; но только избранный крадет не одну овцу, а вырезает целое стадо. Кейнкорт явно не принадлежал к избранным. Отсюда и этот поступок — искать мира там, где должно быть место благословенной, захватывающей кровавой бойне.

Аггасуви стоял во главе своих армий двенадцать долгих зим, четыре раза по три священные числа. Он усматривал в этом великое предзнаменование скорой и окончательной победы, когда он явит свою власть всей Хайбории.

Тогда глумливый шепоток, сводящий его с ума, навсегда утихнет.

Двести тысяч воинов было под его началом, и Аггасуви понимал, что мало кому с древних времен и доньше удавалось собрать подобную армию. Офир реально располагал всего лишь пятью тысячами. Орда насчитывала примерно столько же, сколько пикты, но большая ее часть была в нескольких днях пути от Ианты и не двигалась с места без приказа Кейнкорта, ожидая его возвращения, а те отряды, которые пришли вместе с ним, были смехотворно малочисленны, с точки зрения Аггасуви — не более тех, что имелись в Ианте.

Стремительно начав действовать, он имел все шансы победить — двадцатикратное численное преимущество не оставляло в этом никаких сомнений. Кейнкорт не ждет атаки. Не предполагает, что пикты одолеют путь, отделяющий их от Офира, что они способны двигаться настолько стремительно, а главное, внезапно изменить планы и рвануться именно на Ианту, а не на Немедию.

Великолепные стрелки, управляющиеся с луками вышиной в человеческий рост как с детской игрушкой и не знающие промаха, а также конница легко смогут взять Ианту приступом, перерезать ведущие к ней дороги и не допустить, чтобы Орда Кейнкорта подоспела на помощь... Подобный план казался Аггасуви безупречным.

Правда, существовало все-таки одно обстоятельство, вызывавшее у «живого бога» смутную тревогу, но он не придавал ему значения. Дело

в том, что в ночь перед началом наступления на Офир к нему явилась одна женщина... Да, именно так. Он почуял ее приближение к лагерю задолго до того, как об этом сообщили дозорные. Аггасуви поднял голову и втянул ноздрями воздух, как потревоженный хищник, всегда привыкший полагаться на свое безотказное чутье.

Он мгновенно сосредоточился: да, чужой был совсем близко... Аггасуви бросил в слабо тлеющее пламя костра горсть порошка, обостряющего магическое зрение, и увидел... увидел ее. Женщину с развевающимися на ветру длинными светлыми волосами. Она шла совершенно одна по дороге, ведущей в лагерь, босиком ступая по камням так легко и быстро, будто неслась по воздуху, и края ее одежда, как и волосы, трепал ветер, при том, что вокруг была полнейшая тишина и ни одна травинка, ни единый лист не шевельнулись, словно она сама создавала вокруг себя черный стремительный вихрь. Зрелище было поразительным.

Аггасуви вгляделся в ее лицо. Женщина почувствовала это и в упор посмотрела на него, не в никуда, а именно на него, глаза в глаза. И удовлетворенно улыбнулась, в этом он мог поклясться. Он даже вздрогнул от неожиданности, потому что она приветствовала его, как равная.

Она и была *равной*. Потому что на месте глаз у нее были два точно таких же провала ледяной пустоты, как у него самого.

Несколько бесконечных мгновений Аггасуви не мог сдвинуться с места. Он замер, следя за ее шагами. А женщина уже ступила на территорию лагеря. Один из молодых воинов, ошалев от вождения, взвизгнул и попробовал схватить ее, чтобы немедленно воспользоваться удачно повернувшейся самкой. Женщина выставила вперед руку. «Волчонок» затрясся и в корчах рухнул на землю. Она резко сжала пальцы и словно дернула что-то на себя. Кровь черным потоком хлынула из глотки несчастного, и он тут же умер.

Аггасуви это понравилось. Он знал, что она сделала. Нечто такое, что было вполне доступно и ему самому. Но до сих пор он не встречал ни одного человека, способного на подобное. Женщина подошла к нему так запросто, словно между ними не существовало никаких преград.

— Я знаю тебя,— сказала она вместо приветствия.— Боги мне показали. Тебя и *путь*.

Аггасуви молчал, ожидая продолжения.

— Ты не сможешь взять Ианту силой. Все твои двести тысяч псов не смогут — они ничто, пока жива *она*.

— Кто? — все-таки спросил он, хотя этот вопрос заставил его показать, что ему известно меньше, нежели этой странной вестнице.

— Рыжая дочь Рыси. *Рожденная*. Проклятая гирканка.

— Как ее имя?

— Соня,— сказала женщина, и черный вихрь, в котором она явилась, превратился в настоящий смерч, отравленный ядом ярости и ненависти.

— Если хочешь, чтобы пала Гиркания и весь мир лег к твоим ногам, вырви ей сердце, Аггасуви. Эта женщина — дух Хайбории. Я пришла предупредить тебя. Ведь ты даже не слышал о ней: Рысь скрывает ее от тебя...

— Рысь,— повторил он, словно пробуя слово на вкус.— Да. Зверобог очень сильный...

— Сильны,— подтвердила вестница.— И в этой женщине — их надежда.

— Но вряд ли они выдержат соперничество со мной,— добавил Аггасуви.— Вот в это я не верю, Велда.— Она не называла ему своего имени, но это и не требовалось, подобные простые вещи он вполне мог распознавать и сам.— Впрочем, благодарю за предупреждение. Ты заслуживаешь щедрой награды.

Она гордо вскинула голову. Вот, вот оно, то, к чему она всегда стремилась: без сомнения, этот человек сделает ее равной себе, и вместе они достигнут всего, о чем она мечтала. Весь мир ляжет к ногам их двоих, владеющих *истинным* колдовством.

«Она рассуждает как простой смертный,— разочарованно понял Аггасуви.— Несмотря на всю свою силу, она не может мыслить так, как это делают *высшие* существа, подобные ему самому. Она вовсе не та, за кого пытается себя выдавать».

А бог остается богом до тех пор, пока его решения и действия непредсказуемы. Он может возвысить кого пожелает без всякой видимой причины или казнить просто потому, что ему так

захотелось. Ведь судьба жестока и абсолютно слепа; она не разбирает ни правых, ни виноватых. И чтобы сделаться богом на Земле, нужно действовать именно так. Бог не может быть неправым, как и судьба; а если он и не прав, то кто с ним поспорит и выиграет спор?

Конечно, он явит свою милость; он даст этому созданию последний урок и откроет перед нею истину.

— Смерть — вот достойная награда, — проговорил он, и его глаза сузились.

Велда не поверила своим ушам. Как?! Это невозможно... Она же явилась сюда, чтобы помочь ему, чтобы... Но почему?..

—...Просто потому, что я так хочу, — закончил Аггасуви, подзывая *лсов* щелчком длинных красивых пальцев. — Возьмите ее и убейте.

Велда была настолько потрясена и раздавлена его приговором, что не успела сосредоточиться и что-либо предпринять в свою защиту прежде, чем дико воющие нелюди целой толпой набросились на нее. Все было кончено слишком быстро.

Вспоминая теперь об этом, Аггасуви думал: а не было ли все же в словах вестницы, милостиво казненной по его приказу, доли истины? Но нет. Кем бы ни была рыжая гирканка, о которой говорила Велда, *ему* она не помеха. Его армия уже в Офире. И будет двигаться вперед, как стая черной саранчи. Его воины выучены принимать за доблесть лишь одно качество: способность непрерывно испытывать слепую ярость, ту самую

ярость, что гонит вперед бешеную собаку, до тех пор, пока выдерживает сердце.

* * *

Нельзя сказать, что известие о приближении пиктских войск застало Кейнкорта врасплох. Этого следовало ожидать. Пиктскому предводителю во что бы то ни стало потребуется доказать, что ему плевать на хитроумный маневр гирканцев; что в настоящей войне все решается на поле боя, а не в переговорах с противником; и что пикты нимало не боятся встречи лицом к лицу с армией Кейнкорта. Они возьмут Офир силой, и гирканцам придется отступить. Так что ход мыслей Аггасуви был вполне понятен и предсказуем.

Однако Вождь не предполагал, что противник задействует разом всю свою двухсоттысячную армию — пехоту, лучников, конницу и боевых слонов. Немудрено, что пять казавшихся хорошо укрепленными пограничных крепостей перестали существовать, не выдержав и дня сражения. Гонец, явившийся в Ианту со страшной вестью, сообщил, что от пиктов нет спасения.

Этот человек сам находился в одном из погибших фортов и стал совершенно седым от пережитого ужаса. Каким образом ему удалось остаться в живых, он внятно объяснить не мог.

У него перед глазами стояли растерзанные и оскверненные трупы его товарищей; складывалось впечатление, что пикты не просто воюют: они совершенно лишились рассудка и челове-

ского облика. Гонец клялся, что своими глазами видел, как они вырывают внутренности у еще живых противников, обматываются ими и в таком «облачении» продолжают сражаться...

Кейнкорт собрал военный совет. Времени на размышления не оставалось. Он полагал, что задача офицеров — задержать пиктов на западном берегу реки Тайбор до подхода основных войск Орды, что могло занять более четырех суток.

— Это немыслимо, — сказал Орт, — мы располагаем от силы пятью тысячами человек.

— Мои войска намерены выполнять союзнический договор, — заявил Вождь. — Все, кого я привел с собою в Ианту, немедленно пойдут в бой.

— Но даже в этом случае у пиктов будет двадцатикратное численное преимущество! — воскликнул король. — Ни один безумец не поведет людей на верную смерть! Соня, что ты скажешь на это?

Девушка, до сих пор не вмешивавшаяся в разговор, и теперь не торопилась с ответом.

— Двести тысяч против десяти, — наконец проговорила она, — это не просто неравные шансы. В такой ситуации можно только отступать. Идти не вперед, а назад, пока не соединимся с основными силами. Это займет вдвое меньше времени, чем...

— Отступить — то есть вывести из Ианты все войска и оставить ее на разграбление пиктам, а жителей бросить погибать без всякой защиты? Но это же... — Король не находил слов от возмущения.

— Не перебивай меня, — сказала Соня, обжигая его взглядом, — изволь дослушать. Войска уйдут вместе с простыми жителями. Пусть люди спасаются, не берут с собой никакого имущества и уходят через восточные ворота как можно быстрее. Аггасуви подойдет к пустому городу. Он собирается брать Ианту приступом, как те пограничные крепости... А брать будет нечего. — Она сухо усмехнулась. — Некого убивать, не над кем куражиться. Мертвый город. И доступные, открытые винные погреба. Праздновать победу можно сколько угодно, чем они и займутся незамедлительно.

— Что, вообще никакого сопротивления? — недоверчиво переспросил ее брат.

— Если даже Аггасуви пустит по нашему следу своих людей — а это ему удастся далеко не сразу, — продолжала Соня, — они нарвутся на движущуюся навстречу Орду. Но это позже. Пусть сначала Ианта станет для бешеных псов Аггасуви гигантской волчьей ямой!

— Безумно. Рискованно, — сказал Эйдан. — Надеюсь, Соня, ты знаешь, что делаешь. Но это неслыханно... Ты себе представляешь, как можно организовать подобный отход?

— Конечно. — Соня коротко изложила свои соображения.

Все время, пока говорила она сама и пока выслушивала возражения и вопросы остальных, Соня не могла избавиться от тревожного ощущения, как всегда при приближении опасности. Она подумала, что это совершенно естественно в та-

кой ситуации: угроза была вполне реальной. Однако было и что-то еще...

Молчание. Один человек среди всех, присутствующих на Совете, не проронил ни слова.

— Ковент Гинмар,— обернулась к нему Соня,— в чем дело?

Он не слышал ее и, кажется, не видел. Перед его внутренним взором стояло невыносимое видение: красно-оранжевое пламя взметнулось до неба, воздух наполнился тлеющим пеплом. Языки пламени посреди руин, черные обуглившиеся дома, кирпичи, вываливающиеся из стен, пятно багрового дыма, наползающее на горизонт. Место, где ленивыми спиралями скручивался пепел, и ни трава, ни цветы не росли на растрескавшихся обугленных руинах, среди которых были собаки и разносился пронзительный крик стервятников.

Участь преданного города, которому без остатка принадлежало его сердце.

— Гинмар,— повысила Соня голос, стараясь вывести его из оцепенения,— город — это не камни, а люди, пойми это.

Его губы дрогнули в подобии горькой усмешки, но он не ответил.

Соню охватило раздражение. Что толку тратить драгоценное время на то, чтобы убеждать этого безумца, если нужно действовать быстро!

— Итак, если со мной все согласны, надо выводить людей немедленно,— жестко и властно произнесла она.— У нас нет времени на колебания. Поднимай войска, Эйдан.

То, что предлагала сделать Соня, действительно казалось неслыханным и почти неосуществимым. В течение дня сдвинуть с места население целого города от мала до велика, независимо от общественного положения и прочих немаловажных вещей, сделать это, не имея времени ни на какие объяснения, под угрозой паники, бунта и всеобщего недовольства,— дело нелегкое. Это и самой Соне было совершенно очевидно. Но иного выхода она не видела.

Ни Эйдан, ни Орт ей не возражали. Оба они свято верили в то, что она изрекает волю самих богов, с которыми способна непосредственно общаться. О, как бы Соне и самой хотелось в это верить!.. Но нет, она слишком хорошо помнила слова, которые любил повторять Ено Ран: «У богов нет иных рук, кроме твоих собственных».

Как и требовалось ожидать, над Иантой поднялся невообразимый крик. Люди, которых почти силой выгоняли из домов, не понимали, что происходит. Почему у них нет права даже взять с собой вещи, драгоценности? Неужели подтвердились худшие опасения и весь этот кошмар и есть нашествие гирканской Орды? Очень похоже! Их не убивают, но бесцеремонно гонят прочь из города, превращая в нищих бродяг. Женщины рыдали, дети при виде обезумевших от страха матерей визжали, мужчины молча сжимали кулаки, не собираясь сдаваться. Всю эту толпу едва удалось согнать на площадь перед королевским дворцом, где правитель обратился к своим подданным.

— Двухсоттысячная армия пиктов идет на Ианту,— сказал он.— Кто желает быть убитым или растерзанным на куски живьем, может остаться.

— А что же твои хваленые гирканские друзья?! — выкрикнул кто-то.— Удирают, поджав хвост, едва почуяв настоящую опасность, и бросают нас на произвол судьбы?! Они жили среди нас, жрали и пили, а теперь...

— Вас никто не бросает. Гирканские воины прикроют отход.— С губ Орта готовы были сорваться проклятия, и он с трудом сдерживался.— У меня нет времени для долгих объяснений! Но любая попытка устроить панику будет караться немедленной казнью на месте, без всякого суда. Это ясно?!

Кажется, предупреждение возымело действие. Бесконечная вереница людей в сопровождении войск покинула Ианту, устремившись на восток — в полную неизвестность. Кто-то пытался остаться, укрываясь в опустевших домах, но таких находили и отправляли вслед за остальными. Детей, стариков и больных поочередно несли на руках те, у кого было больше сил, так как повозок не хватало. Невооруженных людей сзади и с флангов окружали воины — так в стаде при приближении стаи хищников самки и детеныши сбиваются в середину, а самцы готовятся отразить нападение.

Почти никто не разговаривал; люди избегали встречаться друг с другом глазами. Все происходящее разительно напоминало позорное

бегство, и многие с тоской и гневом оглядывались назад...

* * *

Ворота города были открыты, и даже подвешенные мосты опущены, так что готовившиеся к атаке пикты испытали первое замешательство, обнаружив, что никто не собирается вступать с ними в схватку. Впрочем, это непредвиденное обстоятельство их не остановило. Они ворвались в город с торжествующими гортанными криками. Может быть, только один человек, их предводитель Аггасуви, почуял неладное, но он ничего не мог изменить в сложившемся положении. Его псы, опьяненные дармовой добычей, сделавшись неуправляемыми, предались грабежу.

Хуже того, несмотря на немалые богатства Ианты, желающих урвать себе кусок пожирнее оказалось чересчур много, и между воинами возникла ожесточенная перебранка, тут же переросшая в резню. За неимением иного противника, эти тупые убийцы бросались друг на друга, никак не реагируя на приказы и запреты, а уж когда они добрались до винных погребов, началось истинное безумие.

Кровь из перерезанных глоток смешивалась с вином, образуя скользкие лужи на улицах. По сути, никакой армии больше не существовало: она превратилась в стаю распаленных дикарей, невменяемых и утративших всякое подобие человеческого облика. Обученные и привыкшие только убивать и грабить, они занима-

лись обыденным для себя делом, безразличные к тому, что перед ними не было реального противника.

...Аггасуви впервые за долгие годы, что он стоял во главе пиктских войск, оказался не способным управлять ими. Немыслимо, но он чувствовал себя совершенно беспомощным. Выкованное им оружие обернулось против него самого: он не мог собрать своих воинов и обратиться к ним, взывая к их чести или чувству долга,— не он ли сам старательно разрушал в их сердцах и сознании представления о таковых?

Теперь, пожиная плоды собственных усилий, он сознавал, что проиграл. Его заманили в ловушку, из которой нет выхода. Пуститься в погоню за беглецами было полнейшей глупостью: это означало бы нарваться на движущуюся навстречу Орду гирканцев, а к такой схватке Аггасуви сейчас был готов меньше, чем когда бы то ни было.

Он остался один. Великая мечта о том, чтобы сделаться живым богом на земле, мечта, в которую он сам поверил в своем ослеплении властью, рассыпалась в прах, оказавшись миражом. Боги оставили его; пытаясь сравняться с ними в силе, он карабкался к небесам по лестнице из тел убитых врагов и преданных им друзей — оказалось, лишь затем, чтобы, наконец сорвавшись, свернуть собственную шею.

Бог по имени Аггасуви перестал существовать в эти роковые часы, и вместо него остал-

ся лишь тот, кем он и был на самом деле: подлый немедийский раб и жалкий скопец, мразь земли.

Тогда он вспомнил странную светловолосую женщину из Ианты, которую звали Велдой; она пыталась указать ему путь к спасению. Что она говорила? «Двести тысяч твоих псов ничто, если ты не одолеешь Рыжую дочь Рыси...» А он был слишком самоуверен, чтобы вовремя прислушаться к этим словам, и только теперь вполне убедился, что предупреждение Велды не было бредом.

Рыжая дочь гирканской Рыси — о да, вот он, его единственный и беспощадный враг. Аггасуви чуял это всем своим существом, и то Знание, которое все еще тлело в нем, подобно затухающему костру, вспыхнуло из последних сил, озаряя дорогу, ведущую хоть к какому-то выходу. Пусть ему придется бежать, покинув проклятый город-ловушку, бросив свою армию... Он начнет все сначала — в другом месте, в иной стране, где и как угодно; в конце концов, он еще далеко не стар, а запала ненависти в его душе хватило бы на Кхитай и Вендию вместе взятые.

Ненависть поведет его и дальше — если он сумеет преодолеть эту единственную преграду и вырвать сердце отродью лесной кошки. «Я убью эту суку,— подумал Аггасуви.— Я убью ее».

Не собираясь впустую тратить время, он покинул Ианту и отправился в погоню. Да, это

будет правильно. Плевать на этих ублюдков: пусть, как стадо баранов, дожидаются, пока их всех здесь перережут — они только этого и заслуживают. Но не он.

Ярость Аггасуви была столь велика, что он даже не подумал собрать хоть небольшой отряд из тех, кто еще оставался верен повелителю и не до конца утратил разум; однако, когда он пронесся мимо них на своем огромном жеребце, несколько пиктов, проводив Аггасуви недоуменными взорами, словно опомнились и сами присоединились к нему, готовые следовать за тем, кого почитали за бога, без приказов и вопросов. Ибо если он куда-то двигался — там, без сомнения, была *настоящая* дичь. Там было нечто более пьянящее, нежели самое крепкое вино: азарт битвы и радость убийства.

Черные волосы Аггасуви, подобно лошадиной гриве, развевались на ветру. Чуть наклонившись вперед, он похлопывал жеребца по шее, понукая его скакать все быстрее и быстрее. Губы его изогнулись в крике ненависти, обнажив зубы, блестевшие в лунном свете... Но вот крик прервался, и небольшой отряд продолжил путь в полном безмолвии.

Он преодолевал лигу за лигой, стрелой проносясь через опустевшие, словно вымершие, подобно самой Ианте, окрестные селения. Беглецы не могли уйти далеко, передвигаясь пешком; значит, даже их выигрыш во времени был не важен. Аггасуви знал, что очень скоро настигнет их. Ее.

Женщину, образ которой стал для него воплощением всего враждебного.

* * *

Соня держалась рядом с Ортом, время от времени наблюдая за тем, чтобы никто не отставал от огромной колонны, движущейся на восток. Король ощущал себя не менее скверно, нежели его подданные, и был не расположен к беседе, впрочем как и сама Соня. Эйдан давно умчался вперед — ему еще предстояло проделать обратный путь и привести с собою Орду.

— Орт, распорядись сделать остановку. Люди устали, многие едва передвигают ноги, — наконец проговорила Соня. — Целый день в пути — это тяжело.

Он мрачно кивнул.

— Сто-ой! — разнеслось по колонне спустя мгновение.

Соня увидела, как обессиленно оседают на землю даже те, кто все это время старался держаться наиболее мужественно, как быстро и слаженно выставляются дозоры вокруг огромного лагеря.

На землю стремительно опускалась новая ночь.

— Соня, — к ней, держа в одной руке факел, подъехал Лори, — ты только посмотри на эту сумасшедшую! Объясни ей еще раз, что никто не имеет права отделяться от колонны и покидать лагерь! — Свободной рукой он придерживал узду еще одной лошади; во всаднице Соня узнала Джиллу.

— А зачем ей покидать лагерь?.. В чем дело, принцесса?

— Мой муж вернулся в Ианту! — выкрикнула та. — Не смейте удерживать меня, я должна быть с ним рядом!

— Джилла, — Соня успокаивающе улыбнулась, — ты, должно быть, ошибаешься. Я видела Гинмара не так давно, когда мы проходили через последнее селение и выводили оттуда людей, присоединяя их к общей колонне.

— А потом? — Голос принцессы звенел тревожной настойчивостью.

Соня пожала плечами. На самом деле за все время пути она не перекинулась с ковендом ни единым словом, полагая, что тот все еще чувствует себя оскорбленным решением покинуть город, как человек, которого вынудили бросить любимую женщину на растерзание насильникам. Но ей было не до неуместных оправданий, а тем более ссор.

— Он с самого начала хотел остаться в Ианте... и в конце концов... — Джилла всхлипнула. — Я заметила... Я хотела отправиться с ним, но он велел мне оставаться здесь. А я так не могу. Отпустите меня!

«А ведь принцесса права, — поняла Соня. — Да, он мог так поступить. И скорее всего, именно это и сделал. Смертник. Самоубийца».

Решение пришло мгновенно.

— Велел — значит, останешься, — сказала Соня. — Присмотри за ней, Лори. Я сама догоню его и верну.

* * *

Аггасуви приостановился, увидев невероятное. Навстречу его отряду мчался одинокий всадник. Кем бы он ни был, убить его не составляло труда. Один из спутников Аггасуви сорвал с плеча лук и взялся за стрелу, но вождь ударил его по руке.

— Нет. Не так.

Всадник тоже увидел их — и тоже придержал коня, словно раздумывая, как поступить. Аггасуви зло рассмеялся: куда он денется здесь, на открытом пространстве? Он дал знак окружить безумца, зачем-то рискнувшего оторваться от остальных беглецов. Ничего, небольшое развлечение не помешает.

Топор с двойным лезвием привычной тяжестью лег в руку Аггасуви. Он первым бросился вперед.

Лошадь Гинмара встала на дыбы так резко и неожиданно, что сбросила седока на землю. Теперь он был беззащитен.

Жуткое видение растрескавшихся в огне фресок такой невероятной красоты, что перехватывало дыхание, фресок, забрызганных кровью, среди дымящихся руин, — это видение, гнавшее его назад в Ианту вопреки всякому здравому смыслу, рассеялось, наконец уступив место реальности.

Конь Аггасуви споткнулся, и один из спутников «бога» опередил своего жоака, заноса руку для удара, который должен был разнести череп врага. Гинмар, пригнувшись, метнул короткое

копье. Конь нападавшего коротко и резко заржал, зашатался, потерял равновесие и тяжело упал, похоронив под собою пикта. Раздался звук ломающихся костей и крик боли.

Гинмар рванулся к своему гнедому жеребцу, продолжавшему испуганно гарцевать поодаль. На бегу он взглянул через плечо: скачущий за ним черноволосый всадник с пустыми глазами настигнет его через пару мгновений... Но он продолжал бежать и успел увернуться в сторону: лезвие топора просвистело мимо его щеки.

Конь Аггасуви мчался рядом с ним, и рука «бога» взметнулась для нового удара. Гинмар остановился и бросил врагу в лицо горсть песка... На этот раз топор почти коснулся его левой руки, разорвав плащ. Лошадь стала бешено кружиться, пока всадник протирает глаза. Остальные преследователи быстро приближались...

Пикты играют с ним, понял Гинмар: эти твари забавляются, рассчитывая загнать его, точно зайца, и взять живым, чтобы затем насладиться его мучениями. На легкую и быструю смерть рассчитывать не приходилось.

Он снова остановился; его ноги словно вросли в песок, а пальцы сжались в кулаки.

Четверо пиктов с лицами, перекошенными злорадством, окружили его. Топоры мерцали в лунном свете, ржание лошадей и бесноватые выкрики оглушали ковента, а неистовый бег коней по кругу вызывал невыносимую тошноту.

Фрески Ианты. Ему никогда не придется увидеть их больше. Ажилла... Талл...

Соня.

Имена и лица пронесли перед ним за какую-то долю мгновения отчетливо и ясно. Все самое важное и дорогое, что было в жизни...

— Оставьте его! Вам нужна я — не он! — Звонкий голос донесся до его слуха. Не веря собственным ушам, Гинмар обернулся.

Аггасуви тоже. Он сразу понял, кто перед ним, и возликовал. Гирканка сама пришла, чтобы принять смерть от его руки.

— Иди ко мне, — вкрадчиво проговорил он. — Иди же.

— Если хочешь сразиться со мной, вели своим людям оставить в покое моего друга, — твердо сказала девушка. — И мы выйдем один на один.

Аггасуви кивнул и спрыгнул с коня. Соня сделала то же самое.

Откровенно говоря, он был разочарован, ибо ожидал увидеть нечто куда более величественное и впечатляющее, нежели эта стройная женщина отнюдь не гигантского роста. Она казалась такой хрупкой, такой уязвимой.

Аггасуви едва не рассмеялся: она, что же, думает справиться с ним в открытом бою? Возможно, она умна и опасна. Но не настолько же!..

От него исходила аура жестокой, властной силы. Соня почувствовала, как вибрирует каждый нерв в ее теле. Она видела Аггасуви впервые в жизни, так же как и он — ее, и так же отчетливо понимала, с кем имеет дело. Смерть. Сама воплощенная Смерть.

Она сделала первый шаг, медленно и осторожно, как кошка, выслеживающая добычу. Проиграть в этом бою она не имела права, и потому атаковала первой, метнув в него дротик. Но Аггасуви сумел увернуться. Она взмахнула мечом — и тут же чудовищной силы удар топора обрушился на ее клинок. С ужасом Соня увидела, как падает на землю перерубленное пополам лезвие. Должно быть, пиктское оружие оказалось заговоренным — никакому другому подобное не под силу. Но теперь она была безоружна... И все же это не остановило ее.

Враги сошлись в рукопашной. Соня вцепилась в запястье Аггасуви, сжимавшее смертоносный топор. Свободной рукой пиктский вожак пытался найти и выдавить ей глаза. Соня застонала от бешенства и боли. Аггасуви, оскалившись, закрутил ее волчком, словно игрушку, потом легко приподнял и откинул в сторону.

Соня отчаянно боролась за то, чтобы вздохнуть. Аггасуви снова накинута на нее, размахивая топором; Соня едва успела отдернуть голову и ударила его кулаком в лицо. Но пикт даже не пошатнулся. Его глаза горели еще безумнее, чем прежде. Соня стиснула руки вокруг его горла и сдавила его. Они оба упали на землю. Аггасуви освободился. Соня стояла на коленях, превозмогая боль в ребрах.

Никогда прежде она бы не поверила, что способна выстоять в подобной схватке. Даже самая крепкая женщина физически всегда уступает мужчине. Зная это, воительница никогда не ис-

пытывала судьбу в рукопашной. Меч, лук и кинжал были ей надежной защитой. Теперь же не осталось ничего, кроме голых рук... и ненависти. Но Рысь пробудилась в ней. Рысь наделила свою дочь нечеловеческой силой, и лишь благодаря ей Соня была еще жива.

Пикт стоял перед нею, тяжело дыша. Перепачканное кровью лицо казалось звериной мордой. Он вытер кровь, с презрением поглядел на девушку и плюнул в нее кровавой пеной. Затем отвернулся, нащупывая топор, чтобы отсечь гирканке голову.

Соня вскочила, бросилась на него и снова вцепилась в горло, напрягая разрывающиеся от напряжения мышцы. Аггасуви ударил ее тыльной стороной ладони в челюсть, едва не сломав шею. Пальцы Сони разжались. Тень от поднимающегося топора упала на лицо... Она чувствовала себя слишком слабой и разбитой, чтобы шевельнуться.

Но Рысь не желала погибать! Рванувшись из последних сил, сама не сознавая, что делает, Соня схватила свой дротик, лежавший всего лишь в нескольких шагах. Когда топор достиг сверкающей точки своего зенита и застыл в ней на долю мгновения, воительница уперлась каблуками в землю и бросилась на Аггасуви: со всей силой, на какую была способна, она метнула дротик в нависший над нею силуэт.

Пикт вскрикнул от боли и гнева, покачнулся, и Соня бросилась вперед, всем телом наваливаясь на дротик, все глубже вгоняя его в грудь повер-

женного врага. Аггасуви тяжело опустился на землю, тело его содрогалось в конвульсиях. Соня выдернула дротик и ударила еще раз, затем снова и снова, пока наконец краем угасающего сознания не поняла, что враг мертв.

Упираясь в землю липкими от крови ладонями, девушка отползла прочь, и ее вырвало. Она откинулась на спину, не в силах шевельнуться; тонкие красные ручейки струились по щекам из глубоких ссадин.

Пока она боролась с Аггасуви, Гинмар отбивался от двоих оставшихся «псов». Увидев, как Соня без сил лежит, распростершись на земле, он подумал о самом страшном... Отчаяние придало ему сил. Ковент в бешенстве устремился на врагов, убив одного и обратив в бегство другого, а потом бросился к Соне. Он звал ее, тряс за плечи... Голова Сони болталась из стороны в сторону, а открытые глаза закатились, уставившись на него покрасневшими белками.

— Нет! — выкрикнул он. — Соня, ты не должна...

Но она ушла слишком далеко, чтобы его услышать.

* * *

Соня стояла на берегу глубокой, но узкой реки и с изумлением смотрела на тех, кого так любила и так давно потеряла.

— Отец? — потрясенно прошептала она. — Мама?!

Девушка протянула к ним руки. Она понимала, что ей достаточно сделать всего один шаг,

чтобы обнять их и Хункара, но что-то мешало. Чье-то незримое присутствие за спиной. Она обернулась.

— Отпусти меня, — взмолилась Соня, — отпусти меня, Мать. Мне так хорошо, так спокойно. Я ведь все сделала, что ты желала и ждала от меня, и больше я не могу. Я слишком устала, пойми.

Желтые глаза с узкими зрачками взирали на нее без всяких эмоций. Как всегда. Девушка горько вздохнула.

В этом странном месте, где она пребывала, не было ни звуков, ни запахов; краски казались какими-то тусклыми и поблекшими. Безнадежно махнув рукой, Соня, опустив голову, побрела по берегу возле самой кромки воды.

Ей казалось, что она идет и одновременно не двигается с места. И это ощущение было ей совсем не по нраву. Соня взглянула под ноги и замерла. Впечатление было такое, словно она стоит на прозрачном стеклянном полу, сквозь который видно все, что происходит внизу. И там, вдалеке, она отчетливо разглядела хорошо знакомую ей комнату Риатеоса с высокими витражными окнами, сквозь которые лился теплый свет.

Просторная комната с каменным полом, покрытым мягким ковром, с огромным камином, украшенным искусной резьбой. Посреди стояла широкая постель, на которой Соне довелось провести немало ночей, и это ложе сейчас не было пустым: на нем неподвижно лежала смутно знакомая ей женщина, тело которой было до самой шеи укутано покрывалом.

Наверное, она спала, хотя скорее производила впечатление мертвой — с перевязанной головой, осунувшимся, белым, как мел лицом и такими же белыми длинными кистями рук поверх простыни. Солнечный свет, струившийся из окон, падал на ее лицо, но женщина этого не ощущала, она даже не пыталась зажмуриться. «Мертвая, точно», — подумала Соня без жалости и даже особого интереса.

Дверь в комнату открылась, и к той, кого Соня приняла за умершую, подошел мужчина. Двигался он не очень уверенно, сильно прихрамывая и заметно подволакивая ногу. Он остановился, печально глядя в лицо незнакомки, и коснулся ее щеки. Следом за ним появилась женщина, одетая в простое длинное темное платье.

— Сегодня ровно три седмицы с тех пор, как она... — сказал мужчина и замолчал, стараясь скрыть предательскую дрожь в голосе. — Иногда я теряю веру и мне хочется проклинать небеса за этот ужас, — добавил он спустя несколько мгновений.

— Нам следует благодарить их за то, что она жива, — возразила женщина. — Ее раны почти затянулись за это время; и она дышит. Ты не должен так себя изводить, ведь ты тоже ранен. Поди, отдохни. Я останусь с нею.

— Нет, я не могу. Я сам хочу быть рядом. — Он упрямо покачал головой. — Я хочу разговаривать с ней...

— Но ведь она не слышит тебя.

— Она не отвечает, но это не значит, что не слышит. Конечно, она слышит! — с фанатичной уверенностью заявил он. — И ей вовсе не нравится, что мы говорим о ней так, словно ее здесь нет. Правда, Соня?

Соня? То есть как? Еще одна, кроме нее? Как могло случиться, что Гинмар — его она, разумеется, узнала — называет ее именем эту... Девушка пристальнее взгляделась в лицо на постели. И поняла, что видит самое себя. Это неподвижное создание без признаков жизни — она.

— Просто ее душа сейчас не здесь, — продолжал ковент. — Я знаю, такое бывает с людьми, которые больше, чем простые смертные. Они уходят... на многие дни, даже луны... уходят, чтобы общаться со своими небесными покровителями.

Судя по тону, Гинмар и сам не слишком-то верил в то, что говорил...

— Но лучше бы она вернулась, — тихо добавил он и снова замолчал.

«Это точно», — подумала Соня. Ей действительно захотелось вернуться, оказаться там, в живом мире ярких красок и сильных чувств. Вернуться в это истерзанное тело, напоминающее разбитый сосуд, и вдохнуть в него жизнь.

— Гинмар, — сказала принцесса, — ты так любишь ее... Я понимаю; не думай, это не ревность...

— Я люблю ее, — подтвердил он. — Соня — потрясающая, великая женщина. Но желать обла-

дать ею может только безумец, возмнивший, будто Солнце должно светить ему одному... Соня! Соня! — вновь принялся звать ковент. — Прощу тебя, умоляю, вернись. Если ты не сделаешь этого, — его голос стал отчаянно угрожающим, — я даже не знаю, как поступлю. Нет, знаю! Я снова начну жевать смолу, и это в конце концов убьет меня...

Веки лежащей на постели женщины дрогнули, а губы шевельнулись. Он не поверил своим глазам.

— Что?! Что ты сказала?!

— Только попробуй, мерзавец, — повторила Соня громче и отчетливее, чем в первый раз...

* * *

Уже потом она узнала, что ее план полностью себя оправдал, и пожалела о том, что ей не довелось участвовать в битве за Офир. Ворвавшись в Ианту гирканцы обратили непобедимую, наводящую ужас пиктскую армию в позорное и беспорядочное бегство и гнали ее в течение нескольких дней, отбросив даже не за Тайбор, а гораздо дальше, и вернулись с полной победой.

Как ни странно, Ианта за время пребывания в ней этих созданий преисподней пострадала меньше, чем можно было ожидать; впрочем, это произошло благодаря лишь тому счастливому обстоятельству, что пикты не успели ее поджечь. Разумеется, все, что здесь только можно было изгадить и разрушить, было превращено в горы хлама; все стекла выбиты; в богатых домах го-

лены разорваны от пола до потолка; бесценные сосуды превращены в черепки, а фрески, те самые великолепные фрески на внешних стенах подверглись самому отвратительному глумлению, какое только можно себе представить.

Но все это поддавалось восстановлению, пусть и постепенному. Главная же ценность — люди этого города — была сохранена неприкосновенной.

Теперь, осознав, какая участь ожидала бы их всех, если бы они не покинули свои дома, эти люди содрогнулись.

Никто больше не сомневался в том, что все, предсказанное рыжей дочерью гирканской Рыси, сбывается в точности. От бывшего недоверия и сомнений не осталось и следа. Кейнкорт, вернувшийся с победой, был встречен всеобщим ликованием жителей Офира, омрачаемым лишь тем, что его сестра пребывала между жизнью и смертью... И лишь когда душа ее воссоединилась с телом, люди вздохнули с облегчением.

— Соня, — спросил ее брат, — неужели ты опять откажешься занять мое место или хотя бы просто остаться в Орде? Подумай, какие славные победы нас ждут!

— У меня свой путь, Эйдан, — возразила девушка. — Не знаю, почему это так, не знаю даже, куда ведет меня судьба, но... ты должен меня понять.

— Если ты и сама не знаешь, то кто же тогда может дать ответ? — воскликнул он в полном недоумении.

— Рысь знает. Вот только пожелает ли она ответить?

— Рысь! Да с тобой говорить хуже, чем с нашими шаманами!

Брат и сестра весело рассмеялись.

— А если серьезно...— Соня с любовью посмотрела на Эйдана,— Видишь ли, я просто не в силах долго задерживаться на одном месте. Слово лист, гонимый ветром... Так что я не гожусь для Орды. У вас большие планы, так многое предстоит исполнить. А меня в любой миг может позвать голос странствий, и я не смогу остаться.

Молодой человек нахмурился.

— Так не годится, Соня. Пора бы и тебе повзрослеть немного. Подумать о том, чтобы осесть на одном месте, найти свой дом...

— Скажи еще — завести семью!

— А почему бы и нет? — Эйдан был удивлен.— Что в этом плохого?

— Ничего. И рано или поздно придет день, когда я сделаю это. Но не сегодня. Нет, не сегодня.

— Что ж...— Вождь гирканцев понял, что спорить с сестрой бессмысленно.— Если так, то поезжай. Но знай, где бы ты ни была, что бы ни случилось с тобой, тебе достаточно просто позвать — и любой из нас примчится на помощь.

— Спасибо тебе.— Соня обняла брата.— Там, где ты, всегда мой дом. И тебе тоже достаточно будет лишь позвать меня — и я приду.

Они посмотрели в глаза друг другу, и взгляд этот был красноречивее долгих слов.

— Мое сердце уходит с тобой,— прошептал наконец Эйдан.

— А мое — остается здесь,— так же шепотом ответила Соня.

* * *

И вновь Соня осталась одна. Дорога стрелой летела вперед, звала ее за собой, и душа девушки рвалась в путь. Вновь ощутить аромат дальних странствий, неведомых опасностей, тайных наслаждений... Что могло быть прекраснее этого!

Но, проехав немного, она в последний раз, словно испытывая себя, придержала коня, прищурившись, вгляделась в красноватый диск солнца, поднимавшегося из-за далеких гор, затем оглянулась на стены Ианты, розовевшие в лучах рассвета.

Там, позади, оставались друзья и родные, оставалась часть прошлого, там, возможно, она могла бы создать для себя совсем иную жизнь. Какой бы та была? Почему Соня не пожелала принять ее?.. Девушка не знала ответа на этот вопрос, да, пожалуй, и не хотела знать.

— Вперед,— шепнула она самой себе.— Как ветер, везде и нигде...

— Соня!

Она вновь обернулась. Как она могла не заметить его в первый раз? Всадник стремительно нагонял ее, пыль столбом поднималась под копытами могучего скакуна.

— Соня!

— Гинмар!

Он подъехал ближе, и, не стовариваясь, оба спешили, подошли друг к другу.

— Знаешь,— сказал он, пытаясь отдышаться,— уезжать, не прощаясь,— это очень скверная привычка.

— Прости.— Она вздохнула, обняла его, касаясь каштановых волос.— Ты же знаешь, долгие прощания — это не для меня. Не держи обиды...

Он печально улыбнулся:

— Видно, моя Ианта недостаточно хороша для вас. Вот и брат твой покидает нас через несколько дней. Чем вам не угодило наше гостеприимство?

Соня засмеялась.

— Напротив, это мы слишком загостились. И, боюсь, стали в тягость хозяевам.

— Ты же знаешь, этого никогда не случится!

— Знаю.— Она посерьезнела.— Конечно, знаю, Гинмар. Но у каждого из нас свой путь. Кейнкорт отступает с войском к Вилайету, им пока не удержать все эти земли, и это к лучшему. У Хайбории будет еще пару лет передышки, прежде чем она превратится в пастбище для гирканских скакунов.

— Этого не случится, ты же знаешь! Гирканцы всегда останутся нашими друзьями, — горячо возразил ковент.— И, в любом случае, для Офира такой союз куда лучше, чем стать выжженной пустыней после нашествия пиктов.

Соня кивнула.

— Верно. Мы переломили хребет этой гадине. Лет пять они еще будут зализывать раны, пока решатся вновь двинуться на восток.

— Да. Гонец принес сегодня хорошие вести: в Аквилонии, узнав о нашей победе, граф Антуийский поднял мятеж. Может быть, им тоже удастся изгнать дикарей за свои пределы? Тогда о пиктах можно будет забыть навсегда!

Воительница с сомнением покачала головой.

— Посмотрим. Аквилония слишком разобщена. Если бы они смогли хоть на день позабыть о внутренних распрях и разом выступить против пиктов, у них был бы шанс покончить с этими тварями раз и навсегда. А так...

Гинмар засмеялся.

— Мы с тобой прямо как два убеленных сединами вельможи на королевском совете. Вместо того, чтобы клясться друг другу в вечной любви и преданности, обсуждаем военные победы! — Он помолчал немного, вздохнул.— Впрочем, таков уж этот мир, где нам выпало жить. Война. Кровь. Страдания... Любви и дружбе в нем почти не осталось места.

— Ты не прав! — воскликнула Соня.— Этим чувствам место есть всегда. Мы только ценим их дороже, когда приходится трудно!

— В твоих словах истина. Я просто огорчен расставанием и потому смотрю на вещи слишком печально. Но мы ведь прощаемся не навсегда, правда?

— Конечно, нет. И, как только выпадет случай, я постараюсь послать с кем-нибудь весточку.

— Откуда? Ты уже знаешь, куда направляешься?

— В Пуантен.

До того, как она произнесла эти слова, Соня и сама еще не знала этого. Однако сейчас предстоящий путь вдруг явился перед ее внутренним взором со всей ясностью, точно видение, посланное богами. Впрочем, возможно, так оно и было...

— В Пуантен,— повторила она твердо.— Мне почему-то кажется, там я сумею найти средство, как покончить с пиктами. Отвести угрозу от нашей земли. Я должна это сделать!

Глаза ковента загорелись. В устах другого человека такие слова могли бы показаться пустым бахвальством, но Соня... Гинмар знал, что она способна исполнить то, что обещает. А если так...

— Когда тебе понадобится помощь,— произнес он твердо,— ты знаешь, что можешь всегда рассчитывать на меня. Всегда! Что бы ни случилось.

— Знаю.— Соня улыбнулась ему.— И если впереди нас ждет бой — мы примем его вместе! Ибо разве истинный воин Огненной Жрицы может жить без подвигов?..

СОДЕРЖАНИЕ

Энтони Уоренберг

ЛОВЦЫ ДУШ

Часть первая	7
Часть вторая	127
Часть третья	265

Литературно-художественное издание

РЫЖАЯ СОНЯ И ЛОВЦЫ ДУШ

Руководитель проекта: Дмитрий Ивахнов. Составитель: Наталья Баулина. Художник: Владислав Асадуллин. Художественный редактор: Игорь Богданов. Серийное оформление: Дмитрий Вяземский. Верстка: Владимир Сергеев. Технический редактор Валентин Успенский. Корректор: Светлана Митина.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.12.99. Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Паладино». Печать офсетная. Бумага типографская. Усл. печ. л. 26,88. Тираж 5000 экз. Заказ 530.

Издательство «Северо-Запад Пресс». Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999. Санкт-Петербург, ул. Казначейская д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125.

sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика в типографии издательства «Белорусский Дом печати». 220013. Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

РЫЖАЯ СОНЯ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
**"САГА О РЫЖЕЙ
СОНЕ"**

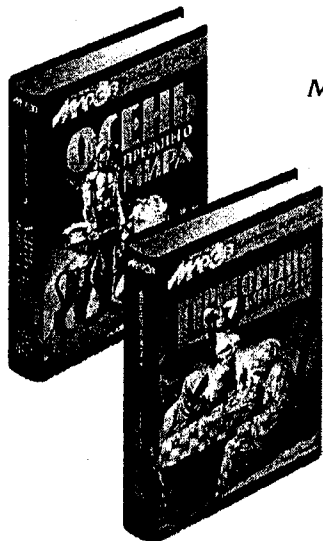
**РЫЖАЯ
СОНЯ
И
МЕЧ
СЕВЕРА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«ПЕРЕКРЁСТОК МИРОВ»

**МНОЖЕСТВО ДОРОГ ВЕДЕТ К
ПЕРЕКРЕСТКУ МИРОВ**

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ,
МИСТИКА И ФАНТАЗИЯ,
РОЖДЕННЫЕ
ВООБРАЖЕНИЕМ
ТАКИХ
АВТОРОВ КАК

**А. ДАШКОВ,
М. и С. ДЯЧЕНКО,
А. ЗОРИЧ,
Д. СКИРЮК**

**УВЛЕКУТ ВАС В
НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ...**

И КОГДА ВЫ ОГЛЯНЕТЕСЬ НА СВОЙ ПРИВЫЧНЫЙ МИР-

ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ ЕГО!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Дмитрий Скирюк

ОСЕННИЙ ЛИС

Причудливый и противоречивый мир.
Здесь Лес говорит с человеком. Здесь
Гаммельнский крысолов под звуки дудочки
заманивает детей-колдунов.
Здесь радушный граф Дракула встречает
гостей в своем замке.
Здесь все переставлено с ног на голову - или
с головы на ноги? Кто знает...
Все может случиться в мире, где под осенней
луной танцуют рыжие лисы...

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

ПОСЛЕДНИЙ АВАТАР

Если вы расстались со всеми иллюзиями -
самое время овладеть
новыми!

Роман культового автора
Александра Зорича "Последний аватар"
научит вас получать
удовольствие от виртуальной реальности,
реальности столь же подлинной,
сколь и опасной.

Русские умеют писать романы
о будущем России. И
они делают это лучше
американцев!

"Последний аватар" - роман 2000 года!

Читайте - поспорим!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ИЗДАНЫ КНИГИ:
«ЦИТАДЕЛЬ», «ИЗБРАННИК»,
«ПОСЛАННИК»

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ
В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,
СОЗДАНЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ
КНИГА X

«ПАЛОМНИК»

НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

**ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
«АСТ»**

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел.(095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

САГА О РЫЖЕЙ СОНЕ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЕТЕР
БЕЗДНЫ

1

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЛАДЫКА
ПАДШИХ

2

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЦИТАДЕЛЬ
ПЕСКОВ

3

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ДЕМОН
СНОВ

4

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КОЛЬЦО
СУДЬБЫ

5

РЫЖАЯ
СОНЯ
И СЛЕПОЙ
БОГ

6

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЩЕЛЬЕ
СМЕРТИ

7

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КРОВЬ
ВЕДЬМЫ

8

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЛОВЦЫ
ДУШ

9

ISBN 5-93698-002-2

9 785936 980022

